

13

Э. Карр

13

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Том 3 (2) Основы плановой экономики Э. Карр

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ
ЭКОНОМИКИ
1926-1929

Том 3 (2)

Э. КАРР

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

13

**ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Том 3

Часть 2

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

13

**FOUNDATIONS
OF A PLANNED
ECONOMY
1926—1929**

Volume three

Part II

London
Macmillan
1969

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ _____

Э. КАРР

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ
13**

**ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Том 3

Часть 2

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междуцарствие. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор *М. Ф. НОСОВА*

СОДЕРЖАНИЕ

С: КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

	<i>Стр.</i>
<i>Глава 75.</i> Коммунистическая партия Великобритании . . .	7
<i>Глава 76.</i> Коммунистическая партия Германии	74
<i>Глава 77.</i> Французская коммунистическая партия	121
<i>Глава 78.</i> Итальянская коммунистическая партия	175
<i>Глава 79.</i> Коммунистическая партия Польши	197
<i>Глава 80.</i> Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки	221
<i>Глава 81.</i> Коммунистическая партия Японии	238
<i>Приложение А.</i> Советско-германское военно-морское сотруд- ничество	249
<i>Приложение Б.</i> Организация партийных ячеек	252
<i>Приложение В.</i> «Социал-фашизм»	258
<i>Приложение Г.</i> «Манифест» Кука — Макстона	263
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	265

С: КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

ГЛАВА 75

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Объявленная 3 мая 1926 г. британская всеобщая забастовка потрясла весь мир и в не меньшей степени советских руководителей в Москве. Беду предвидели многие в ожидании, когда 1 мая иссякнут правительственные субсидии для выплаты зарплаты горнякам. Тем не менее предсказание грядущих «мощных выступлений», сделанное Зиновьевым в феврале 1926 г. на VI пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), и письмо, направленное в следующем месяце Центральным советом Профинтерна Национальному движению меньшинства (в иных случаях Профинтерн уделял чрезвычайно мало внимания британским делам) со ссылкой на «расширяющуюся в Англии классовую борьбу»¹, не выходили за обычные рамки коминтерновской риторики. Несколько руководителей Компартии Великобритании были в тюрьме², и партийные заявления, хотя и часто резкие по тону, едва ли больше, чем заявления Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), свидетельствовали о понимании того, что не за горами серьезнейшая конфронтация. В восторженной рецензии, помещенной в журнале «Лейбор мансли» в апреле 1926 г., Палм Датт говорил о работе Троцкого «Куда идет Англия?» как о «тщательной и точной характеристике объективного положения дел в Англии» и делал вывод, что «английский рабочий класс не готов к созданию массовой революционной партии»³.

Тревогу в Москве и в Лондоне забили только после того, как в последние несколько дней апреля этот вопрос получил широкий резонанс. В своем заявлении от 23 апреля 1926 г. о предстоящей забастовке горняков Президиум Исполкома Коминтерна настаивал на необходимости создания единого фронта горняков разных стран и единства действий между Амстердамским интернационалом и Профинтерном. «В интересах солидарности международного выступления всемирного пролетариата» разногласия между революционными и реформистскими организациями должны были отойти на второй план⁴. В воззвании Исполкома Коминтерна от 25 апреля 1926 г. провозглашалось: «Забастовка горняков будет означать всеобщую забастовку, а всеобщая забастовка не может оставаться только экономической борьбой. Она непременно перерастает в по-

литическую борьбу; пролетариат будет бороться с капиталистами, то есть класс будет бороться против класса»⁵.

Коммунистическая партия Великобритании избегала употреблять термин «всеобщая забастовка» и специально классовый вопрос не поднимала. Однако в заявлении от 28 апреля 1926 г. она убеждала чрезвычайную конференцию Британского конгресса тред-юнионов «привести в действие все силы организованных рабочих для защиты горняков». А 2 мая 1926 г. в манифесте, опубликованном в «Санди уоркер», она обратилась к Генеральному совету БКТ с призывом созвать международную конференцию для координации действий в защиту горняков⁶.

И все же что бы там ни говорилось заранее, но когда вечером 3 мая Генеральный совет БКТ объявил всеобщую забастовку, это явилось для Москвы обескураживающей и захватывающей новостью. Долгое время Коминтерн относился к лидерам Британского конгресса тред-юнионов как к предателям дела рабочего класса. В статье, опубликованной в апрельском номере журнала Профинтерна, Лозовский с уверенностью предсказывал, что лидеры тред-юнионов продадут рабочих⁷. Однако в этот волнующий момент подобные опасения были отмечены. Это было время, когда в Москве еще превалировала традиция единого фронта в самом широком смысле этого слова и нападки на него, подобные той, какая прозвучала в выступлении Бордиги на VI пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в феврале 1925 г.⁸, клеймились как «ультралевые».

3 мая 1926 г., когда объявление всеобщей забастовки стало неизбежным, Коминтерн в своем воззвании приветствовал это событие как борьбу «пролетариата против капиталистов, следовательно, *класса против класса*». В вызове, брошенном правительству буржуазии, поднимался «*вопрос о власти*». Упоминались «социал-предатели», а также «правое крыло Рабочей партии и Генеральный совет». Однако основной темой была «*солидарность рабочих всех стран в борьбе против капиталистов*»⁹. Уже после начала всеобщей забастовки, в своем следующем обращении ИККИ особо подчеркнул необходимость единства и совместных действий:

«В деле борьбы против рабочего класса буржуазия образует свой единый фронт. Единому фронту английской буржуазии мы должны противопоставить единый фронт всемирного пролетариата... Все секции Коминтерна обратятся к социал-демократам во всех странах немедленно же приступить к организации единых комитетов действия, которые взяли бы на себя всестороннюю поддержку борьбы английских рабочих»¹⁰.

Английским коммунистам было ясно, что это означает признание руководства Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов. Накануне забастовки Национальное движение меньшинства предупредило, что комитеты действия «ни при каких обстоятельствах не должны подменять собой тред-юнионы» и дол-

жны следить за выполнением решений Генерального совета БКТ¹¹. 5 мая 1926 г. Компартия Великобритании опубликовала заявление, содержащее такие типичные для единого фронта лозунги, как национализация шахт, рабочий контроль и лейбористское правительство¹².

Тем не менее вскоре в Москве появились симптомы тревоги. Никто не хотел ставить под сомнение принцип единого фронта. Но беспокойство вызывало отсутствие желания у кого-либо в Великобритании поднять кардинальные вопросы классовой борьбы и захвата власти. 6 мая 1926 г. «Правда» вышла с огромным заголовком «Борьба классов в Англии». В передовой статье Лозовский подчеркивал, что в Великобритании уже существовало своего рода «двоевластие»: Генеральный совет противостоял буржуазии, но оказался неспособным поставить вопрос о власти. В тот же день Лозовский выразил свои сомнения в выступлении перед Московским городским советом профессиональных союзов:

«Стачка многомиллионная, имеется зародышевая власть, класс стоит против класса, а политических лозунгов нет».

Однако в заключение он сказал, что «если 1905 год был генеральной репетицией к 1917 г.», то значительность происходящего сейчас в Великобритании затмила события 1905 г.¹³. В отправленном на следующий день письме Исполком Коминтерна настаивал на том, чтобы британская компартия разъясняла, что всеобщая забастовка есть борьба за власть, в которой одну сторону возглавляет Генеральный совет, а другую — правительство, и чтобы она провозгласила лозунг «класс против класса» как «формулу, заключающую в себе содержание этой борьбы»¹⁴. Сомнений было больше, чем их было высказано публично. Циничный и умный Радек сказал одному английскому гостю, что проходившая забастовка — это «не революционное движение... а просто спор о зарплате»¹⁵. В постскрипуме к статье, написанной 8 мая 1926 г. и опубликованной в майском номере журнала Профинтерна, Лозовский по-прежнему выражал оптимизм, восхваляя британский пролетариат: «...он стоит сплоченной стеной вокруг Генерального Совета, который является главным штабом многомиллионной пролетарской армии»¹⁶.

Разочарование, однако, стало всеобщим, когда совершенно неожиданно Генеральный совет БКТ отказался от финансовой помощи, предложенной бастующим Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов. 5 мая 1926 г. ВЦСПС обратился к советским профсоюзам с просьбой о пожертвованиях и перевел Генеральному совету Британского конгресса тред-юнионов в Лондоне 250 тыс. рублей из своих собственных фондов. Ответ на обращение к профсоюзам был столь быстрым и автоматическим, что 7 мая 1926 г. в Лондон были посланы еще 2 млн. рублей¹⁷. Напуганный возможностью вызвать к себе недоброжелательное отношение из-за принятия советских субсидий, Генеральный совет

БКТ отказался принять эти деньги, и отказ этот был еще более неприятен потому, что, как говорили, в это же самое время Генеральный совет обратился с просьбой о займе к Амстердаму. 10 мая 1926 г. Центральный Совет профсоюзов в Москве с горечью отметил возвращение денег и решил продолжить сбор пожертвований и полученную сумму кредитовать Британскому фонду горняков, в распоряжение или Генерального совета БКТ, или Британской федерации горняков¹⁸.

Хотя «Правда» и продолжала уделять львиную долю места новостям из Великобритании, тон комментариев становился заметно менее уверенным. 11 мая 1926 г. появилась статья без подписи, в которой говорилось о непонимании британскими рабочими политического характера забастовки; британская компартия сделала все от нее зависящее, но дало себя знать отсутствие сильной массовой коммунистической партии. Забастовка была отменена на следующий же день без достижения какой-либо договоренности с горняками.

«...Лидеры профдвижения, — объяснял Осинский, — испугавшись возможности революции, капитулировали перед английским правительством, и стачка была погашена таким способом, который никто не считал возможным»¹⁹.

Потрясение, вызванное этим крахом всеобщей забастовки, заставило вернуться к более ранним моделям. 13 мая 1926 г. «Правда» вышла со статьей Радека, помещенной на первой странице, в которой говорилось о «трагедии масс и фарсе правых вождей». Лозовский осудил макдональдов и других «честных маклеров» и заявил, что, несмотря на то что забастовка окончена, «острая и беспощадная классовая борьба теперь только начинается»²⁰. В тот же день британская компартия опубликовала манифест, в котором осуждала капитуляцию и обращалась к рабочим с призывом «поддержать горняков»:

«Решение Генерального совета прекратить забастовку есть величайшее преступление, которое когда-либо совершалось не только против шахтеров, но и против рабочего класса Великобритании и всего мира... Правое крыло в Генеральном совете несет прямую ответственность за упущенную возможность использовать оружие рабочих... причем большая часть так называемого «левого крыла» была не лучше, чем правое»²¹.

Лозовский, один из самых неутомимых советских комментаторов, возвратился к этой теме, выступив в «Правде» со статьей, опубликованной в трех номерах. Забастовка противопоставила друг другу два лагеря: «класс против класса». Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов оказался **«блестящим... организатором поражения»**. Что касается его отношений с советскими профсоюзами, то уже в течение нескольких лет он представлял собой оппозицию внутри Международной федерации профсоюзов (МФП). Вместе с тем в том, что касается внутренних дел Великобритании, левое крыло сдало свои позиции и капитулировало

перед правым. Британская компартия проявила себя как «настоящая большевистская партия», но вначале она не сумела атаковать правое крыло, проявив к нему излишнюю доверчивость. (То же самое обвинение можно было бы выдвинуть и против самого Лозовского.) Лозовский заканчивал статью вопросом: «Будет ли поражение английского пролетариата исходным пунктом стабилизации английского капитализма или последняя всеобщая забастовка является этапом на пути его падения и дестабилизации?» Он не ответил прямо на этот вопрос, но указал на тенденцию к спаду в русской революции после 1905 г.: «Бывают такие поражения, которые сигнализируют наступление победы»²².

Та надежда, которая еще оставалась, и та помощь, которая еще могла быть оказана, были теперь сосредоточены на забастовке горняков. Когда началась всеобщая стачка, советские профсоюзы наложили эмбарго на отправку грузов в Великобританию, и тем судам, которые направлялись в британские порты, не разрешалось покидать порты Черного моря²³. После отмены всеобщей стачки эмбарго было сохранено на уголь и нефть²⁴.

Тем временем продолжались сборы денег для бастующих британских рабочих. С 10 мая 1926 г. до начала июня советская пресса почти ежедневно печатала отчеты о решениях местных профсоюзов отчислять определенную часть дневного заработка для этой цели²⁵. 15 мая 1926 г. Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов перевел собранные суммы Союзу горнорабочих СССР, и эти деньги были предложены Британской федерации горняков, которая охотно приняла их²⁶. К 8 июля 1926 г., когда в Берлине встретились представители советских и британских шахтеров, британским горнякам от Советского Союза было передано в общей сложности 3 млн. 970 тыс. рублей²⁷.

Поддержка из других источников была менее заметной. 25 мая 1926 г. Исполком Коминтерна призвал к международной солидарности с британскими шахтерами. 7 июня 1926 г. с подобным же обращением выступил Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов²⁸. Позже вызвал упреки тот факт, что призыв к бойкоту отправки угля и нефти в Великобританию не был услышан²⁹. Но в нескольких странах сбор денег для британских горняков был проведен, по-видимому, не профсоюзами, а национальными отделениями Межрабпома, и были собраны довольно скромные суммы. Полагают, что в течение всей кампании было собрано 12,5 млн. рублей (25 млн. марок), из которых львиную долю в 10,5 млн. рублей внесли советские профсоюзы³⁰. В своем выступлении 8 июня 1926 г. Сталин заявил, что «профсоюзы Европы и Америки оказали все вместе не больше восьмой части той финансовой помощи, которую профсоюзы Советского Союза нашли возможным оказать своим английским братьям»³¹.

Когда началась всеобщая забастовка, Троцкий находился в Берлине, где он поправлялся после небольшой операции³². Его

первая реакция видна из предисловия ко второму немецкому изданию брошюры «Куда идет Англия?», написанного 6 мая 1926 г. Настроение Троцкого можно охарактеризовать как кратковременный пессимизм и долговременный оптимизм. Отмечая, что всеобщая забастовка как форма классового бояры отстает только на один шаг от вооруженного восстания, он заклеил как «смехотворное» заявление Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов, что это не политическая борьба. Такая позиция Генсовета говорила о том, что усилия многих лидеров Лейбористской партии и тред-юнионов будут направлены «не на то, чтобы при помощи стачки парализовать буржуазное государство, а на то, чтобы при помощи буржуазного государства парализовать всеобщую стачку». С другой стороны, «уроки и последствия» забастовки, каким бы ни был ее исход, «будут неизмеримы». На повестку дня поставлена замена буржуазного государства пролетарским, и забастовка «чрезвычайно приблизит ее»³³. Вопрос об Англо-русском комитете³⁴, еще не затронутый ни советской, ни британской стороной, был впервые поднят Троцким в неопубликованном меморандуме от 18 мая 1926 г., также написанном в Берлине. Он отрицал, что кто-либо когда-либо ставил под сомнение «правомерность создания Англо-русского комитета в качестве элемента политики единого фронта». Но неправильно было смешивать дипломатическую и идеологическую деятельность, и советские делегаты выставили себя в смешном виде, когда они не сумели выступить с критикой Генерального совета БКТ³⁵.

Период, непосредственно последовавший за возвращением Троцкого в Москву в конце мая 1926 г., был занят переговорами с Зиновьевым и Каменевым о создании единой оппозиции³⁶. Зиновьев не сразу согласился с мнением Троцкого о том, что Англо-русский комитет следует распустить³⁷. Первой публикацией Троцкого по возвращении в Москву была статья в «Правде», состоявшая из кратких выдержек из его дневника или записных книжек, сделанных за те несколько недель, которые предшествовали всеобщей забастовке. В них не упоминались ни британская компартия, ни Национальное движение меньшинства, но было выражено опасение, что революционная ситуация может возникнуть в Великобритании прежде, чем появится революционная партия, которая сумела бы ее использовать. Такая партия могла быть образована только путем систематического разоблачения псевдолевых лидеров всех групп, включая Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов. В письме от 5 марта 1926 г. к неизвестному корреспонденту Троцкий сделал неопределенный, но широкомасштабный вывод:

«Вся нынешняя „надстройка“ британского рабочего класса — во всех без исключения отенках и группировках — является аппаратом революционного торможения. Это предвещает на длительный период напор стихийного и полустихийного движений на

рамки старых организаций и формирование на основе этого напора новых революционных организаций»³⁸.

В этих разрозненных заметках не было упоминания об Англо-русском комитете. Однако маловероятно, что критика его Троцким была скрыта от партийных руководителей. 3 июня 1926 г. Троцкий выступил на заседании Политбюро с заявлением, в котором отрицал «новую легенду» о том, что он считает Компартию Великобритании «реакционной организацией, препятствием на пути рабочего класса»: он просто привлек внимание к определенным потенциальным опасностям, которые в действительности оказались реальными. И может быть, именно на этом заседании Политбюро приняло двусмысленное решение: начинать кампанию против лидеров британских тред-юнионов, включая так называемых «левых», но одновременно сохранить Англо-русский комитет³⁹.

Забастовка продолжалась уже месяц, и, кажется, настал момент для принятия Москвой обдуманного решения. 7 июня 1926 г. Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов обратился ко всему «международному пролетариату» с декларацией, в которой он подробно, с возмущением и в оскорбительных выражениях прокомментировал отказ Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов принять предложенную советскими профсоюзами финансовую помощь бастующим. (Были приведены якобы сказанные Хиксом слова: «проклятые русские деньги».) В Обращении сурово осуждались как «предательская тактика» правых лидеров Лейбористской партии и профсоюзов (Макдональд, Томас и др.), так и капитуляция левых (Персель, Хикс и др.), которые «бесславно тащились в хвосте за заведомыми приказчиками капитала» и сдались классовому врагу⁴⁰.

Получив на следующий день доклад Бухарина «О международном положении», Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала на своем заседании единодушно одобрил «Тезисы об уроках английской стачки». В «Тезисах» подробно говорилось об «обострении классовых противоречий» в Великобритании и о препятствии, создаваемом «иерархией профсоюзных чиновников и чиновников рабочей партии», которая частично состояла из «сознательных союзников буржуазии», а частично из робких и трусливых «левых», капитулировавших в критические моменты. Поворотным пунктом был отказ принять финансовую помощь советских профсоюзов, что привело к изоляции пролетариата Великобритании от международного пролетариата. Тем не менее выход из Англо-русского комитета был бы «политически детским и нецелесообразным». Генеральный совет британских тред-юнионов согласился на создание этого комитета только «под давлением масс», и, если бы сейчас он решил порвать с Англо-русским комитетом, «это значительно протолкнуло бы вперед процесс революционизирования английских рабочих масс». Тем временем Коминтерн и его секции должны оказывать «решительную и безо-

говорочную поддержку» борьбе горняков: «дело горняков — наше дело»⁴¹.

В тот же день, 8 июня 1926 г., Сталин и Бухарин выступили с большими речами — первый в Тифлисе, второй на партийном собрании в Москве, — и, видимо, по имевшейся между ними договоренности первая и большая часть обоих выступлений была посвящена всеобщей забастовке в Великобритании, а остальные — перевороту, совершенному Пилсудским⁴².

Речь Сталина — если она приведена полностью — была бледная и сдержанная по тону. Он вновь разделил лидеров Генерального совета британских тред-юнионов на «прямых предателей углекопов и вообще рабочего класса Англии (Томас, Гендерсон, Макдональд и К°)» и «бесхарактерных попутчиков этих предателей, боявшихся борьбы и еще больше победы рабочего класса (Персель, Хикс и проч.)». Они, говоря словами Энгельса, являются «обуржуазившимися вождями рабочего класса». Коммунистическая партия Великобритании — «одна из лучших секций Коммунистического Интернационала», и ее позиция во все время забастовки была «совершенно правильной». Но ее авторитет среди британских рабочих еще слаб, и это «не могло не сыграть роковой роли в ходе всеобщей забастовки». Генеральный совет БКТ отказался признать «неразрывную связь борьбы экономической с борьбой политической». «Ни кризис в угольной промышленности, ни вообще кризис во всей промышленности Англии» невозможно было разрешить без постановки вопроса о власти. Сталин закончил свое выступление более осторожными замечаниями о «стабилизации капитализма». Всеобщая забастовка подтвердила вывод Исполкома Коминтерна о временном и неустойчивом характере капитализма. Однако «стабилизация капитализма, временная, непрочная, но все же стабилизация, пока еще остается». Невозможно нанести поражение контр наступлению капитализма, действуя под руководством таких лидеров, как Макдональд и Томас. Сталин говорил о необходимости продолжать «организацию единого фронта рабочих», но, очевидно, не упомянул Англо-русский комитет.

Речь Бухарина была более эмоциональной и полемичной. Он также осудил предательство реформистских вождей. Но он сравнил ситуацию, которая возникла «под давлением масс», с «двоевластием» в Петрограде после Февральской революции и хвалил Компартию Великобритании и Национальное движение меньшинства за выдвижение лозунгов «Вся власть генеральному совету профсоюзов» и «Вся власть местным комитетам действия». Он опроверг, не упоминая имени Троцкого, точку зрения последнего, что «надстройка рабочего класса» (Бухарин заменил это словами «надстроенный организационный аппарат») является тормозом революции. Такой взгляд порочил не только профсоюзы в целом, но и британскую компартию, которая была частью «аппарата». Письмо Троцкого, написанное за два месяца до забастовки, вылилось

в обвинение коммунистической партии⁴³. Бухарин, опять-таки не упоминая имени Зиновьева, дал оценку сравнению между предательством, совершенным 4 августа 1914 г., и прекращением всеобщей забастовки. Первое было делом партии, второе — профсоюзов. Было бы безрассудным для пяти тысяч коммунистов выйти из состава профсоюзов, в которых насчитывалось пять миллионов человек. Он объявил, что «разногласия» по вопросу о будущем Англо-русского комитета были урегулированы, и Центральный Комитет партии и Исполком Коминтерна приняли решение не уходить из него. Бухарин закончил свое выступление загадочным замечанием: «Я защищаю не свою личную точку зрения, но точку зрения и ЦК нашей партии, и Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала»⁴⁴.

Статья Лозовского, помещенная в журнале Профинтерна от 18 июня 1926 г., написана на ту же тему, но в более резких выражениях. Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов прекратил забастовку и охладил энтузиазм масс — «и бо победа забастовки не укладывается в рамки конституции». Как томаты, так и «бесхарактерные, беспринципные, вечно колеблющиеся и боящиеся своей собственной тени так называемые левые» «действовали так, как могут действовать агенты капитала, а в этом суть». Однако Лозовский выступил с защитой Англо-русского комитета как «организованного выражения связи между трудящимися Англии и СССР». Лозовский похвалил Национальное движение меньшинства. Он считал, что забастовка явилась «прекрасной школой политического обучения масс» и указала путь к «прямоту действию (забастовка, восстание и пр.)». Сейчас профсоюзное движение должно определить свою позицию: либо поддержать забастовку горняков, либо выступить против нее. Только Коминтерн и Профинтерн и входящие в них организации оказывали помощь горнякам: «дело горняков — наше дело»⁴⁵.

Та же самая нота прозвучала с той же твердостью в статье Палма Датта «Предпосылки поражения», опубликованной в журнале Коминтерна. Всеобщая забастовка была «главным образом политической борьбой, первой стадией революционной борьбы масс из-за власти». Сейчас необходима «прямая революционная борьба против государства». Забастовочная борьба должна «неизбежно» перейти в «революционную массовую борьбу с открытой политической целью впереди». Но такая борьба может вестись только «централизованной революционной... массовой коммунистической партией»⁴⁶.

Решение о том, что всеобщая забастовка и предательство Генерального совета БКТ не должны служить поводом для роспуска Англо-русского комитета, было в какой-то степени парадоксальным. Отзывы об этом комитете в резолюциях VI пленума Исполкома Коминтерна и IV пленума Центрального совета Профинтерна весной 1926 г.⁴⁷ были явно прохладными, а 6 апреля

1926 г. в газете «Труд» появилась критическая статья по случаю первой годовщины Англо-русского комитета. Однако в то время, когда отношения Советского государства с правительством Великобритании и с Британским конгрессом тред-юнионов были непрочными, советским руководителям не хотелось отказаться от этой последней опоры единого фронта и разорвать отношения с движением, которому все еще оставалось верным огромное большинство британских рабочих.

Раз партия повела линию на сохранение Англо-русского комитета — автоматически последовало столкновение с оппозицией. Связь между политическим вопросом и междоусобной борьбой внутри партии была решительно выдвинута на первое место в неподписанной передовице партийного журнала в конце июня 1926 г., вышедшей под заголовком «Уроки и „уроки“ английского мая»; причем в кавычки поставленное слово «уроки» должно было указать на ложные уроки, извлеченные оппозицией. Был сделан вывод о необходимости поддержать Англо-русский комитет и оставить на английской стороне ответственность за разрыв. И все же большая часть статьи была посвящена скрытой полемике с оппозицией без упоминания фамилий. Проведенная Зиновьевым параллель между 4 августа 1914 г. и 12 мая 1926 г. снова подверглась уточнению с указанием на то, что первое предательство было совершено в момент расцвета империализма, а последнее — в период «открытого столкновения классов». Компартия Великобритании превозносилась, а предполагаемое осуждение ее Троцким связывалось с ультралевачеством «профессора Корша». Нападки оппозиции на Англо-русский комитет были восприняты как подразумевавшие требование о массовом уходе рабочих из британских тред-юнионов и создании «новых форм» организации — еще один завуалированный намек на ставшее теперь общеизвестным «письмо» Троцкого⁴⁸.

Когда 14 июля 1926 г.⁴⁹ в напряженной обстановке и в переполненном зале открылся Объединенный пленум ЦК и ЦКК, среди других вопросов перед ним оказался проект резолюции, подписанный Зиновьевым, Троцким, Каменевым, Пятаковым и Крупской, где предлагалось ускорить проведение очередной встречи Англо-русского комитета, которая должна была состояться в Париже, воспользоваться этой встречей для «разоблачения целей предателей», а затем сразу же порвать с Комитетом, в то же время укрепляя «единый фронт снизу» и сохраняя связи с Британской федерацией горняков. Вслед за этими предложениями приводились многочисленные аргументы, в которых политика большинства членов Политбюро осуждалась как «глубоко неправильная» и «в корне ошибочная»⁵⁰.

В то время не было опубликовано ни одно из выступлений в последовавших за этим прениях. Сталин, выступив персонально против позиций Троцкого и Зиновьева, отказался от «демонстра-

тивного разрыва» с британскими рабочими и встал на защиту Англо-русского комитета, который выполнял две функции. Первая заключалась «в установлении связи наших профсоюзов с профсоюзами Англии» для оказания сопротивления «наступлению капитализма», вторая — «в организации широкого движения рабочего класса против новых империалистических войн, вообще против интервенции в нашу страну со стороны (особенно) наиболее могучей из империалистических держав Европы, со стороны Англии, в частности»⁵¹. Мануильский высказал мнение, что захлопнуть дверь перед Англо-русским комитетом означает «хлопанье по идее профсоюзного единства». Толятти, говоря о «блоке с вождями», доказывал, что в «тактике единого фронта в той или иной степени всегда существует элемент этого сорта» и что «единый фронт не только снизу, но также и сверху» был необходимым средством привлечения масс. Уход из Англо-русского комитета будет означать «ликвидацию тактики единого фронта во всем Интернационале»⁵².

Никакой официальной резолюции по этому вопросу опубликовано в конце пленума не было. Однако сделанные на нем выводы были отражены в директиве советским делегатам, которые отправлялись в Париж на предстоящее там совещание Комитета: «избегнуть по возможности разрыва и вовлечь во что бы то ни стало английскую часть Англо-русского комитета в дело всесторонней помощи бастующим горнякам»⁵³.

Тем временем два представителя Союза горнорабочих СССР встретились 8 июля 1926 г. в Берлине с Куком и другим лидером британских горняков, приняли декларацию «К рабочим всего мира» с просьбой об энергичной поддержке британских горняков, обвинили Генеральный совет БКТ в том, что он «оставил углекопов в их тяжелой борьбе на произвол судьбы», и призвали к скорейшему созыву совещания Англо-русского комитета⁵⁴. Однако лидеры Британского конгресса тред-юнионов, отрезвленные опытом всеобщей забастовки, не проявили готовности встретиться со своими советскими коллегами в Англо-русском комитете. Значительная задержка произошла при определении подходящей даты встречи⁵⁵. А когда наконец 30 июля 1926 г. руководители советских и британских профсоюзов встретились в Париже, английская сторона объявила, что другие дела заставляют ее вернуться в Лондон на следующий день.

В отсутствие Томского советскую делегацию возглавлял Андреев. Болезнь, которой якобы объяснялось отсутствие Томского, была, конечно, дипломатической. Томский был популярной фигурой в британских профсоюзных кругах и в предыдущем году, без сомнения, отчасти под влиянием британских лидеров, подумывал в течение какого-то недолгого времени о том, чтобы включить советские профсоюзы в Международную федерацию профсоюзов в обход Профинтерна⁵⁶. Встреча Томского с делегатами британских профсоюзов, с которыми у него были близкие личные

отношения, при изменившихся обстоятельствах, вероятно, могла бы создать затруднения. Таким образом, выбор жесткого, не идущего на компромиссы Андреева был сигналом к тому, что медовый месяц с Британским конгрессом тред-юнионов закончился.

Письмо Томского с извинениями, зачитанное Андреевым в начале встречи, прояснило, что для советских профсоюзов единственной важной темой для обсуждения было оказание помощи британским горнякам. У британских делегатов были иные намерения. На открытии совещания Пью выступил с гневным протестом против Обращения советских профсоюзов от 7 июня 1926 г. и потребовал извинения или отречения от него. Это был неудачный ход, который дал возможность Андрееву еще раз обвинить Генеральный совет БКТ в предательстве, начиная с его отказа принять финансовую помощь Советского Союза. Образование Англо-русского комитета никогда не предполагало ограничения права советских профсоюзов на критику и на то, чтобы называть предательство предательством. Затем последовали взаимные обвинения, и было зачитано письмо Хикса и Перселя, отрицавших, что Хикс когда-либо произносил слова «проклятые русские деньги», и Персель, в последний раз попытавшись выглядеть умеренным левым, признал, что отказ от советской помощи был «небольшой ошибкой», но «существовали факторы, объясняющие эту ошибку». Ничто не помогло.

Андреев настойчиво требовал организовать финансовую помощь горнякам (из 600 тыс. фунтов стерлингов, поступивших к тому времени, три четверти были собраны советскими профсоюзами; Международная федерация профсоюзов предложила заем под 4% годовых, а немецкие профсоюзы — под 9% годовых) и наложить эмбарго на поставки угля в Великобританию. Пью ответил, что подобные предложения о международных действиях «принесут больше вреда, чем пользы». Советская делегация внесла некоторую разрядку, предложив Англо-русскому комитету выступить с согласованным протестом против растущей опасности новой войны; британская сторона не имела полномочий от Генерального совета тред-юнионов обсуждать подобные предложения. Времени на консультации или раздумья не было — британская сторона должна была покинуть Париж на следующий день. Ни одна из сторон не взяла на себя инициативу ликвидации Англо-русского комитета. Единственно возможное решение заключалось в том, чтобы встретиться вновь в ближайшем будущем, не определяя точно дату встречи⁵⁷.

Когда 23 августа 1926 г. в Берлине открылось новое совещание, Пью отказался от безнадежной идеи опротестовать Обращение ВЦСПС от 7 июня 1926 г., но нашел новое основание для жалоб — опубликование советской делегацией протоколов совещания в Париже. Те же бесполезные споры велись вокруг настойчивого требования советской стороны обсудить оказание помощи горнякам. Теперь советская делегация выдвинула программу,

состоявшую из 14 пунктов, самой новой чертой которой было предложение членам профсоюзов обеих стран внести 1% от их заработной платы в фонд горняков. Британская делегация имела несколько линий защиты: предложения невыполнимы, делегация не уполномочена Генеральным советом БКТ обсуждать их, предложения эти являются недозволенной попыткой советских профсоюзов диктовать Генеральному совету. По одному из пунктов Ситрин и Суэйлс (который заменил Перселя) жаловались на непреклонность Андреева и намекали, что другие члены советской делегации могли быть более сговорчивы — исключительно неправильное представление о том, как работают советские делегации. Русские требовали, чтобы англичане взяли на себя инициативу в ликвидации Англо-русского комитета: «Мы посмотрим, что вам скажут на это английские рабочие массы, насколько они поддержат вас в этом деле». После двух дней дебатов и обмена письменными заявлениями совещание закончилось так же безрезультатно и с тем же взаимным раздражением, что и предыдущее.

31 августа 1926 г. Андреев сделал подробный отчет об этой встрече Президиуму Центрального Совета профсоюзов. Томский от имени Президиума одобрил позицию, занятую делегацией, и отверг любые предположения о наличии разногласий в ее рядах. Затем Президиум принял краткое «Постановление», в котором одобрялась работа делегации, отметив «искреннее желание» советских профсоюзов «сохранить, укрепить и усилить Англо-русский комитет, как орган братского союза пролетариев Англии и СССР», и дал указание советским делегатам на предстоящем ежегодном конгрессе британских тред-юнионов четко заявить о решимости советских профсоюзов «и впредь материально и морально поддерживать героическую борьбу английских горняков»⁵⁸.

В промежутке между встречами в Париже и Берлине вопрос об Англо-русском комитете еще раз обсуждался Президиумом Исполкома Коминтерна 7 августа 1926 г. «Обращение» Центрального Совета профсоюзов СССР от 7 июня 1926 г., в котором осуждалось предательство Генерального совета тред-юнионов, вызвало неожиданный протест со стороны британской компартии: последняя восприняла его как недозволенное вмешательство советских профсоюзов в дела компартии⁵⁹. Мерфи еще раз высказал этот протест в своем выступлении на заседании Президиума Исполкома Коминтерна, используя тот явно формальный предлог, что любой упрек в адрес Коммунистической партии Великобритании должен был бы исходить от Коминтерна или Профинтерна, а не от профсоюзов. Этот аргумент, который также был использован Пью и Перселем на парижском совещании, энергично опроверг Сталин. Он еще раз выступил с защитой Англо-русского комитета. Однако Комитет — это не самоцель, и нельзя исключать право на взаимную критику: «Мы не можем отказаться от свободы критики во имя respeitability и сохранения блока во что бы

то ни стало». Петровский полагал, что профсоюзам следовало бы пойти дальше и выступить с поименной критикой лидеров БКТ. Но Сталин, всегда стремившийся демонстрировать свою сдержанность, отверг это предложение⁶⁰.

Мерфи, которому, очевидно, полученный выговор внушил благоговейный страх, в последующие два года проявлял себя верным слугой иерархии Коминтерна. Политбюро британской компартии, рабски следуя линии Коминтерна, 9 августа 1926 г. приняло резолюцию, осуждавшую Зиновьева и Троцкого, «чья позиция по британскому вопросу почти ничем не отличается от линии на ликвидацию британской партии», и отвергло требование выйти из Англо-русского комитета⁶¹. И 20 августа 1926 г. газета «Уоркерс уикли» должным образом откликнулась на директиву Коминтерна в своей передовой статье «Сохраним Комитет».

Отношения между советскими и британскими профсоюзами продолжали ухудшаться. Дополнительное раздражение вызвала третья ежегодная конференция Национального движения меньшинства, проходившая с 28 по 29 августа 1926 г. В письме, адресованном ей Центральным советом Профинтерна, выражалась убежденность в том, что конференция «очистит британское профсоюзное движение от предателей, ренегатов и капитулянтов». Конференция обвинила как правых, так и левых лидеров тред-юнионов в «полном провале всеобщей забастовки» и приняла «Открытое письмо» к предстоящему ежегодному конгрессу тред-юнионов в Борнмуте, осудив «позорную политику» Генерального совета БКТ и особенно его отказ внести в повестку дня конгресса вопрос о забастовке горняков⁶².

Британское правительство отказало во въездных визах приглашенным на конгресс тред-юнионов, который открылся 6 сентября 1926 г. в Борнмуте, Томскому и Мельничанскому. Протест, направленный Генеральным советом БКТ британскому министерству внутренних дел с выражением «глубокого разочарования» по поводу этого отказа⁶³, не устранил подозрений в том, что члены Генсовета не были огорчены тем, что освободились от беспокойных гостей. Каждое из этих чувств, вероятно, нашло свое подтверждение в гневной и полной упреков телеграмме, отправленной Томским в адрес конгресса, в которой говорилось об имевшихся еще в прошлом нарушении. Эта телеграмма была опубликована в протоколах конгресса вместе с холодным ответом на нее Генерального совета БКТ, в котором тот ссылался на «предвзятую и бесцеремонную критику» со стороны Томского⁶⁴.

В ходе дебатов на конгрессе коммунисты постоянно подвергались унижениям и терпели поражение. Кук вяло отрицал наличие какой-либо заинтересованности в том, чтобы «стирать свое грязное белье» на этом конгрессе — а именно этого и хотелось Профинтерну. Хорнер мужественно сражался, но не получал поддержки, и предложение «вернуть для нового рассмотрения» (то есть отклонить) раздел доклада Генерального совета по вопросу

о забастовке горняков было провалено огромным большинством голосов⁶⁵.

Тем временем Томский выступил на расширенном пленуме Московского городского совета профсоюзов с докладом, который он намеревался сделать на конгрессе британских тред-юнионов. Доклад начинался с истории всеобщей забастовки в Англии. Правительство, имея в своем распоряжении армию, полицию, прессу и парламент, сражалось серьезно, а Генеральный совет БКТ довольствовался «пустыми речами». Он отказался признать классовую борьбу или стремиться к солидарности с рабочими других стран. Разговорами между сэром Гербертом Самуэлем и мистером Пью «бесславно кончили величайшую в мире забастовку». Томский рассказал о парижском и берлинском совещаниях Англо-русского комитета, на которых британские делегаты вначале отказались от советских предложений об оказании помощи горнякам, а затем пошли на компромисс. Эти предложения не стояли в повестке дня конгресса в Борнмуте. Пью в своем президентском обращении нашел удобную формулу, заявив, что «интересы части движения не могут быть поставлены над интересами всего движения». Томский выступил с критикой высказываний Пью в защиту парламентских институтов:

«Всякий парламентаризм, всякая конституция — это есть орудие надувательства рабочих, обеспечивающее господство и диктатуру класса капиталистов».

В заключение Томский высказался за сохранение Англо-русского комитета. Возможно, советские делегаты не всегда соблюдали правило вежливости: они называли предателей «предателями» и трусов «трусами». Комитет, однако, представляет собой «не союз вождей, а союз рабочих СССР с рабочими Британии»⁶⁶.

Арнот и Мерфи опубликовали в журнале Коминтерна статью, в которой пытались извлечь некоторое утешение из результатов конгресса. Утешение заключалось в том, что наблюдался рост «снизу» подлинно левого крыла; массы сдвинулись влево, и сейчас есть миллионы людей «левее Кука». Вместе с тем впервые открыто обсуждались ошибки Компартии Великобритании. Руководители КПВ были виноваты в «колебаниях вправо», они слишком мягко критиковали Генеральный совет тред-юнионов, включая группу Перселя, и не смогли выступить с критикой Кука⁶⁷. Мерфи в статье, опубликованной в русском партийном журнале, пошел дальше в своей критике британской компартии, которую он обвинил в принятии точки зрения левого крыла тред-юнионизма, а не революционной коммунистической тактики⁶⁸.

Однако последний проблеск надежды на благожелательное отношение со стороны официального лейбористского движения был уничтожен на конференции Лейбористской партии, которая проходила в Маргите с 11 по 16 октября 1926 г. и оказалась даже еще более бескомпромиссной и враждебно настроенной, чем конг-

ресс тред-юнионов в Борнемуте. Горстка коммунистов, включая Поллита и Хорнера, была хотя и неохотно, но принята в качестве делегатов от своих профсоюзов⁶⁹. Тем не менее попытка поставить под вопрос решения двух предыдущих конференций, согласно которым коммунисты не могли быть членами Лейбористской партии, была отклонена подавляющим большинством голосов⁷⁰.

VIII съезд Коммунистической партии Великобритании состоялся в Баттерси 16—17 октября 1926 г. сразу же после конференции Лейбористской партии. На имя съезда поступило письмо от Исполкома Коминтерна, в котором компартию поздравляли с работой, проведенной ею во время всеобщей забастовки, и с удвоением числа ее членов, но указывали на «необходимость самокритики»; партия должна стать «подлинной руководительницей широких масс пролетариата в истинно большевистском смысле этого слова»⁷¹. Съезд смог поздравить партию с увеличением числа членов КПВ с 5 тыс. до 10 730 за период, прошедший с VII съезда, состоявшегося в мае 1925 г., а еженедельник «Уоркерс уикли» — с увеличением тиража с 48 тыс. до 80 тыс. экземпляров⁷². В отчете Политического комитета съезду также содержался материал для самопоздравлений, хотя и признавалось, что в отношении задачи разоблачения «бывшего „левого крыла” Генерального совета» партия «упустила одну или две возможности довести до конца ту критику, которую она начала высказывать в своем первом манифесте, опубликованном в конце всеобщей забастовки», и что на конгрессе тред-юнионов в Борнемуте «по неопытности были совершены одна или две технические ошибки»⁷³.

Съезд принял тезисы о международной ситуации и по организационным вопросам. В тезисах, в которых нашло отражение появление новых течений в Москве, говорилось уже не о временной стабилизации капитализма, а о «разрушении временной „заплаты” на стабилизации». Строительство социалистического государства в Советском Союзе идет бок о бок с разложением капитализма. Страх перед всеобщей забастовкой был «до сего времени основным препятствием для нападения на Россию» Великобритании. Национальное движение меньшинства превозносили как «единственную революционную массовую оппозицию внутри профсоюзов». Левое крыло Лейбористской партии более осторожно предупредили о том, чтобы оно не отказывалось от права на критику. Британская компартия объявила о своей поддержке большинства, выступающего против оппозиции в российской партии⁷⁴.

В тезисах съезда КПВ по вопросу о всеобщей забастовке повторялись обычные обвинения в адрес Генерального совета тред-юнионов и восхвалялся Кук за его руководство горняками. Съезд искал утешения в том, что «старая рабочая аристократия», оплот реформизма в профсоюзах, по его мнению, уменьшалась с появлением новых методов производства и что другие рабочие становились более активными. На съезде подчеркивался «политический характер массовых забастовок». Классовая борьба вступила

да в новую фазу; во многих районах забастовочные комитеты (иногда называемые «комитеты действия») считали «зародышем альтернативного правительства». Попытки «левых» элементов в Коминтерне склонить советские профсоюзы к выходу из Англо-русского комитета были «совершенно неправильными». Среди других резолюций была одна, в которой торжественно обещалось продолжение помощи горнякам; одновременно в ней перечислялись ошибки Кука и отдавалась дань его энергии и мужеству, а также осуждалась «штрейкбрехерская пораженческая позиция» Лейбористской партии. В другой резолюции приветствовался рост левого крыла Лейбористской партии, но настаивалось на разграничении подлинной и мнимой левизны⁷⁵.

В ходе заседаний, кажется, не было сделано никаких намеков на ошибки и недостатки в работе партии. Несколько дней спустя Сталин, говоря на XV партийной конференции в Москве о линии британской компартии, отметил, что «в основном она была правильна», но что КПВ «не успела, и не могла успеть, убедить массы в короткий срок в правильности своей линии»⁷⁶. Тем не менее Компартия Великобритании не позволила полностью уклониться от предписания ИККИ заняться самокритикой. В докладе, подготовленном Центральным Комитетом КПВ вскоре после съезда, с тем чтобы он послужил основой для соответствующей резолюции предстоящего VII пленума ИККИ в Москве, содержалось признание того, что после забастовки некоторое время отсутствовала критика «так называемых „левых“» в профсоюзах и в Лейбористской партии⁷⁷.

Москва уделила мало внимания съезду Компартии Великобритании. Выступая на XV партийной конференции в конце октября 1926 г., Бухарин кратко упомянул о наличии «целого ряда правых ошибок» в работе КПВ, исправленных сейчас Коминтерном. Томский выступил с защитой Англо-русского комитета против «революционного жеста», которого требовала оппозиция. Троцкий обвинил руководство в переоценке экономической стабилизации в Великобритании — торговля и производство падают, торговый баланс пассивен — и в недооценке политической стабилизации, которая держалась не Болдуином и даже не Томасом, а Перселем: «Поэтому мы требовали разрыва Англо-русского комитета»⁷⁸. В резолюции конференции презрительно и несправедливо оппозиции приписывалось требование «о пересмотре тактики единого фронта и срыве Англо-русского комитета, непонимание роли профсоюзов и лозунг о замене профсоюзов новыми, выдуманными «революционными» организациями пролетариата»⁷⁹.

Эти обвинения не были повторены, когда месяц спустя состоялся VII пленум Исполкома Коминтерна — первое значительное событие в жизни Коминтерна после всеобщей забастовки в Англии, — возможно, потому, что речь Троцкого была сокращена из-за недостатка времени⁸⁰. Бухарин в своем письменном докладе, представленном пленуму, с похвалой отозвался о деятельности

Компартии Великобритании, но мягко упрекнул ее в совершении трех ошибок: «недостаточно решительной критике „левых”», неправильном понимании позиции русских профсоюзов, которая рассматривалась ею как «слишком радикальная», и недостаточно энергичном участии в кампании, направленной против лидеров Генерального совета тред-юнионов⁸¹.

Мерфи поручили открыть дебаты по вопросу об «Уроках всеобщей стачки». Тон его доклада, несмотря на поражение забастовки, был торжественным и победным: «Английский рабочий класс окончательно вступил на путь, ведущий к социальной революции». Поражение горняков было не поражением, а временным отступлением. Семь месяцев борьбы показали миру, что «русская Октябрьская революция была первым, но не последним Октябрем»⁸². Лозовский со свойственной ему решительностью подчеркнул «развитие классово́й борьбы Великобритании» и «соединение экономического наступления с наступлением политическим». Отметив создание «единого фронта против рабочего класса» и изменение в «соотношении сил между классами», Лозовский торжественно заключил, что «впервые в истории Англии мы видели, как, вопреки воле вождей, класс стоял против класса»⁸³.

Реммеле подошел к вопросу более реалистически и указал на то, что коммунистические партии других капиталистических стран не сумели организовать какие-либо значительные действия в поддержку «героической борьбы английских горнорабочих». Это контрастировало с «блестящим примером пролетарской солидарности», проявленной советскими рабочими, которая станет «одним из важнейших моментов революционизирования Англии». Он энергично возражал против выдающейся роли, приписываемой Национальному движению меньшинства, которое «вовсе не существовало бы» без Коммунистической партии Великобритании⁸⁴.

В резолюции, единодушно принятой по окончании работы пленума, было полностью подтверждено решение, записанное в резолюции ИККИ от 8 июня 1926 г. В ней приветствовалось «растущее классовое самосознание» британских рабочих и несколько неожиданно в качестве подтверждения этого приводился успех Лейбористской партии на дополнительных и муниципальных выборах. Это, казалось, не противоречило несомненному осуждению лейбористских и профсоюзных лидеров и «полной и позорной капитуляции бывшего „левого крыла” Генерального совета». Даже лидеры горняков «тоже оказались не на высоте положения, и в конце концов окончательно капитулировали». Позиция британской компартии была с оговорками одобрена. В заключительной части резолюции были выделены следующие моменты: «героическая стойкость углекопов», разочарование в демократических процедурах и надежность различия «индустриальной» и «политической» борьбы. Была выражена надежда на раскол между мелкой и крупной буржуазией (видимо, это было взято скорее из аналогии с политикой, проводившейся Коминтерном в отношении Китая, чем

из какой-либо эмпирической оценки положения в Великобритании), и был должным образом отмечен «сдвиг влево» среди британских рабочих⁸⁵.

В резолюции по вопросу о профсоюзах, составленной в еще более вызывающей форме, отвергалось обвинение, брошенное советским профсоюзам, в срыве работы Англо-русского комитета путем «незаконного вмешательства» в дела британских профсоюзов. Было заявлено, что «социал-демократическая теория невмешательства» «идет вразрез с самой идеей Интернационала и классовой солидарности»⁸⁶. Всеобщая забастовка, которая увела лидеров британских тред-юнионов «вправо», решительно поставила Коминтерн и советские профсоюзы «слева» и увеличила между ними пропасть.

VII съезд советских профсоюзов, который открылся 6 декабря 1926 г., до завершения работы VI пленума Исполкома Коминтерна, уделил много внимания британским делам. Среди выступивших на открытии съезда были Галлахер и Кук. Галлахер передал съезду приветствия от имени Коминтерна и произнес панегирик в адрес Кука, Хорнера и Компартии Великобритании в целом за ту героическую роль, которую они сыграли в забастовке горняков. Кук выразил благодарность от имени «миллиона горняков, их жен и детей, одной восьмой всего населения Англии», за помощь, полученную от советских профсоюзов. Он подчеркнул, что является единственным представителем британского рабочего класса на съезде: Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов одиннадцатью голосами против девяти отказался послать делегатов. Он повторил известное мнение о неудаче всеобщей забастовки. В Великобритании существовала «революционная ситуация»:

«Рабочие готовы были действовать и действовали, но им не хватало руководителей в тот момент, когда победа была близка»⁸⁷.

Томский в заключительной части своего основного доклада рассмотрел положение в Великобритании. Он обратился к значительным принципам:

«Экономическая борьба класса против класса — это значит борьба политическая. И наоборот, политика без экономики — пустяки, это — пустые словеса. Поэтому экономическому наступлению класса на класс сопутствует наступление политическое».

Генеральный совет британских тред-юнионов не только предал бастующих. Он не сумел выполнить свое обещание, данное при основании Англо-русского комитета в 1925 г. и с тех пор неоднократно повторявшееся, — созвать международную профсоюзную конференцию с участием Советского Союза, если это откажется сделать Международная федерация профсоюзов. Хотя Генеральный совет жаловался на грубость, проявленную советской стороной, он сам не проявил «элементарной вежливости», состоявшей в том, чтобы послать делегатов на съезд советских профсоюзов. Он также потребовал пересмотра статуса Англо-русского комитета

в направлении «ограничения прав обеих сторон ставить вопросы, касающиеся другой стороны». Тем не менее те «левые» товарищи, которые выступали за ликвидацию Комитета, не правы. Англо-русский комитет — это не «блок вождей», а «блок рабочих масс»⁸⁸.

Лозовский, повторяя основные мысли, которые вошли в резолюцию о профсоюзах, принятую на VII пленуме Исполкома Коминтерна, утверждал, что всеобщая забастовка «послужила громадным и важнейшим уроком не только для английского рабочего движения, но и для рабочего движения других стран»⁸⁹. Кук подробно рассказал об условиях, в которых проходила забастовка горняков, о предательстве ее Генеральным советом БКТ и закончил следующими словами:

«Мы будем готовить наше движение к тому, чтобы свергнуть капитализм и создать новый общественный строй. СССР — наш подлинный союзник, наша опора в этой великой борьбе за освобождение»⁹⁰.

В резолюции VII съезда советских профсоюзов по основному вопросу было одобрен отказ советских профсоюзов выйти из Англо-русского комитета, а британское предложение от 30 ноября 1926 г. о пересмотре статуса Комитета приводилось в качестве показателя стремления Генерального совета БКТ его ликвидировать⁹¹.

Зима 1926/27 г. была временем быстрого ухудшения англо-советских отношений и растущего беспокойства о том, чем это закончится⁹². После смятения, вызванного всеобщей забастовкой и забастовкой горняков, интерес внутри британской компартии переместился на Китай. В начале октября 1926 г. Центральный комитет КПВ принял резолюцию, призывающую «организованный рабочий класс в Великобритании поддержать борьбу китайского народа за национальную независимость», а «Лейбористскую партию и Британский конгресс тред-юнионов сотрудничать с ним в борьбе с опасностью интервенции». В резолюции также отмечалось, что «интервенция в Китае есть только прелюдия к началу интервенции против Советской России»⁹³. Комитеты «Руки прочь от Китая» были организованы в разных местах, часто при содействии коммунистов, а 3 декабря 1926 г. еженедельник «Уоркерс уикли» предложил образовать «Национальный комитет „Руки прочь от Китая“», который бы представлял Лейбористскую партию, Британский конгресс тред-юнионов, Независимую рабочую партию и Коммунистическую партию Великобритании. После этого почти еженедельно появлялись призывы к протесту против интервенции⁹⁴. Сообщение о грозящей отправке военных подразделений в Шанхай вызвало попытки ведения агитации среди войск на кораблях, предназначенных для отправки с этой миссией⁹⁵. Говорили, что молодые британские коммунисты работали «в войсках, отправлявшихся в Китай», а члены скандинавских

и балтийских молодежных организаций — «среди матросов британского флота, посещающего балтийские страны»⁹⁶. Тревожные сообщения в британской прессе отражали эти попытки, но не приводили никаких убедительных доказательств их успеха⁹⁷.

Большая часть кампании велась посредством публичной пропаганды и планировалась на основании осуществления политики единого фронта. Коммунисты приняли активное и шумное участие в массовой демонстрации в Алберт-Холле 5 февраля 1927 г., организованной «левыми» некоммунистами в знак протеста против империалистической интервенции в Китае и с требованием сохранить дипломатические отношения с Советским Союзом.

Все это время Национальное движение меньшинства, в котором преобладали коммунисты, выражало твердое желание поддерживать контакты с «реформистами». В октябре 1926 г. его Исполнительный комитет принял составленную в решительных выражениях резолюцию о всеобщей забастовке, заявив, что «каждый член Генерального совета, правый, левый или центрист, заслужил самую безжалостную критику со стороны рабочих вследствие их участия в предательстве». Однако Движению меньшинства рекомендовалось выступать с этой критикой «там и тогда, где и когда она не будет мешать успешному окончанию дела или препятствовать будущему англо-русского единства». Эта неубедительная оговорка, очевидно, показалась малодушной какому-то более высокому начальству, и на своем следующем заседании, 14 ноября 1926 г., Исполнительный комитет аннулировал резолюцию и подтвердил, что «безжалостная критика» профсоюзной бюрократии была «одной из главных задач в борьбе за революционизацию британского профсоюзного движения»⁹⁸. Тем не менее, когда 25 марта 1927 г. Британский конгресс труд-юнионов выпустил инструкцию, в которой отказывался впредь признавать федерации профсоюзов, входящие в Национальное движение меньшинства или связанные с ним, последнее, после опубликования резкого протеста против этого решения, рекомендовало организациям, о которых шла речь, выйти из Движения, чтобы не подвергнуться исключению из организаций, являющихся членами БКТ⁹⁹.

Степень готовности, с какой советские руководители, встревоженные поворотом событий, теперь приняли сотрудничество с теми, кого они так недавно осуждали за предательство и ренегатство, раскрылась в изменении отношения к Англо-русскому комитету. После окончания забастовки Генеральный совет БКТ проявил, возможно, вызванное угрызениями совести желание подновить образ отживающего свой век Комитета и 30 ноября 1926 г. направил письмо Томскому, предлагая дополнить Устав Англо-русского комитета особым условием, исключаящим «любой акт вмешательства любой стороны во внутренние дела профсоюзного движения другой стороны»¹⁰⁰. Непримируемый Лозовский в своем выступлении на проходившем в то время пленуме

ИККИ сердито прокомментировал это предложение, заявив, что Генеральный совет «продолжает политику саботажа»:

«...Во-первых, он отказался послать делегатов на VII съезд профсоюзов СССР, во-вторых, он ограничил компетенцию своих представителей в Англо-Русском комитете, и, в-третьих, он пытается изменить конституцию Англо-Русского комитета»¹⁰¹.

Превалировали, однако, осторожные решения. В резолюции пленума по основному вопросу просто отмечается решение сохранить Англо-русский комитет¹⁰². Резкая критика Ситрином сборника статей Лозовского, опубликованного на английском языке Национальным движением меньшинства под заголовком «Британские и русские рабочие»¹⁰³, казалось, не сулила ничего хорошего. Тем не менее в начале января 1927 г. Мельничанский направил подробный ответ на письмо Генерального совета БКТ, несколько сдержанно выразив готовность обсудить британские поправки, и предложил встретиться. Генеральный совет согласился на встречу при условии, чтобы британские поправки были включены в повестку дня. Наконец, 28 февраля 1927 г., пять дней спустя после угрожающей ноты британского правительства в адрес Советского правительства, в которой содержалась угроза разрыва дипломатических отношений, Мельничанский телеграфировал официальное предложение провести встречу Англо-русского комитета 15 марта 1927 г. для обсуждения британских поправок, вопроса о профсоюзном единстве и опасности войны¹⁰⁴. После обычных для британской стороны колебаний состоялось заседание Комитета, которое проходило с 29 марта по 1 апреля 1927 г., причем советскую группу вновь возглавлял Томский.

Подробный отчет об этом совещании Англо-русского комитета опубликован не был. Однако его результаты подтверждают впечатление, что было уделено меньше времени, чем раньше, взаимным упрекам и больше времени — выработке резолюций. Первая из трех принятых Комитетом резолюций относилась к избитой теме профсоюзного единства. В ней выражалось сожаление о том, что все усилия организовать встречу Центрального Совета советских профсоюзов и руководства Международной федерации профсоюзов оказались безуспешными, и было предложено вернуться к этому вопросу после конгресса Федерации, который должен был состояться в Париже в августе месяце. Во второй резолюции, которая представляла значительную уступку с советской стороны, в список перечисленных, совершенно незапоминавшихся целей Англо-русского комитета было включено и «безоговорочное признание того принципа, что единственным представителем и выразителем профсоюзного движения в Великобритании является Британский конгресс тред-юнионов и его Генеральный совет», и подчеркивалось, что «дружеский альянс» профсоюзных движений двух стран «не допускает какого-либо вмешательства в их внутренние дела». В третьей резолюции, посвященной работе Комитета, идя навстречу советским требованиям, было провозглаше-

но профсоюзное единство в качестве «самой большой и наиболее существенной гарантии для рабочих всех стран против наступлений на жизненный уровень трудящихся, против угрозы фашизма и против угрозы новых войн» и говорилось, что «англо-русское профсоюзное единство особенно необходимо, как ясно показали недавние события, для того, чтобы противостоять опасности агрессии против Советского Союза»¹⁰⁵.

«Правда», кратко сообщив о полном согласии, отмечала, что атмосфера на встрече носила исключительно сердечный характер, и Томский по возвращении в Москву заявил, что совещание сигнализировало об «опасности новой мировой бойни» * и что «враги рабочего класса», которые надеялись на роспуск Англо-русского комитета, полностью разбиты¹⁰⁶. «Таймс», недружелюбно озаглавив отчет о совещании «Русские профсоюзы сдаются», высказала мнение, что только крайней необходимостью получить поддержку в момент кризиса в Китае может объясняться такая жалкая капитуляция¹⁰⁷.

Победа, одержанная Генеральным советом БКТ, не могла избежать всеохватывающего и острого взгляда оппозиции в Москве. Томский, легко обеспечив одобрение берлинских резолюций Центральным Советом профсоюзов¹⁰⁸, представил отчет о работе совещания на рассмотрение пленума Центрального Комитета партии, который проходил с 13 по 16 апреля 1927 г. Троцкий сразу же предложил резолюцию, согласно которой «категорически отвергались и осуждались» берлинские резолюции: Англо-русский комитет предал все возложенные на него надежды, и от него теперь следовало отказаться¹⁰⁹. Андреев и Мельничанский, так же как и Томский, выступили с защитой берлинского соглашения. Бухарин не выступал. Работа была омрачена совершенным за неделю до этого нападением на советскую дипломатическую миссию в Пекине и злополучным поворотом на 180 градусов Чан Кайши в Шанхае, где в то время происходила систематическая резня коммунистов и их сторонников. Неудивительно, что Англо-русскому комитету уделили мало внимания, и единственным опубликованным отчетом о том, что происходило, было краткое коммюнике, извещающее, что среди других вопросов пленум ЦК заслушал отчет о недавнем заседании Англо-русского комитета единства в Берлине¹¹⁰.

Тем временем новым объектом для нападок стал законопроект британского правительства о промышленных конфликтах, опубликованный 5 апреля 1927 г., который был предназначен для того, чтобы урезать права профсоюзов, особенно право на забастовку. Участники пленума Центрального Комитета британской компартии, проходившего 12 апреля 1927 г., были настроены побоевому. Пленум одобрил, очевидно, после «некоторых разногласий» резолюцию, осуждавшую законопроект как «кампанию против рабочего класса и ступень в подготовке новых войн». Партия должна была организовать проведение против него мас-

* Курсив Карра. — Прим. ред.

совых уличных демонстраций и «усилить пропаганду за создание отрядов рабочей самообороны». Предстоящую конференцию исполнительных комитетов тред-юнионов следует использовать для организации всеобщей забастовки. Резолюция потребовала немедленного созыва совещания Англо-русского комитета. В следующем месяце резолюция была одобрена VIII пленумом Исполкома Коминтерна в Москве и суммирована в его собственной резолюции ¹¹¹.

Однако, поразмыслив, партийные руководители, кажется, предпочли вернуться к хорошо отработанной тактике единого фронта с другими левыми партиями. Они обратились к приближавшейся ежегодной конференции Независимой рабочей партии с предложением создать, несмотря на разногласия, «единый фронт наших двух организаций перед лицом общей опасности». Непосредственной целью совместной кампании должна была стать «всеобщая забастовка», которая привела бы к падению «правительства Болдуина», провалу законопроекта о промышленных конфликтах и прекращению отправки войск в Китай. К негодованию руководства компартии, председательствовавший на конференции Независимой рабочей партии Макстон отказался даже представить это предложение на ее рассмотрение ¹¹². В конце апреля 1927 г. Поллит, будучи Генеральным секретарем Национального движения меньшинства, опубликовал обращение к Генеральному совету Британского конгресса тред-юнионов, предлагая «искреннее сотрудничество» в любой кампании, направленной против законопроекта, и, когда это обращение было проигнорировано, через месяц снова отправил Генеральному совету БКТ письмо того же содержания и имевшее такую же судьбу ¹¹³.

Эти категорические отказы вскрыли отсутствие авторитета у крайне левых и послужили дурным предзнаменованием для последующих экспериментов в рамках единого фронта с другими левыми группами. Реакция Москвы была острее, и Москву менее беспокоили тактические маневры. В манифесте ИККИ от 15 апреля 1927 г. об империализме и опасности войны специально указывалось, что «британский империализм хочет сковать британское рабочее движение и лишить профсоюзы всех их прав» ¹¹⁴, а в помещенной в коминтерновском журнале статье осуждался этот законопроект, который был назван «штрейкбрехерским законодательством английских консерваторов» ¹¹⁵.

8 мая 1927 г. Томский, задетый уколами оппозиции и, возможно, критиками из Профинтерна, которые говорили о том, что его команда покорно «сдалась» в Берлине, выступил с резкой критикой законопроекта в интервью, по-видимому предназначенном для заграницы. Не довольствуясь осуждением «этого чудовищного законопроекта» за его «откровенно фашистский характер», он высказал предположение, что некоторые официальные деятели профсоюзов и Лейбористской партии «в глубине души... за этот закон». Макдональд и «Член Тайного совета Его

величества» Томас были пригвождены к позорному столбу поименно. Генеральный совет БКТ не сумел «сплотить все силы рабочего класса» против законопроекта, но «продолжает травить коммунистов и революционно настроенных горняков и исключать их из профсоюзных организаций». Томский назвал это позорной картиной и «величайшей и непростительной ошибкой со стороны Генерального совета»¹¹⁶.

Генеральный совет БКТ, который надеялся, что с помощью берлинского соглашения оградил себя от выпадов русских, был ошеломлен этим интервью Томского. 19 мая 1927 г. Ситрин направил ему личное письмо, где пояснял, что это дело Генерального совета БКТ принимать решение о выборе подходящих мер для борьбы с «этим несправедливым законопроектом», и высказал предположение, что текст, который появился в «Уоркерс лайф» (копия его прилагалась), должно быть, является «искажением» того, что в действительности сказал Томский. Хотя он воздержался от обвинения Томского в нарушении берлинского соглашения, он лукаво сослался на статью в «Таймс», появившуюся двумя днями раньше, в которой было выдвинуто именно это обвинение¹¹⁷.

Восьмой пленум Исполкома Коминтерна, который проходил с 18 по 30 мая 1927 г., обратился к вопросу об Англо-русском комитете в условиях опасности возникновения войны, китайской катастрофы и надвигающегося разрыва англо-советских отношений¹¹⁸. На предварительном обсуждении в Президиуме ИККИ 11 мая 1927 г. Бухарин нетактично, но с присущей ему обаятельной прямотой выложил неудобную правду, которую все остальные молчаливо обходили или скрывали. Он отменил искусственный предлог, которым оправдывали уступки, сделанные Генеральному совету БКТ, как необходимые в политике профсоюзов или для сохранения связи с британскими рабочими. Напротив, эти уступки представляют собой «исключение» из принципов нормальной профсоюзной практики и должны рассматриваться с точки зрения «дипломатических» контрдействий в ответ на империалистическое наступление против Советского Союза¹¹⁹.

Занятость Троцкого китайским вопросом не помешала ему за два дня до открытия пленума представить ИККИ пространный меморандум, озаглавленный «Борьба за власть и Англо-русский комитет», в котором он выступил с осуждением берлинского компромисса, критикой аргументов, приведенных в его защиту, особенно тех, которые были высказаны Бухариным, и в заключение сказал, что Комитет стал «главным препятствием» в проведении кампании против войны и империализма. Безусловно, «берлинская капитуляция» «оказала исключительную помощь Чемберлену в его атаках на советские институты в Лондоне со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹²⁰. В «Декларации 83-х», ходившей по рукам во время работы пленума, берлинская конфе-

рещения была названа «капитуляцией», в соответствии с которой «мы приняли Генеральный совет в качестве единственного представителя британского пролетариата... и пошли на «принцип» невмешательства во внутренние дела британского рабочего движения»¹²¹. Насколько можно судить по неполным отчетам, руководству ИККИ, видимо, удалось исключить эту тему из основных дебатов по вопросу о «борьбе против войны и опасности возникновения войны»; она не фигурировала и в резолюции по этому вопросу.

Отдельно обсуждался вопрос о «задачах Коммунистической партии Великобритании». Докладчиком был Кэмпбелл, и он представил проект резолюции. Однако его доклад не был опубликован — вероятно, потому, что он был слишком неопределенным, чтобы удовлетворить руководство Коминтерна. Здесь тоже, очевидно, не обратили внимания на отсутствие вопроса об Англо-русском комитете, в котором британская компартия избежала непосредственного участия. Но упущение было вскоре восполнено оппозицией. Троцкий и Вуйович совместно представили «дополнительные предложения» к проекту резолюции, в которых вновь поднималось требование покончить с Англо-русским комитетом. «Тактика единого фронта», ведущая к «временному соглашению с теми или другими группами реформистов», в «определенных случаях» допустима, и «создание Англо-русского комитета в тот момент являлось совершенно правильным шагом». Однако, когда советские профсоюзы стремились поддержать всеобщую забастовку, а Генеральный совет британских тред-юнионов прекратил ее, произошел непоправимый разрыв. Компартия Великобритании должна теперь потребовать немедленного созыва совещания Англо-русского комитета, на котором советские делегаты выдвинут «ясную революционную антивоенную программу и программу, направленную против наступления буржуазии на пролетариат»¹²².

Из всех выступлений в прениях были опубликованы только два выступления — Мерфи и Ноймана. В обоих не было ничего, кроме несдержанных бранных выпадов против Троцкого. Мерфи обвинил Троцкого в том, что он «содействует разрыву отношений между Великобританией и СССР» тем, что стремится распустить Англо-русский комитет. Нойман выступил не менее едко и сконцентрировал свое внимание на аргументах, содержащихся в меморандуме Троцкого от 16 мая 1927 г.¹²³ Бухарин, вероятно, защищал официальную точку зрения. Выступая после окончания пленума перед московской партийной организацией, он объяснил, что немедленный роспуск Англо-русского комитета, которого требовал Троцкий, создал бы «неблагоприятное впечатление» и что «сложившееся положение заставляет нас идти на ряд уступок»¹²⁴.

Резолюция по вопросу о Коммунистической партии Великобритании, принятая после окончания дебатов, избобиловала повторениями, но была более тревожной и задиристой, чем та, которая

была принята пятью месяцами ранее VII пленумом ИККИ. В ней снова говорилось о «целом ряде провокаций, направленных Британским правительством против Советского Союза», которые были нацелены на разрыв отношений. В ней констатировалось «обострение классовой борьбы» и «ускорение темпа дифференциации рабочего движения», но признавалось, что как левое крыло Лейбористской партии, так и Национальное движение меньшинства все еще «сравнительно слабы перед лицом могущества бюрократии... Рабочей партии». Острая критика Независимой рабочей партии была вызвана ее недавним отказом от создания единого фронта с коммунистической партией.

Британская компартия заслужила одобрение за проведение активной кампании протеста в связи с интервенцией Великобритании в Китае. КПВ было дано указание «разъяснить рабочим важное значение единения рабочих Великобритании с пролетариатом Советского Союза, каковое единство становится абсолютно необходимым ввиду милитаристской политики Британского правительства». Это было явной защитой Англо-русского комитета. Вместе с тем КПВ должна была также «разъяснить истинное значение последней Берлинской конференции, на которой Генеральный совет, вместо того чтобы расширить функции Англо-русского комитета, настаивал на сужении устава комитета».

Наконец, в резолюции содержалась поддержка лозунга о всеобщей забастовке с целью добиться отмены законопроекта о промышленных конфликтах и отставки правительства Болдуина и горячо утверждалась «необходимость создания рабочими на местах советов действия для подготовки борьбы с законопроектом и с опасностью войны»¹²⁵. О будущем Англо-русского комитета ничего не говорилось ни в этой резолюции, ни в резолюции, осуждающей фракционное поведение Троцкого и Вуйовича¹²⁶. Китайская трагедия и многократно провозглашенная опасность новой войны сразу же заслонили эти вопросы.

Был один трудный вопрос, который обсуждался в кулуарах, а не на открытых заседаниях VIII пленума Исполкома Коминтерна. Решение Национального движения меньшинства позволить своим секциям лучше выйти из Движения, чем подвергнуться исключению из Британского конгресса тред-юнионов¹²⁷, показало московским критикам малодушным, и Мерфи, представителю британской компартии в ИККИ, было поручено написать статью в «Правду» с осуждением этого решения¹²⁸. Британские делегаты на VIII пленуме ИККИ, включая Кэмпбелла, очевидно, не были намерены принять выговор от Мерфи, и на заседании Секретариата Пятницкий выдвинул компромиссное предложение, чтобы эти секции дали понять, что они вышли из Движения меньшинства, а на деле продолжали бы выполнять его инструкции¹²⁹. Если такое решение и было принято, то оно едва ли было бы включено в печатный документ. В резолюции просто отмечалось, что «исполнительный комитет одного профессионального союза запретил

коммунистам и членам Движения меньшинства выставлять свои кандидатуры на официальные должности»¹³⁰. Но что произошло, остается неясным.

Вскоре после этого на Исполнительном бюро Профинтерна, которое отвечало за работу Национального движения меньшинства, выступил Кэмпбелл. Он защищал первоначальное решение о выходе из Движения и возражал тем, кто обвинял Движение меньшинства в подчинении диктату Британского конгресса тред-юнионов «без борьбы». Судя по отчету, Исполнительное бюро направило письмо с указанием ошибок Национального движения меньшинства и директивами на будущее¹³¹. Но никакие директивы Москвы не могли помочь британским коммунистам избавиться от стоящей перед ними дилеммы. Пребывание в рядах тред-юнионистского движения было несовместимо с постоянным осуждением его лидеров и невыполнением его решений. Навлечь на себя исключение означало оказаться перед угрозой полной изоляции Коммунистической партии Великобритании от огромного числа рабочих, состоявших в тред-юнионах.

Прогнать призрак Англо-русского комитета оказалось не так легко, как ожидал и надеялся Бухарин, выступая на VIII пленуме Исполкома Коминтерна. 14 мая 1927 г. налет на Аркос, состоявшийся двумя днями раньше, вдохновил Центральный Совет советских профсоюзов на отправку телеграммы Генеральному совету БКТ с призывом созвать заседание Англо-русского комитета, «призванного объединить усилия организованных в профсоюзы рабочих обеих стран». Не удивительно, что на эту просьбу пришел лишь уклончивый ответ, так как высказана она была в тот момент, когда Ситрин составлял протест по поводу интервью Томского. Судьба следующей телеграммы, от 25 мая 1927 г., была такой же, а 3 июня 1927 г. ВЦСПС отправил длинное и обиженное письмо, намекая на «промедление и пассивность», проявленные Генеральным советом БКТ перед лицом надвигающейся опасности войны¹³².

Три дня спустя Томский наконец ответил на письмо Ситрина от 19 мая 1927 г. по поводу известного интервью. Он заверил Ситрина, что английский вариант текста, опубликованный в «Уоркерс лайф», «в общем и целом правильно передает текст и основные мысли русского подлинника». Однако он смущенно отозвался об этом своем интервью как о личном деле и высказал резкое возражение против любых посягательств «ограничить мою личную свободу слова»; было бы чудовищным предположить, что берлинское соглашение оправдывает «„вмешательство” в мои *личные дела*»*. Томский заявлял, что не верит в чью-либо непогрешимость, «даже папы Римского», и утверждал свое «неотъемлемое право критиковать всякий неправильный или вредный для рабочего класса поступок, независимо от того, какого учреждения это

* Курсив Карра. — Прим. ред.

касается, и невзирая на то, что может сказать по этому поводу „Таймс”»¹³³. Это был беспечный ответ, плохо рассчитанный на то, чтобы способствовать заключению соглашения на ближайшем заседании Англо-русского комитета. Но к этому времени Комитет был не более чем прилавок для торга. Ситрин предпочел написать личное письмо и подвергся личному оскорблению.

Официальная реакция Генерального совета британских трудюнионов была на удивление мягкой. 10 июня 1927 г. он наконец ответил на настойчивые требования, идущие из Москвы, предложением провести не заседание Англо-русского комитета в полном составе, а предварительную встречу между Ситрином и Хиксом, с одной стороны, и Томским и Догадовым — с другой, 17—18 июня. Этот ответ, очевидно, наложил на другую сердитую телеграмму из Москвы от того же числа с угрозой, что если до 14 июня ответ не будет получен, то Центральный Совет опубликует переписку. Теперь ВЦСПС поспешил подчеркнуть, что предложенная Генеральным советом ограниченная встреча не заменит встречи Комитета в полном составе. Тем не менее в конце концов Центральному Совету пришлось согласиться, и четверо представителей встретились 17—18 июня 1927 г. в Берлине. Сколь мало значения придавала советская сторона этой встрече, показывает выбор именно данного момента для опубликования в «Правде» всей кипе язвительных писем и телеграмм, полученных и отправленных за последний месяц¹³⁴.

В общих чертах достаточно ясно, что произошло в Берлине. Томский твердил одно и то же: о надвигающейся опасности войны и настоятельной необходимости совместных действий Англо-русского комитета (каких действий, не было сказано) для борьбы с этой опасностью. Британская сторона, настроенная в этом плане откровенно скептически, хотела вести разговор о таких пустяках, как интервью Томского и бестактная публикация переписки газетой «Правда»; она строго придерживалась полученных инструкций и не могла дать никаких заверений относительно следующего заседания комитета¹³⁵. Вопрос был возвращен для нового рассмотрения в Генеральный совет БКТ. На состоявшемся 22 июня 1927 г. бурном заседании Генерального совета грубости Томского, казалось, было уделено такое же внимание, как и обсуждению основных вопросов. Было решено выразить протест против казни двадцати «белых террористов» в Советском Союзе и отложить принятие окончательного решения об Англо-русском комитете до следующего заседания Генсовета в середине июля¹³⁶.

Томский, выведенный из себя этим постоянным отказом относиться серьезно к серьезным вещам, 28 июня 1927 г. созвал внеочередной пленум ВЦСПС и совершенно открыто, без недомолвок, подробно, хотя и односторонне, отчитался о берлинской встрече, состоявшейся 29 марта — 1 апреля, и обо всем, что произошло с тех пор. ВЦСПС должным образом принял обращение «К английским и русским рабочим», которое было даже более воинст-

венным по тону, чем доклад Томского. «Тактика уверток, проволок и саботажа», проводимая Генеральным советом Британского конгресса тред-юнионов, должна быть разъяснена рабочим обеих стран. Перед лицом опасности империалистической войны в Китае и войны против Советского Союза, в свете налета на Аркос и разрыва отношений Генеральный совет БКТ совершенно ничего не сделал. Он блокировал каждое усилие советской стороны *«сохранить англо-русский комитет», «сделать его более активным»*. Он посчитал возможным обвинить Советское правительство в расстреле «открытых, упорствующих врагов рабочего класса... террористов и подстрекателей» и в это же самое время он отказался «пригвоздить к позорному столбу внешнюю политику Чемберлена, который готовит уничтожение миллионов людей». Обращение заканчивалось призывом к созданию «единого пролетарского фронта» против капитала и против опасности войны ¹³⁷. Эта лавина упреков, кажется, ошеломила и повергла в молчание Генеральный совет БКТ. И только 27 июля 1927 г. он отправил Центральному Совету профсоюзов в Москву документально обоснованный подробный список совершенных им правонарушений с момента образования Англо-русского комитета в апреле 1925 г. и по настоящее время ¹³⁸.

Когда это послание было получено в Москве, там проходил решающий пленум Центрального Комитета партии ¹³⁹. Троцкий уделил несколько минут своего ограниченного времени едкой критике Англо-русского комитета ¹⁴⁰. Сталин сказал, что пусть британская сторона выйдет из Комитета, и закончил самодовольным прогнозом:

«Если англичане порвут, рабочий класс будет знать, что реакционные лидеры английского рабочего движения порвали из-за **нежелания противодействовать** своему империалистическому правительству в деле организации войны. Едва ли можно сомневаться, что разрыв при этих условиях, произведенный англичанами, облегчит работу коммунистов по развенчанию Генсовета» ¹⁴¹.

В резолюции, принятой в конце работы пленума, отмечалось, что коммунисты в Центральном Совете советских профсоюзов «не брали на себя ответственности за разрыв и раскол Англо-русского комитета, разоблачая таким образом до конца предательскую тактику вождей Генерального совета» ¹⁴². ВЦСПС подготовил на досуге ответ на предъявленное ему Британским конгрессом тред-юнионов обвинение от 27 июля 1927 г. Этот ответ, написанный обычным полемическим и бескомпромиссным языком, был, наконец, 30 августа 1927 г., отправлен и подоспел как раз вовремя — к открытию ежегодного конгресса тред-юнионов в Эдинбурге ¹⁴³.

Как и в предыдущие три года открытию конгресса предшествовала ежегодная конференция Национального движения меньшинства, которая среди других воинственных резолюций приняла резолюцию, осуждающую Генеральный совет БКТ за его отношение к Англо-русскому комитету, и призвала его решительно высту-

пить за созыв не ограниченной предварительными условиями всемирной конференции, в которой приняли бы участие и Международная федерация профсоюзов, и Профинтерн¹⁴⁴. Эта грубая критика никак не смягчила поведение тред-юнионистских лидеров на предстоящем конгрессе.

Когда 6 сентября 1927 г. конгресс открылся, Генеральный совет БКТ уже был в непримиримо воинственном настроении. На состоявшейся в предыдущем месяце конференции Международной федерации профсоюзов в Париже последняя сделала все от нее зависящее, чтобы подготовить почву для прямых контактов между Федерацией и советскими профсоюзами, но потерпела постыдное поражение. Было решено ничего больше не делать для этих беспокойных и дурно воспитанных партнеров. В разделах отчетного доклада конгрессу, в которых говорилось о советских профсоюзах и английских коммунистах, содержался ряд рекомендаций; и сколько-нибудь значительное голосование проводилось на конгрессе только тогда, когда этого требовала в своих выступлениях горстка коммунистов или симпатизирующих им делегатов¹⁴⁵. Предложение «вернуть для повторного рассмотрения» рекомендацию подтвердить резолюцию Генерального совета БКТ от марта 1927 г. об отказе признавать советы тред-юнионов, входящие в Национальное движение меньшинства, привело к язвительным дебатам и в итоге было отвергнуто 3746 тыс. голосами против 148 тыс.¹⁴⁶.

В своем отчетном докладе конгрессу Генеральный совет БКТ еще раз пересказал в раздраженных выражениях историю Англо-русского комитета. По получении ответа Центрального Совета советских профсоюзов от 30 августа 1927 г. Генеральный совет БКТ поспешно сделал дополнительное заявление о том, что нет смысла далее продлевать существование Англо-русского комитета, и рекомендовал информировать об этом ВЦСПС¹⁴⁷. Предложение «пересмотреть» эту рекомендацию вызвало больше симпатий, чем то, которое относилось к Национальному движению меньшинства. Кук признался, что не может принять решение. Но и Ситрин, и Томас, и Бевин — все выступили против этого предложения, и оно было отвергнуто 2551 тыс. голосами против 620 тыс.; при этом Британская федерация горняков воздержалась от голосования¹⁴⁸. Тем не менее настроение в пользу профсоюзного единства все еще было сильным; и внесенное предложение созвать международную конференцию всех профсоюзов, включая те, которые входили в Профинтерн, было провалено не столь преобладающим большинством голосов, лишь 2211 тыс. против 1068 тыс.¹⁴⁹. Однако в целом конгресс дал полный и окончательный отпор попыткам коммунистов внедриться в профсоюзное движение.

То же самое повторилось на ежегодной конференции Лейбористской партии, проходившей с 3 по 7 октября 1927 г. Поллит был самым выдающимся из горстки коммунистов, которые в атмосфере полной враждебности не прекращали вести огонь критики. В резолюции по вопросам внешней политики, предложенной Ис-

полкомом Лейбористской партии, осуждался налет на Аркос и разрыв отношений с Советским правительством. Но поправка к резолюции, в которой привлекалось внимание к опасности «нападения международного капитализма на Советский Союз» и призывали начать кампанию «за всеобщую забастовку в случае возникновения угрозы войны», была отвергнута «значительным большинством» голосов¹⁵⁰.

С кончиной Англо-русского комитета закончился эксперимент, который больше, чем какой-либо другой эпизод того времени, показал неопределенность и трудности тактики единого фронта. Легко было в Москве находить формулы для охвата двух аспектов единого фронта и жонглировать понятиями единого фронта «сверху» и «снизу». На практике оказалось значительно труднее налаживать дружеское сотрудничество — даже в ограниченных целях — между советскими и британскими профсоюзами при наличии настойчивых усилий Национального движения меньшинства, поддерживаемых Профинтерном, направленных на то, чтобы подорвать существовавшее руководство этим движением. Противоречие между «дипломатическими» мотивами, которые стояли за политической сотрудничеством, и долговременными революционными целями, достижению которых способствовал единый фронт снизу, было идентично известной проблеме, заключавшейся в том, как согласовать действия советской дипломатии с действиями Коминтерна.

Советская позиция в отношении Англо-русского комитета могла только в том случае иметь смысл, если допустить, что британские рабочие горячо относились к идее англо-советского профсоюзного сотрудничества и к Коминтерну как его выразителю. Это подразумевало, что их преданность такой идее превосходит их преданность собственным лидерам. И хотя пыл энтузиазма в отношении великой русской революции еще не полностью угас, эта посылка была неверной. В Москве, она, как и предпосылка о «полевении масс»¹⁵¹, частью которой она являлась, не ставилась под сомнение — несмотря на то что факты свидетельствовали об обратном, — поскольку она создавала единственный выход из невыносимого положения. Шесть месяцев спустя, на IV конгрессе Профинтерна, Лозовский по-прежнему отстаивал ту точку зрения, что роспуск Англо-русского комитета выкристаллизовал разногласия в британском рабочем классе и помог получить свежее пополнение для классовой борьбы и Профинтерна¹⁵².

Официальная реакция советской стороны нашла свое выражение в большом интервью, которое Догадов дал прессе и которое 9 сентября 1927 г. появилось в газете «Правда». А три дня спустя Центральный Совет профсоюзов выпустил воззвание «Ко всем рабочим Англии и СССР»¹⁵³. В воззвании вновь говорилось об уничтожении Генеральным советом Британского конгресса тред-юнионов, этим орудием капиталистов, органа, представлявшего собой связующее звено между британскими и советскими рабочими, и о возмущении, которое британские рабочие непременно испытывают

в связи с этим актом предательства. «Правда» в особенности смаковала аплодисменты, которыми приветствовала капиталистическая пресса предательство, совершенное Генеральным советом БКТ.

Русская оппозиция была застигнута врасплох. В тот самый момент, когда конгресс в Эдинбурге справлял тризну по Англо-русскому комитету, оппозиция направила в Центральный Комитет партии в Москве «платформу», одним из подстрекательских пунктов которой была денонсация Англо-русского комитета¹⁵⁴. Однако оппозиции представилась возможность использовать этот разрыв на мелодраматическом заседании Президиума Исполкома Коминтерна 27 сентября 1927 г.¹⁵⁵ За два дня до этого Троцкий написал меморандум (который не был опубликован), где подводил итоги работы Англо-русского комитета и объяснял, какое глубокое предвидение проявила оппозиция по сравнению с официальным руководством; те же самые моменты были кратко, но остро подчеркнуты в выступлении Троцкого на заседании Президиума¹⁵⁶. Бухарин обвинил Троцкого в «театральных жестах» и утверждал, что Генеральный совет БКТ «мы заставили» пойти на разрыв и таким образом продемонстрировать, что «в важнейшей проблеме современности, в вопросе о войне, вожди Генсовета идут вместе с Чемберленом и Болдуином». Сталин повторил те же аргументы¹⁵⁷. Однако теперь это был второстепенный момент в споре с оппозицией. Вопрос был исчерпан.

С 8 по 11 октября 1927 г. состоялся IX съезд Коммунистической партии Великобритании. Он прошел вяло по сравнению с VIII съездом, который собирался в предыдущем году. Хорнер, который открыл съезд в качестве его председателя, поддерживал видимость воинственности, но признал, что большие надежды 1926 г. у многих рабочих сменились «определенным раздражением, граничащим с безразличием». Затем Ротштейн представил политический отчет Центрального комитета, а Браун — отчетный доклад по организационным вопросам; оба были единодушно одобрены. Количество членов партии уменьшилось с 10 730 на VIII съезде до 7 377 на IX съезде, что было отнесено за счет «преследований, выселений, полицейских угроз, безработицы и крайней нищеты». Упал тираж «Уоркерс лайф» (сменившей еженедельник «Уоркерс уикли», который разорился в результате возбужденного против него дела о клевете), а также выручка от распродажи партийной литературы¹⁵⁸.

На следующий день Мерфи, выступая в качестве представителя Компартии Великобритании в Исполкоме Коминтерна, пытался в своей речи объединить заверение в полной преданности КПВ заветам Коминтерна с утверждениями о полной независимости иностранных партий и отсутствием диктата со стороны российской партии. Тот факт, что революция теперь казалась более отдаленной перспективой, чем это когда-то представлялось, не означал, что «мы отказались от цели и перспективы мировой революции».

Кэмпбелл представил солидные тезисы по вопросу о «Международном и национальном фронте борьбы». В них снова говорилось о временной стабилизации капитализма, о широком наступлении империалистических сил против Советского Союза и осуждались лидеры Лейбористской партии, которые вступили в союз с либеральными средними классами. После того как Поллит сделал доклад о состоявшейся на предыдущей неделе конференции Лейбористской партии, съезд на закрытом заседании перешел к дебатам об опасности войны и об оппозиции в российской партии.

Была принята резолюция, резко осуждающая оппозицию и заверяющая Исполком Коминтерна и российскую коммунистическую партию в «нашей полной и безусловной поддержке» любых мероприятий, которые они сочтут необходимыми. Хорнер представил резолюцию по вопросу о профсоюзах, в которой осуждались «капитуляция профсоюзного руководства перед капитализмом» и его «злые» нападки на коммунистов и левые силы и призывали партию завоевывать новых членов для Национального движения меньшинства. В этой резолюции также несколько неожиданно было предложено «возродить Англо-русский комитет и создать англо-русские комитеты горняков, транспортных рабочих и т. д.». В резолюциях по вопросу об империализме, о казни Сакко и Ванцетти и о предстоящей 10-й годовщине Октябрьской революции не содержалось ничего нового¹⁵⁹.

Загадочным событием осени 1927 г. была отправка 1 октября Политическим Секретариатом Исполкома Коминтерна телеграммы в адрес Компартии Великобритании, в которой он убеждал последнюю усилить «борьбу против буржуазного руководства Рабочей партии, против парламентского кретинизма во всех его разновидностях и подготовиться к тому, чтобы выступить на предстоящих выборах как самостоятельная партия со своей платформой и своими кандидатами даже в тех случаях, когда против кандидатов КП будут выставлены так называемые официальные кандидаты Рабочей партии»¹⁶⁰. Так же как и телеграмма подобного же содержания, одновременно направленная Французской коммунистической партии¹⁶¹, послание в адрес британской компартии «по техническим причинам» не поспело к IX съезду партии¹⁶², и на нем предвыборная тактика не обсуждалась.

Это требование Исполкома Коминтерна — которое означало «полный пересмотр проводимой партией начиная с 1920 г.» тактики в отношении Лейбористской партии, включая отказ от молчаливого соглашения о том, что КПВ не будет выставлять своих кандидатов в тех округах, где раскол среди голосующих за Лейбористскую партию может позволить выйти вперед консерваторам, — было впервые объяснено британским делегатам, когда они прибыли в Москву в 1927 г. на ноябрьские торжества¹⁶³. Хотя это предложение логически вытекало из послышки Коминтерна, что Лейбористская партия не менее Консервативной партии является послушным слугой капиталистов, оно было ударом для воспитан-

ных на совершенно иных традициях британских коммунистов и встретило сильное сопротивление.

На XV съезде Всесоюзной коммунистической партии, состоявшемся в декабре 1927 г., Бухарин поднял деликатный вопрос о предвыборной тактике и разошелся во взглядах с теми британскими коммунистами, которые ссылались на директивы Ленина от 1920 г. о сотрудничестве с Лейбористской партией. Бухарин с необычной жесткостью говорил о «явно оппортунистических ошибках» руководителей и некоторых членов КПВ. Он упрекал их в том, что они выразили недовольство острой критикой, которой Центральный Совет советских профсоюзов подверг Генеральный совет БКТ, в том, что их собственная критика в адрес профсоюзных и лейбористских лидеров на последнем конгрессе тред-юнионов была вялой и недостаточно четкой, а сейчас в вопросе о новой предвыборной тактике они опасались, «не слишком ли мы „загибаем“ влево». Задача Коминтерна — «выправить все эти ошибки»¹⁶⁴.

Во время работы XV съезда ВКП(б) Секретариат Коминтерна впускал членам Компартии Великобритании, прибывшим в Москву на торжества, связанные с 10-й годовщиной Октябрьской революции, важность проведения новой тактики в отношении Лейбористской партии. В повестке дня заседания Президиума ИККИ, которое состоялось 23 ноября 1927 г., значился вопрос о IX съезде КПВ¹⁶⁵; если он и обсуждался, то никакие отчеты об этом опубликованы не были. Тем не менее 15 декабря 1927 г. неофициальная комиссия Президиума рекомендовала «не отдавать, как правило, голоса лейбористским кандидатам», или если «в исключительных случаях» это происходит, то это должно сопровождаться «специальным заявлением (разоблачающим Лейбористскую партию и т. д.)»¹⁶⁶. Невозможность определить «исключительные случаи» делала эту рекомендацию чрезвычайно двусмысленной. Поллит и Арнот позволили себя убедить, но когда делегаты возвратились в Лондон, среди партийных руководителей были все еще широко распространены скептические настроения. Когда в начале января 1928 г. состоялось заседание Центрального комитета Компартии Великобритании, в представленной ему от имени большинства резолюции фактически защищалась традиционная линия партии против новых предложений.

Резолюция начиналась с утверждения о том, что Лейбористская партия «еще не социал-демократическая *партия* в общепринятом значении этого слова», а «федерация для парламентских целей реформистских политических партий и тред-юнионов». В резолюции приводилось много цитат из опубликованной в 1920 г. работы Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», в которой он настоятельно убеждал британских коммунистов помочь «Гендерсонам и Сноуденам», несмотря на их «полную негодность» и «мелкобуржуазную и предательскую натуру», «победить... Ллойд Джорджа и Черчилля» и особенно предложить им для этой цели

предвыборную помощь. Несколько недель спустя, на II конгрессе Коминтерна, Ленин отстаивал свою точку зрения о том, что коммунисты должны остаться в Лейбористской партии и таким образом осуществлять «сотрудничество передового меньшинства английских рабочих с их подавляющим большинством».

В резолюции большинства утверждалось, что, какие бы изменения ни произошли, «положение в Великобритании в 1927 году не столь революционное, как в 1920 году», а посему совет Ленина не устарел. Политика партии позволила «расширить ее влияние в тот период, когда изоляционистская политика убила бы ее». В 1928 г., так же как и в 1920 г., она должна продолжать «помогать правительству Гендерсона — Сноудена прийти к власти, чтобы рабочие на собственном опыте убедились в никчемности реформизма»; это означало «ускорить приход второго реформистского лейбористского правительства». Резолюция заканчивалась признанием некоторых прошлых ошибок: во время избирательной кампании партия не сумела объяснить разницу между парламентским лейбористским правительством и подлинно рабочим правительством или поднять вопрос об изменении руководства Лейбористской партией¹⁶⁷.

Протокола заседания Центрального комитета КПВ не существует. Однако мнение меньшинства было изложено в меморандуме, подготовленном Арнотом и Даттом для IX пленума Исполкома Коминтерна, который состоялся в следующем месяце. Меньшинство приписывало сокращение числа членов партии в период, когда «левые тенденции в рабочем классе заметно усиливаются», ослаблению «независимого активного руководства» в партии и требовало «прямой борьбы за независимое политическое руководство против официального лейбористского руководства». Не дело Коммунистической партии помогать Лейбористской партии прийти к власти. Наконец, меньшинство выражало свою точку зрения на три трудных вопроса, которые, очевидно, возникли в ходе дискуссии.

Первый из них в конечном счете оказался самым трудным. Если бы было решение выдвинуть максимальное число кандидатов-коммунистов на всеобщих выборах даже — или, возможно, особенно — там, где они будут конкурировать с кандидатами от Лейбористской партии, все равно останется значительное большинство округов, в которых это сделать невозможно. Нужно ли советовать членам компартии воздерживаться от голосования в этих округах? Или их следует рассматривать как «исключительные случаи», при которых можно голосовать за кандидатов от Лейбористской партии? Меньшинство считало, что в таких случаях нужно заставить лейбористского кандидата «принять требования нашего единого фронта», а в случае отказа «мы должны призвать рабочих не оказывать ему поддержки и отказаться от голосования».

Второй вопрос относился к добровольным политическим взносам, собираемым тред-юнионами в фонд Лейбористской партии.

Меньшинство полагало, что коммунисты — члены тред-юнионов должны продолжать вносить эти деньги, но «агитировать за то, чтобы они шли в фонд избирательной кампании коммунистов». Третий вопрос — заявление КПВ, которое делалось и отвергалось ежегодно начиная с 1920 г., о присоединении к Лейбористской партии. Меньшинство предложило еще раз обратиться к Лейбористской партии, а затем прекратить все попытки, сделав соответствующее заявление¹⁶⁸.

Дебаты на заседании Центрального Комитета КПВ, видимо, были острыми, но шестнадцать голосами против шести была принята резолюция большинства¹⁶⁹. В конце заседания было принято «Открытое письмо» партии. Этим были сделаны некоторые словесные уступки меньшинству. В «Открытом письме» утверждалось, что «реформисты все более и более откатываются вправо», в то время как *«массы становятся все активнее политически»*. В нем подробно говорилось об «опасности справа» и необходимости двигаться влево и вновь признавались прошлые ошибки. Однако все эти общие высказывания не привели к заявлению об изменениях в политике. Ничего в сущности не было решено¹⁷⁰.

Тщеславие или амбиции Мерфи привели к тому, что он отмежевался как от большинства, так и от меньшинства и представил меморандум, в котором предлагалась «консолидация нашей партии с революционными левыми силами». Это означало создание коалиции — во время выборов и для других целей — между КПВ и меньшинством и левыми движениями, состоящими из членов тред-юнионов и местных организаций Лейбористской партии, отчужденными от Генерального совета или от Лейбористской партии из-за того, что они допустили в свои ряды коммунистов¹⁷¹. Предложение Мерфи не было принято и позже было использовано для его очернения как человека, добивающегося «ликвидации» Компартии Великобритании путем объединения ее в одну, большую организацию.

Представительная делегация разделившейся на большинство и меньшинство Компартии Великобритании присутствовала в феврале 1928 г. на IX пленуме Исполкома Коминтерна в Москве, вероятно ожидая принятия на нем четкого решения по спорным вопросам. Была учреждена комиссия по британским делам, которая провела пять заседаний; на этих заседаниях присутствовали «практически все делегаты» представленных на пленуме национальностей¹⁷². Кэмпбелл, Галлахер и Раст представили пересмотренные тезисы, в которых они модифицировали свое суждение о Лейбористской партии, выразив его в терминах, рассчитанных на то, чтобы больше импонировать ортодоксальности тогдашнего Коминтерна:

«Лидеры Лейбористской партии заметно преуспели в установлении социал-демократической дисциплины в Лейбористской партии и вследствие этого приняли серьезные меры для осуществления своих целей, которые заключаются в предупреждении

преобразования Лейбористской партии в классовую организацию и в превращении ее в буржуазную партию, третью партию капиталистического класса».

Требование «второго реформистского лейбористского правительства» было заменено лозунгом «революционного рабочего правительства»¹⁷³. Однако по сути мало что изменилось. Кэмпбелл выступал от имени большинства, Арнот — от имени меньшинства, а Галлахер, единственный опытный парламентарий в руководстве партии, заявил, что «глупо говорить, что Лейбористская партия является третьей буржуазной партией», и указал на аномалии, к которым приведет эта точка зрения¹⁷⁴. Выступления трех других британских делегатов в поддержку существующей тактики не были включены в опубликованный отчет¹⁷⁵.

Если в выступлениях британских делегатов подчеркивались эти острые разногласия, то вклад других делегатов пленума в разрешение стоящих вопросов был менее эффективным. Авторитет мнения Коминтерна был направлен против мнения большинства, но практические выводы, сделанные из этого суждения, допускали двоякое толкование. Бухарин задал тон, провозгласив, что «британская партия должна сделать резкий поворот влево». Она должна признать, что у нее не один враг, а два — «правительство Болдуина» и «второй враждебный блок», состоящий из тред-юнионов, Лейбористской партии и всех некоммунистических левых сил. Но «так как преобразование Лейбористской партии в обычную социал-демократическую партию еще не завершилось», было бы ошибкой отказываться от требования вступления в ее члены. Бухарин не затронул вопроса о денежных взносах на нужды избирательной кампании и, настаивая на необходимости выдвигать на выборах максимальное число кандидатов от коммунистической партии, избежал тем самым скользкого вопроса о голосовании в округах, где таких кандидатов нет¹⁷⁶.

Пеппер, Рой и Катаяма мягко, а Шюллер, Лозовский, Петровский резко выступили в поддержку меньшинства и против большинства. Немногие ораторы отважились затронуть колючий вопрос о голосовании. Только Варга и Эверт, который работал под псевдонимом Браун в качестве советника Коминтерна в Компартии Великобритании, открыто сделали вывод, что там, где нет кандидатов от коммунистической партии, следует поощрять рабочих отдавать свои голоса кандидатам от Лейбористской партии. Шмераль предложил коммунистам портить избирательные бюллетени и писать на них лозунги, такие, как «Самоопределение для Индии». Лозовский подошел ближе всех к идее прямого отказа от голосования:

«Ни одного голоса тем, кто предал горняков! Не голосуйте за тех, кто в Блэкпуле и в Ливерпуле исключил коммунистов из Лейбористской партии».

С другой стороны, Петровский, хотя он и был непреклонен в своей критике большинства и персонально Кэмпбелла и Ротштей-

на, пришел к осторожному и двойственному выводу по вопросу об избирательной тактике:

«Мы должны оставить открытым решение вопроса об округах, где нет ни наших кандидатов, ни кандидатов от рабочего класса, до самого последнего дня выборов, имея в виду, что голосование за лейбористов должно рассматриваться как зло с точки зрения нашей борьбы против Лейбористской партии и лейбористского правительства».

Кэмпбелл в своей заключительной речи явно защищался и признал, что он не убедил большинство комиссии¹⁷⁷.

По окончании дебатов британские делегаты вместе с Петровским «вошли в комиссию для обсуждения резолюции, которая была подготовлена в ходе дискуссии»¹⁷⁸, и 18 февраля 1928 г. Петровский смог объявить на пленарном заседании ИККИ, что было достигнуто единодушное решение по обсуждаемой резолюции. Резолюция была подписана и Кэмпбеллом и Арнотом. Галлахер, который был избран председателем на этом заседании, обещал уделять «самое лояльное и энергичное внимание задачам, содержащимся в этой резолюции», и поблагодарил Коминтерн за его «ценную помощь». Несколько иностранных делегатов присоединили свои поздравления. Эверт многозначительно заметил, что подобные политические разногласия в других партиях могли бы стать основой для фракционной борьбы¹⁷⁹.

В единодушно принятой резолюции описывалась эволюция Лейбористской партии «из особой организации федеративного типа» в «ординарную социалдемократическую партию», находившуюся в союзе с капиталистической буржуазией и непримиримо враждебную к коммунистам и «левым рабочим». Вместе с тем «неравномерно и не без зигзагов рабочий класс в общем и целом продолжает двигаться налево» (на редкость взвешенная оценка). Была отвергнута всякая аналогия с ситуацией, имевшей место в 1920 г. Компартия получила инструкцию «отчетливее и резче выступить в качестве независимой политической партии, изменить свою позицию по отношению к Рабочей партии и «рабочему правительству» и, следовательно, заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства. Однако не следовало пока отказываться от требования коммунистической партии о вхождении в Лейбористскую партию. В тред-юнионах члены партии должны агитировать за проведение на местах контроля денежных средств, получаемых от взносов на нужды избирательной кампании; при этом подразумевалось, что они должны пока продолжать платить эти взносы. Партии необходимо было помнить: она «имеет не один лагерь врагов, а два лагеря их» — консерваторы и «блок либералов, верхов Рабочей партии и тред-юнионов». На выборах должна была оказываться поддержка тем кандидатам от Лейбористской партии, которые выступают за прием коммунистов в Лейбористскую партию (фактически таких кандидатов, вероятно, не существовало). В других случаях голосование за кандидата

от Лейбористской партии «должно быть конкретно и окончательно решено лишь после всей предварительно проделанной работы по выставлению собственных кандидатур или кандидатур левых рабочих». Однако партии следует провести «широкую дискуссию по всем проблемам и вопросам, связанным с этой тактикой». На этой загадочной ноте резолюция заканчивалась¹⁸⁰.

В дальнейшем не без основания о IX пленуме Исполкома Коминтерна говорилось как о поворотном пункте в эволюции британской компартии. Однако решения, которые казались достаточно приемлемыми в Москве, представляли собой серию головоломок для сбитых с толку руководителей КПВ, когда они вернулись домой. Некоторые проволочки возникли после возвращения британских делегатов в Лондон из-за появления «серьезных сомнений... в важности отдельных разделов резолюции»¹⁸¹. Тем не менее 14 марта 1928 г. Политбюро партии опубликовало заявление, имеющее целью объяснить основные изменения в политике КПВ, предписанные резолюцией Исполкома Коминтерна. В нем повторялось известное обвинение в адрес Лейбористской партии, которая *«сегодня добивается... приспособления своей программы полностью и окончательно к нуждам капитализма»*. В нем разъяснялось что целью выборов является уже не оказание помощи Лейбористской партии в приходе к власти, а *«выдвижение лозунга рабочего правительства»*. Однако в нем обходился молчанием решающий вопрос о предвыборной тактике, а также практические вопросы, возникшие в связи с новым курсом¹⁸².

Эти вопросы встали перед Центральным комитетом британской компартии на его мартовском пленуме в 1928 г. В Центральном комитете прошли дебаты по вопросу о том, должен ли он в свете принятых решений: а) снять требование о вступлении в Лейбористскую партию; б) дать указание коммунистам — членам тред-юнионов не платить денежные взносы на нужды избирательной кампании; в) прекратить оказывать поддержку левому крылу Лейбористской партии и г) выступить за то, чтобы воздерживаться от голосования на выборах в тех округах, где КПВ не имеет собственных кандидатов. Центральный комитет отверг все четыре предложения, по-видимому, большинством голосов. Следующий пленум Центрального комитета КПВ, состоявшийся в июле 1928 г., закончился с тем же результатом, хотя в данном случае при голосовании по вопросу о членстве в Лейбористской партии «благодаря отсутствию нескольких человек» голоса разделились поровну¹⁸³. Неясно, насколько верно это разделение голосов отражает направления, по которым произошел раскол британской компартии накануне IX пленума ИККИ.

Несколько месяцев спустя Президиум Исполкома Коминтерна упрекнул руководителей КПВ в том, что они опубликовали отчет о IX пленуме ИККИ «очень поздно и только после повторных напоминаний Коминтерна» (он был опубликован лишь в сентябре

1928 г.), не сумели объяснить или подчеркнуть разницу между старой и новой тактикой, рассматривали этот вопрос в первую очередь как вопрос предвыборной политики и проявили такую нерешительность, что члены партии и им сочувствующие «совершенно не поняли, что из себя представляет наша „новая линия” на практике»¹⁸⁴. Нерешительность, по-видимому, была вызвана не столько желанием, в котором обвиняют партию, «объяснять резолюцию [IX пленума ИККИ] о новой тактике как продолжение и дополнение резолюций... принятых ранее»¹⁸⁵, сколько искренней неспособностью понять, какие решения этих практических вопросов в действительности подразумевались в резолюции, написанной сдержанным языком.

Не внес достаточной ясности и состоявшийся в марте 1928 г. в Москве IV конгресс Профинтерна, хотя на нем и была предоставлена возможность обсудить все спорные вопросы. Лозовский в своем основном докладе конгрессу, который был полон нападок на реформистских лидеров¹⁸⁶, мало говорил о британских тред-юнионах, отметив только, что «несомненное значение» отказа от Англо-русского комитета заключалось в том, чтобы ясно поставить перед рабочими вопрос, за кем идти, и добиваться пополнения Профинтерна и его организаций новыми членами. Он выступил с критикой выдвинутого британской компартией лозунга «восстановления англо-русского комитета», охарактеризовав его как пример «недостаточного умения менять свои лозунги своевременно»¹⁸⁷. Британскую делегацию возглавлял Хорнер, который в январе 1928 г. голосовал в Центральном комитете КПВ вместе с большинством. Утверждая, что он принимает «основные линии» доклада Лозовского, Хорнер обнаружил, что Лозовский «недооценил силы Амстердама и преувеличил силу Профинтерна». Не все реформистские профсоюзы были «орудием в руках капитализма» — это исключение, а не правило; и было ошибкой «во всех странах вообще оставлять реформистские союзы в руках реформистских предателей». В таких странах, как Великобритания, основная задача революционных рабочих — работать внутри реформистских тред-юнионов, добиваясь руководства ими¹⁸⁸.

Резолюция IV конгресса Профинтерна по вопросу «О задачах Движения меньшинства в Англии», проект которой был составлен комиссией и без обсуждения единогласно одобрен, была эклектической и охватывала обе точки зрения. В ней заявлялось, что «все официальные лидеры профсоюзов, как правые, так и так называемые «левые», встали теперь на путь открытой безоговорочной поддержки капитализма». Национальное движение меньшинства представляло собой «единственную революционную оппозицию реформистам в профсоюзах». Однако «в качестве временной меры Движение меньшинства должно также организовывать свои силы внутри всех единиц нынешней профсоюзной организации» и добиваться получения руководящих постов на каждом уровне. Следует энергично противодействовать попыткам тред-юнионов исключать

или бойкотировать членов Национального движения меньшинства. Совет, данный Движением своим 22 отделениям отпочковаться от НДМ по требованию Генерального совета БКТ, был «политической капитуляцией» и «серьезной ошибкой»¹⁸⁹. Движение меньшинства не получило указаний, как избежать обоих острых углов этой дилеммы, но ему было указано на необходимость охватить оба ее аспекта.

В то время как Компартия Великобритании, настойчиво подталкиваемая Коминтерном, углубляла трещину, отделявшую ее от Лейбористской партии и Британского конгресса тред-юнионов, последние вносили не менее эффективную лепту в тот же самый процесс такими действиями, которые вполне оправдывали обвинения, выдвигаемые коммунистами в их адрес. Неожиданно примирительный тон работы конгресса тред-юнионов в Эдинбурге, проходившего в сентябре 1927 г., побудил Монда (впоследствии лорда Мелчетта) обратиться к Генеральному совету БКТ от имени 20 ведущих промышленников и предложить провести конференцию, которая содействовала бы осуществлению идеи мира и сотрудничества в промышленности. Ответ был положительным. Первая встреча состоялась 12 января 1928 г., а 24 января 1928 г. Генеральный совет тред-юнионов большинством голосов благословил продолжение обсуждения в совместном постоянном комитете¹⁹⁰.

Эти переговоры не остались без внимания «левых». После IX съезда британской компартии, состоявшегося в октябре 1927 г., Центральный комитет КПВ выступил с заявлением, в котором осуждалась политика «мира в промышленности»¹⁹¹. Со своей обычной импульсивностью Кук начал кампанию против того, что окрестили «мондизмом». В статье от 6 января 1928 г., опубликованной в газете «Уоркерс лайф», он выразил протест против искажения его позиции и высказался за «ниспровержение капиталистической системы» и за «новый социальный порядок». Он опубликовал памфлет, озаглавленный «Фантазия Монда», за который получил порицание от Генерального совета БКТ и который, как говорят, разошелся в 10 тыс. экземпляров¹⁹².

Вскоре эта кампания наткнулась на подводные камни, которые в это время сопровождали все попытки наладить сотрудничество между Коммунистической партией Великобритании и некоммунистическими левыми силами. Галлахер, по его собственным словам, представил Кука Уитли и Макстону — двум стойким приверженцам Независимой рабочей партии (Макстон был в то время ее председателем), и они вместе составили проект документа, который появился в еженедельнике Независимой рабочей партии «Нью лидер» 22 июня 1928 г. в виде письма или манифеста, подписанного совместно Куком и Макстоном¹⁹³. К сожалению, документ этот был краток и туманен. Авторы были «серьезно обеспокоены тем, куда ведут британское рабочее движение», отвергали «новую концепцию, гласящую, что социализм и капитализм должны предать забвению свои разногласия», и предлагали провести «се-

рию конференций и собраний в различных частях страны», чтобы прозондировать мнение рядовых членов рабочего движения. Публикация письма в «Нью лидер» сопровождалась примечанием редактора: «Мы уполномочены заявить, что это письмо написано в порядке чисто личного общения, и в его написании никто, кроме двух подписавшихся, никоим образом не участвовал». Мнения в Независимой рабочей партии разделились. 3 июня 1928 г. Макстон подвергся критике в национальном комитете за то, что действовал, не проконсультировавшись с партией¹⁹⁴, а несколько дней спустя Национальный совет большинством в семь голосов против шести принял резолюцию, которая, «поддерживая дух и цель документа, одновременно не одобряет проведение неофициальных конференций, особенно если учитывать, что Независимая рабочая партия предоставляет адекватные возможности для обмена мнениями»¹⁹⁵.

Если «манифест Кука — Макстона» (теперь он обычно именуется именно так) привел в замешательство Независимую рабочую партию, то он также озадачил и коммунистическую партию. В начале партийная газета смущенно приветствовала его как успех кампании, направленной против мондизма и программы Лейбористской партии, и подтверждение правильности новой линии КПВ. Газета похвалила Кука. Однако она выразила сомнение насчет Макстона, вспомнив неприятный прецедент 1922 г., когда Независимая рабочая партия выступила в поддержку неудавшегося 2¹/₂ Интернационала¹⁹⁶. Якобы независимая «Санди уоркер» узнала, что Независимая рабочая партия одобрила манифест при условии, чтобы он не был «направлен на подрыв рабочего движения», — взгляд, который не разделяла коммунистическая партия и, возможно, сам Кук. В том же самом номере «Санди уоркер» было опубликовано письмо левого крыла Лейбористской партии, адресованное Куку и Макстону с вопросом о том, следует ли относиться к ним серьезно. В манифесте не содержалось никакой программы, и он выглядел как повторение бесцельных выступлений группы Ленсбери из Лейбористской партии. Почему бы не сотрудничать с левым крылом на основе его собственной программы?¹⁹⁷

Неделю спустя «Санди уоркер» опубликовала еще одно заявление Кука и Макстона, в котором мондизм объявлялся фашизмом и осуждалось «лишение прав коммунистов и других борцов». Однако в нем со ссылкой на предложенное Куком — Макстоном проведение общественных собраний, была также выражена серьезная озабоченность и сомнение по поводу того, «был ли урегулирован вопрос о возможности выступления на них коммунистов»¹⁹⁸. 8 июля 1928 г. в Глазго прошло первое такое собрание, которое открыло кампанию. Кук выступил с воинственной речью, но Макстон, увлекшись словесными обобщениями, по словам присутствовавших там Галлахера и Уитли, горько разочаровал аудиторию. «Великое социалистическое возрождение», сказал Галлахер, закончилось как «панихида»¹⁹⁹. С разочарованием было отмечено,

что Кук и Макстон не ответили на приглашение принять участие в конференциях левого крыла Лейбористской партии²⁰⁰.

На VI конгрессе Коминтерна, собравшемся в июле 1928 г., присутствовала большая британская делегация, в которую вошли Мерфи, Белл, Арнот, Ротштейн и Петровский. Точка зрения Секретариата Коминтерна была суммирована в его докладе конгрессу:

«Псевдолевое крыло, руководимое Ленсбери, Перселем и другими, которое возникло до великого забастовочного движения, вновь слилось с правым крылом и полностью в нем растворилось»²⁰¹.

На пленарных заседаниях конгресса не было серьезного обсуждения положения дел в Компартии Великобритании. В своем основном докладе Бухарин говорил об ее отношении к Лейбористской партии кратко, но резко:

«Если мы и теперь будем придерживаться прежнего лозунга и сохранять прежние взаимоотношения, чтобы не сорвать общего фронта организованного пролетариата, мы погибли: мы лишимся нашей политической физиономии, а тем самым и права на самостоятельное существование... Мы должны сказать: поворот в английской партии обусловлен изменением объективного положения»²⁰². Но это было не более чем повторение предписаний IX пленума Исполкома Коминтерна²⁰³.

Выступая в прениях, Ганнингтон упрекнул Бухарина в том, что он «ни единым словом не упомянул о работе членов партии среди безработных». Он рассказал о Национальном комитете безработных, существовавшем с начала 20-х гг., «в рядах которого работают виднейшие товарищи нашей партии»; марш горнорабочих Южного Уэльса в Лондон осенью 1927 г. был «крупнейшим массовым выступлением в Англии в 1927 г.». Ганнингтон предложил, чтобы Коминтерн дал указание другим партиям «создать массовые организации безработных» по типу существующих в Англии²⁰⁴. Другой британский делегат критиковал мондизм. Он повторил известное утверждение, что «британские рабочие продолжают идти влево, в то время как их реформистские лидеры все более правят», и заявил, что, хотя партия немногочисленна, она «готова бороться более упорно, чем когда бы то ни было, с реформистским руководством»²⁰⁵.

Петровский в своей двойной роли члена Компартии Великобритании и сотрудника Коминтерна признал, что слишком рано говорить о результатах новой тактики, которая требовала «перемены ориентации в сей нашей партии»: такие изменения не могут быть внесены за один день. Резолюция Центрального комитета КПВ не прояснила вопроса о том, продолжать ли требовать допущения коммунистов в Лейбористскую партию, или вопроса о денежных взносах на нужды избирательной кампании в тред-юнионах. Петровский выступил с критикой ответа партии на заявление Кука — Макстона на том загадочном основании, что «вместо того, чтобы помогать движению путем критики Макстона, Хикса и пр.», ком-

партия пыталась «руководить Куком и Макстоном». Тем не менее он закончил заверением, что КПВ «сверху донизу» приняла новую линию²⁰⁶.

В своем заключительном слове Бухарин заявил, что «традиция единого „организованного труда“» — сильнейшая традиция в британском рабочем классе — была «крупным козырем в руках реформистов». Трудно оказалось убедить «некоторых из лучших наших товарищей» в том, что необходимо выступать «и против правительства Болдуина, и против Рабочей партии». Однако сейчас эти товарищи, «не без влияния ИККИ», совершили «крутой поворот»; это изменение тактики представляет собой «крупнейшее событие в истории английского рабочего движения»²⁰⁷.

В небольшом разделе резолюции конгресса по основному вопросу, отведенном Компартии Великобритании, мондизм приводится в качестве симптома «превращения Рабочей партии в социал-либеральную партию континентального социал-демократического образца» и выдвигается требование проведения «более отчетливой классовой позиции и более решительной борьбы против Рабочей партии». Партии необходимо «развернуть широкую дискуссию о тактическом повороте в политике партии и о методах проведения новой тактики»²⁰⁸.

Белл выступил в качестве официального докладчика в дискуссии по вопросу об опасности войны. Он не затрагивал спорных вопросов и не поднимал специфически британских вопросов. Роуз Коэн, другой британский делегат, выступила против оговорки в проекте тезисов, в которой говорилось, что лозунг солдатских советов не относится к наемным армиям, таким, как армия Великобритании. Но так как было решено, что этот лозунг будет применяться только в непосредственно революционной ситуации, вопрос представлял чисто академический интерес²⁰⁹. Британская делегация обратила на себя внимание в дебатах по колониальным вопросам, в ходе которых огромное большинство поддерживало теорию «деколонизации» в Индии, против чего резко выступили высшие чины Коминтерна и каждая вторая делегация. Разногласия в британской делегации по этому вопросу не были следствием недавнего раскола в партии по вопросу о «новой линии»: теперь Арнот и Ротштейн высказывались и голосовали вместе с большинством, а Мерфи был единственным ведущим британским делегатом, который поддержал официальную точку зрения Коминтерна. Дебаты были ожесточенными, и британские делегаты довели свое несогласие с официальными тезисами до голосования²¹⁰.

В заключительной речи Куусинен извинился за свои «односторонние нападки» на британских делегатов, когда он выступал с заключительным словом по вопросу о колониях (он тогда выразил удивление, что они говорили как «империалисты и их лакеи»). Он сказал, что знает, что КПВ «делает большие усилия для усвоения

новой линии», и он верит, что «для всех капиталистических стран английская партия... в состоянии дать образец коммунистической работы»²¹¹. Это был пример редкой в истории Коминтерна попытки успокоить взволнованные чувства непокорной партии.

Делегация получила и другие директивы. В кулуарах проходили дискуссии с англо-американским секретариатом Коминтерна, которые, однако, по мнению партийных руководителей, «привели к тем же самым результатам, что и апрельское совещание Центрального комитета»²¹². Эту точку зрения, по-видимому, не разделял Мерфи, который писал, что дискуссии привели к тому, что «те из нас, кто выступал за голосование [на парламентских выборах] за кандидата от Лейбористской партии там, где не было кандидата от коммунистической партии, признали, что были не правы»²¹³. Единственная краткая выдержка, когда-либо напечатанная, из заявления, с которым обратился к британским делегатам англо-американский секретариат, несколько помогает понять слова Мерфи:

«Если самые энергичные усилия выставить кандидата, конкурирующего с кандидатом от Лейбористской партии, провалились [sic] и партия оказалась не в состоянии гарантировать проведение кампании единого фронта с кандидатом от Лейбористской партии на основе программы минимальных требований, то в таком случае... невозможно призывать голосовать за представителя макдональдизма»²¹⁴.

Без знания контекста или других разделов этого заявления суждение о нем может быть рискованным. Однако если бы секретариат хотел наложить общий строгий запрет на оказание поддержки кандидатам от Лейбористской партии и четко и точно определить те исключительные условия, которые могли бы оправдать отход от установленного правила, он мог бы найти совершенно другие слова. «Кампания единого фронта с кандидатом от Лейбористской партии на основе программы минимальных требований» — фраза, явно допускающая двусмысленное толкование. Нельзя не сделать вывод о том, что либо в самом секретариате наблюдались колебания и расхождение во мнениях, либо секретариат умышленно пытался стимулировать левое крыло британской компартии восстать против существовавших руководителей и их политики, в то же время сам сохраняя видимость пребывания в стороне от борьбы.

Вожди Коммунистической партии Великобритании вернулись из Москвы смущенные и несколько озадаченные. Никогда больше они не осмелятся бросить вызов объединенному авторитету Коминтерна. Тем не менее согласовать его приказы с реалиями британской ситуации, какой они ее видели, было архитрудной задачей. Лейбористская партия Великобритании в отличие от Французской социалистической партии была порождением тред-юнионов и черпала свою силу, несмотря на значительный приток интеллигенции, в этой твердой пролетарской базе. Не только процент рабочих,

организованных в профсоюзы, был в Англии значительно выше, чем во Франции, но и британское профсоюзное движение в отличие от французского не было расколото и британские рабочие массы сохраняли верность движению. Пренебрегать этими освященными временем традициями было неблагодарным делом.

Еще до окончания работы конгресса Коминтерна в Москве начала свою работу пятая ежегодная конференция Национального движения меньшинства, которая проходила в Лондоне 25—26 августа 1928 г. Конференция собрала рекордное число делегатов — 844, но число рабочих, которых они представляли, в отличие от предыдущих конференций, не указывалось²¹⁵. Кук и Макстон направили в адрес конференции теплое послание с братскими приветствиями, осуждая мондизм и «промышленный мир». Манн в своем обращении к конференции осудил империализм, еще раз призвал к выводу войск из Китая, высказался в защиту права на забастовки «солидарности» и закончил призывом: «Не промышленный мир — а класс против класса». Излюбленной мишенью на дебатах был мондизм, и были приняты резолюции о промышленном мире и опасности войны²¹⁶.

Однако сколь мало Национальное движение меньшинства теперь отвечало своей первоначальной цели — играть роль революционной группы нажима внутри профсоюзного движения, — стало ясно несколько дней спустя на 60-м ежегодном конгрессе тред-юнионов в Суонси. В протоколах конгресса нашла отражение новая волна исключений и занесения в «черный список» коммунистов и им сочувствующих, интенсивность и безжалостность которой все увеличивались и все с большей готовностью одобрялись рядовыми членами тред-юнионов на каждом очередном ежегодном конгрессе. Решение исключить из БКТ советы тред-юнионов, состоявшие в Движении меньшинства, было одобрено преобладающим большинством голосов²¹⁷. После энергичного призыва Бевина была решительно отвергнута резолюция о временном прекращении переговоров с Мондом; такая же судьба постигла и резолюцию, призывающую Генеральный совет БКТ созвать международную конференцию профсоюзов, входящих в Международную федерацию профсоюзов, и Профинтерна и бороться за восстановление Англо-русского комитета²¹⁸. О позиции конгресса британских тред-юнионов и конгресса Всеобщего объединения профессиональных союзов Германии, одновременно проходившего в Гамбурге, «Правда» писала: «**Огонь по коммунизму**, по движению меньшинства, по профсоюзной оппозиции, по всем честным и революционным рабочим»²¹⁹. Во время работы конгресса тред-юнионов у здания проходила демонстрация безработных, и была вызвана полиция, чтобы помешать демонстрантам войти в здание²²⁰. Атмосфера на последовавшей за конгрессом тред-юнионов конференции Лейбористской партии в Бирмингеме была еще более прохладной. Госсип, пожилой коммунист и один из немногих коммунистов, присутствовавших на конференции, был встречен насмешками, когда он

внес предложение «вернуть для повторного рассмотрения» постановление об исключении коммунистов из Лейбористской партии, и его резолюция со смехом была отклонена ²²¹.

Таким образом, осенью 1928 г. перед Компартией Великобритании, испытывавшей чрезвычайно сильное давление с двух сторон, встал вопрос, от решения которого она долгое время пыталась уклониться. Дилемма эта возникла еще в период образования партии.

Британская социалистическая партия, самая большая из групп, которые объединились, чтобы основать Коммунистическую партию Великобритании в августе 1920 г., верила в парламентскую деятельность и стремилась работать как левая группа внутри свободной структуры Лейбористской партии. Федор Ротштейн, ведущий большевистский эмигрант в Лондоне до 1917 г., поддерживал связи с Британской социалистической партией, которая организовала в 1919 г. первую кампанию «Руки прочь от России». Повидимому, эта партия обращалась с просьбой о приеме в Коминтерн еще до образования британской компартии. Инкпин, секретарь КПВ вплоть до 1929 г., пришел из этой партии; Кэмпбелл, Ганнингтон и Эндрю Ротштейн, хотя никогда не были членами Британской социалистической партии, были воспитаны на ее традициях. Вторая по величине группа, Социалистическая рабочая партия, была связана с движением профсоюзных лидеров, не входила в Лейбористскую партию и не доверяла парламентской борьбе; многие активные деятели компартии первых лет ее существования, включая Белла, Мак-Мануса и Мерфи, вышли из этой группы ²²².

В течение первых нескольких лет сотрудничество с Лейбористской партией и профсоюзными лидерами не представляло проблем. До тех пор пока тактика работы внутри Лейбористской партии и профсоюзов, которая применялась для их завоевания или, если необходимо, для замены конституционными средствами существовавших вождей, казалось, обещала успех, вопрос об альтернативной политике непосредственного революционного наступления на этих вождей не возникал. Однако сомнительный опыт первого лейбористского правительства, пришедшего к власти в 1924 г., тяжелый шок, вызванный всеобщей забастовкой и ее последствиями, нелепое фиаско Англо-русского комитета и, наконец, парадоксальность проведения мондистских конференций между профсоюзами и капиталистами — все это последовательно продемонстрировало бесполезность такого компромисса. Начиная с 1927 г. Профинтерн и Коминтерн стали все более и более настойчиво убеждать сопротивляющуюся их выводам британскую компартию в банкротстве политики сотрудничества и настоятельной необходимости разрыва с прошлым. А все возрастающая непримиримая враждебность Британского конгресса тред-юнионов и Лейбористской партии ко всему, что отдавало коммунизмом, со своей

стороны, убеждала ее в том же самом не менее упорно. В ноябре 1928 г. Датт смог представить «новую линию», провозглашенную Коминтерном, как вынужденный ответ на «новый курс», выработанный и ратифицированный БКТ в Суонси и Лейбористской партией в Бирмингеме, — «официальное превращение лейбористского движения в механизм сотрудничества с капитализмом»²²³. В статье, опубликованной в партийном журнале, автор отрицал, что «мы пришли к новой политике по нашей собственной воле»; она «была навязана нам реформистским лейбористским руководством»²²⁴.

Десятый съезд Компартии Великобритании, который должен был состояться осенью 1928 г., был отложен до января 1929 г., возможно, из-за трудности, связанной с тем, чтобы добиться единодушной поддержки всей партией резолюций VI конгресса Коминтерна²²⁵. Как IX пленум ИККИ, так и VI конгресс Коминтерна призвали к «широкой дискуссии» о политике и тактике внутри КПВ — завуалированный, обращенный к меньшинству призыв дать отвод существовавшему руководству²²⁶. 12 октября 1928 г. «Уоркерс лайф» объявила о начале широкой дискуссии по вопросу о политике КПВ в плане подготовки к предстоящему съезду партии, и партийный журнал посвятил этой теме ноябрьской и декабрьской нормера за 1928 г. Секретариат партии, все еще контролируемый старым партийным большинством, опубликовал длинный проект тезисов о «Современном положении и задачах партии», который должен был быть представлен на рассмотрение съезда вместе с дополнительной резолюцией об особой проблеме отношения к Лейбористской партии²²⁷.

В этих документах повторялся анализ «третьего периода», осуждение Лейбористской партии и директивы британской компартии так, как они были сформулированы IX пленумом ИККИ и VI конгрессом Коминтерна. Следуя этим директивам, было предложено отказаться от ежегодного обращения с просьбой о вступлении в Лейбористскую партию, но продолжать платить взносы на нужды избирательной кампании. Работа в Национальном движении меньшинства должна была проводиться по-прежнему, а работу внутри Национального движения левого крыла Лейбористской партии следовало сделать более эффективной²²⁸. Вопрос об избирательной тактике был обойден молчанием. Однако в проектах резолюций не был сделан акцент на необходимость каких-либо резких изменений в политике, вытекающих из этих решений, и не были признаны прошлые ошибки компартии.

В итоге таким образом начатой «дискуссии» возобновились разногласия между большинством и меньшинством в партии, которые якобы были улажены на IX пленуме Исполкома Коминтерна. Еще до публикации проектов резолюций, разработанных Секретариатом КПВ, Мерфи, стремясь реабилитировать себя после своего неудачного выступления на IX пленуме ИККИ, опубликовал резкую статью о «правой» опасности в КПВ в поддержку

левого крыла партии и линии Коминтерна. Он утверждал на VI конгрессе Коминтерна, что было принято решение не поддерживать на выборах кандидатов от Лейбористской партии даже там, где нет кандидатов от коммунистической партии. Он отверг как идею вступления в Лейбористскую партию, так и необходимость делать взнос на нужды избирательной кампании и предложил выйти из Национального движения левого крыла Лейбористской партии: «Оно должно быть ликвидировано, и умрет через две недели, если партия перестанет его поддерживать». Крайне необходимо «очистить наши умы и политику от любой такой тактики, которая сдерживает развитие партии»²²⁹.

Насколько Мерфи пользовался поддержкой партии, неясно. Поллит осторожно выступил в поддержку денежных отчислений на нужды избирательной кампании²³⁰. Однако на что Мерфи, очевидно, рассчитывал, так это на поддержку из Москвы, и он не обманулся. Политический секретариат Исполкома Коминтерна, изучив проект тезисов и резолюции, разработанные Секретариатом Компартии Великобритании, посчитал необходимым «принять меры к внесению коренных изменений в текст резолюции»²³¹. Были ли до или во время работы съезда КПВ предприняты такие шаги, остается неясным. Но какова бы ни была готовность большинства подчиниться директивам Коминтерна, урок, который оно получило, был еще не достаточным. В январском выпуске журнала британской компартии была опубликована осторожная и обдуманная статья Датта, где он делает вывод, что «единственная окончательно ясная линия» на выборах заключается в том, чтобы голосовать «только за тех кандидатов, помимо наших собственных, которые готовы поддерживать требования нашего единого фронта». И, не отстаивая фактически ликвидации левого крыла Лейбористской партии, Датт выступил с осуждением того раздела в проекте резолюции большинства, в котором подразумевается, что левое крыло предлагает членам Лейбористской партии «революционную альтернативу политике реформистского руководства»²³². В том же самом номере была опубликована намного более острая статья Мерфи («Правая опасность существует»), где он повторил аргументы своей ноябрьской статьи и говорил о себе и сторонниках новой линии как об «оппозиции» внутри партии²³³.

Не довольствуясь большой статьей Кэмпбелла, опубликованной в том же номере и отстаивавшей мнение большинства, Секретариат партии, накануне открытия съезда, опубликовал «заявление» за подписью Кэмпбелла, содержащее ответ на критические замечания Датта и Мерфи, и твердо заявил, что линия партийного руководства «не создает ни „правой“ опасности, ни ликвидаторских тенденций», а фактически представляет собой лояльное признание резолюции IX пленума Исполкома Коминтерна²³⁴. Что к этому времени стало совершенно ясно, так это то, что причина ссоры в действительности заключалась не в каких-то конкретных вопросах тактики, по которым линия Коминтерна была все еще

расплывчатой и неопределенной, а в решимости партийного меньшинства с одобрения и при поддержке Москвы убрать существовавших партийных лидеров.

В то же самое время один или, возможно, несколько делегатов Коминтерна прибыли в Лондон на X съезд Коммунистической партии Великобритании с предписанием настаивать на включении в резолюцию съезда осуждения ошибок партии, и в частности пренебрежения ею правой опасностью и примирительного отношения к такой опасности²³⁵. 19 января 1929 г. Кэмпбелл выступил на открытии съезда с ни к чему не обязывающей речью. Закончил он ссылкой на состоявшуюся «основательную, заинтересованную и в целом товарищескую дискуссию», которую съезд должен будет довести до конца. После того как Галлахер представил проект тезисов «О современном положении», молодой член партии интеллигент Винтризм выступил с горячей, резкой обличительной речью против прошлогодних ошибок партии, упомянув при этом фамилию Кэмпбелла. Эти ошибки указывают на «значительное увеличение правых тенденций в партийном руководстве». Винтризм предложил создать комиссию по расследованию совершенных руководителями партии ошибок. Остальные делегаты также ввязались в драку, причем один из них сравнил вступительную речь Кэмпбелла с проповедью «Армии спасения».

Поллит, понимая, что дебаты направляет рука Коминтерна, мудро предложил, чтобы новая тактика рассматривалась не только как «тактика предвыборной кампании этого года в Великобритании», но и как общая тактика, предназначенная не для одной Великобритании²³⁶. На следующий день Поллит предложил резолюцию, в которой одобрялись денежные отчисления на нужды избирательной кампании, выплачиваемые коммунистами — членами тред-юнионов. Мерфи в качестве содокладчика выступил против этого предложения. Однако Арнот и руководитель молодежи Тэпселл, оба стойкие члены бывшего меньшинства, поддержали Поллита, который победил со значительным перевесом — сто голосов против двадцати двух²³⁷.

Самая жаркая дискуссия на съезде довольно неожиданно разгорелась по вопросу о Национальном движении левого крыла Лейбористской партии. С 1926 г. это движение, которое по отношению к Лейбористской партии находилось в таком же двусмысленном положении, как и Национальное движение меньшинства по отношению к Британскому конгрессу тред-юнионов, проводило ежегодные конференции раньше, чем созывались ежегодные конференции Лейбористской партии²³⁸. Как утверждалось, на его сентябрьской конференции 1927 г. присутствовало 60 делегатов, представлявших 150 тыс. членов левого крыла, и была образована «левая фракция» для работы на предстоящей конференции Лейбористской партии в Маргите²³⁹. Интерес к ней в партийных кругах был поверхностный, и она совсем не упоминалась в широко известной резолюции IX пленума Исполкома Коминтерна, который про-

ходил в феврале 1928 г. Когда усилился нажим с целью добиться проведения новой линии, требовавшей бескомпромиссной конфронтации по отношению к Лейбористской партии, некоторым дерзким личностям в британской компартии показалось недопустимым, чтобы компартия продолжала оказывать поддержку организации, которая формально оставалась в Лейбористской партии. В статьях за ноябрь 1928 г. и январь 1929 г. Мерфи громко призывал к ликвидации Национального движения левого крыла²⁴⁰. В тезисах и резолюции, подготовленных Секретариатом КПВ до начала X съезда партии, признавалось, что движение «испытывает трудности в определении правильной политики для сплочения левых рабочих в изменившихся условиях», но не сомневается в том, что решение вопроса заключается не в ликвидации Движения левого крыла, а в том, чтобы сделать его более эффективным²⁴¹.

Эта уверенность в будущем Движения, очевидно, была неприемлема для Москвы, и в канун открытия партийного съезда Секретариат КПВ опубликовал новое заявление, примечательное не столько своей ясностью и четкостью, сколько желанием примирить различные мнения. В заявлении утверждалось, что основной задачей Национального движения левого крыла Лейбористской партии должна стать борьба за практические требования рабочих на местном уровне и что оно должно прекратить свою борьбу за реформу Лейбористской партии или приход к власти лейбористского правительства. Однако в нем отвергалось предложение о полном выходе компартии из движения²⁴².

20 января 1929 г. Браун от имени Центрального комитета КПВ внес на рассмотрение съезда резолюцию, в которой предусматривалось, что Национальное движение левого крыла Лейбористской партии не прекратит своего существования, хотя будет действовать не как «альтернатива компартии» или «служить завесой для скрывания сущности и независимой роли компартии»; задача левого крыла заключалась в том, чтобы «поддерживать, развивать и организовывать местные элементы» для борьбы против Лейбористской партии. Предложение столкнулось с яростной оппозицией со стороны поборников новой линии. Среди них был Тэпселл, который выступал от имени большинства Центрального комитета Лиги молодых коммунистов. Но и здесь также уже произошел раскол: Раст от своего имени выступил в защиту резолюции. После жарких дебатов, в которых приняли участие 15 делегатов, резолюция была отвергнута 55 голосами против 52; при этом около 20 делегатов отсутствовало или воздержалось. Браун отметил, что в результате голосования партия осталась без какой бы то ни было политической линии в отношении Национального движения левого крыла Лейбористской партии, и перед политической комиссией была поставлена задача выработки нового проекта резолюции²⁴³.

Результаты голосования означали не только непринятие предложения Центрального комитета КПВ по вопросу о левом крыле

Лейбористской партии, но и выражение недоверия руководству КПВ и проводимой им политике, и так они и были восприняты. Неполные отчеты не раскрывают того, что происходило за кулисами. На открытом заседании Белл сделал доклад о VI конгрессе Коминтерна, Хорнер — о горняках и Арнот — о тезисах Коминтерна по вопросу о колониях; все эти доклады были единодушно одобрены²⁴⁴.

Более важными были представленные Уилсоном «Тезисы о политике партии в отношении профсоюзов», которые после «чрезвычайно интересного обсуждения», кратко изложенного в отчете, были единогласно приняты²⁴⁵. Тезисы значительно отличались по содержанию, но еще более по тону и стилю от их проекта, опубликованного в партийном журнале в ноябре 1928 г. По сравнению с первоначальным вариантом из них полностью исчезли упоминания о «возрастающем давлении со стороны банков и прогрессивных капиталистов», выступающих за рационализацию, и о «развитии тенденций государственного капитализма», наблюдаемых в Великобритании. Ссылка на «сближение» между профсоюзами и работодателями была в окончательном варианте заменена на широко используемые в бранном словаре термины «измена» и «предательство». Кук, имя которого в первоначальном проекте тезисов не упоминалось, здесь подвергся осуждению за «колебания и уступки бюрократам». То, что было просто «новой обстановкой», стало «новым наступлением капитализма». Ссылка на «массовую апатию» сохранилась, но теперь она рассматривалась как «начинающая уступать место возрождению активности»; был вновь сделан акцент на забастовках и на «обострении классовоо борьбы». В обоих вариантах тезисов содержались призывы к борьбе против мондизма, к поддержке Национального движения меньшинства и Национального движения левого крыла Лейбористской партии и к образованию фабричных комитетов. Однако в окончательном варианте, составленном в выражениях, которые далеко выходили за рамки как буквы, так и духа проекта тезисов, дается наказ коммунистам, работающим на предприятиях, «организовывать стачки и руководить забастовками, которые ломают все конституционные барьеры, мешающие рабочему классу раскрыть всю свою силу в борьбе со своими врагами — капиталистами и реформистами»²⁴⁶. В общем и целом проект тезисов был написан сдержанным и деловым языком старого британского руководства. Окончательный же вариант был насыщен страстной риторикой, характерной для языка Коминтерна.

После неблагоприятного голосования вопрос о левом крыле Лейбористской партии был направлен в политическую комиссию. Некоторые неуточненные предложения Мерфи о программе партии и избирательной платформе также были направлены в какую-то комиссию²⁴⁷. Это, очевидно, была та самая комиссия, которая переработала опубликованные за месяц до этого в партийном журнале проекты тезисов и резолюции в «Тезисы о современном

положении и задачах партии»; и эти тезисы стали основным политическим заявлением съезда²⁴⁸. Связь окончательного варианта текста с его проектом была та же, что и в резолюции о профсоюзах. Большая часть содержания проекта сохранилась, но тон повсеместно стал более резким и напористым. Партии явно напоминали об ошибках, совершенных ею после IX пленума Исполкома Коминтерна, и ей было высказано предупреждение не только в связи с «колебаниями и сомнениями в проведении новой политики», но и в связи со «слишком щепетильным, уважительным отношением к конституционализму и законности в применяемых ею методах ведения борьбы». В более резком ключе прозвучало осуждение Лейбористской партии как «третьей партии капиталистического класса» и ее «вероломных лидеров, оказывающих пособничество империализму». Предупреждение, сделанное в проекте тезисов — против «сектантских настроений... в отношении тред-юнионистской работы (разговоры о новых тред-юнионах и неизбежности раскола) и против отказа от тактики единого фронта по отношению к местным организациям и работникам Лейбористской партии», — полностью исчезло из окончательного варианта.

Однако конкретные вопросы остались в окончательном варианте резолюции нерешенными. По-прежнему отставалась необходимость денежных отчислений на нужды избирательной кампании, хотя при этом и делался бóльший акцент на требования контроля за этим фондом на местах. Относительно избирательной тактики утверждалось, что «партия будет участвовать во всеобщих выборах, выступая против всех других партий, как независимая партия со своей собственной программой, в которой насущные вопросы борьбы сочетаются с официальной точкой зрения на революционное рабочее правительство», и объявит «предвыборную войну Лейбористской партии». Тем не менее по специфическому и такому спорному вопросу о том, как должны вести себя коммунисты в тех округах, где не выставляется кандидата от коммунистической партии, в окончательном варианте тезисов так же ничего не было сказано, как и в их проекте.

По вопросу о Национальном движении левого крыла Лейбористской партии, предложение о сохранении которого было только что отвергнуто незначительным большинством голосов делегатов партийного съезда, тезисы были еще более уклончивы. В них признавалось, что «за этот год» левое крыло «испытало потерю членов и влияния», и выражалось мнение, что неспособность партии «объяснить нашу новую партийную линию» «внесла свою лепту в этот спад»²⁴⁹. Однако за поставленным диагнозом не последовало никакого рецепта, и левое крыло больше не упоминалось. Если на съезде и состоялись какие-нибудь дебаты по окончательному варианту текста, то никакого отчета о них опубликовано не было. Можно предположить, что отсутствие сведений и уклончивые ответы — это цена за его единодушное одобрение.

Наконец, перед съездом стояла задача избрать Центральный комитет КПВ, который будет работать до следующего съезда. На этот раз уходящий Центральный комитет, очевидно, отказался представить подготовленный список кандидатур для голосования, предпочтя положиться на «свободные выборы». И все же большинство, вероятно, внесло предложение не выбирать больше в Центральный комитет Арнота и Раста, с тем чтобы можно было ввести туда новых членов — сделать впрыскивание свежей крови. Съезд принял это предложение. Так как Арнот и Раст были горячими поборниками новой линии и решительно выступали с критикой большинства, было бы наивным не заметить политических мотивов, повлиявших на принятие этого решения²⁵⁰.

Не давшая определенных результатов работа и итоги X съезда Компартии Великобритании принесли мало удовлетворения творцам политики в Коминтерне. Белл, Поллит и Раст были вызваны в Москву, и после, должно быть, оживленной и временами мучительной дискуссии было достигнуто соглашение, итогом которого было так называемое «Закрытое письмо» Президиума Исполкома Коминтерна в адрес Компартии Великобритании. Это письмо, датированное 27 февраля 1929 г., отличалось от «Открытых писем» с наставлениями и упреками, недавно направленных французской и германской коммунистическим партиям, в основном тем, что оно не было опубликовано, хотя оно должно было быть разослано в местные партийные комитеты: все еще ощущалась необходимость в проявлении некоторой сдержанности по отношению к Коммунистической партии Великобритании.

Письмо было явно задумано как наступление на ее руководство. Оно начиналось с замечания о том, что «делегаты съезда продемонстрировали значительно более критическую позицию при обсуждении положения в партии, чем ее Центральный комитет». Центральный комитет КПВ переоценивал перспективы стабилизации капитализма и недооценивал процесс расслоения в рабочем классе после всеобщей забастовки. В частности, два решения съезда были признаны ошибочными — решение выйти из Национального движения левого крыла Лейбористской партии (не было указано, что это решение было принято большинством делегатов, проголосовавших против мнения Центрального комитета) и решение потребовать «выхода тред-юнионов из Лейбористской партии». И наконец, Центральный комитет КПВ отказался представить съезду список рекомендуемых кандидатов для избрания в новый Центральный комитет и предоставил решение вопроса о его составе «свободным выборам». Этот отказ был воспринят как выпад против Арнота и Раста, твердых приверженцев новой линии Коминтерна, которые в результате не были переизбраны в ЦК КПВ. Это была «определенная демонстрация против Коминтерна», и она вызвала «серьезные опасения» в Москве. Вывод, заключавшийся в том, что «мы не можем считать настоящий состав

Центрального комитета удовлетворительным», говорил сам за себя²⁵¹.

Пленум Центрального комитета КПВ, последовавший за получением «Закрытого письма», проходил, вероятно, в сложной обстановке. В статье «Наш десятый съезд партии и после него», помещенной в партийном журнале, Кэмпбелл, не желая впасть в крайности, «обнаружившиеся в зачаточном состоянии во время дискуссии в политической комиссии», сослался на «ошибку» «видеть только обострение противоречий... считать, что стабилизация уже пришла к концу, и говорить о ближайших революционных перспективах»²⁵². Это явно была не та точка зрения, которую стремились внушить авторы «Закрытого письма». Центральный комитет КПВ единодушно одобрил это письмо, но принял резолюцию, которая, по словам Раста, «обнаружила серьезное замешательство» и обошла молчанием существовавшие в ЦК разногласия.

Принятие тактики поведения на предстоящих всеобщих выборах было, очевидно, самым насущным вопросом. Пять членов Центрального комитета, включая Кэмпбелла и Ротштейна, выдвинули предложение о том, чтобы в тех округах, где компартия не выставляет своего кандидата, коммунистам советовали бы оказывать поддержку кандидатам от Лейбористской партии²⁵³. Ввиду настойчивых предписаний из Москвы это предложение было отвергнуто, но оно, без сомнения, вызвало широкое понимание в Центральном комитете и в партии²⁵⁴. Сомнения остались также и в некоторых кругах Коминтерна в Москве. Говорят, что Эверт выразил мнение, что «решение Политсекретариата — не отдавать ни единого голоса рабочей партии — равносильно пересмотру решений X пленума»²⁵⁵. Эмбер-Дро, находясь в Лондоне по пути в Буэнос-Айрес, узнал, что КПВ дала инструкцию членам партии воздерживаться от голосования в тех округах, где нет кандидата от коммунистической партии. 18 апреля 1929 г. он написал в Москву. Он протестовал против этой «антибольшевистской политики» и предлагал, чтобы коммунисты в этих округах голосовали за кандидатов от Лейбористской партии, продолжая в то же время осуждать политику Лейбористской партии. Он доказывал, что тактика, рекомендованная Лениным в 1920 г., была по-прежнему эффективна²⁵⁶.

Иллюстрацией замешательства, царившего теперь в британской компартии, могла служить судьба Национального движения левого крыла Лейбористской партии. Лидеры этого движения поняли решение съезда КПВ так, что сама компартия выходит из движения, однако коммунисты будут продолжать работать в местных группах левого толка и комитетах единого фронта²⁵⁷. Комитет Движения левого крыла сделал из этого логический вывод и на состоявшемся в начале марта 1929 г. заседании принял десятью голосами против одного решение о роспуске Движения как национальной организации. Однако за этим радикальным решением сра-

зу же последовало получение Лондоном «Закрытого письма» Коминтерна от 27 февраля 1929 г., в котором решительно отвергалось «предложение, сделанное лидерами „левых“, распустить национальную организацию и работать под контролем местных партийных организаций». Никто не знал, что делать дальше. Воскресить Движение было невозможно. По словам его еженедельника «Санди уоркер», Национальное движение «исчезло»²⁵⁸.

Протесты против его роспуска, которые «Санди уоркер» продолжал публиковать, приходили главным образом от членов Движения некоммунистов, которые принимали всерьез заявления о том, что Национальное движение левого крыла Лейбористской партии было независимым движением левых сил, не находившимся под контролем коммунистов. Наконец 19 мая 1929 г. было опубликовано заявление от имени Политбюро КПВ, где выражалось согласие с мнением протестующих «о той роли, которую в будущей борьбе рабочих может играть движение левых сил», и давалось обещание пересмотреть после всеобщих выборов резолюцию о левом крыле Лейбористской партии, принятую X съездом КПВ в январе месяце²⁵⁹.

Тем временем Кук, наконец, закончил свой долгий флирт с компартией, подписав в начале 1929 г. доклад Британской федерации горняков, где осуждалось вмешательство Национального движения меньшинства и членов тред-юнионов призывали «оказывать сопротивление этому вмешательству и оскорблению личности, которым оно сопровождается»²⁶⁰. Поллит едко заметил, что Кук поставил себя во главе движения «для того, чтобы с успехом предать его, когда придет решающий момент»²⁶¹.

В этой обстановке разногласий и смятения британская компартия опубликовала свою платформу на всеобщих выборах, назначенных на 30 мая 1929 г., озаглавленную «Класс против класса»²⁶². С первых же слов она объявила себя «партией рабочего класса, противостоящей, в основе своей, всем другим партиям». Лейбористская партия была названа «третьей капиталистической партией», и все три партии были в равной мере осуждены:

«Они ведут непрекращающуюся гражданскую войну против рабочих и называют это «миром в промышленности». Они ведут войну за границей и называют это «международным умиротворением».

Это делало положение полностью отличным от того положения, которое существовало в 1924 г., когда британская компартия «советовала рабочим помочь Рабочей партии прийти к власти»²⁶³. Теперь КПВ «выдвигает своих кандидатов в противовес кандидатам от Лейбористской партии и особый вызов бросает ее лидерам». Призыв к установлению «революционного рабочего правительства» проходил через всю предвыборную платформу КПВ. Но в заключение давалась подробная «программа ближайших действий», основные пункты которой отличались по количественным характеристикам, но редко или совсем не отличались в принципах

альном отношении от сходных требований платформы Лейбористской партии. Заметно было отсутствие какого бы то ни было обсуждения избирательной тактики в округах (их было огромное большинство), где не выставлялось кандидата от коммунистической партии. Это упущение было, однако, восполнено в манифесте, опубликованном за две недели до начала выборов, который после краткого изложения предвыборной платформы партии заканчивался все же вполне решительным, хотя содержащим и некоторые оговорки, заявлением:

«В округах, где не выставляется кандидата от коммунистической партии и где кандидат от Лейбористской партии отказывается дать публичное обещание поддерживать программу борьбы за требования рабочего класса, коммунистическая партия советует рабочим не отдавать свои голоса кандидатам от капиталистических партий, будь то партия Тори, Либеральная или Лейбористская»²⁶⁴.

На выборах компартия потерпела фиаско. От нее было выдвинуто только 25 кандидатов, и общее число поданных за них голосов не превысило 50 тыс. Ни один коммунист не был избран. Невозможно определить, сколько избирателей, которые хотели бы голосовать за коммунистов, голосовали за лейбористов ввиду отсутствия кандидата от коммунистической партии и сколько воздержались от голосования. Датт утешал своих читателей, указывая, что Лейбористская партия во время своей первой попытки участия в избирательной кампании в 1900 г. получила только 62 тыс. голосов²⁶⁵. А партийная газета провела какие-то таинственные расчеты с целью доказать, что если бы кандидаты от коммунистической партии боролись за место в парламенте в каждом округе, то общее число поданных за коммунистов голосов достигло бы одного миллиона²⁶⁶. В июне 1929 г. после всеобщих выборов и, очевидно, после встречи представителей Коминтерна и Компартии Великобритании в Берлине собрался очередной пленум Центрального комитета КПВ. Можно предположить, что на нем был проведен «посмертный анализ» выборов. Однако единственным зафиксированным решением было сокращение численности Политбюро с девяти до пяти человек; среди исключенных были Галлахер и Мерфи²⁶⁷. Так как оба они недавно, по разным соображениям, выступали с резкой критикой партийного руководства, в Москве их вывод из Политбюро КПВ не приветствовался.

Состоявшийся в июле 1929 г. X пленум Исполкома Коминтерна, на котором стала очевидной опала Бухарина и который утвердил его отстранение от дел Коминтерна²⁶⁸, явился ареной для нанесения сильнейшего удара по руководству Компартии Великобритании. Мизерное количество голосов, полученных партией на всеобщих выборах, оставило ее беззащитной перед критикой. Мануильский в своем докладе по основному вопросу заметил, что партия собрала только 50 тыс. голосов не потому, что она применила тактику «класс против класса», а потому, что

проявила колебание и не применяла эту тактику энергично и твердо. Он призвал пленум «подвергнуть серьезной критике ошибки руководства английской компартии»²⁶⁹. Кэмпбелл чрезвычайно охотно признал ошибки, но в оправдание сослался на то, что партии пришлось «плыть против течения» и что даже после изменения курса «огромная мощь рабочей партии все еще продолжала оказывать свое влияние на вождей нашей партии». Его предложения о путях искоренения ошибок были неопределенными и не радикальными²⁷⁰.

Представитель Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) Хитаров, верный тогдашней моде, которая сделала молодежные коммунистические организации передовым отрядом левых сил в Коминтерне, подверг резким нападкам Кэмпбелла и руководство британской партии, которое «недостаточно поняло новую линию и слишком мало понимает ее и сейчас». Раст, тоже выступая в качестве представителя КИМа, конкретизировал эту мысль. Разногласия внутри руководства КПВ, выявившиеся во время работы IX пленума Исполкома Коминтерна в феврале 1928 г., никогда должным образом не обсуждались и не улаживались. Раст назвал имена Кэмпбелла и Ротштейна и с горечью говорил о своем и Арнота исключении из Центрального комитета КПВ и о выводе Галлахера и Мерфи из Политбюро. Он закончил свою речь призывом о назначении комиссии Коминтерна для рассмотрения положения дел в британской партии и о созыве партийной конференции, которая заслушает «отчет о решениях комиссии Коминтерна и изберет новое руководство»²⁷¹.

Поллит постарался смягчить неистово резкое выступление Раста, настаивая на том, что «с тех пор, как была создана наша партия, и до 1928 г. наша линия была линией Коминтерна». Все же он допускал, что «разница между 1924 г. и 1929 г. огромна» и что теперь необходимо призывать к созданию «революционного рабочего правительства», которое бы повело борьбу против лейбористского правительства и Лейбористской партии. Он не доставил себе удовольствия назвать какие-либо имена и выразил уверенность, что партия «с помощью Коминтерна» сможет изыскать «еще другие пути и средства» для проведения в жизнь резолюций съезда²⁷².

Дальнейший ход работы пленума время от времени нарушался неожиданным возвращением к британскому вопросу. Резко осудив «нерешительность» КПВ, Ульбрихт заявил, что «не только надлежит вернуть в Политбюро вышеуказанных двух товарищей [Галлахера и Мерфи], но и ввести в него других революционных рабочих, в отношении которых можно с уверенностью сказать, что они будут последовательно проводить линию Коминтерна»²⁷³. Белл слабо пытался возразить; он говорил, что партия, преобразуя Центральный комитет и Политбюро, действовала в соответствии с директивами Коминтерна, и справедливо, но не к месту утверждал, что в Коммунистической партии Великобритании процент проле-

тариев выше, чем в любой другой коммунистической партии, кроме СССР. Хорнер сердито воскликнул, что партия не может согласиться считать Галлахера, которого он заклеил как пораженца, или Мерфи, который олицетворял «правую опасность» и «ликвидаторские тенденции», выразителями линии Коминтерна²⁷⁴. Парадоксальная уверенность Лозовского в «колоссальных объективных возможностях, которые имеются у рабочего движения и коммунистической партии Англии и которые позволяют коммунистической партии Англии превратиться в массовую партию»²⁷⁵, представляла собой скрытую критику руководителей партии, которые упустили эту возможность.

По окончании дебатов Мануильский резюмировал их в заученно сдержанной форме, которая ясно выявила одну из затруднительных проблем, преподнесенных британской компартией руководителям Коминтерна. Он приписал Кэмпбеллу некоторые замечания, не фигурировавшие в опубликованном отчете о пленуме и, вероятно, высказанные по какому-то другому поводу:

«Он сказал, что не в традициях английской компартии делить партию на козлиц и овец, на тех, кто защищает линию, и на тех, кто ее не защищает, что все они объединены горячим желанием провести единым фронтом генеральную линию. Он считает, что такое деление, с одной стороны, возвеличивает некоторых товарищей, а с другой стороны, оскорбляет некоторых товарищей. Я не знаком с нравами в Англии, возможно, что это и так. Но я спрошу английских друзей: товарищи англичане, вам во время революции придется резать головы, неужели вы думаете, что мы будем сегодня щадить ваши самолюбия?»

Мануильский слегка коснулся привычных тем. Говорить, что партия была вынуждена «плыть против течения», значило игнорировать «полевание масс». Лозунг «класс против класса» применялся неискренне; только «правильные статьи» Датта и Арнота заслуживали похвалы. Затем Мануильский вернулся к основному вопросу. Белл жаловался (этих слов нет в официальной записи его речи), что Коминтерн использует «злых субалтернов — специалистов по части отыскивания уклонов». Разобраться в отклонении — это именно то, что требуется. Британская компартия никогда не проводила серьезного обсуждения виновников так, как это, например, происходило в германской и польской партиях:

«В английской компартии существует какая-то особая система, которую можно охарактеризовать так: партия — это общество больших друзей»²⁷⁶.

Упрямое противодействие КПВ текущей практике Коминтерна — расколоть партию, вознаградив преданных ей коммунистов и исключив инакомыслящих, — никогда так откровенно не проявлялось. Однако сейчас это противодействие достигло своего предела. X пленум Исполкома Коминтерна — или то, что происходило

за кулисами в ходе его работы, — был решающим для будущего британской партии. Никакой специальной резолюции по ней принято не было. Но в резолюции пленума по основному вопросу был сделан четкий вывод:

«Чем решительнее коммунистическая партия Англии искоренит все пережитки правых оппортунистических уклонов в своих рядах и будет проводить правильную большевистскую политику, заостряя борьбу рабочих против так называемого «рабочего» правительства, тем быстрее рабочие массы Англии увидят, что только политика Английской коммунистической партии — «класс против класса» — во время последних выборов была единственной правильной, что только эта политика способствует освобождению широких рабочих масс от парламентско-пацифистских иллюзий и указывает действительный путь к победе рабочего класса»²⁷⁷.

«Пережитки правооппортунистических уклонов», за которые уже были осуждены германская и французская коммунистические партии, теперь были найдены и у Компартии Великобритании.

Еще до того, как этот приговор был вынесен, — собственно тогда, когда X пленум ИККИ еще продолжал свою работу, — внутри партии произошел открытый мятеж против руководства. Никаких доказательств того, что он был инспирирован извне, нет. Однако заявление, одобренное Тайнсайдским районным комитетом партии, было составлено в выражениях, обильно заимствованных из текущего лексикона Коминтерна и особенно из «Закрытого письма» от 27 февраля 1929 г., которое в этом заявлении упоминалось. В заявлении отмечалось уменьшение числа членов партии, но, как ни странно, не говорилось о скромных результатах избирательной кампании. Еще хуже было то, что:

«Мы оказываемся во все большей и большей изоляции от народных масс. У нас нет организованной базы на фабриках. Наше влияние в тред-юнионах быстро убывает, а такие боевые организации единого фронта, как Национальное движение меньшинства и Национальное движение левого крыла Лейбористской партии, влечат жалкое существование».

IX пленум ИККИ, VI конгресс Коминтерна и X съезд компартии, состоявшийся в январе 1929 г., «ничему не научили наших лидеров». Поллита критиковали за его безразличное отношение к забастовке горняков в Дэрхэме, где он, якобы, возражал против создания независимого отколовшегося союза по типу недавно организованного горняками Шотландии. И «Санди уоркер» и «Уоркерс лайф» подверглись осуждению за их терпимое отношение к Куку и Макстону. Ничто, кроме новой линии, не сможет восстановить положение, «но новая линия требует и нового руководства». Заявление заканчивалось ультиматумом: если Центральный комитет КПВ и Политбюро откажутся созвать национальную конференцию, «чтобы избрать новое руководство в соответствии с новой линией», тогда «мы прямо обратимся в Интернационал». Несколько

дней спустя, отвечая на вопрос партийного центра о падении тиража «Уоркерс лайф», секретарь Тайнсайдской организации сделал еще одно заявление, в котором предъявил обвинение Кэмпбеллу и Ротштейну и заявил, что «партийный центр так же формально отнесся к «Закрытому письму», как он формально относится к новой линии»²⁷⁸.

20 июля 1929 г., когда делегаты, вероятно, уже вернулись из Москвы, на заседании Лондонского районного комитета партии обсуждалось предложение, в котором содержалось осуждение партийного руководства за его неспособность нейтрализовать возникшую в партии правую опасность и призыв провести в октябре съезд партии для избрания нового Центрального комитета КПВ. Ротштейн выступил против этого предложения, которое, однако, было принято после шестичасовых дебатов 206 голосами против 13 при 15 воздержавшихся²⁷⁹.

За этим последовал VI съезд Лиги молодых коммунистов, состоявшийся в Манчестере, значение которого было отмечено присутствием на нем представителя Коммунистического интернационала молодежи. Кэмпбелл, выступавший на съезде от имени британской компартии, признал наличие ошибок и необходимость перемен, но также указал на ошибки самой Лиги. Тэпселл выступил с нападками на Кэмпбелла и настаивал на том, что совершенные партией ошибки являются ошибками «правого» уклона. Съезд принял резолюцию, призывавшую к изменениям в партийном руководстве, скорейшему созыву партийного съезда и к исчерпывающему обсуждению правой угрозы²⁸⁰.

На состоявшемся в середине августа 1929 г. заседании Центрального комитета Компартии Великобритании покорился неизбежному. В большой и подобоострастной по тону резолюции он искренне принял решения X пленума Исполкома Коминтерна и торжественно обещал «организовать широкую дискуссию в партии, для того чтобы они были полностью поняты». ЦК КПВ повторил текущие лозунги Коминтерна — опасность империалистического нападения на Советский Союз, «новая волна борьбы масс» и «постоянное полевение рабочего класса». Он еще раз уклонился от колючего вопроса о Национальном движении левого крыла Лейбористской партии, предложив «содействовать координации действий левых групп в Лейбористской партии в районном и национальном масштабе, при этом заботясь о том, чтобы избегать оппортунистических ошибок, совершенных левым крылом в прошлом». «Нынешнее критическое положение в партии» было объяснено «совершенными руководством правыми ошибками», которые стали навязчивой темой всей резолюции. Местные отделения и Лига молодых коммунистов, которые выступили с осуждением партийного руководства, заслужили похвалу за «сильный и здоровый дух самокритики» и за «мобилизацию партии и Лиги молодых коммунистов на борьбу против правой опасности». Один неприметный абзац, вставленный в середину резолюции, представ-

для собой выписку из протокола решения Центрального комитета КПВ о том, чтобы «вывести трех членов Политбюро и Секретариата и усилить эти органы, особенно путем привлечения товарищей из числа фабричных рабочих»²⁸¹. Тремя правонарушителями, не названными в резолюции, были Инкпин — секретарь партии с момента ее основания, Ротштейн, который, будучи теоретиком партии, имел мало приверженцев среди рядовых членов КПВ, и Уилсон — профсоюзный деятель²⁸². Кэмпбелл, по-видимому, пользовался слишком большим авторитетом, чтобы его можно было тронуть в тот момент.

В то время как острая полемика сосредоточилась вокруг похорон Национального движения левого крыла Лейбористской партии, сравнительно мало внимания было уделено Национальному движению меньшинства, чья VI ежегодная конференция состоялась в конце августа 1929 г., несколько дней спустя после бурного пленума Центрального комитета КПВ. На конференции присутствовало 710 делегатов. Хорнер предложил резолюцию по основному вопросу — о задачах Движения меньшинства, Поллит — резолюцию по вопросу о военной опасности. На конференции выступили представители Всесоюзного Центрального Совета советских профсоюзов и Профинтерна. Отличительной чертой резолюции по основному вопросу был большой раздел, озаглавленный «Наши ошибки». В этом разделе призывалось к «открытой, искренней и глубокой самокритике» неспособности движения понять и применить решения IV конгресса Профинтерна и было обещано «проводить свою будущую политику на основе этих решений»²⁸³. Однако так как эти решения по-разному толковались теми, кто рассматривал единство профсоюзного движения как предмет первостепенной важности, и теми, чьей целью было создание независимых Красных союзов, то в резолюции не было сказано, как избежать дилеммы, стоящей перед коммунистами, которые активно действовали в профсоюзах.

На состоявшемся три месяца спустя XI съезде британской компартии продолжали настаивать как на независимой роли Национального движения меньшинства, так и на необходимости его строгого подчинения компартии²⁸⁴. Но теперь климат совершенно не благоприятствовал организациям, созданным на основе старых традиций сотрудничества с другими левыми партиями и группами, характерных для единого фронта. VI ежегодная конференция Национального движения меньшинства оказалась также его последней конференцией, на которой проявилось явное скатывание движения к полной беспомощности и незначительности, хотя формально оно еще три года продолжало существовать.

XI съезду Компартии Великобритании, проходившему в Лидсе с 30 ноября по 3 декабря 1929 г. (что было отмечено как предзнаменование, так как Лидс был тем местом, где в январе 1921 г. состоялся съезд партии, который одобрил ее устав и принял два-

дцать одно условие* ²⁸⁵), не оставалось ничего другого, как зафиксировать то, что стало уже очевидным. Накануне открытия съезда Секретариат партии пояснил, что в новый Центральный комитет должны войти как «новые, политически активные товарищи, имеющие хорошие связи с массами, чей энтузиазм в отношении „новой линии“ не вызывает сомнения», так и те, кто уже находились в составе Центрального комитета и, «несмотря на то что совершали ошибки, продемонстрировали свою преданность „новой линии“ и серьезно пытались обеспечить ее проведение» ²⁸⁶. Письмо, адресованное съезду Президиумом Исполкома Коминтерна и подписанное Семаром, Гарланди и Тельманом (подпись русского представителя отсутствовала, видимо, из соображения тактичности), не оставляло простора для воображения. С неистощимым оптимизмом в нем провозглашалось открытие «новой главы в истории британского рабочего класса». Огромное внимание в нем было сосредоточено на недостатках прошлого:

«Неспособность партии стать лидером рабочих масс и способность Движения меньшинства стать независимым движением рабочих масс объясняются в основном ошибками правого уклона, совершенными партией и ее руководством».

КПВ никогда не станет «массовой большевистской партией... если не будет систематически день за днем разоблачать предательскую социал-фашистскую роль „рабочего“ правительства и его приспешников». Партия должна издавать ежедневную газету. И прежде всего:

«Ваш съезд должен избрать новый Центральный комитет, состоящий из лучших представителей настоящего руководства, которые борются за правильную революционную линию Коминтерна, и из новых пролетарских элементов... которые правильно выражают революционную решимость партии» ²⁸⁷.

Съезд принял три резолюции: о задачах партии в свете решений X пленума Исполкома Коминтерна и международном положении, об «экономической борьбе» и о проведении кампании против военной опасности. В первой из них, которая была предложена Поллитом в ходе двух с половиной часового доклада ²⁸⁸ и, очевидно, была задумана как основное официальное заявление съезда, «чистосердечно» принимались решения X пленума ИККИ и Бухарин обвинялся в том, что он давал идеологическое оправдание оппортунистического понимания «третьего периода», приумножая растущие противоречия капитализма. Термин «социал-фашистский» был неоднократно употреблен с целью заклеить социал-демократов: «Лейбористское правительство уже начало ясно проявлять свою социал-фашистскую сущность». Характерной чертой резолюции является неукротимое разоблачение прошлых ошибок партии,

* Имеется в виду двадцать одно условие приема в Коминтерн. — *Прим. ред.*

а также то, что критику распространили на отдельных лиц. Вспомнили, что в марте 1928 г. пять членов Центрального комитета КПВ все еще ратовали за оказание поддержки кандидатам от Лейбористской партии в тех округах, где не выставлялся кандидат от коммунистической партии, — политику, которая «погубила бы независимую избирательную кампанию партии». В июне 1928 г. Центральный комитет КПВ изменил состав Политбюро таким образом, что это усилило «правооппортунистические тенденции». В резолюции подтверждалось решение Центрального комитета, принятое в августе 1929 г. о выводе Инкпита, Ротштейна и Уилсона из Политбюро и Секретариата, но подчеркивалось, что это лишь «первые предварительные шаги в изменении состава руководства». Резолюция заканчивалась дальнейшим перечислением ошибок и недостатков партии и призывом к «безжалостной самокритике и ежедневной борьбе за очищение партии от оппортунизма»²⁸⁹.

В других резолюциях нового было мало, и отличались они только большей, чем обычно, резкостью тона. В резолюции по экономическому вопросу была еще раз осуждена «социал-фашистская политика тред-юнионистских лидеров» и «фашизация тред-юнионистского аппарата». Партия «не должна останавливаться перед расколом социал-фашистских тред-юнионистских организаций»; это означало поддержку только что отколовшимся организациям — Объединенные горняки Шотландии и Объединенный профсоюз рабочих текстильной промышленности. Партия должна работать более активно, используя Национальное движение меньшинства и Национальное движение левого крыла Лейбористской партии. Неотложной задачей является также выпуск ежедневной партийной газеты «Дейли уоркер»²⁹⁰. В резолюции по вопросу о военной опасности, обострившейся, как никогда ранее, было отмечено, что «главные антагонистические противоречия между империалистическими державами — это противоречия между Великобританией и Америкой», но нет сомнения, что «основное противоречие в мире есть противоречие между силами пролетарской революции... и силами империализма»; «капиталисты, находясь под каблуком полувоенных диктатур и фашистского террора против коммунистических партий, осуществляют начальную стадию своих военных планов, направленных против СССР». Антимилитаристская работа в партии не велась. Она должна была заключаться в «регулярной пропаганде и агитации... особенно на флоте и в городах, где расквартированы войска», и стимулировать «образование фабричных групп в наиболее важных отраслях военной промышленности»²⁹¹.

Из предписаний, полученных из Москвы, наиболее неприятными, а также наиболее настойчивыми были те, которые касались персональных изменений в руководстве, и шаги, предпринятые для их исполнения, получили минимум гласности. Съезду был представлен список кандидатов для избрания в Центральный комитет

партии, куда не был включен ни один из лидеров прежнего большинства. Этот список получил единодушное одобрение — по-видимому, первый случай в истории британской компартии, когда поименное голосование было заменено голосованием списком. Только один из тех, кто не вошел в список, рискнул выдвинуть себя в качестве кандидата — Ганнингтон, который все еще пользовался уважением и авторитетом как хороший организатор Национального движения левого крыла Лейбористской партии. Он был избран²⁹². Резолюции съезда были опубликованы с кратким предисловием, написанным Тэпселлом, чье появление в этом качестве было данью той роли, которую сыграла Лига молодых коммунистов в организации этих перемен. В предисловии было подвергнуто критике «прежнее руководство», которое «проявило себя неспособным руководить партией и массами» в новой ситуации и было «решительно отвергнуто» съездом; однако о новых руководителях ничего сказано не было²⁹³.

Самым густым мраком были покрыты выборы партийного лидера. У КПВ, в отличие от любой другой крупной коммунистической партии, никогда не было четко определенного лидера; Инкпин, секретарь партии, никогда не играл выдающейся роли. Такое положение дел не импонировало официальным деятелям Коминтерна в Москве, которые, весьма возможно, усмотрели в этом еще одну причину слабости партии. Когда на VI конференции Национального движения меньшинства, проходившей в августе 1929 г., вместо Поллита резолюцию по основному вопросу предложил Хорнер, Поллит объяснил, что как члена компартии «его попросили взять на себя определенную работу по заданию этой партии»²⁹⁴, а когда в партийном листке было объявлено, что Поллит ушел с поста секретаря Движения меньшинства, чтобы взяться за работу «чрезвычайной важности» для партии²⁹⁵, скрытый смысл стал ясен: он не только предназначался в преемники Инкпина, но как новый партийный секретарь будет исполнять руководящие функции, до которых Инкпин никогда не поднимался.

Выбор этот, возможно, было компромиссом, так как Поллит, хотя и не запятнавший себя противодействием новой линии, недавно попал под огонь левых за его отношение к забастовке горняков в Дэрхэме²⁹⁶. Продвижение Поллита было подготовлено тщательно написанной статьей в партийном журнале за его подписью, в которой он говорил об ошибках «руководящих товарищей», в том числе и своих собственных, с энтузиазмом демонстрировал поддержку выводов X пленума Исполкома Коминтерна (он даже цитировал Молотова) и заявлял, что «одной из самых важных задач» предстоящего съезда британской компартии «будет подлинная политическая дискуссия по вопросу о составе Центрального комитета»²⁹⁷. На самом съезде Поллит взял на себя руководящие функции, несмотря на то что никакого официального объявления об его назначении секретарем, по-видимому, сделано

не было. В Поллите нашли свое отражение многие добродетели, которые Коминтерн уже открыл в Тельмане, — пролетарское происхождение, способность привлекать к себе массовую аудиторию, определенная проницательность в сочетании с полным отсутствием претензии на интеллектуальность и непоколебимая преданность директивам из Москвы. Однако успех его прихода к власти, очевидно, зиждился на дисгармоническом партнерстве Поллита и Датта, каждый из которых обладал качествами, которые явно отсутствовали у другого.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ

Середина 20-х г. в Коммунистической партии Германии была временем расцвета единого фронта. Массовая безработица и давление на заработную плату, которые последовали за восстановлением германской экономики и стабилизацией марки¹, способствовали укреплению чувства солидарности среди рабочих, независимо от их идеологических воззрений, и создавали благоприятную обстановку для осуществления той политики, которую настойчиво и неуклонно проводил Коминтерн с тех самых пор, как от руководства германской компартией была отстранена Рут Фишер. В «Открытом письме» от августа 1925 г., содержащем упреки в адрес группы Маслова — Фишер в связи с ее неспособностью завоевать «массы, и в частности социал-демократические массы», призвали оказывать «давление на рабочих с целью создания единства профсоюзов», взяв за образец «движение английских трудящихся»². Отправка письма совпала с чрезвычайно удачной поездкой в Москву большой делегации германских рабочих, более двух третей которых были членами Социал-демократической партии Германии (СДПГ) или беспартийными³. За этим последовало создание в германской компартии «комитета единства», а в начале 1926 г. для организации единого фронта с целью выполнения особых задач был начат выпуск якобы непартийного ежемесячного журнала «Айнхайт», сотрудничать в котором были приглашены рабочие как социал-демократы, так и коммунисты⁴. В своем выступлении на VI пленуме Исполкома Коминтерна в феврале 1926 г. Лозовский высмеял ультралевых коммунистов, которые отказывались здороваться с социал-демократами или пожимать им руки, и заключил:

«Старое руководство германской компартии не только не сумело завоевывать рабочих соц.-демократов, но увеличило только пропасть между рабочими-коммунистами и социал-демократами»⁵.

Высокий уровень сотрудничества между коммунистической и социал-демократической партиями был достигнут тогда, когда эти партии провели совместную кампанию, направленную против законопроекта о выплате компенсации бывшим членам кайзеровской фамилии за экспроприированную у них собственность. В

марте 1926 г. было собрано 12 миллионов подписей под петицией, призывавшей провести по этому вопросу референдум. Когда 20 июня 1926 г. референдум состоялся, число поданных против законопроекта голосов возросло до 14,5 миллиона; это была впечатляющая демонстрация силы и солидарности трудящихся, хотя и недостаточная, чтобы отклонить законопроект. Как и выборы в рейхстаг, референдум показал, что число тех, кто голосует в поддержку КППГ, намного превышает число членов компартии. Широко утверждалось, что руководители социал-демократической партии выступали против сотрудничества с коммунистами и что СДПГ была в него втянута против их воли, под давлением рядовых членов партии ⁶.

«Комитеты единства», образованные для проведения этой кампании, с самого начала рассматривались компартией в качестве органов, которые нужно сохранить и после того, как их непосредственная задача будет выполнена, и в качестве счастливого предзнаменования будущего сотрудничества социал-демократов и коммунистов — и, возможно, даже некоторых мелкобуржуазных элементов — в борьбе против капиталистического господства ⁷. Пребывание второй, еще большей по составу делегации немецких трудящихся в Советском Союзе с 27 июля по 15 октября 1926 г. прошло так же успешно, как и в предыдущем году ⁸. Единый фронт по-прежнему оставался в большом фаворе на VII пленуме Исполкома Коминтерна, который состоялся в Москве в ноябре 1926 г. Куусинен с неодобрением процитировал лозунг, выдвинутый в газете «Роте Фане»: «Выходите из социал-демократической партии, вступайте в компартию»; он заявил, что это «еще не соответствует ситуации» ⁹.

Тем не менее обращения к единому фронту всегда были двусмысленными. 26—27 мая 1926 г. состоялась партийная конференция, на которой призвали использовать единый фронт «только „снизу“», независимо от — а, если необходимо, то и против — социал-демократических лидеров ¹⁰. Несмотря на то что в течение 1926 г. сотрудничество между этими двумя партиями во время выборов в ландтаги и местные органы власти еще продолжалось, отношения между ними на более высоком уровне вскоре сошли на нет ¹¹. Руководители социал-демократии не доверяли единому фронту; коммунистические руководители его проповедовали, но при этом молчаливо подразумевалось, что коммунисты должны в нем лидировать.

В декабре 1926 г. германская компартия провела в Берлине два собрания, которые, как говорили, имели «чрезвычайное значение для развития единого фронта в Германии» ¹². На первом, представлявшем собой Всегерманскую конференцию безработных, доминировала КППГ, которая послала туда 255 делегатов по сравнению с 33 делегатами от социал-демократической партии и 114 беспартийными делегатами. Компартия задалась целью «искоренить все антипрофсоюзные тенденции» и одновременно провозгла-

сила революционный характер КПГ. На конференции были созданы центральный комитет и местные комитеты для безработных¹³.

Второе собрание — Конгресс трудящихся — было задумано как кульминация кампании за создание единого фронта всех рабочих, начало которой было положено во время референдума 1926 г., причем цель кампании заключалась в том, чтобы преодолеть разобщенность рабочего класса и укрепить его для самозащиты от капиталистического угнетения¹⁴. На этом конгрессе председательствовал бывший руководитель Независимой социал-демократической партии Германии Ледебур. От имени компартии выступил Геккерт. Конгресс высказался за национализацию банков, трестов и земли, за 42-часовую рабочую неделю для рабочих и «торжественно обещал создать единый фронт рабочих»¹⁵.

Реальность, скрывавшаяся за риторикой, была менее впечатляющей. Спустя три месяца, на XI съезде КПГ, Денгель откровенно признал, что мнение о том, будто декабрьский конгресс представлял 10 миллионов рабочих, является «огромным преувеличением», что в работе конгресса участвовало «чрезвычайно незначительное число рабочих с крупных предприятий», что он не оказал никакого воздействия на те «влиятельные профсоюзы», где были сильны социал-демократы. Розенберг тогда же живо привлек внимание к слабости компартии, которая ясно обозначилась на конгрессе:

«Мы чрезвычайно слабы на крупных предприятиях, и посему у нас нет сильных позиций в профсоюзах. Бóльшая часть наших приверженцев — безработные или те, кто работает в небольших фирмах. Поэтому мы находимся на периферии, а не в сердце рабочего класса»¹⁶.

В резолюции Политбюро КПГ от 10 декабря 1926 г. эти два собрания приветствовались как показатель поворота рабочего движения влево и успеха единого фронта¹⁷. Тем не менее эти несколько сомнительные достижения не устранили беспокойства по поводу силы самой партии. Число ее членов на протяжении всего этого периода выражалось не очень впечатляющей цифрой — около 125 тыс. человек. Текущая была большой, и общее число членов партии никак не удавалось увеличить¹⁸.

В то время как компартия отчаянно пыталась повысить свою привлекательность в глазах немецких рабочих, ее руководство, частично из-за многочисленных течений внутри него самого, а частично из-за давления, оказываемого на него Коминтерном, было разобщено. «Открытое письмо» от августа 1925 г. лишило трона Рут Фишер, никого не посадив на ее место. Вытекавшая отсюда неопределенность привела к расколу в самой левой группе, из которой при прямой и мощной поддержке Коминтерна и лично Сталина постепенно выделился новый лидер — Тельман¹⁹. Был сильно обогран тот факт, что Тельман — рабочий, его возвышение сопровождалось кампанией против интеллигенции. Желая дискредитировать Рут Фишер, Зиновьев в августе 1925 г. задал

вопрос, почему берлинские рабочие «не могут найти рабочего, который возглавил бы партию» и осудил «бесстыдных и высокомерных бюрократов-интеллигентов (Intellektuellen-Bonzen-tum)»²⁰. Во время заседания Германской комиссии на VI пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем в марте 1926 г., Бухарин обвинил ультралевых в КППГ в отсутствии «глубокого доверия к силе рабочего класса» и в свою очередь был обвинен Урбансом в организации «грандиозной травли интеллигентов»²¹. Сталин раскрыл свою мысль в более прямолинейных и сильных выражениях:

«Со стороны некоторых интеллигентов раздаются голоса о том, что ЦК германской компартии слаб, что он слабо руководит, что отсутствие интеллигентских сил внутри ЦК сказывается на работе отрицательно, что ЦК не существует и т. д. Все это неверно, товарищи. Такие разговоры я считаю выходкой интеллигентов, недостойной коммунистов. . .

Говорят, что теоретическими знаниями не блещет нынешний ЦК. Так что ж — была бы правильная политика, за теоретическими знаниями дело не станет. Знание дело наживное, если его нет сегодня, то оно будет завтра, а вот правильную политику, которую практикует ныне ЦК германской партии, не так-то легко усвоить иным кичливым интеллигентам. . .

Товарищ Тельман! Берите этих интеллигентов на службу, если они в самом деле хотят служить рабочему делу, или вы можете гнать их ко всем чертям, если они хотят командовать во что бы то ни стало»²².

В соответствии с постулируемым положением, что руководимый Тельманом ЦК представляет рабочих, Секретариат Исполкома Коминтерна в своем докладе пленуму ИККИ в ноябре 1926 г. поздравил КППГ, «освободившую рабочих от этих ренегатов»²³.

Однако главный смысл выдвижения был в другом. Победа Рут Фишер была достигнута на IX съезде партии в апреле 1924 г. при довольно нерешительных возражениях представителя Коминтерна Мануильского²⁴, в то время, когда и традиция и методы проведения контроля из Москвы прочно еще не установились. Осуществляемое Рут Фишер руководство было окрашено скрытой тенденцией антирусских настроений, чему способствовали ее близкие связи с русским ренегатом Масловым. Возвышение Тельмана было отмечено острой реакцией во всех отношениях, направленной против этой тенденции. Впервые руководитель Коммунистической партии Германии был избран по конкретному желанию Москвы. Можно было бы возразить, что такое вмешательство было необходимо, чтобы не дать соперничающим группировкам разорвать КППГ на части — как это вскоре случилось с польской партией²⁵. Но можно также сказать, что постоянное вмешательство Коминтерна в прошлом создало условия, предопределившие необходимость этой акции.

Суть происшедшего изменения видна из комментария Сталина на заседании Германской комиссии ИККИ на VI пленуме Исполкома Коминтерна в марте 1926 г., заявившего, что новый Центральный комитет КПГ не является «ни правым, ни „ультралевым”», он представляет собой «ЦК ленинский»²⁶, а ленинизм, по мнению Москвы, был доктриной партии. Выступая в ноябре 1926 г. на VII пленуме ИККИ, Тельман заявил, что «мы имеем дело не с чем иным, как с отношением нашей партии к Советскому Союзу»²⁷. Решающим критерием стала лояльность Москве.

Так как Тельман всегда считался представителем левого крыла партии, а бывшее правое крыло КПГ было полностью дискредитировано, судьбы российской и германской партий были теперь неразрывно связаны. В течение всего 1926 г., следуя по пути, обозначенному проводимой Сталиным кампанией, направленной против объединенной оппозиции в Москве, большинство КПГ под руководством Тельмана сосредоточило огонь на левых и ультралевых группировках внутри партии. Это были те самые группировки, которые утверждали, что защищают чистоту учения Маркса и Ленина от вырождающейся линии Коминтерна, и которые выступили с решительным осуждением укрепления власти Москвы. Ультралевые экстремисты, Карл Кац и его ближайшие последователи, были уже исключены из партии²⁸. На VI пленуме ИККИ, состоявшемся в марте 1926 г., Розенберг неохотно присоединился к линии Коминтерна; его старый товарищ Шолем отмежевался от Рут Фишер, но подвергся критике со стороны Ломинадзе, Тельмана и Эверта как ультралевый и сочувствующий Кацу²⁹.

Корш, ученый-марксист и выдающийся партийный интеллектуал, давно известный своим критическим отношением к Советскому правительству и Коминтерну³⁰, не присутствовавший на VI пленуме ИККИ, начал демонстративно выпускать независимый ультралевый журнал «Коммунистише политик», который занял бескомпромиссно отрицательную позицию по отношению к официальной линии. 10 июня 1926 г. он выступил в рейхстаге — где он был депутатом от коммунистической партии — против ратификации советско-германского договора от 24 апреля 1926 г. как несовместимого с принципами марксизма. Марксисты придерживались мнения, что мир мог быть обеспечен не компромиссами с капиталистическими государствами, а международной пролетарской революцией; а договор предполагал допущение наличия общности интересов у буржуазии и пролетариата «в международном масштабе»³¹. 1 июля 1926 г. Корш был исключен из партии³².

Однако группа Корша скорее отличалась интеллектуальной значимостью, чем политическим единством и поддержкой со стороны рядовых членов партии. Большое опасение вызывала в официальных кругах КПГ и в Москве другая ультралевая группа,

так называемая «Веддингская оппозиция». Ее лидер Ганс Вебер был членом Центрального комитета партии. В этой группе было меньше лидеров и интеллектуалов, но она располагала намного большим числом последователей среди рабочих, чем другие оппозиционные группы, от которых она стояла несколько в стороне. Она пользовалась наибольшим влиянием в Веддингском районе (рабочий район) Берлина, в Лейпциге и в Палатинате; в остальных местах ее влияние было слабым. На протяжении первых месяцев 1926 г. эта группа выступала с протестами против существовавшего положения дел как в русской, так и в германской партиях, и в резолюции, принятой в апреле 1926 г. после окончания работы VI пленума Исполкома Коминтерна, она осудила «нарушение партийной демократии»³³.

Тем временем прежние лидеры официального левого крыла КПГ все еще вели арьергардные бои против новой линии компартии. В июне 1926 г. Рут Фишер, очевидно при некоторой поддержке со стороны Зиновьева и Бухарина, без официального одобрения Исполкома Коминтерна, уехала из Москвы в Берлин³⁴. 10 июля 1926 г. по состоянию здоровья был освобожден из тюрьмы Маслов. Однако он отказался приехать в Москву, чтобы защищать себя в Интернациональной контрольной комиссии ИККИ против обвинений в «недостойном» поведении в немецком суде, и комиссия осудила его поведение, назвав его «ошибочным и некоммунистическим»³⁵. Решением Центрального комитета КПГ от 19 августа 1926 г. за эти нарушения дисциплины как Фишер, так и Маслов были исключены из партии; спустя неделю исключение было подтверждено Исполкомом Коминтерна³⁶. Группа Маслова — Фишер, которая так недавно еще была у власти, имела бóльшую поддержку среди официальных деятелей партии на всех уровнях, чем ультралевые группы. Урбанс, являясь теперь одним из ее руководителей, по-прежнему сохранял свое место в Центральном комитете. Удалить приверженцев этой группы с занимаемых ими важных постов оказалось более длительным и хлопотным делом.

Партийная борьба в Москве и образование летом 1926 г. объединенной оппозиции стимулировали активизацию деятельности всех этих групп. Корш заявил, что ленинградская оппозиция была права, отрицая возможность построения социализма в одной стране и «характеризуя безо всяких иллюзий российскую государственную промышленность как государственно-капиталистическую»³⁷. Вебер, лидер «Веддингской оппозиции», подстегиваемый, возможно, упреками Корша, демонстративно представил Центральному комитету компартии всеобъемлющий проект резолюции, где одобрялись по всем пунктам политика и заявления Зиновьева и ленинградской оппозиции и обещалось оказание «поддержки» со стороны «левых Веддинга» «любому движению, которое на основе положений, выдвинутых оппозицией на XIV съезде ВКП(б), ведет борьбу против сталинизма»³⁸.

Осуждение левой деятельности партийным руководством вызвало у левых групп желание объединиться для оказания сопротивления. Было сказано, что меморандум, озаглавленный «Материалы по русскому вопросу», в котором российская партия обвинялась в перерождении и предательстве ленинизма в области теории и практики, представлял собой совместный труд Урбанса и Веддингской группы³⁹. Дискуссии продолжались в течение всего августа 1926 г., и 11 сентября 1926 г. отпечатанная «декларация 700» была доставлена в Центральный комитет германской компартии, подписанная 700 партийными деятелями из всех трех групп, все еще остававшимися членами КППГ. Подписавшиеся объявляли о своей полной солидарности с ленинградской оппозицией в российской партии, которая «представляет правильную ленинскую линию и... одна на деле продолжает ленинскую традицию» и выступает против «откровенно правых тенденций». В меморандуме содержалось обращение ко всем членам компартии с призывом «придерживаться в индивидуальном порядке или местными группами этой нашей декларации»⁴⁰.

Есть свидетельства того, что руководители партии считали «Веддингскую оппозицию» менее неисправимой или нуждавшейся в более деликатном обращении, чем другие группы, и, возможно, все еще надеялись вбить между ними клин. На состоявшейся в конце августа 1926 г. конференции Центрального комитета партии и партийных работников были названы имена исключенных из партии Корша и Маслова как виновных во фракционной деятельности, однако имя Вебера, который еще состоял в партии, названо не было⁴¹. И 16 сентября 1926 г. Центральный комитет КППГ принял большую резолюцию, которая, осудив заявление Корша как «преступную попытку раскола» партии, лишь укорила Вебера за связь с Масловым и Фишер, что он до этого времени отрицал. В резолюции содержался, однако, призыв к увольнению с постов всех тех, кто подписал «декларацию 700»⁴². Из-за хаотического состояния дел в партии ее XI съезд, первоначально запланированный на конец ноября, был отложен до весны 1927 г.⁴³

На этих примерах становится все более очевидной взаимосвязь между дискуссиями в российской партии и в зарубежных коммунистических партиях. Если инакомыслящие группы в других партиях присоединялись к платформе оппозиции в ВКП(б), то для лидеров оппозиции было естественным приветствовать это и даже искать их поддержки и в свою очередь оказывать им поддержку внутри их собственных партий. В равной степени естественным для советских руководителей было возмущаться такой тактикой и клеймить оппозицию за стремление соединить свою собственную нелояльность с побуждением к нелояльности других.

Нигде этот вопрос не стоял так остро, как в отношении КППГ. Близость связей между двумя странами и двумя партиями придавала полемике особую нотку горечи. Большая часть платфор-

мы ультралевых из германской компартии была заимствована из платформы оппозиции ВКП(б) и состояла из нападок на политику российской партии. КППГ более непосредственно, чем любая другая партия, была вовлечена в борьбу против оппозиции в Москве. Уничтожение оппозиции в германской партии было важным шагом на пути к нанесению поражения оппозиции в Советском Союзе. Когда 16 октября 1926 г. Центральный Комитет российской партии в своем ультиматуме призвал оппозицию отмежеваться от своих сторонников и противников линии Коминтерна в зарубежных партиях, единственными названными именами были имена Фишер, Урбанса и Маслова⁴⁴. Германская компартия получила соответствующие инструкции от Коминтерна. 23 октября 1926 г. Нойман, который теперь стал представителем КППГ в штабе Коминтерна⁴⁵, написал в Берлин, что руководство в Москве хочет, чтобы Урбанс и Шолем были исключены из партии до начала пленума Исполкома Коминтерна, назначенного на середину ноября. Делегация КППГ на этом пленуме должна была представлять собой не «собрание различных направлений», а «сплоченную делегацию Центрального комитета». Нойман, однако, признал, что в свете последних событий «ультралевые не могут быть ликвидированы за несколько дней» и что «до тех пор, пока они сильны в Нейкельне и Веддинге, вопрос об их окончательном поражении не стоит»⁴⁶.

Когда 26 октября 1926 г. открылась XV конференция российской партии, было зачитано приветствие Коммунистической партии Германии, в котором был выражен протест против «беспринципного блока товарищей Зиновьева, Троцкого с оппозицией в КППГ» и были названы имена «ренегатов Корша и Шварца, Рут Фишер и Маслова, которые исключены из партии», а также Урбанса и Шолема. С особым негодованием в приветствии упоминалась речь Урбанса, произнесенная им 21 октября 1926 г., где он цитировал лидеров русской оппозиции в поддержку своих нападок на «беспринципную международную линию» Центрального Комитета ВКП(б)⁴⁷. На следующий день конференция приняла краткую резолюцию о работе Коминтерна и послала ответ Центральному комитету КППГ. В ответе говорилось, что кампания, развязанная Шолемом, Вебером и Урбансом, поставила их в один ряд с «ренегатами и худшими врагами коммунизма». Позже на конференции Цеткин обрушила яростную атаку на инакомыслящих в КППГ, различая «решительных левых», таких, как Корш, Кац, Шварц, и «нерешительных левых» — Маслова, Шолема и Урбанса, которые объединились на общей платформе «русского вопроса»⁴⁸. 5 ноября 1926 г., два дня спустя после окончания конференции в Москве, Центральный комитет КППГ исключил Урбанса и Шолема из партии⁴⁹.

Окончательный разгром левой оппозиции в германской компартии рассматривался многими как движение вправо. После устранения в 1924 г. Брандлера и Тальгеймера Эрнст Майер руко-

водил центристами, которые присоединили к себе многих из тех, кто ранее входил в группу правых в компартии. Вначале Майер не пользовался большим влиянием, и в феврале — марте 1926 г. на VI пленуме Исполкома Коминтерна он был вежливо отнесен в сторону⁵⁰. Однако у этой группы было значительное число приверженцев, особенно среди рядовых членов партии и среди партийных деятелей низшего звена, и в острой борьбе против ультралевых от их поддержки нельзя было отказаться. Когда в августе 1926 г. Бухарин приехал в Берлин, Майер неоднократно беседовал с ним и нашел его «по сравнению с тем, что было в марте месяце, очень дружелюбно настроенным». Бухарин, по-видимому, разделял его взгляды и критически относился к Тельману, Нойману и тогдашнему Центральному комитету и надеялся, что Майер вернет себе свой пост⁵¹. Говорили, что проходившие осенью 1926 г. предварительные беседы Тельмана и Майера выявили основу для соглашения, которая заключалась в окончательном роспуске группы Майера и сотрудничестве ее членов с Центральным комитетом⁵². Никаких решительных изменений, однако, сделано не было, и когда в конце ноября 1926 г. в Москве состоялся VII пленум ИККИ, положение в германской компартии все еще оставалось неясным.

На VII пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем с 22 ноября по 16 декабря 1926 г., озабоченность прежде всего вызывали оппозиция в российской партии и китайский и британский вопросы⁵³, и, уделив в какой-то мере внимание состоянию дел в КПП, русские руководители не проявили желания менять курс. Как Бухарин, так и Куусинен с энтузиазмом говорили о совместных действиях левых партий во время июньского референдума 1926 г. по вопросу об экспроприации собственности у бывших правящих семейств Германии (хотя кампания по проведению референдума и не была успешной, она стала вехой в сотрудничестве между КПП и СДПГ) и об организации конгрессов трудящихся и безработных в Берлине под эгидой компартии, которые приветствовались как полезные примеры тактики единого фронта⁵⁴.

Вместе с тем Бухарин во второстепенном разделе своего доклада писал, что, в то время как в 1923 г. КПП была готова поддерживать противдействие Германии французскому империализму, сейчас, в связи с оздоровлением политического и экономического положения в стране, обстановка полностью изменилась. Германия стала в экономическом отношении «передовой державой», сменила восточную ориентацию на западную и начинает требовать возвращения своих колоний под видом подмандатных территорий. Бухарин даже сослался на социалистический журнал, в котором подробно рассматривался вопрос о потребности Германии в сырье⁵⁵. Тем не менее тезис о том, что коммунисты потеряли твердую основу для сотрудничества с социал-демократической и другими германскими партиями, не был высказан

вслух, и никто не продолжил эту тему. Тельман следовал официальной линии, однако левую оппозицию в КППГ он осудил скорее за ее нелояльность по отношению к Советскому Союзу, чем за что-либо другое, и ухитрился придать радикальный характер заключительной части своего выступления⁵⁶.

В составе делегации германской компартии на VII пленуме Исполкома Коминтерна были два сторонника «Веддингской оппозиции». Один из них, по имени Ризе, предложил от лица своей группы широкую программу, в которой содержался призыв к более специфической революционной тактике и утверждалось, что кампания с целью завоевания «масс любой ценой» привела к такому положению в партии, когда «все более и более маскируется ее коммунистическая сущность и насаждается пассивность». Предпринятая под лозунгом «враг находится слева» атака была направлена на «все левые элементы, которые... выступают против все возрастающей волны оппортунизма в партии и против любого нового варианта брандлеризма». Центральный комитет партии «занимался усилением» кампании, направленной против группы Фишер—Маслова, против тогдашней ультралевого оппозиции, и обрушил на нее «град исключений из партии и другие механические и организационные меры»⁵⁷. Ризе, выступление которого постоянно прерывали, отрицал реальность стабилизации капитализма и предупреждал против правого уклона в КППГ⁵⁸. Он получил отпор со стороны других ораторов. Когда дебаты подошли к концу, была назначена комиссия для подготовки проекта резолюции о положении в германской компартии. Бухарин был назначен ее председателем, а Куусинен его заместителем⁵⁹.

Тем временем Тельман от имени Президиума Исполкома Коминтерна объявил, что Маслов, Рут Фишер, Урбанс, Шолем, Шварц и Шван обратились в ИККИ, высшую инстанцию Коминтерна, протестуя против своего исключения из партии, и что Президиум телеграфировал им, предложив немедленно приехать в Москву⁶⁰. Приглашение было принято всеми, кроме Маслова, который, не будучи немцем, не мог рассчитывать на дипломатическое вмешательство Германии, если советские власти задержат его. Прибывшие были заслушаны не на пленарном заседании Исполкома Коминтерна, а на комиссии под председательством Куусинена. Комиссия слушала их в течение «многих часов», устроив им перекрестный допрос, результаты которого можно было предсказать. Вызывающие ответы Рут Фишер, Шолема и Урбанса были включены в доклад Куусинена, с которым тот выступил на пленарном заседании; при этом была обыграна вера Маслова в защиту его германской полицией. На пленарном заседании без обсуждения была одобрена рекомендация комиссии отказать им в их просьбе⁶¹.

Затем от имени Президиума ИККИ Тельман объяснил, что резолюция о положении дел в КППГ, которая подготавливалась в

Германской комиссии, уже отдана в подкомиссию и еще не готова. Он выразил пожелание, чтобы окончательное решение по этой резолюции принимал Президиум Исполкома Коминтерна; с этим согласились⁶². После завершения выработки резолюции 7 января 1927 г. она была формально одобрена Президиумом ИККИ и опубликована вместе с отчетами о пленуме. Широкое осуждение всех разнообразных левых групп было смягчено только там, где речь шла о «Веддингской оппозиции», которая, конечно, отличалась «от ренегатов и врагов партии» типа Рут Фишер, Урбанса, Корша и Шварца. Веддингская группа в какой-то мере соблюдала партийную дисциплину и насчитывала в своем составе «ряд честных революционных (хотя и заблуждающихся) рабочих». Тем не менее руководители группы были обязаны порвать все отношения с теми, кто был исключен из партии, и подчиниться решениям партии и Коминтерна; если они не сделают этого, то будут отвечать за последствия.

В двух последних разделах резолюции все же было тщательно сохранено равновесие между левыми и правыми, и эти два раздела, вероятно, были яблоком раздора, вызвавшим отсрочку в появлении резолюции. В резолюции указывалось, что укрепление германской компартии потребует «борьбы против буржуазии и социалистической партии Германии, включая «левых» вождей социалистической партии Германии». Партия «в борьбе против ультралевых уклонов ни на минуту не должна забывать правых тенденций, которые отнюдь не ликвидированы», она должна сделать выбор «между оппортунистическими уклонами и ошибками Брандлера — Тальгеймера и политики ЦК и Коммунистического Интернационала». Вместе с тем, продолжая бороться против оппортунистических ошибок группы Брандлера — Тальгеймера, партия должна «сотрудничать с теми некогда правыми товарищами, которые решительно покончили со своими прежними ошибками и без оговорок поддерживают руководство партии»⁶³.

Помимо проведения кампании против ультралевых, основной заботой Коминтерна в германских делах на VII пленуме ИККИ было создание нового руководства КПГ. Тельман был приглашен председательствовать на открытии пленума — честь, которой обычно удостоивали главу делегации российской партии. Его появление было встречено восторженными аплодисментами, а несколько позднее в ходе заседания была разыграна странная сцена. Два представителя Красной Армии объявили Тельмана «почетным солдатом» своего батальона и подарили ему форму, которую он надел; эта сцена сопровождалась одобрительными возгласами. В своем ответе Тельман дал торжественное обещание от имени германской компартии и Союза Красных фронтовиков, лидером которого он был, учиться революционному духу и братской солидарности у русских рабочих и крестьян⁶⁴. Настоящий рабочий, Тельман хорошо подходил на роль номинального главы партии, и он пользовался личной популярностью. Остальные его способ-

ности не были выдающимися. Его ближайший помощник Денгель, который так же, как и он, ушел из группы Маслова — Фишер после «Открытого письма» от августа 1925 г., был ничем не примечателен. Но вскоре руководство было укреплено некоторыми старыми членами партии, в последнее время не связанными ни с левыми, ни с правыми, а именно Реммеле, Эберле и Гешке. С ними пришла и масса более молодых деятелей партии, из которых самым выдающимся был Ульбрихт, чья лояльная поддержка была необходима для гладкой работы германской компартии.

Не столько сами руководители германской компартии, сколько Бухарин и другие лидеры Коминтерна, стремясь создать твердое и единое руководство для имевшей важное значение партии, проявили большое желание к примирению с элементами бывших правых, которые могли быть полезными. Более двух лет Брандлер жил в Москве всеми забытый и не принимал участия в недавней полемике в КППГ. О нем с симпатией говорили Цеткин и Тальгеймер на VI пленуме Исполкома Коминтерна в марте 1926 г.⁶⁵ В то время это не вызвало никакого отклика. Но 20 октября 1926 г., за несколько недель до открытия VII пленума ИККИ, по-видимому, не без официального одобрения, Брандлер и Тальгеймер подали в Интернациональную контрольную комиссию петицию о снятии запрета, наложенного ИККИ в апреле 1925 г. на их участие в работе Коминтерна. Этот шаг не обсуждался в ходе дебатов, проходивших на VII пленуме ИККИ, а имя Брандлера было лишь едва упомянуто. Однако в конце последнего пленарного заседания, 16 декабря 1926 г., Стучка от имени Интернациональной контрольной комиссии представил проект резолюции, в котором отмечалось, что, так как Брандлер и Тальгеймер сдержали слово воздерживаться от фракционной деятельности, запрет на их участие в работе Коминтерна снимается, но решение вопроса о практическом их использовании на партийной работе предоставляется Центральному комитету КППГ⁶⁶. Принятое без обсуждения, это было несколько бессмысленное решение, так как было ясно, что Тельман и его сторонники никогда не будут приветствовать возвращение в свои ряды такой противоречивой фигуры, как Брандлер. Тем не менее оно указывало на то, что Москва более терпимо относится к бывшим представителям правых групп.

Большую практическую важность имела решительная попытка укрепить руководство германской компартии, присоединив к ней группу умеренных центристов во главе с Майером. Ряд членов этой группы, которые потеряли свои посты или были исключены из партии в 1924 г., теперь были восстановлены⁶⁷. Майер посвятил свою речь на пленарном заседании традиционным нападкам на Зиновьева и Троцкого, Маслова и Рут Фишер⁶⁸. Ответ Тельмана не был обнадеживающим. Во втором из своих двух основных выступлений — оба были встречены восторженными аплодисментами — он вызываяще заявил, что руководители КППГ

сейчас достаточно сильны и «наряду с борьбой против ультралевых могут повести и поведут серьезную борьбу и против обнаруживающихся правых уклонов и имеющих возникнуть правых группировок»⁶⁹.

Тем не менее лидеры Коминтерна настойчиво проводили свою линию, и после принятия резолюции о Брандлере был составлен документ, содержащий условия, на которых Майер должен был быть допущен к участию в руководстве на предстоящем съезде КПП. Очевидно, это было предметом трудной и долго обсуждавшейся сделки, из-за чего, вероятно, было отложено принятие на пленуме основной резолюции о положении в германской компартии, и только 24 декабря 1926 г. было наконец достигнуто соглашение относительно текста заявления. Майер обязался безоговорочно принимать решения Исполкома Коминтерна и подчиняться руководству компартии и ее главным органам. Он решительно отмежевался от Брандлера и Тальгеймера и обязался бороться против всех группировок внутри партии (включая, надо было понимать, и членов его собственной бывшей группы). Взамен он получил от Центрального комитета КПП обещание сотрудничества до, в течение и после завершения работы предстоящего съезда⁷⁰. Дополнительные неприятности ожидали Майера по возвращении в Берлин. Несколько ведущих членов его группы, включая Вальхера, Фройлиха и Эндерле, все трое члены партии с большим партийным стажем, отказались признать заключенное им соглашение⁷¹. И все же с помощью этой тактики Коминтерн достиг своих основных целей — усилить руководство КПП и расколоть группы потенциальных диссидентов как левого, так и правого толка.

Именно в этот момент был нанесен новый удар по многострадальной германской компартии в связи с разоблачениями осуществлявшейся между Германией и Советским Союзом торговли оружием и секретных соглашений между Красной Армией и рейхсвером, а также использованием этих разоблачений депутатами от социал-демократической партии во время дебатов в рейхстаге⁷². В то время как партийное руководство пыталось отрицать какое-либо участие в этих делах, депутаты-коммунисты не могли не быть вовлечены в язвительную полемику со своими коллегами социал-демократами, уколов которых невозможно было избежать. Полной ясности относительно того, в чем заключалась первейшая обязанность фракции КПП в рейхстаге, никогда не было. Должна ли она была способствовать осуществлению ежедневных требований и интересов рабочих и поддерживать эти требования с помощью парламентской борьбы, при необходимости ведя эту борьбу вместе с СДПГ, или же она должна была разоблачать лицемерную позицию других партий, включая — а возможно, и особенно — позицию СДПГ, и провозглашать, что долговременные интересы рабочих будут удовлетворены не посредством парламентаризма, а благодаря революционной борьбе, направленной на его уничтожение. Эта история с разоблачениями завер-

шла переход от первой концепции ко второй, и она помогает объяснить, почему противодействие прежней тактике единого фронта проявилось в германской компартии раньше и более остро, чем в других партиях или в Москве. Какие бы отношения ни сохранились между рядовыми членами КПГ и СДПГ или между партийными деятелями более низкого уровня, которые не были непосредственно затронуты скандалом, взаимная вражда и озлобление руководителей обеих партий настолько углубились благодаря этой истории, что фактически была уничтожена любая дальнейшая возможность плодотворного сотрудничества.

Теперь начались приготовления к XI съезду Коммунистической партии Германии, который должен был начать свою работу в Эссене 1 марта 1927 г. На предварительных окружных съездах, где проходили выборы делегатов на съезд, почти повсеместно Центральный комитет имел преобладающее большинство; исключения составляли съезды в Хемнице (район Гарца), где Центральный комитет КПГ получил лишь незначительное большинство голосов, и в Палатинате, где «Веддингская оппозиция» все еще сохраняла за собой большинство. Вообще положение Веддингской группы было хуже, чем у другой, отделившейся от нее, ультралевой группы, возглавляемой Кёттером. Из 183 делегатов партийного съезда с правом решающего голоса десять человек представляли левую оппозицию, пятеро — группу Кёттера, трое — группу Урбанса и двое — Веддингскую группу⁷³.

Веддингская группа, не обескураженная уже полученным прежде отпором, выпустила манифест, озаглавленный «Новая ориентация Коминтерна». В нем содержалось обвинение Бухарина в том, что он на VII пленуме ИККИ вспомнил старую теорию «национального большевизма» и поощрял попытки правых в КПГ возобновить «дискуссию по вопросу об октябре 1923 года», которая представляла собой удар по реабилитации Брандлера. В манифесте полностью отвергался тезис о стабилизации капитализма и делался вывод, что «при такой объективно революционной ситуации Коминтерн должен организовать активную борьбу всех угнетенных и эксплуатируемых народов против капиталистического наступления на основе классовой борьбы». По «русскому вопросу» в манифесте вновь выражалась солидарность с «декларацией 700» от сентября 1926 г. и добавлялось, что «проводимый при Сталине внутрипартийный курс полностью подтверждает высказанное Лениным в его завещании недовольство товарищем Сталиным и содержавшееся в завещании требование о немедленном отстранении Сталина с поста Генерального секретаря, таким образом, полностью оправдано». И наконец, в манифесте отмечалось, что «уклон вправо зашел в КПГ столь далеко, что теперь уже верят в необходимость сотрудничества с оппортунистическими лидерами Брандлером и Тальгеймером»⁷⁴.

Группа Кёттера опубликовала заявление, составленное в несколько сходных выражениях, в котором еще сильнее подчеркивалось деморализующее влияние Коминтерна на зарубежные коммунистические партии⁷⁵. Перспектива появления на съезде этих маленьких, но громогласных групп, а также знание того, что исключенные из партии лидеры основной левой группы — Маслов, Фишер, Урбанс и Шолем — организуют мощное оппозиционное движение вне партии и находятся в контакте с членами московской оппозиции, вызвали активную разоблачительную кампанию в партийной прессе. Еще до начала съезда в печати появились две статьи, в которых главное внимание было сконцентрировано соответственно на «Веддингской оппозиции» и на прошлых ошибках руководства Фишер — Маслова⁷⁶.

Однако, затененная этой шумной, направленной против левых кампанией, в партии начала появляться трещина по вопросу о позиции, которую следует занять в отношении бывших правых. Члены партии, активно действовавшие в профсоюзах или в «комитетах единства», имели более широкий взгляд на тактику единого фронта и склонялись вправо в большей мере, чем их руководители, которые, особенно после VII пленума Исполкома Коминтерна, проходившего в ноябре 1926 г., со все возрастающим рвением осуждали социал-демократических лидеров как ренегатов и худших врагов коммунизма; несовместимость этих осуждений с попытками привлечь на свою сторону социал-демократические массы рабочих была в Германии более очевидна, чем в Москве.

У съезда КПП — который занимал еще более правые позиции — вызывала беспокойство господствовавшая и противоречивая фигура Брандлера. Брандлер воспользовался преимуществом подаренной ему VII пленумом ИККИ передышки и опубликовал состоявшую из двух частей статью о «Путих послевоенного капиталистического развития» в журнале Профинтерна⁷⁷. Статья была написана в тщательно отобранных выражениях таким образом, чтобы соответствовать ортодоксальной линии Коминтерна, провозглашенной на VII пленуме ИККИ. Однако в ней автор отдавал предпочтение тактике единого фронта, что едва ли могло остаться незамеченным в свете роковых действий Брандлера осенью 1923 г.⁷⁸

Теперь Брандлер предпринял следующий шаг для своей реабилитации. Он написал проект того, что он назвал «программа действий» для КПП. Продолжая придерживаться рамок ортодоксальной линии Коминтерна, он повторил, что стабилизация капитализма содержит присущие ему внутренние противоречия и сама «готовит почву для новой революции и создает для нее новое и более широкое основание». Он резко осудил социал-демократическую партию, из программы которой исчезли слова «классовая борьба» и «социализм», и охарактеризовал профсоюзы и кооперативы как «массовое пролетарские организации», работавшие под руководством бюрократического аппарата СДПГ, кото-

рый действовал в интересах буржуазии. Со своей стороны, коммунисты, добиваясь своих конечных революционных целей, должны «навязывать ежедневную борьбу, представляющую собой связующее звено между требованиями сегодняшнего дня и окончательной целью», и иметь «программу действий, которая сведет в единое целое все выдвигаемые ими конкретные требования»; причем эта программа не «может быть простым собранием конечных лозунгов». В качестве «общеполитического лозунга» Брандлер отстаивал идею создания «правительства рабочих и крестьян», а в качестве экономического требования — «рабочий контроль над производством». Эти пункты были явно предназначены для привлечения поддержки со стороны рабочих — социал-демократов, склонных к левым взглядам.

Программа Брандлера не была опубликована и не была официально рассмотрена в Москве. Однако ее существование и, возможно, ее содержание были известны многим делегатам съезда КПГ и помогли объяснить чрезвычайно болезненное отношение партийных руководителей к правым. Ничто в самой программе или в ее поддержке тактики единого фронта не отличалось радикальным образом от той политики, которая проводилась германской компартией под руководством Коминтерна после смещения Рут Фишер и устранения ультралевых. Но именно это и сделало инициативу Брандлера, проявленную непосредственно после снятия запрета на его деятельность, такой неудобной. Это заставляло думать, что текущая политика КПГ была по существу возвратом к прежней политике, осужденной IX партийным съездом в марте 1924 г., и что логическим следствием ее будет восстановление Брандлера в руководстве партии. Эти выводы были категорически отвергнуты лидерами КПГ⁷⁹.

На первом заседании съезда, открывшегося 1 марта 1927 г., было заслушано послание ИККИ, в котором была четко выражена главная озабоченность Коминтерна. В послании говорилось о «чрезвычайно острой» международной обстановке, сложившейся во всей Европе из-за ноты Чемберлена, содержавшей угрозы в адрес Советского Союза, осуждались «рenegаты» в Компартии Германии, выступавшие как пособники Чемберлена, и содержался призыв к партии сомкнуть свои ряды и занять «правильную ленинскую платформу»⁸⁰; единство партии и преданность делу Советов были основными требованиями дня⁸¹. Денгель сделал традиционный доклад о работе Центрального комитета, в котором отверг обвинение в том, что ленинизм был заменен «сталинизмом», и что руководители КПГ — «агенты Москвы». Тельман сделал сумбурный доклад о международном положении («относительная стабилизация капитализма, СССР, Китай и опасность войны») и о задачах партии. В предъявленном им социал-демократам обвинении среди прочих пунктов было осуждение нападок социал-демократов на Советский Союз как на «капиталистическую страну»; это положило начало «бесстыдной кампании нападок»⁸².

Кёттер, Вебер и Бартельс выступили с краткими заявлениями от имени трех левых фракций, но их выступления прерывались насмешками⁸³. Тельман рассказал, что Маслов, Фишер, Урбанс и Шолем — все четверо исключенные из партии — во время работы съезда организуют конференцию в Эссене, и предупредил делегатов оппозиции о последствиях участия в ней⁸⁴.

Однако обсуждение на съезде наиболее неприятных тем вызвано было несогласием с мнением именно правых. Бётчер резко отделил левое крыло социал-демократической партии от ее большинства и недвусмысленно осудил компромисс Майера. Майер отмежевался от Бётчера и выступил в защиту московского соглашения от 24 декабря 1926 г. как «необходимого и правильного»⁸⁵. Бек, секретарь комитета единства, проводившего в жизнь в течение прошлого года политику единого фронта с рабочими социал-демократами, приписал слабость работы партии в профсоюзах неправильному использованию лозунгов «большевизация» и «политизация». Неправда, что социал-демократические профсоюзы никогда не организуют забастовок, и бессмысленно начинать борьбу криком: «Реформисты предадут нас!» Бесполезно также «дovодить каждую забастовку до полного обескровливания». Эти дискредитирующие работу партии высказывания вызвали сердитые возгласы, на которые Бек резко заметил, что «стиль «Роте Фане»» «не был рассчитан на завоевание широких масс рабочих»⁸⁶. Эверт, главный помощник Майера, выступил с критикой Бека и призвал к «борьбе против реформизма в профсоюзном движении»⁸⁷.

Завершая дебаты по своему докладу, Тельман не преминул заметить, что, в то время как основные возражения поступили от левого крыла партии, «во время дискуссии неожиданно проявилось множество правых отклонений»⁸⁸. И голосование по представленным Тельманом пространственным тезисам было отложено до их изучения в редакционной комиссии. Тем временем 10 делегатов от оппозиции проголосовали против предложенной Денгелем резолюции, в которой предлагалось одобрить доклад Центрального комитета, а 12 воздержались⁸⁹. Это был максимум того, чего смогло добиться левое меньшинство при голосовании на съезде.

Когда таким образом определились основные направления дебатов, Эверт сделал умело сбалансированный доклад о положении дел в партии. Он осудил Зиновьева, Рут Фишер и другие левые группы. Он похвалил кампанию по проведению референдума и Конгресс трудящихся Германии как блестящие примеры осуществления тактики единого фронта. Он отвел нападки на соглашение, заключенное Майером в Москве, и убедительно призвал к «консолидации» партии⁹⁰. Тем не менее избежать трудностей, связанных с личностью Брандлера и его программой, оказалось невозможно. Делегат от «Веддингской оппозиции» Ризе, который уже был нарушителем спокойствия на VII пленуме Исполкома Коминтерна в Москве, предложил, чтобы Брандлеру и Тальгей-

меру разрешили вернуться в Германию и работать в партийных журналах в соответствии с резолюцией ИККИ, не требуя от них при этом официального отречения от ошибок, допущенных в 1923 г. Эверт, от имени группы Майера, продемонстрировал свою преданность линии партии, настаивая на том, что не может быть и речи об их возвращении на партийную работу, пока они не «признали своих прежних ошибок»⁹¹.

Затем выступил Шнеллер с большой и бессвязной речью о важности работы в непартийных организациях (профсоюзах, Межрабпоме, МОПРе, молодежных и спортивных организациях и т. д.), подкрепляя свою речь цитатами из работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Мюнценберг проницательно заметил, что «работа в массовых организациях является наиболее сложной частью тактики единого фронта»⁹². Геккерт в докладе о профсоюзах заглянул в глубь этой проблемы. Он обвинил социал-демократических лидеров в отказе от учения Маркса о классовой борьбе и в отказе от международной борьбы в любой ее форме. Вместе с тем он утверждал, что реформисты черпают свою силу в армии профсоюзных деятелей низшего звена, которые действительно борются за улучшение жизни рабочих. Геккерт также указал на опасность появления трещины между Компартией Германии и рабочими массами, которая может оказаться роковой⁹³. Однако даже самым тщательным образом составленная формула не могла примирить требование проводить эффективную политику единого фронта со все возрастающим требованием выступать с осуждением социал-демократических лидеров профсоюзов как врагов и ренегатов. Куусинен, который присутствовал на съезде под именем Янсена в качестве представителя Исполкома Коминтерна, призвал к одобрению решений VII пленума ИККИ, осторожно сказав о русской оппозиции и осудив соучастие Штреземана в планах британских империалистов, направленных против Советского Союза⁹⁴.

Неловкой интерлюдией в последовавших за этим дебатах прозвучало требование делегатов от Данцига и Саара о возвращении рейху его земель, отрезанных от него по несправедливому Версальскому договору. Это было встречено решительным заявлением Денгеля, что «кампания за так называемое воссоединение Данцига и Саарского бассейна... с существующим в настоящее время империалистическим германским рейхом» «ослабит борьбу против германского империализма»⁹⁵. Однако эта тема была непопулярна, и никто больше не пытался вернуться к ней.

Без сомнения, этот разлад в рядах делегатов отразился в дебатах, которые проходили в редакционной комиссии по тезисам, предложенным Тельманом. Дебаты касались вопросов международной обстановки, рождения нового «германского империализма», что проявилось в кампании за возвращение бывших немецких колоний, наступления капитализма и капиталистической рационализации, единого фронта и предательской роли социал-де-

мократии и задач партии. Поименной критике подвергались только исключенные лидеры левого крыла партии. Вместе с тем было сделано предупреждение против «тенденции оппортунистической интерпретации тактики единого фронта», при этом «левая СДПГ» была осуждена как «главный враг, которого коммунисты должны поразить и уничтожить»⁹⁶. Очевидно, самая упорная полемика шла по вопросу о лозунге рабочего контроля на производстве, по которому, как признал в своей речи Тельман, «мнения в партии разделились»⁹⁷.

На более поздней стадии работы съезда сторонниками правых были предложены формальные поправки: включить в предложенные Тельманом тезисы требование «экономической демократии», «рабочего контроля на производстве» и «программы действий». Они, как и следовало ожидать, были отвергнуты⁹⁸. Однако трудно сказать, были ли они отвергнуты потому, что они подразумевали слишком тесное сотрудничество с социал-демократами в ходе организации поддержки текущих требований, или потому, что они были почти идентичны политической концепции Брандлера. Эти два мотива переплетались, и их трудно было различить⁹⁹. И тезисы Тельмана и резолюция Эверта о дискуссии в партии были затем приняты (причем против каждой из них голосовало восемь оппозиционеров)¹⁰⁰. Резолюция Эверта была в основном посвящена осуждению левых. Однако в последнем разделе резолюции содержалось также осуждение Бётчера и других неназванных членов партии, которые «выступают против заявления Майера и пытаются преуменьшить политические ошибки Брандлера и Тальгеймера». В резолюции был сделан вывод:

«Без преодоления фракционизма не будет единого руководства рабочим классом.

Без сильной сплоченной партии не будет победы в революции»¹⁰¹.

Съезд закончил свою работу на довольно вымученной ноте единства и консолидации сил. Выборы в большой Центральный комитет партии (по соображениям безопасности) прошли на закрытом заседании. В них участвовали представители всех трех групп левого меньшинства, оставшихся в партии. Было избрано немногочисленное Политбюро, а Тельман, Денгель, Майер и Эверт были назначены членами Политического секретариата¹⁰². В статье, опубликованной в партийном журнале, суммировались результаты работы съезда и говорилось о том, что «партия сконцентрировала свои усилия на создании подлинного идеологического единства», а также о «гегемонии Коминтерна в мировой революции, достигаемой через тесное единство идей всемирной партии и ее германской секции»¹⁰³.

В то время как руководители германской компартии объединились для проведения кампании против левых и ультралевых, коалиция руководства Тельмана и центристской группы Майера, созданная под давлением Коминтерна на съезде в Эссене, приве-

ла к установлению сложных отношений. В Политическом секретариате Тельман и Денгель уравнивались Майером и Эвертом. По-прежнему были активны в партии несколько громогласных членов бывшей правой оппозиции, которые отвергли компромисс Майера¹⁰⁴. Опыт кампании по проведению референдума, а также Всегерманской конференции безработных и Конгресса трудящихся Германии в Берлине, полученный в предыдущем году, убедил многих членов КППГ в пользу тактики единого фронта. Организованное компартией празднование 1 Мая 1927 г. подчеркнуло необходимость совместных действий рабочих для оказания сопротивления фашизму, поэтому было послано приглашение лидерам социал-демократической партии провести общую демонстрацию против «Стального шлема»¹⁰⁵.

Наиболее остро этот вопрос стоял в профсоюзах, и решения съезда были открыто подвергнуты сомнению Вальхером — членом партии, долгое время активно работавшим в профсоюзах, — в его двух статьях, написанных для партийного журнала. Вальхер напомнил бескомпромиссную политику «ультралевой эры» Фишер и Маслова, которая «дорого обошлась КППГ» и с которой было покончено в результате опубликования «Открытого письма» в августе 1925 г. Он убеждал, что бесполезно «добиваться расположения [roussieren] рабочих — левых социал-демократов и одновременно объявлять левых лидеров наихудшими и наипаснейшими врагами»¹⁰⁶.

Ежедневная политика требовала постоянного сотрудничества с социал-демократами. 1927 год с его Антиимпериалистическим конгрессом в Брюсселе и кампанией против войны и в защиту Советского Союза предоставил много таких возможностей. 16 июля 1927 г. Центральный комитет Коммунистической партии Германии единодушно принял резолюцию, в которой рекомендовалось провести более четкое разграничение между правым и левым крылом Социал-демократической партии Германии и между руководителями СДПГ и ее «сторонниками из числа пролетариев, обладающих классовым сознанием». Сам Тельман при принятии резолюции не присутствовал, но, видимо, никто из его сторонников не выступил против нее¹⁰⁷. Это решение было подвергнуто сомнению в левых кругах партии как повторение правых ошибок прошлого и привело к возобновлению трений между двумя группами.

В течение всего лета 1927 г. Коминтерн, поглощенный кризисами в Великобритании и Китае и озабоченный проведением кампании против военной опасности и более всего борьбой против объединенной оппозиции, уделял мало внимания проблемам КППГ. Однако существовали опасения, что вызывающая беспокойство тактика исключенных из партии групп, из которых группа Фишер — Урбанса была наиболее активной и настойчивой, может оказать опасное воздействие на советскую политику и обеспечить помощь и поддержку русской оппозиции. Хотя в партийных кру-

гах отрицали или игнорировали существование секретных военных соглашений между Советским Союзом и Германией, связанный с ними скандал был использован левой оппозицией в компартии, причем иногда он оказывал деморализующее воздействие на рядовых членов партии. В январе 1927 г. левая оппозиция начала издавать газету, скромно названную «Миттайлунсблатт (Линке оппозицион дер КПД)», а в июне 1927 г. газета была преобразована в журнал «Ди фане дес коммунистус: цайтшифт дер ортодоксен марксистен-ленинистен», который использовался для публикации запрещенных документов русской оппозиции.

Вслед за конференцией, проведенной в Эссене в марте 1927 г. в период работы XI съезда германской компартии, состоялась оппозиционная «конференция партийных работников». Конференция приняла резолюции, в которых осуждалась политика Коминтерна в Китае и в отношении Англо-русского комитета¹⁰⁸. Когда в начале 1927 г. Каменев, назначенный полпредом в Рим, проезжал через Берлин, он, вероятно, обсудил с группой Урбанса — Фишер условия созыва международной конференции оппозиции в Берлине; к этому также имел отношение Зиновьев. Полагают, что связь с Москвой поддерживалась через члена советской торговой делегации в Берлине. Были установлены контакты с лидерами оппозиции в зарубежных коммунистических партиях — Трэном в Париже, Нейратом в Праге и Фрейем в Вене¹⁰⁹. Эти маневры, о которых знали или подозревали в Москве, были вопиющим нарушением обязательств — с трудом полученных от русской оппозиции 16 октября 1926 г. — порвать отношения с ее сторонниками за рубежом, особенно с Масловым и Рут Фишер¹¹⁰; и они вызвали опасения того, что оппозиция все еще может получить серьезную поддержку от оппозиционеров в зарубежных компартиях. На VIII пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем в мае 1927 г., была принята резолюция, в которой осуждались Троцкий и Вуйович и оппозицию обвиняли в создании «полного политического и организационного альянса с ренегатами, исключенными из КПГ», и в снабжении их материалами для публикаций¹¹¹.

Летом 1927 г. советская пресса с жаром разоблачала изгнанных из КПГ левых¹¹². Когда в июле — августе 1927 г. Центральный Комитет российской партии вел мучительную борьбу с оппозицией, Реммеле, Эберлейн и Нойман от имени Центрального комитета германской компартии представили ему заявление, в котором осуждался «альянс Троцкого и Зиновьева с ренегатами Масловым и Фишер»¹¹³. После окончания заседания 15 исключенных из КПГ во главе с Масловым, Фишер, Урбансом и Шолемом позволили себе до некоторой степени бессмысленный жест — обратились в ИККИ с петицией о восстановлении в Коминтерне; они предложили «компромисс» и обязались защищать «СССР, первую страну пролетарской диктатуры». В сформулированном, как и надо было ожидать, в резких выражениях ответе, датированном 17 сентября 1927 г., содержались обвинения оппозиционной

группы в проведении «двуличной политики» и отказ в удовлетворении ее просьбы¹¹⁴.

Первая большая организованная конференция оппозиции, на которой присутствовало 120 делегатов, состоялась 23 октября 1927 г. Вскоре после этого были опубликованы и получили широкую известность принятые на конференции тезисы «О положении в Германской партии» наряду с «Платформой левой оппозиции в КППГ». «Официальная политика Коминтерна зашла в тупик», «технические средства», используемые для того, чтобы положить конец дискуссии в российской партии, не дали результата. Социализм в одной стране, «теория» «национальной ограниченности», привели к «отказу от пролетарской революции в индустриально развитых странах». Что касается вопроса о германской компартии, то в «платформе» содержались нападки в адрес Леви, Брандлера и Тальгеймера. После 1923 г. единственным успешным периодом в истории КППГ был период с марта 1924 г. (съезд во Франкфурте) до появления «Открытого письма» в августе 1925 г. (период руководства Маслова — Фишер). С тех пор партия проводила в профсоюзах политику «обхаживания реформистов» и политику «поддержки буржуазных и социал-демократических правительств... по «левой» социал-демократической модели»¹¹⁵.

Наконец, 4 марта 1928 г. оппозиционная группа воссоздала себя под названием «Ленинского Союза», а 13 апреля 1928 г. опубликовала в журнале «Ди фане дес коммунистус» «Открытое письмо» Коминтерну с просьбой о принятии ее в качестве коллективного члена Коммунистического Интернационала или сочувствующей организации. Президиум ИККИ опубликовал заявление, в котором осуждался этот «демагогический маневр», а также то, что «Ленинский Союз» «не постеснялся прикрыть свою контрреволюционную деятельность именем Ленина»¹¹⁶. Единственным пунктом, по которому совпадало мнение левой оппозиции с руководством партии, была растущая враждебность последних по отношению к правым.

Позиция Брандлера продолжала вызывать беспокойство. К этому времени содержание брандлеровской «программы действия» было, вероятно, хорошо известно в партии¹¹⁷ и стало объединяющим лозунгом правых. Поэтому, когда в августе 1927 г. из Москвы вернулся Эверт и сообщил, что Коминтерн одобряет возвращение Брандлера и Тальгеймера на работу в КППГ, создалось неловкое положение. Никто в Москве серьезно не думал о замене более послушного и услужливого Тельмана Брандлером после всех неудач последнего и после проводимой им более трех лет политики систематического очернения деятельности партии. Однако Коминтерн всегда предпочитал иметь несколько вариантов, и до тех пор, пока в Коминтерне правил Бухарин, его личная симпатия к двум немецким изгнанникам имела определенное значение. Предложение Коминтерна получило некоторую поддержку

среди руководителей германской компартии. Когда Тельман решительно выступил против этого на заседании Политбюро КПП, последовала борьба, в результате которой было решено снять запрет на работу в партии Тальгеймера, а в отношении Брандлера такой запрет не снимать.

9 сентября 1927 г. Центральный комитет Компартии Германии проголосовал за то, чтобы пригласить Тальгеймера вернуться в Берлин для работы в партийных печатных органах¹¹⁸. Это был последний случай, когда группа Майера при той поддержке, которую она смогла получить справа, нанесла частичное поражение Тельману. Еще до конца года ситуация начала резко меняться не в ее пользу¹¹⁹. Осенью 1927 г. Эверт был направлен Коминтерном в Соединенные Штаты Америки и в течение последующих 18 месяцев с перерывами был занят работой в американской и британской партиях¹²⁰. Отсутствие его послужило и, без сомнения, было задумано для того, чтобы устранить источник постоянных неприятностей в руководстве Тельмана и препятствия на пути укрепления новых тенденций в политике Коминтерна.

В последние недели 1927 г. еще можно было обнаружить незначительное и быстро уменьшающееся место для первоначальной концепции единого фронта, которая разрешала и поддерживала какую-то долю сотрудничества с «левыми» партиями. Третья германская делегация рабочих, сходная по своему составу и целям с делегациями 1925 и 1926 гг., находилась в Советском Союзе с 15 октября по 18 ноября 1927 г. В нее входило 77 рабочих, из которых 34 были членами СДПГ и только 7 членами КПП¹²¹. Делегация приняла участие в праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции, что было организовано под эгидой общества Друзей Советского Союза как массовая демонстрация всемирной поддержки Советского Союза всеми левыми группами и партиями¹²².

Однако тех, кто способствовал проведению этих мероприятий, вскоре заставили понять, что климат в Москве меняется. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии, состоявшийся в декабре 1927 г., стоял на развилке дорог. На нем обнаружилось противоречивое мнение об относительной важности ультралевых и правых отклонений в Коминтерне. Бухарин, чье влияние в предыдущем году охраняло Майера и даже Брандлера и Тальгеймера, сейчас сам подвергся критике слева, высказанной Шацкиным и Ломинадзе¹²³. Оба говорили о германской компартии. Шацкин сказал, что «со времени последнего эссенского партийтага мы имеем оформленную правую группу, которая... требует пересмотра нашего отношения к левой социал-демократии», и сделал следующий вывод: «По мере ликвидации ультралевой опасности в германской партии эта группа будет переходить неизбежно в наступление против своего ЦК». Замечание Ломинадзе о том, что «за последние два года коммунистические партии во всех стра-

нах если и совершали ошибки, то всегда совершали правые ошибки», отражало опыт его работы в Германии и Китае¹²⁴. Как в российской, так и в германской партиях ликвидация левой оппозиции сигнализировала о начале нового выступления против правых.

Эти события в Москве определили окончательную консолидацию руководства Тельмана и разгром всей оппозиции или сторонников правого уклона, которыми 1928 год ознаменовался для КППГ. Брандлер был первой и наиболее очевидной мишенью. Вскоре после XV съезда ВКП(б) в Москве было решено опубликовать в журнале Коминтерна «программу действий» Брандлера, теперь уже годичной давности, вместе с отвергающим ее заявлением Политбюро КППГ, которое, как было недвусмысленно дано понять, получило одобрение Исполкома Коминтерна. В заявлении критиковалась позиция Брандлера, сосредоточившего внимание на частичных экономических требованиях за счет основных революционных целей, и особенно подвергался нападкам лозунг «контроля над производством». В области внешней политики Брандлер выдвигал на первое место скорее лозунг аннулирования Версальского договора, который отдавал германским империализмом, чем лозунг защиты СССР¹²⁵.

На этом закончились настойчивые попытки Москвы — начать с VII пленума Исполкома Коминтерна, который состоялся в декабре 1926 г., — обеспечить реабилитацию Брандлера. Предложение правой группы в КППГ включить Брандлера и Тальгеймера в список кандидатов от Коммунистической партии Германии на предстоящих выборах в рейхстаг было с негодованием отвергнуто Тельманом, который заполнил список своими собственными кандидатами¹²⁶. «Правда» смело заявила, что период «апатии и пессимизма», охвативший германскую компартию после поражения 1923 г., в настоящее время преодолевается¹²⁷. В начале 1928 г. Майер заболел и был заменен в Политическом секретариате Шнеллером, сторонником Тельмана; единственным представителем там группы Майера остался Эверт¹²⁸.

В представительную делегацию КППГ, которая направлялась во главе с Тельманом на IX пленум Исполкома Коминтерна, состоявшийся в феврале 1928 г. в Москве, были включены в отсутствие Майера два члена его группы — Эверт и Эйслер, брат Рут Фишер. Германский вопрос, в отличие от китайского, британского и французского, не был включен в повестку дня. Когда сразу после Бухарина, в начале дебатов по вопросу о русской оппозиции и ее связях с оппозиционерами в других коммунистических партиях, выступил Тельман, он последовал примеру Бухарина, сосредоточив свою критику исключительно на левой оппозиции¹²⁹. Но когда Бухарин, заканчивая дебаты, затронул тему правых уклонов, запрет был снят¹³⁰. Выступая в комиссии по делам профсоюзов, Тельман приписал Бухарину заявление (более четкое, по сравнению со всем, что было опубликовано в отчете) о том, что

«в германской партии проявляются правые уклоны, которые уже начали перерастать в систему», и выступил с многословной критикой правого крыла партии, в частности Эндерле, за терпимое отношение к социал-демократам в профсоюзах¹³¹.

Материалы IX пленума Исполкома Коминтерна не были полностью напечатаны; не были опубликованы и выступления других членов германской делегации. Однако за кулисами, очевидно, проходили пространные дискуссии, результаты которых нашли свое отражение в новой форме «секретного соглашения» между представителями российской и германской коммунистических партий. Продолжала использоваться тактика «Открытого письма», опубликованного в августе 1925 г. Было оказано давление на представителей меньшинства в КПГ, с тем чтобы сохранить видимость единства и заставить их подписаться под решением, которое по существу было направлено против них. Бухарин был среди подписавшихся от российской партии и, по-видимому, сыграл решающую роль в убеждении Эверта и Эйслера подписать этот документ.

Соглашение было подписано 29 февраля 1928 г. Бухариным, Сталиным, Томским, Молотовым, Лозовским, Микояном и Пятницким и всей германской делегацией. В соглашении неоднократно повторялось, что правая опасность в партии сейчас является главной опасностью, преодоление ультралевой опасности стало просто «одним из необходимых предварительных условий для успешной борьбы против правой опасности». С этого времени исключалась всякая снисходительность по отношению к тем, кто представлял правую опасность в партии. Этим правилом следовало руководствоваться при отборе коммунистов на любую партийную работу, включая рейхстаг и особенно профсоюзы; кандидатуры Брандлера и Тальгеймера были объявлены «нежелательными»¹³².

Клара Цеткин, которая была в это время в Москве на совещании Женского секретариата, отказалась от предложения подписать это секретное соглашение и в неопубликованном письме выразила мнение, что соглашение «не было рассчитано на укрепление единства, консолидацию и повышение эффективности ни руководства, ни всей партии в целом» и что оно представляло собой «полное изменение проводимого до этого времени курса». Тальгеймер писал, что оно служит признаком перехода «в области организации и политики к крайнему левому курсу» и что толчком к этому послужили «новые дискуссии и новые созвездия, формирующиеся в ВКП(б)»¹³³. Позже на это высказывание ссылались как на поворотный пункт в активизации деятельности правой оппозиции в германской компартии¹³⁴.

Секретное соглашение в конечном счете расширило имевшуюся трещину в руководстве КПГ, поощряя критику «умеренных», а именно Майера, Эверта и Эйслера, как молчаливых союзников «правых». На данный же момент оно помогло ненадолго заделать

трещины. 14 марта 1928 г. Центральный комитет КПГ единодушно одобрил решения IX пленума ИККИ. Секретное соглашение от 29 февраля 1928 г., видимо, не упоминалось. Некоторые члены ЦК германской компартии выразили опасение, что проведение кампании против оппортунистических ошибок может привести к «несправедливой кампании против отдельных товарищей». Но Тельман, Денгель и Эверт объединенными усилиями объяснили необходимость проведения «кампании против правой опасности, которая, безусловно, не должна вылиться в общую агитацию „против правых“»¹³⁵.

Полемика в профсоюзах, которые представляли собой главную опору правого крыла, была обострена большой, затянувшейся забастовкой горняков Рура осенью 1927 г. Между профсоюзными лидерами — членами СДПГ и КПГ происходили постоянные распри по вопросу о проведении и целях забастовки, и коммунисты были исключены из реформистских профсоюзов за нарушения дисциплины. Эмоции еще более обострились, когда в конце года забастовка была прекращена как раз в тот момент, когда Компартия Германии пыталась организовать забастовку солидарности рабочих-металлистов¹³⁶, которая потерпела полный провал. В опубликованном в журнале КПГ довольно смущенном «некрологе» забастовке наряду с осуждением предательства реформистов признавалось, что отчаянная попытка сформировать «комитеты действия» в поддержку всеобщей забастовки была ошибкой. Однако в заключение был сделан вывод, что борьба должна продолжаться и вестись не только против работодателей, но и против «диктатуры буржуазного блока»¹³⁷.

Это не успокоило сомнений «правых». Вальхер ухватился за этот случай, чтобы вновь поднять вопрос о проблеме единого фронта. Правильно указывалось, что такие лозунги социал-демократической партии, как экспроприация и рабочий контроль, были несерьезными и лицемерными при отсутствии программы захвата государственной власти. Но было неправильно отказываться поддерживать эти требования. Движение не может обойтись без «переходных» требований:

«В настоящее время мы можем поднять массы и в конце концов привести их к революционной борьбе только через такие лозунги, которые вырастают из потребностей этих масс в каждой конкретной ситуации».

Призывать рабочих-коммунистов к независимым действиям в то время, когда нет революционной ситуации, — это «фальшивая демагогия»¹³⁸. Часто аргументы обеих сторон были схоластическими. От решения вопроса об отношении рабочих-коммунистов к рабочим-социалистам на шахте или фабрике невозможно было уклониться или решать его просто с помощью резолюции партии или Коминтерна.

IV конгресс Профинтерна, проходивший в марте 1928 г. в Москве, стал дальнейшим шагом в оказании постоянного давления,

направленного против правых в КППГ. В большом разделе своего доклада, посвященном Германии, Лозовский обвинил «ряд товарищей» в том, что они «капитулируют перед социал-демократами» в надежде заставить социал-демократических лидеров бороться за интересы рабочих и в попытке завоевать на свою сторону не народные массы, а официальных деятелей профсоюзов. Затем, не без злорадства, он процитировал статью Маслова, в которой утверждалось, что Лозовский «уничтожающей критике подвергает нынешнюю пораженческую тактику руководителей Коммунистической партии Германии как брандлеровского, так и Тельмановского крыла» и что «корни этой социал-демократической заразы» можно обнаружить не только в КППГ, но и в Коминтерне. Лозовский проявил удивительную сдержанность и вежливость, критикуя статью, написанную «очень хорошим товарищем, моим личным другом» Вальхером, который выразил сожаление, что русские профсоюзы не обратились в 1925 г. в Международную федерацию профсоюзов с просьбой о вступлении, и утверждал, что «Амстердамский Интернационал играет преобладающую роль в капиталистических странах»; эти высказывания служили доказательством «крайнего неверия в то, что происходит в среде рабочего класса»¹³⁹.

Однако Лозовский, по-видимому, сознавал, что выступал перед критически настроенной аудиторией. Вальхера в Москве не было, но ему вторил Геккерт, настроенный столь же скептически:

«Мы не имеем за собой большинства ни среди неорганизованных, ни среди организованных в профсоюзы рабочих».

Не разделяя мнения Вальхера по всем вопросам, Геккерт соглашался с ним в том, что профсоюзы, входившие в Амстердамский интернационал, «играют руководящую роль в профдвижении главнейших империалистических стран»¹⁴⁰. Другой германский делегат сказал, что утверждение Лозовского о растущей силе Профинтерна хотя в общем и справедливо, но неверно, когда речь идет о Германии, где вопрос об отношениях с рабочими — социал-демократами является решающим, и что необходимо завоевывать как сами профсоюзные организации, так и их рядовых членов¹⁴¹. Брандлер вернулся к своей незадолго до этого опубликованной «программе действий» и говорил о «правых уклонах» и ошибках «моего друга Вальхера», но настаивал на необходимости «повседневных требований» и защищал свой собственный лозунг рабочего контроля над производством¹⁴². Однако эта попытка сохранить прежнюю позицию в духе единого фронта и одновременно отмежеваться от правых была воспринята с раздражением. Меркер, начинавший приобретать известность германский профсоюзный лидер, постарался смягчить разногласия между Лозовским и Геккертом. Он объяснил, что поправки, которые хотела внести германская делегация, не затрагивали принципиальных основ, и тактично выразил согласие с предложениями и критикой Лозовского¹⁴³.

Что происходило позднее в редакционной комиссии, которая готовила специальную резолюцию «О задачах сторонников Профинтерна в Германии», в протоколах не отражено. Однако во всем, кроме энергичного осуждения реформистов и исключения коммунистов из реформистских профсоюзов, резолюция производила сумбурное и неясное впечатление. В ней признавалась необходимость принятия «программы действий», которая бы охватывала как текущие требования рабочих, так и меры по улучшению организационной работы, но предлагалось включить в такую программу требование борьбы «против реформистского мошеннического лозунга об экономической демократии» (намек на брандлеровскую идею контроля над производством) и против государственного арбитража при решении споров¹⁴⁴.

Полагают, что после завершения работы конгресса в Германии развернулась более интенсивная кампания за раскол реформистских профсоюзов и в массовом масштабе происходило исключение из профсоюзов коммунистов¹⁴⁵. Когда коммунисты предприняли очередную бесплодную попытку призвать к возобновлению забастовки горняков 1 мая 1928 г., Ульбрихт в статье, опубликованной в партийном журнале, признал, что их сила в профсоюзах *«недостаточна пока для того, чтобы организовать рабочих на борьбу против воли социал-демократической бюрократии в профсоюзных рядах»*¹⁴⁶. В последующем потоке взаимных обвинений Геккерт также доказывал, что германские коммунисты были слишком слабы, чтобы вести рабочий класс на борьбу против реформистских профсоюзов; германский рабочий класс был ослаблен длительными периодами безработицы. Он возражал против того, что революционные профсоюзы выдвигали «более радикальные и часто явно преувеличенные требования» и «схематические, не соответствующие конкретной обстановке предложения»¹⁴⁷. Вместе с тем Бухарин утверждал на VI конгрессе Коминтерна, что члены германской компартии, работая в профсоюзах, слишком «сжились с социал-демократическими методами работы»¹⁴⁸. Тогда же Денгель пессимистически заметил, что «непосредственное срастание профсоюзной бюрократии с капиталистическим государством» распространилось на «низовые органы управления и исполнительные органы» и что раскол «профсоюзов и всех массовых рабочих организаций» ввиду изгнания из них коммунистов застал партию врасплох¹⁴⁹.

Выборы в рейхстаг 20 мая 1928 г. были ключевым событием в германской политике и для отношений между КПГ и СДПГ представляли серьезное испытание. На местах появились призывы к выработке общей избирательной платформы двух партий¹⁵⁰, и журнал Коминтерна сообщал, что более миллиона рабочих, очевидно принадлежащих к обеим партиям, приняли участие в первомайской демонстрации¹⁵¹. Однако руководители компартии не были расположены идти на компромисс. Основная тема предвыборного обращения КПГ к «трудящимся мужчинам и женщинам»

представляла собой тему предательства их дела буржуазией и социал-демократией, при этом ведущие деятели социал-демократической партии были поименно пригвождены к позорному столбу¹⁵².

Результаты голосования были более или менее оптимистическими. Число голосов, поданных за КППГ, увеличилось с 2 млн. 674 тыс. в 1924 г. до 3 млн. 238 тыс., а число ее депутатов — с 45 до 54 (увеличилось на 20%). Число голосов, поданных за СДПГ, увеличилось на 16%. Партии центра и правые партии потеряли голоса. Успеху национал-социалистской партии, которая, проведя впервые независимую избирательную кампанию на выборах в рейхстаг, получила 800 тыс. голосов и 12 депутатских мест, было уделено не много внимания. Группа «левых коммунистов» из «Ленинского Союза» получила 80 тыс. голосов и не завоевала ни одного места в рейхстаге¹⁵³. В статье, опубликованной в журнале Коминтерна, один член КППГ дал осторожную оценку результатам выборов и заявил, что они представляют собой замечательную победу «рабочих», то есть коммунистической и социал-демократической партий, над буржуазией, и признал, что это улучшило перспективу создания «единого фронта», но подчеркнул при этом, что КППГ получила большее число голосов, чем СДПГ, в крупных промышленных центрах и что социал-демократы получили часть своих голосов за счет «мелкобуржуазных элементов»¹⁵⁴. Когда 28 июня 1928 г. после обычного раунда переговоров было образовано правительство «большой коалиции», состоящее из социал-демократов, национал-демократов, центристов и представителей Народной партии (канцлером стал социал-демократ), мнение руководителей компартии, по-видимому, подтвердилось. Социал-демократическая партия предстала в своем подлинном обличье: она предала дело рабочих и перешла на сторону буржуазии.

Тем временем Тельман укреплял свое положение. В мае 1928 г. Тальгеймер наконец вернулся в Германию, договорившись с Куусиненом о том, что его деятельность там будет вестись в «согласии с Центральным комитетом КППГ». Однако Политбюро германской компартии воспротивилось этому предложению и официально выразило протест по поводу восстановления Тальгеймера в КППГ (во время его пребывания в Москве он, как и Брандлер, был принят в члены ВКП(б))¹⁵⁵. В нижестоящих партийных организациях была быстро произведена замена правых деятелей надежными кандидатурами Тельмана. Она привлекла к себе внимание только тогда, когда дело дошло до назначений на высокие посты.

Летом 1928 г. Тельман начал проводить кампанию по снятию с поста редактора «Роте Фане» Зюскинда и перемещению на другие посты руководителя пресс-бюро партии и редактора гамбургской партийной газеты — все они подозревались в «правом уклоне». 5 июня 1928 г. Майер написал в Политбюро партии, проте-

стия против этих планов¹⁵⁶. 25—27 июня 1928 г. Центральный комитет КПГ заслушал доклады Меркера о делах в профсоюзах и Тельмана о положении в партии. Заседания были бурными. Доклад Тельмана вскрыл «существовавшие и частично все еще существующие» разногласия в Политическом секретариате партии между Тельманом, Денгелем, Шнеллером, с одной стороны, и Эвертом — с другой. Эверт усмотрел в предполагаемых изменениях в составе сотрудников печатных органов «внесение изменения в курс партии». Был достигнут компромисс: Зюскинд был пока оставлен на своем посту, а две другие замены были одобрены. Эверт и Тельман оба выразили благочестивое убеждение в том, что обсуждение различных точек зрения обеспечит успешное сотрудничество в будущем¹⁵⁷.

Теперь борьба была перенесена в Москву, где почва для правых была еще менее благоприятной. Все основные руководители КПГ были включены в делегацию, посланную на VI конгресс Коминтерна, который начал свою работу 17 июля 1928 г. Возможно, знаменательно то, что Тельману было поручено выступить с официальной приветственной речью на открытии конгресса от имени всех европейских партий и что среди зачитанных обращений было обращение от организации самого Тельмана, Союза Красных фронтовиков¹⁵⁸. Позднее Тельман выступил в дебатах по основному докладу Бухарина, в котором отсутствовал анализ кризиса германской партии¹⁵⁹.

Большая часть речи Тельмана была написана в традиционном стиле. Однако в конце своего выступления он упомянул общее решение, принятое русской и германской делегациями на IX пленуме Исполкома Коминтерна в Москве 29 февраля 1928 г., и высказал обвинение в адрес «некоторых руководящих товарищей», которые «смягчают и приукрашивают значение как теоретического уклона правой группы, так и оппортунистических ошибок их в практической работе». Он зачитал составленное русской делегацией заявление, призывавшее к «последовательной борьбе с правыми уклонами» в германской партии (лозунг о рабочем контроле над производством, оппозиция решениям IV конгресса Профинтерна и «согласительское отношение к левой социал-демократии» были особо отмечены), консолидации партии и «безоговорочному подчинению меньшинства большинству». Заключительная часть его речи была встречена восторженными аплодисментами¹⁶⁰.

На следующий день Эверт выступил с большим и аргументированным ответом, причем его речь время от времени прерывалась Тельманом и другими. Он начал с утверждения, что разногласия «отнюдь не должны привести к партийному кризису». Он утверждал, что на неофициальной встрече членов германской делегации «довольно большое число» делегатов высказали мнение, что основные положения доклада Бухарина «слишком пессимистичны», так как в них была нарисована «перспектива застоя».

Это был явный намек на Тельмана, который возмущенно, но неубедительно воскликнул, что это ложная интерпретация. Эверт корректно подчеркнул, что в основном разногласия возникают при работе в массовых организациях, а именно в профсоюзах, где на карту поставлены отношения с беспартийными рабочими. А дискриминация отдельных товарищей вследствие их предполагаемой терпимости по отношению к правым приведет к «групповой монополии в деле руководства, к господству идеологии группы». Эверт был готов принять условия заявления русской делегации, зачитанные Тельманом, но добавил, сославшись на дебаты, которые происходили в германской делегации, что, если большинство будет настаивать на своих ошибочных взглядах, ситуация не улучшится, а станет хуже¹⁶¹. Речь Эверта выявила личный характер трещины в руководстве КППГ. Меньшинство было готово работать с Тельманом, но Тельман и его друзья не были готовы работать с меньшинством.

После этого тон и настрой дебатов стали ухудшаться. Лозовский осудил неспособность германской компартии — или некоторых ее членов — проводить в жизнь решения IV конгресса Профинтерна, состоявшегося в марте 1928 г., и выступил с критическими замечаниями в адрес правых в КППГ, работавших в профсоюзах, в том числе Эндерле и Вальхера, назвав их поименно¹⁶². Ульбрихт и Ломинадзе ринулись в атаку, причем первый лицемерно защищал Бухарина от вменявшегося ему в вину изображения «перспективы застоя» и осуждал «правых» за равнодушное отношение к забастовочной борьбе¹⁶³. Неожиданно в дискуссию вмешался Тольятти, который, допустив, что на тот момент «наибольшая опасность для германской партии находится справа», энергично возражал против утверждения, что «различные мнения, существующие в нем [ЦК КППГ. — *Ред.*], по различным вопросам» должны непременно привести к «борьбе группировок и фракций». Он продолжал:

«Если бы на основе этих разногласий в германской партии возникла борьба группировок или если бы большинство Политбюро стало применять меры организационного характера в отношении меньшинства, то это означало бы сужение базы партийного руководства и могло бы привести к ограничению политической жизни партии и внутрипартийной демократии»¹⁶⁴.

Титтель, единственный представитель правого крыла, включенный в германскую делегацию, заявил, что «после IX пленума партия взяла курс — центр тяжести которого был в области профсоюзной тактики, — проведение которого, судя по имеющемуся опыту, поведет к изолированию партии». Его выступление часто прерывали, а заключительная часть была встречена возгласами неодобрения¹⁶⁵. Дебаты закончились серией объяснений и взаимных обвинений¹⁶⁶.

В своем несколько сбивчивом заключительном слове Бухарин намекнул на возможность проведения аналогии с дискуссией,

проходившей в польской партии, и сказал, что «мы против попыток вытеснить т. Эверта из партийного руководства», но что Исполком Коминтерна «полностью и всецело» поддерживает «ядро Политбюро ЦК во главе с Тельманом»¹⁶⁷. Тельман тоже выступил с заключительным словом. Он пояснил, что не он, а Эверт хотел сменить руководство партии, и привел приписываемое Сталину высказывание на встрече 29 февраля 1928 г. о том, что, если Эверт будет продолжать выступать с нападками на руководство, он неизбежно станет центром всех недовольных, включая «правых»¹⁶⁸. В том разделе тезисов Бухарина, который относился к германской партии, повторялось требование проведения «последовательной борьбы с правыми уклонами» и «безусловного преодоления примиренческого течения по отношению к этим уклонам»¹⁶⁹.

Эти выводы и видная роль, предназначенная Тельману в ходе всей работы конгресса, показали, что в Москве Тельману был дан карт-бланш в отношении всех его оппонентов, за исключением Эверта, которому была оказана персональная протекция (и Майеру, все еще находившемуся после болезни в Крыму). Вероятно, это исключение можно отнести за счет того, что влияние Бухарина еще не было полностью исчерпано. И все же руководство Коминтерна по-прежнему избегало давать полную власть руководителю какой бы то ни было зарубежной партии. Что касается Майера и Эверта, то они никогда не совершали непростительного греха — нелояльности по отношению к Советскому Союзу.

Продвижение Тельмана к абсолютной власти было в определенный момент прервано, но в конечном счете ускорено обратительным эпизодом. В марте 1928 г. Тельман назначил политическим секретарем гамбургской районной партийной организации, в которой он был популярен и всемогущ, некоего Витторфа, одного из своих друзей и доброго приятеля, однако не своего зятя, как это утверждалось позже. Вскоре обнаружилось, что Витторф украл из партийной казны более 1000 марок. В связи с недостатком Тельман и три его коллеги из Гамбурга провели расследование и сделали выговор покаявшемуся Витторфу. Однако в конце мая 1928 г., опасаясь, что предание дела гласности может принести вред, они решили не предпринимать дальнейших шагов и замять дело¹⁷⁰. Тем не менее три месяца спустя, примерно в то время, когда делегация КПГ возвращалась из Москвы после завершения работы VI конгресса Коминтерна, скандал вышел наружу, и о нем с радостью сообщила ультралевая и социал-демократическая пресса.

Возмущение в партийных кругах носило спонтанный и повсеместный характер. Эверт и его сторонники увидели в этом счастливую возможность избавиться от соперника и преследователя. Эберлейн, старый член Центрального комитета партии, сочувствовавший правым, избранный VI конгрессом Коминтерна в Интер-

национальную контрольную комиссию, приехал в Гамбург вместе с казначеем партии для проведения расследования. Он убедил гамбургскую районную партийную организацию исключить Витторфа из партии и освободить от должности трех коллег Тельмана, участвовавших вместе с ним в расследовании, и вернулся в Берлин с докладом, в котором не находил оправдания тому, что произошло ¹⁷¹.

25 сентября 1928 г. состоялось заседание Политбюро КПП, где был рассмотрен этот вопрос. Эверт потребовал принятия «более строгих мер» в отношении Тельмана, и друзья Тельмана, видимо, считали его дело проигранным. Политбюро рекомендовало Центральному комитету временно отстранить Тельмана от его обязанностей и предоставить Исполкому Коминтерна, членом которого он был, решить вопрос о его будущем использовании. Когда на следующий день, 26 сентября 1928 г., состоялось заседание Центрального комитета, Эберлейн, Эйслер и соглашатели поддержали это предложение. Гаузен, кандидат в члены Центрального комитета, выступавший от имени правого крыла партии, призвал к исключению Тельмана из партии ¹⁷². Тельман защищался слабо и согласился с решением о своей временной отставке, но, очевидно, отверг призыв Эберлейна «исчезнуть» из рабочего движения. Вслед за этим Центральный комитет партии единодушно принял резолюцию, в которой «самым решительным образом» осуждалось сокрытие Тельманом происшедшего в Гамбурге скандала как «несовместимое с партийной дисциплиной» и одобрялась рекомендация Политбюро. Было также решено обнародовать принятую резолюцию, которая на следующий день была на не очень заметном месте опубликована в «Роте Фане» и других партийных газетах ¹⁷³.

Ничто не могло быть более непредвиденным и менее желательным для Москвы, чем этот неожиданный поворот судьбы. Так как Тельмана не обвиняли ни в чем другом, кроме непростительного сокрытия преступления — а не в том, что он примирился с этим преступлением, — выразившегося в недостойном поведении его друга, то в Москве считали, что такое строгое осуждение было вызвано политическими соображениями. Столь терпеливо и заботливо созданное Коминтерном тельмановское руководство рухнуло, и не было видно никакой альтернативы. Сталин поспешно отправил Петровского в Берлин с указанием прекратить нападки на Тельмана. Однако Петровский приехал слишком поздно, чтобы присутствовать на заседании Центрального комитета КПП или предотвратить публикацию принятой им резолюции ¹⁷⁴. С той же самой миссией два дня спустя из Москвы в Берлин прибыл Ремеле, а Геккерт и Ульбрихт, члены Центрального комитета, которые были в то время в Советском Союзе, телеграфировали о своем несогласии с резолюцией от 26 сентября 1928 г. ¹⁷⁵ Каковы бы ни были положительные стороны этого решения, трудно отрицать ущерб, нанесенный партии в результате предания этой ре-

золюции гласности¹⁷⁶. Партийную машину круто повернули в обратном направлении.

2 октября 1928 г. Союз Красных фронтовиков — родная организация Тельмана — выступил с протестом против «потока лжи и клеветы» и заявил, что он не позволит «обливать грязью товарища Тельмана»¹⁷⁷. Политбюро партии в резолюции, принятой в тот же самый день, при трех воздержавшихся (Эберлейн, Эверт и Зюскинд), выразило мнение, что Центральный комитет намеревался, «несмотря на его крупную политическую ошибку», оставить Тельмана руководителем партии¹⁷⁸. Это послужило сигналом к тому, чтобы 25 членов Центрального комитета КПГ подписали заявление, в котором они говорили, что «после ознакомления с новыми фактами» больше не поддерживают резолюцию от 26 сентября 1928 г.¹⁷⁹

6 октября 1928 г. Президиум Исполкома Коминтерна объявил приговор. Он одобрил меры, принятые против Витторфа и простил «серьезную ошибку» Тельмана на том основании, что последний просто хотел выбрать нужный момент для наказания Витторфа. Одновременно Президиум ИККИ осудил публикацию резолюции Центрального комитета германской компартии от 26 сентября 1928 г. без консультации с ИККИ как «опаснейшую для партии ошибку», которая вызвала тревогу в КПГ. Эта ошибка была приписана «политическим противникам» в Центральном комитете, которые не приняли предписания VI конгресса Коминтерна бороться против правой опасности и соглашателей. Президиум ИККИ советовал Центральному комитету КПГ «принять меры к ликвидации всех фракционных группировок в партии» и выразил свое «полное политическое доверие т. Тельману»¹⁸⁰. Опубликованная вслед за этим передовая статья газеты «Правда» от 9 октября 1928 г. была направлена против тех «элементов» в Центральном комитете, которые «пожелали использовать дело Витторфа в узких фракционных целях», и попытались превратить его в „дело Тельмана“».

Конечным результатом дела Витторфа было укрепление личного положения Тельмана и ускорение принятия ответных мер против меньшинства. 19 октября 1928 г. Центральный комитет германской компартии большинством голосов (25 против 6) официально аннулировал свою резолюцию от 26 сентября 1928 г., осудил правых как «агентов врага в их собственном лагере» и освободил от обязанности двух протестовавших против этого кандидатов в члены Центрального комитета КПГ — Гаузена и Гальма¹⁸¹. Оставшиеся члены правого крыла, в том числе Вальхер, Эндерле и Тальгеймер (который после возвращения в Германию из Москвы в мае 1928 г. не принимал открыто участия в партийных делах), беспокоясь о последствиях, приняли половинчатое решение и направили протест в Исполком Коминтерна, опротестовав решение от 6 октября 1928 г. Они потребовали свободы дискуссии и созыва партийного съезда для проведения новых выбо-

ров в Центральный комитет КПГ¹⁸². Их обращение в ИККИ было проигнорировано. Эберлейн был освобожден от своих обязанностей члена ЦК, Зюскинд и Эйслер — от обязанностей кандидатов в члены Политбюро, единственными соглашателями в котором остались Майер и Эверт.

Повсюду в партии оппозиционеры публично каялись в своих ошибках, или же их смещали с их постов. Вся партия постепенно развернулась и пошла за Тельманом¹⁸³. В течение октября редакторы большинства партийных изданий были смещены и заменены ставленниками Тельмана; Нойман, наконец, заменил Зюскинда на посту редактора «Роте Фане». Нойман, который завоевал доверие Сталина в период своего пребывания в Москве, стал на короткое время влиятельной фигурой в германской компартии. Он восполнял недостатки Тельмана в интеллектуальном отношении, составляя его речи и статьи, и был известен как «„серый кардинал” в Центральном комитете» КПГ¹⁸⁴.

Следующим шагом в этом процессе было проведение партийной конференции в Берлине 3—4 ноября 1928 г., на которой присутствовало 225 делегатов; 4 из них представляли правую оппозицию и 19 — соглашателей. Тельман сделал основной доклад о положении в партии, Эверт выступал от лица соглашателей, Бётчер, обвинивший группу Тельмана в возвращении к «методам Рут Фишер», — от остатков правых. Соглашатели с оговорками решили голосовать за резолюцию, одобряющую доклад Тельмана, которая была принята при четырех голосах, поданных против резолюции¹⁸⁵. Разногласия между большинством и соглашателями имели не большее значение, чем различие в акцентах мнений о том, какую позицию следует занять по отношению к левым социал-демократам, особенно в профсоюзах, и какую степень терпимости проявлять в отношении правых. Соглашатели, очевидно, надеялись, что, избегая конфронтации, которая бы послужила оправданием принятия ответных мер против них, они сохранят то мизерное влияние, которым они еще пользовались.

Положение в германской компартии достигло критической точки с возвращением Брандлера из Москвы в конце октября 1928 г. 13 августа 1928 г., во время работы VI конгресса Коминтерна, Брандлер написал письмо в Центральный Комитет ВКП(б), ЦК КПГ и Политический секретариат Исполкома Коминтерна, «категорически» запрашивая разрешение на возвращение в Германию. Германская делегация на конгрессе выразила мнение, что его возвращение «нежелательно» и что он должен продолжать работать в Коминтерне. Затем Брандлер разговаривал с Молотовым, который (скорее он, чем Бухарин) теперь, очевидно, принимал окончательные решения и который сказал ему, что в визе ему не будет отказано, но что пусть он потом пеняет на себя. Брандлер прибыл в Берлин 27 октября 1928 г.¹⁸⁶ Его приезд совпал с выходом первого номера журнала правой группы в Компартии Германии, многозначительно названного «Геген ден

штром» [«Против течения». — *Ред.*] ¹⁸⁷, и он быстро сделался главным редактором и вдохновителем этого журнала. «Программа действий» Брандлера стала неофициальной программой группы. Так как основным яблоком раздора был вопрос о сотрудничестве с социал-демократами в непартийных массовых организациях, из которых профсоюзы были, вне всякого сомнения, самой значительной, то естественно, что Брандлер, старый профсоюзный руководитель, оказался в центре этой группы наряду с известными деятелями КППГ, работавшими в профсоюзах: Вальхером, Бётчером и Эндерле. Среди членов правой группы были Зиверт, главный организатор рабочих делегаций, побывавших в Москве в 1925 и 1926 гг., а также Бек, редактор журнала «Айнхайт», основанного в 1926 г. с целью содействовать сотрудничеству в профсоюзном движении ¹⁸⁸.

Осень 1928 г. была обескураживающим временем для германской компартии. Эхо скандального дела Витторфа и аннулирования под давлением Коминтерна решения о Тельмане, принятого Центральным комитетом КППГ ¹⁸⁹, распространилось далеко за пределы германской партии. В письме к Таске от 6 октября 1928 г. Тольятти выразил опасение, что германская партия претерпевает «процесс дезинтеграции, внутреннего обесценения, подобный тому, которому подверглись польская и американская партии», добавив, что в Германии положение «даже еще более угрожающее» ¹⁹⁰. Это дело послужило началом долгого периода неповиновения в Коммунистическом союзе молодежи Германии. Одобрав решение Центрального комитета партии от 26 сентября 1928 г. об отстранении Тельмана, Коммунистический союз молодежи не сдал своих позиций даже после получения указания Коминтерна изменить это решение. Вмешался Коммунистический интернационал молодежи, и в ноябре 1928 г. состоялась конференция Коммунистического союза молодежи Германии, которая, как говорят, единогласно осудила допущенные ошибки и переизбрала тех руководителей, которые были за них ответственны ¹⁹¹.

Помимо скандала, связанного с делом Витторфа, партия пережила политическое поражение. Требование провести референдум по предложению о строительстве бронированного крейсера по примеру кампании 1926 г., проведенной в связи с экспроприацией кайзеровских домов, потерпело фиаско, собрав только 1 млн. 277 тыс. голосов. Теперь не только не ожидали поддержки со стороны социал-демократов (СДПГ была теперь ведущей партией в правительстве), но и энтузиазм в КППГ явно пошел на убыль ¹⁹².

В конце ноября 1928 г. Исполком Коминтерна создал в Москве комиссию для рассмотрения германского вопроса. Принятие этого решения определялось двумя мотивами: беспокойством о неясном и ненадежном положении КППГ и желанием предпринять атаку на Бухарина через сочувствующих ему в германской компартии, которых он уже не осмеливался открыто защищать. После

возвращения в начале ноября в Москву Бухарин не принимал участия ни в работе Коминтерна, ни в заседаниях ИККИ или в его комиссии¹⁹³. Комиссия по германскому вопросу начала свою работу с рассмотрения дела двух представителей правых — Гаузена и Гальма, освобожденных от исполнения своих обязанностей Центральным комитетом КПГ, которые довольно неожиданно приехали в Москву, чтобы доказать свою правоту. Ульбрихт выступал в качестве обвинителя, и Гаузен основательно защищался. Обвинение против него было поддержано в выступлениях огромного множества ораторов, включая Куусинена, Гусева, Белла, Таску (это было его последнее выступление в поддержку коминтерновской ортодоксальности) и Коларова. Вынесение осуждения двум обвиняемым было заранее predetermined¹⁹⁴.

После того как с этим второстепенным вопросом было покончено, комиссия перешла к общим дебатам о положении дел в КПГ. Майер, здоровье которого теперь поправилось, выступил в защиту соглашателей, и его бесстрашно поддержал Эмбер-Дро. Ульбрихт, только выходявший в число партийных руководителей, был официальным представителем Тельмана и германской компартии. Куусинен и Гусев представляли российскую партию и линию Коминтерна. И Майер и Эмбер-Дро сохранили копии своих неопубликованных выступлений. Майер выступил с критикой Тельмана, который упорно настаивал на «экономическом наступлении», назвав это «политикой фраз», и обвинил партийное большинство в принятии ультралевого курса и в проявлении «тенденций Рут Фишер». Его речь прерывалась перебранкой с Ульбрихтом¹⁹⁵. Эмбер-Дро обвинил руководство германской компартии в искажении резолюции VI конгресса Коминтерна по вопросу об относительной стабилизации капитализма и в преувеличении перспектив революции и предложил сместить Ноймана, чье поведение вызывало «идеологические разногласия и направлено против линии VI всемирного конгресса»¹⁹⁶. Отвечая Майеру, Гусев заявил, что соглашатели не лучше, чем правые, которые являются открытыми врагами¹⁹⁷. Дебаты не дали определенных результатов, возможно, из-за разногласий в Политбюро и нерешительности Сталина¹⁹⁸.

Пока в Москве работала комиссия, в Берлине 14—15 декабря 1928 г. прошел пленум Центрального комитета КПГ. Вернувшись из Москвы, Майер впервые за этот год присутствовал на пленуме ЦК¹⁹⁹. Его появление воодушевило соглашателей, которые уже распространили заявление на 30 страницах, подписанное Эвертом, Эберлейном и пятью другими членами ЦК. В своем заявлении они объявляли в партии «войну на два фронта» (то есть против руководства и против правых) и протестовали против предполагавшегося исключения таких товарищей, как Брандлер, Тальгеймер, Вальхер и Эндерле, которые были в числе основателей «Союза Спартака»²⁰⁰. (Был удачно выбран момент для обращения к чувствам — все было готово к тому, чтобы отметить

10-ю годовщину основания КПП и убийства Розы Люксембург и Либкнехта.) На пленуме восемь соглашателей вручили новую декларацию, где повторно выразили протест против проведения политики исключений²⁰¹. Майер и Эверт выступили с еще одной большой декларацией, в которой осуждались «опасные «левые» колебания» в партийном большинстве²⁰², а Майер в своем выступлении сказал о наличии в руководстве «псевдолевой группировки»²⁰³.

В ходе работы пленума была принята резолюция, в которой подвергалась осуждению недавняя деятельность Брандлера и Тальгеймера в качестве лидеров «правой группы ликвидаторов»; вновь повторялось, что они поставили себя «вне партии». При этом, однако, было отмечено, что они все еще являются членами российской партии, в которую вступили в период своего временного пребывания в Москве, и была выражена просьба, чтобы российская партия положила конец этой нетерпимой ситуации²⁰⁴. В последующей резолюции был предъявлен ультиматум другим видным деятелям правых, в том числе Вальхеру и Эндерле, с требованием безоговорочно подчиниться до 20 декабря партийной дисциплине и решениям IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна о работе в профсоюзах; в противном случае они будут исключены из партии. Существовала и другая резолюция, в которой осуждались Майер и Эверт, но без угрозы применения санкций²⁰⁵. 19 декабря 1928 г. Майер и Эверт телеграфировали Исполкому Коминтерна свой протест против этих решений и объявили, что Эверт выезжает в Москву²⁰⁶.

Власти в Москве не стали больше ждать. В день отправки телеграммы собрался Президиум ИККИ, чтобы покончить с делами КПП и одобрить выработанный комиссией текст «Открытого письма» к германской компартии и конфиденциального письма к ее руководству. Гусев представил проект «Открытого письма» в пространном докладе, который начинался предъявлением обвинения Брандлеру, Тальгеймеру и правым, а затем шло осуждение двусмысленных маневров соглашателей²⁰⁷.

И Сталин и Молотов присутствовали на заседании Президиума и выступали там; Бухарина, однако, не было. Сталин не назвал по имени никого из членов КПП; он направил острие своей критики на Эмбер-Дро и Таску, заявив, что они «попали в болото трусливого оппортунизма». Говоря о проходившей незадолго до этого забастовке в Руре, он утверждал, что из миллиона рабочих только 200 тыс. были организованы в профсоюзы и что неорганизованные рабочие оказались «революционнее». Голословное утверждение Таски, что IV конгресс Профинтерна дал инструкции коммунистам работать только внутри существующих профсоюзов, — это «чепуха»; они также должны были организовывать неорганизованных рабочих. По-видимому, под этим подразумевалось создание независимых красных профсоюзов, но Сталин проявил свое обычное умение избегать слишком определенных вы-

сказываний по такому спорному вопросу. Он отверг возможность проведения каких-либо сравнений между правыми в ВКП(б), которые все же не представляли собой фракции и подчинялись решениям большинства, и фракцией правых в КППГ, которая «рвет с марксизмом-ленинизмом и ведет отчаянную борьбу против Коминтерна». Здесь необходимы дисциплинарные меры, чтобы заставить меньшинство подчиниться большинству²⁰⁸.

В какой-то момент во время заседания Эмбер-Дро зачитал аргументированное заявление о своем намерении голосовать против проекта писем, и это его заявление настолько вывело Сталина из себя, что он внятно произнес: «Пошел к черту!»²⁰⁹ Клара Цеткин, которая более не занималась активно партийными делами и чей возраст и репутация делали ее неуязвимой, предложила отложить решение вопроса и допустить проведение открытой дискуссии в партии. Говорили, что она выступила с нападками на Ноймана, назвав его «провокатором исключений и расколов»²¹⁰. Куусинен, Лозовский и Ульбрихт последовали примеру Сталина, послушно выступив с нападками на Таску и Эмбер-Дро²¹¹.

Большая часть «Открытого письма» была посвящена уничтожительному разбору злодеяний Брандлера и правого крыла германской партии в течение последних двух лет. По вопросу о профсоюзах в нем утверждалось, что последователи Брандлера «открыто объявили войну резолюции IV конгресса» Профинтерна; правые делают вид, что политика Профинтерна и Коминтерна привела к «расколу между организованными и неорганизованными рабочими, к расколу в профсоюзах, к уничтожению влияния профсоюзов и к полному отделению от рабочих и их изоляции». В письме также подверглась нападкам «платформа», представленная Эвертом и его сторонниками Центральному комитету КППГ, и пояснялось, что в «КППГ больше нет места для соглашательства» и что в последние недели соглашатели проявляли свою все более возрастающую терпимость к правым при нетерпимости к линии партии. В письме был одобрен ультиматум, предъявленный правым Центральным комитетом, и звучал призыв к «систематической борьбе для преодоления соглашательства в отношении правых»²¹².

«Открытое письмо» было послушно одобрено Президиумом ИККИ (против голосовали Эмбер-Дро, Таска и Цеткин)²¹³ вместе с конфиденциальным письмом, которое было в основном направлено против соглашателей, но содержало одну незначительную уступку: представленная на обсуждение точка зрения Реммеле и Ноймана, которая гласила, что соглашатели опаснее правых, была отвергнута²¹⁴. Несмотря на отказ Сталина проводить какую-либо параллель с российской партией, осторожное отношение к соглашателям в КППГ весьма напоминало тактику, которая применялась в Москве против Бухарина. Им непрерывно трепали нервы, однако приговор об их исключении произнесен не был.

21 декабря 1928 г. Политбюро германской компартии собралось на экстренное заседание, чтобы в восторженных выражениях приветствовать решение, изложенное в «Открытом письме» и направленное против правых и соглашателей, и принять резолюцию об исключении из партии восьми ведущих правых деятелей, в том числе Вальхера и Эндерле²¹⁵. В ответ на предложение КПГ Центральная контрольная комиссия ВКП(б) послала Брандлеру и Тальгеймеру ультиматум с требованием до 20 января 1929 г. подчиниться решениям ИККИ и Коминтерна²¹⁶. 29 декабря 1928 г. 74 представителя правых, из которых пока еще только 17 были исключены из партии, провели конференцию, где выступили Брандлер, Тальгеймер, Вальхер и Гаузен и где было решено образовать группу «КПГ — оппозиция (КПО)». Было признано, что сила правых — во вспомогательных организациях, в которых коммунисты находились в непосредственном контакте с беспартийными рабочими и членами социал-демократической партии, а именно в таких организациях, как кооперативы, Спортинтерн, МОПР и Межрабпом, а также в профсоюзах. Было решено образовать в них фракции в противовес фракциям КПГ²¹⁷. Это решение вызвало у руководства новую вспышку гнева. 24—25 января 1929 г. Центральный Комитет партии на своем пленуме еще раз обрушился на соглашателей, которых он насмешливо назвал «генералами без армии», и обвинил их в том, что они идут на компромисс как с «внутренним врагом (правыми)», так и с «внешними врагами (буржуазией, социал-демократией)»²¹⁸. Была развернута запоздалая кампания против журнала «Айнхайт», который все еще ухитрялся выступать в поддержку единого фронта с социал-демократами²¹⁹, и вскоре журнал был закрыт.

Вопрос о профсоюзах продолжал оставаться основным яблоком раздора в германской компартии. Все возрастающая враждебность к лидерам реформистских профсоюзов, провозглашенная на IV конгрессе Профинтерна и VI конгрессе Коминтерна, встретила полную взаимность и привела к участвовавшим исключениям коммунистов и их сторонников из социал-демократических профсоюзов²²⁰.

После пленума Центрального комитета КПГ, проходившего 25—27 января 1929 г. в Берлине, состоялась конференция членов германской компартии, работавших в профсоюзах, на которой с большим докладом выступил Геккерт²²¹. Темой доклада Геккерта было образование фундаментальной трещины в отношениях между реформистами и революционерами. Он сослался на съезд Всеобщего объединения профессиональных союзов Германии, проходивший в сентябре 1928 г. в Гамбурге, на котором его лидеры утверждали (подобно тому, как это делал Ситрин на проходившем одновременно конгрессе британских тред-юнионов в Свонси), что рабочие заинтересованы в защите и укреплении экономики и поддержали необходимость арбитража при возникновении кон-

фликтов в промышленности²²². Наиболее трудной проблемой все еще оставалось создание красных профсоюзов. Геккерт процитировал неясные замечания Сталина, сделанные им в Германской комиссии 19 декабря 1928 г., и отверг обвинение правых в том, что Сталин исключил необходимость работы в социал-демократических профсоюзах²²³. Выступлений со стороны оппозиции, по-видимому, не было. В своем заключительном слове Геккерт отверг критику «правых и соглашателей», состоявшую в том, что «мы хотим перенести центр тяжести нашей работы на неорганизованных рабочих»²²⁴. Эта осторожность была не по вкусу Лозовскому. В битве, которую он вел в профсоюзной комиссии ИККИ за организацию неорганизованных рабочих и создание новых революционных профсоюзов, КПП никогда не выходила у него из головы. Он горько сетовал на приверженность к «легализму, конституционализму, фетишизму» по отношению к «профсоюзам как таковым»; и «этот легализм, этот остаток бюрократической чиновнической психологии, который имеется в рабочем классе, имеет еще место и в нашей компартии».

«Значительное количество функционеров, — продолжал Лозовский, — на словах голосует за решения IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна, а на практике не проводят и 10% этих решений, потому что, по-видимому, у них легализм, боязнь бюрократии перевешивают все остальное»²²⁵.

Однако до тех пор, пока Лозовский пользовался неполной поддержкой партийных лидеров в Москве, его призывный клич слабо отзывался в Берлине.

В начале февраля 1929 г. в Москве Бухарин и его сторонники потерпели поражение и их позиция была осуждена Политбюро²²⁶. Решение об осуждении их позиции — хотя оно и не было официально обнародовано, — вероятно, было в основном известно партийным руководителям, пользовавшимся доверием Коминтерна, и способствовало нажиму на сторонников Бухарина и его бывших протеже в германской компартии. В тезисах Агитпропа ИККИ к 10-й годовщине Коминтерна подверглась осуждению «открытая кампания против решений VI конгресса, организованная Брандлером и Тальгеймером, этими героями поражения 1923 г.»²²⁷. В том же самом месяце состоялся партийный съезд берлинского округа; съезд закончился избранием «полностью однородного» окружного комитета партии, состоявшего из 105 человек, в котором не было ни правых, ни соглашателей²²⁸. С января по апрель 1929 г. стремительно продолжалось исключение правых из всех партийных организаций; причем задача заключалась в том, чтобы полностью исключить их до начала приближавшегося XII съезда партии, назначенного на май 1929 г. Кроме нескольких отдельных случаев на местах, когда исключение либо было осуществлено не полностью, либо не было осуществлено, поставленная цель была достигнута.

После весны 1929 г. на периферии германской политической сцены удерживались две группы коммунистов-оппозиционеров, исключенных из рядов КППГ: остатки ультралевой группы Маслова — Фишер, называвшие себя «Ленинским Союзом», и правая группа Брандлера — Тальгеймера, известная как КПО. В течение последующих трех лет они продолжали свое призрачное существование, издавая каждая свои печатные органы, но у них не было силы оказывать влияние на развитие событий. Соглашатели, которые представляли теперь немногим более чем маленькую группу интеллектуалов²²⁹, получили краткую и иллюзорную передышку. Майер остался их единственным представителем в Политбюро партии. Эверт и Эйслер, самые активные члены этой группы во время болезни Майера, были отозваны в Москву для работы в других местах²³⁰. 15 марта 1929 г. на заседании Центрального комитета КППГ Майер и Беккер еще раз обратились с призывом организовать единый фронт в профсоюзах и осудили «колеблющуюся и двойственную позицию» партии²³¹. «Колебания и сомнения» были еще раз обнаружены партийными руководителями в германском Коммунистическом союзе молодежи, особенно в его берлинском отделении, и потребовались энергичные меры, чтобы предотвратить «их перерастание в соглашательство и серьезные оппортунистические ошибки». Представители союза молодежи были вызваны в Москву, где их поведение должным образом подверглось осуждению²³².

До начала очередного съезда партии, открытие которого было намечено на 5 мая 1929 г., произошли трагические события в Берлине, которые ярко продемонстрировали все возраставшую напряженность. Шеф полиции Берлина Цергибель, социал-демократ, наложил запрет на уличные демонстрации. В некоторых кругах предположили, что запрет будет смягчен для демонстраций, которые и коммунистическая и социал-демократическая партии обычно проводили 1 мая. Однако опубликованный 12 апреля 1929 г. Центральным комитетом КППГ призыв к рабочим выйти на «революционную массовую демонстрацию», в котором ЦК убеждал их не связываться с реформистами, заканчивался словами: «Вопреки всем запретам»²³³. Возможность продемонстрировать как верность КППГ призыву Коминтерна к революционным действиям, так и ее безусловную враждебность к социал-демократии не должна была быть упущена. Рабочие-коммунисты вышли на демонстрацию 1 мая и воздвигли баррикады, чтобы воспрепятствовать вмешательству полиции. Полиция открыла огонь: 25 рабочих было убито, 160 ранено и более 1200 арестовано. Эта трагедия подхлестнула кампанию против социал-демократов, теперь уже открыто называемых фашистами. Однако призыв ко всем рабочим провести массовое выступление против фашизма и империализма не был услышан. Союз Красных фронтовиков был запрещен, выпуск «Роте Фане» был приостановлен на три недели²³⁴.

XII съезд германской компартии был отложен и в конце концов состоялся 8 июня 1929 г. в Веддинге, рабочем квартале Берлина, который был ареной первомайского расстрела. Ульбрихт заранее огласил, что его темой будет «использование опыта борьбы рабочих — от схваток в Руре до первомайских событий — в интересах международной классовой борьбы и интенсификации борьбы класса против класса»²³⁵. В первый день съезда делегаты торжественно посетили могилы Карла Либкнехта, Розы Люксембург и жертв 1 мая 1929 г.²³⁶

Тельман, встреченный на съезде овацией, которая была признанием его верховного и неоспоримого лидерства, выступил с большим политическим докладом, в котором настойчиво повторялась знакомая тема предательства СДПГ и идентификации социал-демократии с фашизмом. Он заявил, что «никогда еще опасность фашизма во всем мире не была так велика, как сейчас», и отметил «проявление активности национал-социалистов во всех частях Германии». Он указал на коалиционное правительство Германии и правительство Макдональда в Великобритании как на примеры «особо опасной разновидности фашизма — социал-фашизма».

«Каждый рабочий, — сказал он в заключение, — должен признать то, что не признают наши соглашатели, — социал-фашизм прокладывает дорогу фашистской диктатуре под прикрытием так называемой „чистой демократии“».

Выступая в прениях, Реммеле подробно остановился на «трансформации социал-демократии в социал-фашизм»²³⁷. На XII съезде КПГ понятие социал-фашизма полностью вошло в идеологию партии и ее вокабуляр²³⁸.

Тем не менее руководители партии в основном были озабочены другим. До начала съезда в партийном журнале была опубликована большая полемическая статья, в которой содержался план работы съезда и требование безоговорочного подчинения подсказкам из Москвы. Если в 1927 г. XI съезд партии ознаменовал окончательное поражение ультралевых, то XII съезду предстояло положить конец «мелкобуржуазному оппортунизму правых ликвидаторов». Но еще более опасными, чем явные правые, были соглашатели, которых именовали «переодетыми правыми» и «вспомогательными отрядами изгнанных ренегатов»²³⁹. Соглашатели представили меморандум в виде «платформы», в котором вернулись к больной теме единого фронта в профсоюзах и критиковали бюрократизацию партии²⁴⁰. Эверту неохотно дали полчаса на выступление. Игнорируя жалкие попытки прервать его речь, он постарался свести до минимума расхождение между линией партии и позицией его группы и обещал лояльное выполнение решений, принимавшихся большинством. Однако он утверждал, что произвольное смещение с должности Центральным комитетом КПГ официальных партийных деятелей представляет собой «отражение скатывания к фальшивым методам и фальшивой тактике

в отношении трудящихся масс»²⁴¹. После того как Реммеле выступил с критикой меморандума, Майер выразил сожаление по поводу того, что тактика единого фронта не была использована 1 мая; то, что произошло, явилось результатом «переоценки нашей собственной силы как партии»²⁴².

В качестве представителя ИККИ с речью на французском языке выступил Семар. Он еще раз говорил об основных направлениях политики Коминтерна и разоблачал ересь соглашателей, которые взяли на себя «роль правых в КПГ». Представитель Компартии Великобритании Галлахер зачитал совместную декларацию семи европейских коммунистических партий, в которой соглашатели в КПГ были подвергнуты осуждению и им угрожали исключением, если они будут придерживаться линии, предложенной в их меморандуме²⁴³. В резолюции, направленной против правой опасности и «оппортунизма» в германской компартии, резко осуждалась платформа Майера — Эверта и осуждались соглашатели, как сторонники «русских правых (группы Бухарина)», состоявшие также в союзе с «оппортунистическими группировками» в итальянской, американской и других партиях²⁴⁴.

Постоянной темой оставалась первейшая обязанность коммунистических партий сплотиться для защиты СССР против угрозы войны. Во время работы съезда КПГ в «Правде» была опубликована передовая статья, в которой «борьба против войны и подготовки нападения на СССР» рассматривалась как «важнейшая задача международного коммунистического движения»²⁴⁵. Этот момент прозвучал в выступлениях нескольких делегатов, но наиболее отчетливо — в выступлении Мюнценберга, который провозгласил девиз: «Нет — лозунгу «защиты Родины», провозглашенному империалистической страной», «Защитим нашу Родину Советский Союз»²⁴⁶. Реммеле говорил о «роли социал-фашизма в войне против СССР». Германия могла бы послужить «примером для всех империалистических великих держав».

«Методы социал-фашизма, применяемые германским правительством, затмят фашистский режим Муссолини, — закончил он, — военный режим в Югославии, режим Пилсудского в Польше»²⁴⁷.

Опасность империалистической войны была подчеркнута и в общей резолюции съезда как характерная черта «третьего периода» капиталистического развития, и в специальной резолюции²⁴⁸. При обсуждении вопроса о профсоюзах продолжала наблюдаться некая двойственность. Выступивший с докладом Меркер призвал к привлечению «новых революционных сил» в профсоюзы и утверждал, что «*между профсоюзной бюрократией и революционной оппозицией существует принципиальное противоборство*». Тем не менее «создание в ближайшее время новых параллельно действующих профсоюзов было бы не прогрессивным, а сдерживающим фактором в развитии революционной классовой борьбы»²⁴⁹. В протранной резолюции по вопросу о профсоюзах

обилие революционной фразы нейтрализовалось твердым предписанием работать в существовавших профсоюзах, какого бы политического направления они ни придерживались, и ясное заявление о том, что «создание в настоящих условиях параллельных профсоюзов наряду с существующими реформистскими профсоюзами не стоит в повестке дня»²⁵⁰.

На состоявшихся в конце съезда выборах, которые как обычно проходили на закрытом заседании, Майер, Эверт и Эберлейн не были избраны в Центральный комитет, а Денгель — в Политбюро; теперь Политический секретариат состоял из Тельмана, Реммеле и Ноймана²⁵¹. После окончания работы съезда в «Правде» была опубликована статья с поздравлениями, в которой Майер и Эверт именовались «наследниками Брандлера», а члены КПГ приветствовались как «германские большевики»²⁵².

Х пленум Исполкома Коминтерна, проходивший в июле 1929 г. в Москве, мало содействовал решению проблем германской компартии, за исключением того, что выразил решительное одобрение всему, что было сделано. В своем докладе Мануильский упрекнул примиренцев из КПГ в том, что они возражали против огульного употребления по отношению к буржуазии и социал-демократам терминов соответственно «фашист» и «социал-фашист», и добавил, что «после майских расстрелов младенцу ясно, куда растет социал-демократия»²⁵³. Ульбрихт, выступивший первым от КПГ, говорил о «борьбе с примиренцами» и поставил Эверта, Бухарина и Эмбер-Дро в один ряд с теми, кто предпринимает попытки «оппортунистического видоизменения линии Коминтерна»²⁵⁴. Молотов в своей речи, в которой он разразился безудержными нападениями на Бухарина, утверждал, что до сих пор обсуждение «социал-фашизма» было слишком академичным: «фашистски перерождающаяся социал-демократия» должна была привлечь все внимание присутствовавших на этом пленуме. Он придумал новый термин «полицей-социалисты» и заявил, что первомайские события в Берлине «полностью вскрывают сущность социал-фашизма»²⁵⁵. После того как был дан сигнал, тема социал-фашизма прозвучала во многих докладах. С большой речью, посвященной правому уклону в российской и других партиях, выступил Тельман. Он сказал, что можно сбросить со счетов примиренцев в КПГ как «офицеров без армий», ибо они «уже не были для партии такими серьезными противниками, которые могли бы причинить нам большой вред»²⁵⁶.

В резолюции, принятой по докладу Мануильского, провозглашалось, что лидеры социал-демократии «угрожают... германскому рабочему классу открытой фашистской диктатурой» и что социал-демократия в сотрудничестве с буржуазией проводит социал-фашистскую политику. В резолюции было выражено удовлетворение по поводу того, что «под руководством Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала и на основе его открытого письма Коммунистическая партия

Германии... разбила ренегатскую группу Брандлера — Тальгеймера»²⁵⁷.

Свое главное выступление против «ликвидаторов и соглашателей» Тельман приберег для доклада по вопросу о профсоюзах. Он обвинил Майера в том, что тот хотел принять участие в первомайской демонстрации, которую социал-демократы провели в помещении, и не принимать участия в организованной коммунистами уличной демонстрации. Он также подверг осуждению только что закрытый журнал «Айнхайт» и его бывшего редактора Зиверта, к этому времени уже исключенного из партии, связав их с «группой Яглома — Томского» в Москве²⁵⁸. Лозовский охарактеризовал «группу Брандлера — Вальхера» в Германии как типичную для «правого крыла Коминтерна и Профинтерна», однако образцом примиренцев он назвал Таску, а не Майера²⁵⁹. И все же то ключевое предложение резолюции, которое относилось к Германии, отразило двойственность резолюции и споры, предшествовавшие ее принятию:

«...Создание новых профессиональных союзов в странах, где до сих пор отсутствовало самостоятельное революционное профсоюзное движение (напр., в Германии), следует проводить лишь от случая к случаю, сообразуясь со всей объективной обстановкой»²⁶⁰.

Дилеммы, от которой в Москве можно было отмахнуться с помощью компромисса, невозможно было избежать в Германии, где рабочие, даже рабочие-коммунисты, были постоянно разделены междоусобной борьбой, которую вели партии и группы.

Состоявшийся летом 1929 г. XII съезд КППГ, за которым последовал X пленум Исполкома Коминтерна, направил партию по каменистому пути, по которому она следовала, верная директивам Коминтерна, в течение более чем трех бесплодных и злополучных лет. Рабочее движение в Германии было расколото, но верность большинства рабочих социал-демократической партии не была поколеблена. Опыт 1914 г. показал, что СДПГ не была революционной партией. В ней развились некоторые буржуазные и некоторые западные черты, сделавшие ее в середине 20-х гг. чувствительной к любому диктату или проявлению власти Москвы. Однако и сама КППГ не была полностью свободна от западноевропейских влияний. И группа Брандлера, и более поздние примиренцы, так же как и ультралевые, представляли, по-видимому, те «антимосковские тенденции» в партии, которые предавались анафеме в Коминтерне²⁶¹ и которые поддерживали в рядовых членах партии постоянное чувство общности мировоззрения со всеми германскими рабочими, независимо от их партийной принадлежности. Было подсчитано, что даже в 1929 г. 60% членов компартии составляли бывшие члены социал-демократической партии и Независимой социал-демократической партии Германии²⁶². Когда руководители КППГ по приказу Коминтерна заменили терпеливую тактику единого фронта непосредственным наступлением на СДПГ, они углубили тре-

щину, существовавшую между двумя крылами традиционного левого движения, и подорвали свои собственные позиции. Клеймить социал-демократов как «социал-фашистов» и самых опасных врагов рабочего класса становилось все труднее и труднее в условиях, когда подлинное фашистское движение подняло голову. Коммунистическая партия Германии медленно угасала. Ее единственной действенной ролью, когда наступил кризис, стала роль козла отпущения.

ГЛАВА 77

ФРАНЦУЗСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Всеобъемлющая резолюция VI пленума Исполкома Коминтерна, проходившего в феврале — марте 1926 г., по вопросу о Французской компартии¹ рассматривалась как директива предстоящему съезду ФКП, который должен был состояться в июне 1926 г. Большинство членов партии, независимо от их революционных заявлений, считали ФКП действенной силой в политике Третьей республики и были очень озабочены вопросами, связанными с созданием единого фронта, все еще занимавшего заметное место среди задач Коминтерна, провозглашенных в «Открытом письме» к членам партии от 6 декабря 1925 г.² Еще до пленума ИККИ, 13 февраля 1926 г., «Юманите» объявила о начале предсъездовских дебатов, а на следующий день опубликовала статью Лозовского, где он настаивал на том, что в массах существовало стремление к единству действий, которое заставляло реформистские организации создавать общий фронт со сторонниками Коминтерна и Профинтерна. «Юманите» поднимала вопрос о том, возможно ли сотрудничество с Лигой прав человека и франкмасонами, и высказывала мнение, что партия должна способствовать «пробуждению классового сознания» у мелких торговцев³. По-видимому, кульминационным моментом этой кампании явилось появление на одной и той же трибуне представителей ФКП и СФИО⁴, во время празднования годовщины Парижской Коммуны 18 марта 1926 г. То, что кампания имела незначительный успех, объяснялось упорным безразличием к ней со стороны СФИО и ВКТ.

Все это, однако, вызвало некоторое беспокойство в Москве. В письме, направленном Коминтерном в адрес Французской компартии в канун ее съезда, подчеркивалось, что единый фронт должен быть «пролетарским единым фронтом», основанным на коммунистическом руководстве пролетариатом. Сотрудничество с мелкобуржуазными организациями, такими, как Лига прав человека, для достижения какой-то конкретной цели не должно повлечь за собой потерю партией независимости или «сделать нашу партию орудием левого блока»⁵.

Перспектива получения от предстоящего съезда ФКП ясных и последовательных директив была слабой. В партии царили как

разброд в политике, так и личное соперничество, ослаблению которых отнюдь не способствовали раздоры в ВКП(б). Петровский, работавший под именем Беннета в британской компартии и под именем Гумбольда во французской, и Гуральский были весной 1926 г. в Париже, где готовили съезд партии. Гуральский был известным последователем Зиновьева и имел контакты в основном с руководимой Сюзанной Жиро парижской организацией, которая представляла собой ядро левых сил в партии. Петровский, который более глубоко понимал меняющиеся политические реалии в Москве, старался отговорить Гуральского от присутствия на съезде. 14 июня 1926 г., за неделю до начала съезда, на сцене появился Эмбер-Дро, который обнаружил, что ситуация не вселяла оптимизма. Рядовые члены партии и рабочий класс проявляли пассивность перед лицом финансового кризиса и падением франка. Прежняя оппозиция после ее исключения из партии распалась, но все еще была силой, с которой нужно было считаться. Росмер был настроен вновь вступить в партию, однако пользовавшийся влиянием в профсоюзах Монатт упрямился.

«Бескорыстие и моральная честность Монатта и Росмера, — писал Эмбер-Дро, — производят впечатление на рабочий класс. Это фактор, который играет значительную роль в такой мелкобуржуазной стране, как Франция, и не только во Франции».

Наряду с этим он увидел среди руководителей ФКП «раздробленность, собрание отдельных личностей, борющихся друг против друга». Сема, не входивший ни в какую группировку, старался «наладить действенное сотрудничество между этими столь разными индивидуумами». Не было единства. Кашен представлял партийную фракцию в палате депутатов, Дорио — молодежную организацию, Торез — рабочих Севера, Монмуссо — Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ), а Креме жаждал стать преемником Сема. Российская партия «потеряла значительную часть своего престижа и авторитета», и повсюду ощущались «антимосковские настроения». Самую большую надежду Эмбер-Дро возлагал на то, чтобы «съезд прошел без инцидентов и битв»⁶.

V съезд Французской коммунистической партии проходил с 20 по 26 июня 1926 г. в Лилле. Работа шла интенсивно: 14 утомительных заседаний за 7 дней. Съезд ознаменовался большим разнообразием тем и мнений. Несогласие с официальным мнением выразили лишь несколько делегатов, но дискуссии проходили в тяжелой обстановке, царившей среди рядовых членов партии. Делегаты привезли приветствия от братских партий Великобритании, Чехословакии, Германии и Италии; было зачитано письмо от испанской партии. В качестве представителя Исполкома Коминтерна Эмбер-Дро выступил с большой речью на одном из последних заседаний съезда. С основным докладом, по традиции именуемым «нравоучительный доклад», выступил Генеральный секретарь партии Сема, который на этот раз разделил его на два

отдельных доклада. За первым докладом, посвященным положению дел в ФКП, последовали дебаты, продолжавшиеся три дня (шесть заседаний). Резолюция с одобрением доклада была принята при двух голосах, поданных против нее, и одном воздержавшемся. Затем, после второй части доклада, в которой говорилось о международном и внутреннем положении и задачах партии, снова состоялись длительные дебаты, и была единодушно принята резолюция, где, тем не менее, не упоминались международные вопросы⁷. Однако выступления в первых и вторых дебатах частично совпадали, и вся работа съезда вылилась в дискуссию по широкому кругу вопросов, и часто создавалось впечатление отсутствия взаимопонимания между руководителями, озабоченными тем, чтобы выполнить предписания Коминтерна, и рядовыми членами партии, которых интересовали совершенно другие, практические проблемы ее отношения к «французским левым».

Всеобщее беспокойство вызывало продолжавшееся уменьшение числа членов партии. Если число членов ФКП в момент ее основания, на съезде в Туре, который состоялся в декабре 1920 г., достигало 120 тыс. и было, что сомнительно, на уровне 100 тыс. во время работы IV партийного съезда в январе 1925 г.⁸, то теперь оно равнялось 55 тыс. (Один из делегатов поставил под сомнение даже эту общую цифру, так как она основывалась на данных, полученных от местных организаций.) Уменьшение числа членов партии Семар относил частично за счет процесса реорганизации ФКП, но главным образом за счет бескомпромиссного отношения партии к войнам в Северной Африке и Сирии; алжирская организация ФКП потеряла три четверти своих членов⁹. Другие делегаты возлагали вину на уход из партии и исключение из нее оппозиционеров, на «меры, принимаемые против правых», или на «чрезмерный централизм и слишком строгую дисциплину в партии»¹⁰. Уменьшение числа членов партии сочеталось с пассивностью рядовых членов партии и отсутствием доверия к руководителям. Семар выделил три оппозиционные группы в партии: левые, ошибки которых были в основном следствием отсутствия политического опыта (ФКП никогда не сталкивалась с такой проверкой, как гражданская война); центристы, требовавшие неограниченной свободы дискуссии в партийных журналах (14 из них незадолго до этого направили письмо с протестом в Коминтерн); и правые, чьи взгляды напоминали взгляды тех, кто выступал с поучениями на страницах печатных органов «Революсьон пролетарьен» и «Бюллетэн коммюнист»¹¹. Однако ярлыки «правые» и «левые» уже не имели большого значения, за исключением того, что использовались как оружие в партийных спорах.

Жалобы на руководство исходили на съезде от всех групп. Сила левых заключалась в Парижской департаментской федерации, где все еще господствовали Трэн и Сюзанна Жиро, — организации, которая была названа одним из делегатов «вулканом, постоянно находящимся в состоянии извержения»¹². И все же наи-

более решительным критиком был Готье, депутат-коммунист и бывший железнодорожный рабочий, один из организаторов «письма 250». Он возражал против того, чтобы его именовали «правым» («Я считаю себя левым»), и еще раз выступил с протестом против навязывания Коминтерном решений, которые «не соответствуют умонастроению французского пролетариата». В разделе, который прозвучал особенно оскорбительно, он заявил, что «именно российская партия господствует в Коминтерне» и что другие партии, боясь, как бы кому-нибудь не показалось, будто они осуждают российскую партию, пребывают в молчании. Готье проявил острый интерес к русской оппозиции, который испытывали все делегаты, но который мало кто выражал открыто, и закончил свое выступление требованием знать «правду о кампании против Троцкого и так называемого троцкизма, об исключении Суварина и тех исключениях, которые последовали за этим, правду о борьбе, которую ведет партийный аппарат против революционной оппозиции, правду о том, что происходит в партийном руководстве и скрывается от партии»¹³.

Семар обвинил Готье в «национализме» на основании его «антирусских тенденций» и сравнил его с ультралевой оппозицией в германской партии. Семар утверждал, что ФКП не может обсуждать разногласия в российской партии, «не имея необходимых документов», и напомнил делегатам съезда о том, что российская партия предупреждала против автоматического переноса полемики в российской партии на другие партии¹⁴. Эмбер-Дро повторил то же самое предупреждение и высокопарно закончил, заявив, что для Французской компартии вопрос заключается не в том, идет ли она за Зиновьевым, Сталиным или Троцким, а в том, «как действовать против французской буржуазии»¹⁵. Эти объяснения позволили съезду полностью уклониться от обсуждения вопроса об оппозиции в российской партии и отношения ФКП к Коминтерну, которые больше всего занимали умы многих делегатов.

Значительная часть второго доклада Семара и последовавших за ним дебатов была посвящена вопросу о международном положении, хотя выводы по нему явно отсутствовали в резолюции съезда. Семар неоднократно повторял принятую тогда Коминтерном точку зрения на временную стабилизацию капитализма и его неизбежный кризис, на все возрастающее господство — не только в Европе, но и во всем мире — Америки, которая «все более и более становится оппонентом британского империализма», и говорил о роли Советского Союза, «единственной страны, оказывающей сопротивление американскому господству». Следовательно, рабочие были обязаны защищать СССР, на который нападали как империалисты, так и социал-демократы¹⁶.

Трэн, проявивший на съезде большую сдержанность и придерживавшийся в своем выступлении почти исключительно этой темы, все же высказал мнение, что «на авансцене истории» нахо-

дится «глубокий антагонизм» между «англо-европейской системой и Соединенными Штатами», а Лига Наций представляет собой «инструмент Европы в борьбе против Америки»¹⁷. Никто не поддержал Трэна, когда Креме критиковал его за игнорирование существовавших антагонистических противоречий внутри Европы, когда Кост, его главный соперник в парижской департаментской федерации, и Сюзанна Жиро критиковали его за то, что он недооценивал восточноевропейские проблемы и значение СССР¹⁸. И наконец, Эмбер-Дро также выступил против «опасной концепции» Трэна, которая «очень близка к концепции социал-демократов». Локарно было направлено не против Соединенных Штатов, а в первую очередь против Советского Союза. Коминтерн выступает не за буржуазные, а за социалистические Соединенные Штаты Европы¹⁹.

С явным нежеланием съезд приступил к обсуждению неясностей и сложностей вопроса о профсоюзах. Несмотря на раскол в профсоюзном движении и существование впечатляющей профсоюзной организации, входившей в Профинтерн, численная слабость французских профсоюзов и то, что обозреватели-коммунисты называли «пережитками анархо-синдикалистских традиций» независимости и политического нейтралитета, которые все еще оставались сильными в профсоюзном движении²⁰, делали УВКТ ненадежным, а иногда и неохотным союзником компартии. До 1914 г. основу профсоюзного движения все еще составляли рабочие-ремесленники. Концентрация капитала и развитие французской тяжелой промышленности после войны привели к тому, что эта ориентация устарела. Тем не менее крупномасштабная промышленность и массовые профсоюзы были молоды и развивались медленно и еще серьезно не покушались на высокоценимые и укоренившиеся синдикалистские традиции. В 1920 г., в трудное для трудящихся послевоенное время, тогда еще единая ВКТ достигла своего пика — 1 млн. 300 тыс. членов профсоюза. К середине 20-х гг. три организации, на которые распалось движение, — революционная (Унитарная всеобщая конференция труда — УВКТ), реформистская (Всеобщая конфедерация труда — ВКТ) и христианская (Французская Конфедерация христианских трудящихся — ФКХТ) — насчитывали немногим более миллиона человек при общем числе работающего населения 12 миллионов. В 1927 г. в УВКТ, по ее утверждению, состояло 500 тыс. человек, а в ВКТ — 600 тыс.²¹; но в конце 20-х гг. в период наступления капитала, не был сохранен даже этот скромный уровень²².

Более того, если профсоюзы оказывали компартии сомнительную поддержку, то позиция ФКП по отношению к профсоюзам была также двусмысленной. Большинство пролетариев — членов партии, особенно в парижской департаментской федерации, были высококвалифицированными рабочими, так называемой «рабочей аристократией», что было признано в кругах Коминтерна «очень крупным недостатком социального состава ФКП» и

«источником оппортунизма»²³. Такие рабочие склонны были чувствовать бóльшую солидарность со своими товарищами из ВКТ, чем с неквалифицированными рабочими, рядовыми членами УВКТ, и были горячими сторонниками политики единого фронта. Некоторые рабочие — члены компартии не состояли ни в каком профсоюзе, и когда была сделана попытка оказать на них давление, то 90% из них ответили, что они скорее откажутся от членства в партии, чем станут членами профсоюза²⁴. Эти настроения противоречили желанию руководителей ФКП, поощряемому Коминтерном, сделать УВКТ эффективным инструментом для политического и революционного воспитания рабочих. Когда возникали трения между двумя организациями, УВКТ всегда оказывалась менее эффективной, ее силы было достаточно только для того, чтобы воспрепятствовать чему-либо. Эмбер-Дро признал, что профсоюзная комиссия партии подменила собой Центральное бюро УВКТ, и довольно лицемерно приписывал это отсутствию руководства в УВКТ²⁵. Однако, захватив власть в УВКТ, партия не располагала возможностями сделать ее руководство эффективным. В 1929 г. Тройцкий писал, что УВКТ была «бледной тенью» Французской компартии²⁶.

В своем первом докладе V съезду ФКП Семар признал, что искоренить «социал-демократические отклонения» в УВКТ было еще более трудно, чем в компартии. Он сожалел о политической апатии профсоюзов и резко критиковал одного члена партии, который, повторяя фразу Монатта, протестовал против того, чтобы «водрузить коммунистическую эмблему над дверью». УВКТ, и утверждал, что все рабочие, коммунисты и некоммунисты, должны иметь равное право участвовать в руководстве конфедерацией. А позже Семар с неодобрением цитировал другого коммуниста, который объяснял, что «рабочие вступают в профсоюзы, чтобы защищать свои животы, а не политические взгляды»²⁷. ВКТ попыталась «скомпрометировать» УВКТ, утверждая, что последняя «подчинена» политической партии. Представитель же партии пытался ответить на это обвинение, не объяснив отношения УВКТ к ФКП, а утверждая, что профсоюзы, входившие в ВКТ, также находились под политическим контролем, так как субсидировались социалистическими муниципалитетами, и что генеральный секретарь ВКТ был тесно связан с международным капиталом и с Лигой Наций и его вызывали для обсуждения вопросов о сотрудничестве с французским правительством²⁸.

Креме, представив съезду то, что было условно названо «проектом тезисов», подготовленных профсоюзной комиссией, уклонился от всех принципиальных вопросов и заявил, что ограничился вопросами, представлявшими непосредственную практическую значимость. Проект тезисов был выдержан в традиционном духе и заканчивался призывом «бороться за восстановление профсоюзного единства, одновременно уничтожая влияние реформистских лидеров и завоевывая рабочих на сторону нашей концепции — концепции классовой борьбы»²⁹.

И все же наиболее широко обсуждавшимся на съезде вопросом текущей политики был вопрос о едином фронте. Сам принцип отношения к нему неоднократно повторялся. Тем не менее определение отношения ФКП к другим левым партиям, несмотря на его важное значение, все-таки постоянно вызывало замешательство. Большой раздел своего доклада съезду Семар посвятил «путанице» в понимании «пролетарского единого фронта и временных союзов». На эти союзы с мелкобуржуазными группами, создаваемые для достижения специфических целей, иногда неправильно ссылались как на «расширенный единый фронт»³⁰. Съезд осудил газету «Юманите» за неосторожное восхваление «демократических идей» Кайо, которые привели к тому, что он воспротивился требованиям «Банк де Франс»³¹. Реальные трудности были более очевидны на местах, чем в центре: в некоторых районах «наши товарищи, если им не будут помогать, их не будут поддерживать, а иногда и направлять, растворятся в едином фронте, в котором они работают бок о бок с социалистическими боссами и политическими деятелями ВКТ»; таким образом, ФКП будет вовсе ликвидирована или потеряет свое влияние³². В своем втором докладе Семар похвалил германскую компартию за удачное использование тактики единого фронта в деле экспроприации имущества членов семей кайзеровской фамилии в Германии и настаивал, что «в согласии с профсоюзной организацией мы должны брать на себя защиту определенных повседневных требований»³³.

Тем не менее отсутствие ясности, связанной с «единым фронтом» и «временными союзами», продолжало омрачать дебаты. Трэн подчеркнул, что «при отсутствии достаточно твердой пролетарской основы антикапиталистический единый фронт будет переходить от одного ненадежного союзника к другому, сам являясь предметом вождения крупной буржуазии». Кост красноречиво говорил об опасности «случайных соглашений» с мелкой буржуазией. Последнее высказывание Семара, который сказал, что «в настоящий момент задача состоит в том, чтобы социалистическая партия серьезно поддержала тактику единого фронта, а также нашу тактику профсоюзного единства», обозначило проблему, но не помогало ее решению³⁴. Ни в одной из резолюций съезда не было ничего нового, и ни одна из них не попыталась разрешить эти неясные моменты.

Организационные вопросы рассматривались на специальной конференции накануне съезда, а также комиссией во время работы съезда. С докладом по этим вопросам выступил Торез, который на последнем пленарном заседании представил резолюцию. Помимо извечной дилеммы, как сочетать централизованное руководство с местной инициативой, основным вопросом по-прежнему оставалась организация партийных ячеек на фабриках³⁵. Некоторые резолюции по более мелким вопросам, принятые съездом, обычно вызывали интерес только тогда, когда они затрагивали вопросы существования единого фронта с другими партиями.

Отношение ФКП к вопросу об Эльзасе и Лотарингии с осени 1925 г. стало менее агрессивным. Выступая в феврале 1926 г. на VI пленуме Исполкома Коминтерна, Лозовский доказывал, что, в то время как лозунг о «самоопределении» был «абсолютно правильным» в отношении коммунистов, его не следует включать в программу совместных действий с рабочими, придерживавшимися различных взглядов, и в резолюции пленума говорилось только о том, что в Эльзасе и Лотарингии «население желает автономии»³⁶. На съезде ФКП делегат от Эльзаса и Лотарингии Берон подробно изложил экономические и финансовые жалобы этой территории и просил коммунистов оказать поддержку местной организации «Хайматбунд», которая только требует «автономии внутри Франции», школ с обучением на немецком языке и прекращения преследования ее деятельности со стороны правительства. Он отверг характеристику, данную Семаром «Хайматбунду» как «реакционной и клерикальной» организации, и выразил уверенность в возможности проведения совместных действий с ФКП, так как обе организации являются жертвами одинаковых репрессий. На съезде не было принято официального решения, но съезд проголосовал за то, чтобы обращение Берона было опубликовано в виде брошюры³⁷.

Резолюция о «средних классах» была более непосредственно связана с вопросом о едином фронте. Она начиналась с преамбулы:

«Учитывая процесс обнищания средних классов, съезд допускает возможность существования длительного периода их солидарности с пролетариатом».

Так как историческая роль принадлежит только капиталу и труду, средние классы неизбежно исчезнут. Отсутствие чувства уверенности в завтрашнем дне будет толкать их к фашизму, и задача компартии — попытаться увести их от лидеров, связанных с крупной буржуазией, и «использовать их в борьбе, которую ведет пролетариат за свое освобождение». Сохранялась, однако, оговорка:

*«Съезд напоминает... что требования средних классов могут быть поддержаны только в тех случаях, когда они не противостоят требованиям рабочего класса»*³⁸.

Были приняты официальные резолюции по вопросу о колониях, кооперативах, молодежном движении, спорте и о работе среди женщин. Доклад по последнему вопросу, в котором с сожалением говорилось, что женщины составляют во французской компартии лишь 1%, был сделан при «почти пустом зале»³⁹.

Как обычно, в конце работы съезда состоялись выборы в Центральный комитет. Когда Эмбер-Дро писал, что «настоящие дискуссии и интриги велись в коридорах съезда», он, по-видимому, в первую очередь думал об этой проблеме, занимавшей его по прибытии в Париж до начала съезда. В письмах к жене он выражает отвращение и пессимизм, которые вызывали в нем «манев-

ры и контрманевры» руководителей, но отмечает, что «шестерка» — Семар, Кашен, Дорио, Креме, Монмуссо и Торез — достигла соглашения о том, что Центральный комитет будет состоять из 62 человек, а Политбюро — из 13⁴⁰.

На заседаниях съезда этот вопрос обсуждался мало. Марти жаловался, что Центральный комитет лишился всяческого уважения, и сердито напомнил о собрании, где председательствовал «товарищ, который не является даже членом комитета»⁴¹. Без сомнения, понимая, что происходит, Трэн упомянул разговоры о том, что «полетят головы». Эмбер-Дро вспомнил о том, что «Трэн и Сюзанна Жиро находятся в руководстве партии, несмотря на то что на них лежит вина за совершенные в прошлом ошибки»⁴². Жиро попыталась спасти себя, выступив с речью, в которой выразила солидарность с руководством и критиковала Трэна по нескольким пунктам⁴³. Эмбер-Дро почувствовал, что пахнет склокой, и назидательно заметил, что выборы следует проводить, исходя из политической программы, а не отдельных личностей⁴⁴. Когда на последнем заседании Семар представил на одобрение съезда список членов Центрального комитета, в нем было 80 фамилий, включая Трэна и Жиро. Однако он при этом объявил, что Трэн и Жиро будут исключены из Политбюро — хотя выборы Политбюро официально были прерогативой Центрального комитета, — и прочитал список из членов ЦК, которые должны были быть избраны. Затем список членов Центрального комитета был одобрен съездом при двух голосах против⁴⁵. Когда обсуждение трудного раздела благополучно завершилось, Семар должно быть, вздохнул с облегчением. Впоследствии Эмбер-Дро хвастался, что он является инициатором исключения Трэна и Жиро из Политбюро, а также «некоторых ставленников Сюзанны Жиро» — из Центрального комитета⁴⁶. Но его усилия, по-видимому, обернулись для него длительной непопулярностью в ФКП.

Каким бы незначительным ни было согласие, достигнутое руководством Французской компартии на съезде в Лилле, оппозиционеры независимо от того, были они уже исключены из партии или нет, потерпели еще более явную неудачу в достижении какого-либо единства в политических или организационных вопросах. В 1926 г. появилось еще несколько новых оппозиционных органов печати, помимо «Революсьон пролетарьен» Монатта и Росмера и «Бюллетэн коммюнист» Суварина. Группа Трэна — Жиро начала выпуск «Юните ленинист», группа сторонников Троцкого — «Кларте» (в 1928 г. это название было изменено на «Лютт де класс»), а Паз, Лорио и другие, подписавшие «письмо 250», стали выпускать «Контр ле куран». Говорят, что Пятаков, известный член оппозиции в российской партии, в это время прикомандированный к французской делегации в Париже для проведения переговоров по финансовым вопросам, уговаривал оппозиционные фракции объединиться, а печатный орган «Контр ле куран» якобы получал деньги от русской оппозиции в качестве органа, во-

круг которого, как надеялись, могла объединиться французская оппозиция⁴⁷. Однако этого не произошло. Разногласия, существовавшие между мятежниками, были так же велики, как и те, которые привели их к разрыву с партией.

Вторая половина 1926 г. была периодом экономического кризиса во Франции, вызванного ревальвацией франка, которой сопутствовали все растущее давление на заработную плату и увеличение безработицы. Эти условия всей своей тяжестью легли на плечи рабочих — членов ФКП и повысили их готовность сотрудничать с другими рабочими для защиты своего жизненного уровня и обеспечения выполнения повседневных требований, что должно было бы привлечь симпатии рабочих-социалистов. В числе требований было требование установления рабочего контроля над производством и создания «национальных мастерских» под управлением рабочих организаций⁴⁸. О том, насколько глубоко это желание пойти на компромисс, вдохновляемое лозунгом единого фронта, проникло в то время во Французскую компартию, можно судить по состоявшейся в Туре 10 декабря 1926 г. встрече между 10 руководителями местных коммунистов и 10 руководителями социалистов, которые собрались для того, чтобы обсудить условия совместных действий двух партий. Говорят, что подобная же встреча состоялась в Лонжо, в департаменте Сомма⁴⁹.

В это время и ФКП и УВКТ положили в основу своей кампании требования права на работу, равной оплаты труда, контроля над производством, восьмичасового рабочего дня и пособий по безработице, в том числе в сфере общественных работ. Компартия в основном сконцентрировала свои усилия на единстве рабочего класса и отмене работодателями дискриминаций, введенных против разных категорий рабочих, на выражении протеста против безработицы и капиталистической рационализации и на перенесении акцента с экономической на политическую агитацию — критика капиталистов и «национального блока» правых. На выборах в сенат, 9 января 1927 г., ФКП сформировала общие списки кандидатов с другими левыми партиями, включая мелкобуржуазные партии, и с успехом поддержала кандидатов левых сил, «особенно социалистов», против реакционеров⁵⁰.

Особенно сложным вопросом было присутствие во Франции порядка трех миллионов иностранных рабочих, главным образом из Италии, Испании и Северной Африки. На V конгрессе Коминтерна, который проходил в июне 1924 г., Мануильский, упрекая французских делегатов в безразличном отношении к нуждам колоний, напомнил им, что во Франции находилось 800 тыс. рабочих из колоний, и задал риторический вопрос о том, что они сделали, «чтобы организовать этих рабочих, обучить их и сделать из них кадры для ведения нашей революционной агитации в колониях»⁵¹. С тех пор наплыв рабочих все увеличивался, и его значение для положения в стране нельзя было игнорировать. На

июньском съезде партии в 1926 г. Семар привлек внимание к этому «новому явлению для нашей страны» как к «довольно мощному и довольно грозному оружию в руках капитализма, направленному против французских рабочих». Он объявил, что была назначена комиссия для подготовки доклада съезду по этому вопросу. По-видимому, доклад не был получен — возможно вследствие деликатности поднятого вопроса. В период острой экономической депрессии и безработицы конкуренция, создаваемая притоком дешевой рабочей силы иммигрантов, легко вызвала появление чувства «национализма и ксенофобии» среди французских рабочих, и к концу 1926 г. и ФКП и УВКТ выдвинули несколько постыдное требование «запретить коллективную иммиграцию иностранных рабочих»⁵².

Тем временем охваченные тревогой ведущие деятели Французской компартии с неослабевавшим вниманием следили за тем, как разворачивается драматическая борьба против оппозиции в Москве. В июле 1926 г. Зиновьев был разжалован и выведен из Политбюро Центральным Комитетом партии, а три месяца спустя ФКП вместе с другими крупными коммунистическими партиями присоединилась к петиции с просьбой об освобождении Зиновьева от его обязанностей в Коминтерне⁵³. На VII пленуме Исполкома Коминтерна, который проходил в ноябре 1926 г., интерес к ФКП был вытеснен событиями в китайской и британской компартиях и борьбой против оппозиции. Трэн воспользовался возможностью еще раз выступить со своим тезисом, который он уже представлял на обсуждение V съезда партии, о наличии фундаментальных противоречий между Соединенными Штатами Америки и Европой, которые приведут к объединению последней для защиты от американского империализма. Пеппер и Курелла в своих выступлениях доказывали несостоятельность его взглядов, а Бухарин начал свое заключительное выступление длительной полемикой с Трэном⁵⁴. Эпизод этот свидетельствовал только о том, что Трэн настойчиво остается неуживчивым, но не опасным инакомыслящим. Семар, возглавлявший французскую делегацию, выступил с совершенно традиционной речью, в которой он отверг тезис Трэна и попытался защитить ФКП от более серьезного обвинения — в проявлении недостаточной решительности перед лицом капиталистического наступления правительства Пуанкаре⁵⁵. В резолюции по докладу Бухарина было осторожно выражено ожидание «обострения классово-борьбы» во Франции и компартия в довольно мягких выражениях порицалась за то, что она не проявила «достаточной активности в деле мобилизации широких масс» против правительства Пуанкаре⁵⁶.

Семар старался быть полезным в течение всей работы пленума и был вознагражден: ему была оказана честь выступить с заключительным словом на его закрытии⁵⁷. Креме, который в марте 1926 г. был избран в Президиум ИККИ, теперь был назначен во вновь созданный Политический секретариат, а Бернар стал его

заместителем⁵⁸. Трэн остался в Москве в качестве представителя Французской компартии в Исполкоме Коминтерна⁵⁹. Нельзя, однако, сказать, что официальная верность ФКП линии Сталина и Коминтерна не встретила сопротивления в партии. Зиновьев и еще более Троцкий пользовались большим престижем у левого крыла французской партии, и видеть, как их публично оскорбляли и позорили, было потрясением. Еще до начала VII пленума ИККИ, во время состоявшихся в партии дискуссий, один из ведущих деятелей парижской департаментской федерации Жакоб «подробно изложил взгляды оппозиции»⁶⁰.

С 11 по 13 января 1927 г. проходил расширенный пленум Центрального комитета ФКП, на котором присутствовали представители УВКТ. Семар и Монмуссо выступили на нем с докладами и представили резолюции по итогам работы VII пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося месяцем ранее в Москве: первая резолюция — по общим вопросам, включая стабилизацию капитализма, рационализацию и международное положение; вторая — по вопросу об оппозиции в российской партии. Торез сделал доклад о положении дел во Франции и задачах ФКП⁶¹. Первая резолюция по итогам VII пленума ИККИ и резолюция Тореза о положении дел во Франции были приняты единогласно. Последняя из них не была опубликована, но была в основном посвящена избитым темам экономического кризиса — заработной плате, рационализации, безработице; впрочем, некоторые расхождения возникли по вопросу о том, как должны финансироваться пособия по безработице. В резолюции была также, по-видимому, подвергнута осуждению попытка запретить коллективную иммиграцию иностранных рабочих⁶². Судя по свидетельствам, дискуссия протекала гладко и внесла мало нового.

Дебаты по вопросу об оппозиции в российской партии — несмотря на то что они и не затрагивали непосредственных интересов рабочих — были более возбужденными, так как этот вопрос прямо касался положения оппозиции во французской партии. В резолюции по этому вопросу было сказано, что, хотя оппозиция в ФКП и не выкристаллизовалась в блок, она «движется в одном направлении с блоком Зиновьева — Троцкого — Каменева». В ней было выражено осуждение в адрес Жакоба, который заявил, что политика российской партии была «неправильной», и Жиро, которая выступила с осуждением дисциплинарных мер, принятых против оппозиции, и говорила о «демократии рабочих», тем самым поставив себя в один ряд с «правыми» в ФКП. Когда резолюция была поставлена на голосование, Жиро, Фоскав, Беор и Гурдо голосовали против нее, а Жакоб воздержался⁶³. Несколько человек были исключены из партии, в основном сторонники Суварина, который теперь уже открыто считался контрреволюционером. На пленуме оппозиционеры обязались поддерживать дисциплину и воздерживаться от фракционной деятельности, и санкций против них применено не было⁶⁴.

15 января 1927 г., два дня спустя после окончания пленума, 11 других членов оппозиции опубликовали письмо, озаглавленное «За рабочую демократию», и обратились «к Интернационалу и членам партии», осуждая вырождение ФКП и стагнацию в партии, которая потеряла привлекательность в глазах масс и свой революционный характер:

«Все внимание рабочего класса направляется на парламентскую комедию, речи, закулисные интриги, выборы».

Провозглашалось, что «рабочая демократия» предполагает «свободу рассматривать и открыто обсуждать все вопросы, касающиеся жизни партии, а также выборы официальных лиц и комитетов сверху донизу». Основная вина лежит на Коминтерне, «поставившем у власти в партии людей, которых она не выбирала, но которые теперь руководят французской партией». Эти люди были отобраны «не на основании их способностей или заслуженного ими доверия, а по причине их покорности и послушания в том, что касается кризиса в российской партии, который длится уже три года»⁶⁵.

Политбюро ФКП достаточно серьезно отнеслось к их протесту: оно информировало подписавшихся о своем решении опубликовать их письмо в партийном журнале вместе с подробным ответом и вызвало четырех из них на партийную контрольную комиссию за нарушение партийной дисциплины⁶⁶. Несколько дней спустя двое из этих четырех — Англер и Жермэн Гужон — были исключены из партии по обвинению в связях с Сувариным⁶⁷. Однако эти репрессии не заставили замолчать голоса инакомыслящих в партии, особенно в бурлящей парижской департаментской федерации. На тех собраниях, которые прошли здесь в феврале и марте 1927 г. — номинально в порядке подготовки к предстоящим в июне месяце региональной и национальной партийным конференциям, — была представлена возможность выступить многочисленным ораторам, не скрывавшим своего сочувствия к российской оппозиции и свободно критиковавшим отсутствие демократии в российской партии⁶⁸. Сюзанна Жиро направила письмо в Политбюро ФКП, где она приводила выдержки из резолюций V партийного съезда и увещевания, с которыми выступил Бухарин на VII пленуме ИККИ, и обвинила партийное руководство в том, что оно вяло прореагировало на действия правительства Пуанкаре и на провокации СФИО. Письмо Жиро было опубликовано в партийном журнале вместе с ответом, где снова и снова говорилось о непоследовательности действий Жиро в прошлом⁶⁹.

Непослушное поведение Трэна на VII пленуме Исполкома Коминтерна в декабре 1926 г., кризис в руководстве Французской компартии и сочувствие, которое продолжало высказываться в ее рядах по отношению к российской оппозиции, — все это вызвало беспокойство в Москве и заставляло предполагать, что Коминтерн теряет контроль над ФКП. После своевольного вмешательства

Эмбер-Дро на V съезде партии, состоявшемся в июне 1926 г., были нарушены связи между французской партией и Москвой. Такое положение дел сделало Эмбер-Дро уязвимым, и кампания, которая проходила против него зимой 1926/27 г., получила поддержку честолобивого и упрямого Петровского⁷⁰. Первой реакцией Эмбер-Дро было попросить Бухарина открыть в Латинском секретариате Коминтерна дискуссию по французскому вопросу. В то время, когда проходила дискуссия, пришло письмо от ФКП с жалобами на Латинский секретариат, и в частности на Эмбер-Дро, в котором последний узнал руку Трэна. Защищая себя, Эмбер-Дро лично написал компартии ответ, но попросил назначить комиссию «для рассмотрения работы Латинского секретариата, а также политической ситуации и тактики ФКП». Была назначена комиссия на высоком уровне, в число членов которой вошли Сталин, Бухарин и Куусинен. Во французскую делегацию вошли Трэн, который был в то время уже в Москве, и Торез, который приехал из Парижа в середине работы комиссии. Борьба эта отличалась большой личной озлобленностью. Трэн обвинил Эмбер-Дро в том, что тот на V съезде партии предложил нанести визит Монатту и Росмеру⁷¹. Однако яростные нападки Трэна скорее помогли, чем повредили Эмбер-Дро.

И все же, какими бы ни были личные выпады в этой ссоре, дебаты комиссии в силу необходимости проводились в соответствии с принятыми в партии политическими установками и принципами, что порой приводило к несколько парадоксальным результатам. Именно в этот момент, обратившись к лозунгу «класс против класса», Эмбер-Дро предложил, чтобы ФКП пересмотрела тактику, используемую ею на выборах: снятие кандидата от коммунистической партии во втором туре в пользу другого кандидата левых сил, который имел больше шансов победить кандидата от правой партии. Эмбер-Дро предложил отказаться теперь от этой практики там, где дело касалось поддержки кандидатов от левых буржуазных партий, но сохранить ее в отношении кандидатов от социалистической партии⁷². Зимой 1926/27 г. Левый блок, сложившийся в 1924 г., явно распался, и обращенный к социалистам призыв отказаться от него в пользу сотрудничества с рабочим классом против буржуазии казался вполне осуществимым. Однако призыв этот сопровождался нападками на руководство компартии за проведение слишком пассивной политики и за то, что она позволила социалистам убедить себя пойти на компромисс с буржуазией во имя национального единства; поэтому такое предложение неизбежно выглядело как требование проводить более радикальную и наступательную политику. Вместе с тем, когда Петровский, пытаясь успокоить руководителей ФКП, поддержал возражения, с которыми почти все они выступили против предложений Эмбер-Дро, он защищал политику, до сих пор и позднее ассоциировавшуюся с позицией правого крыла партии. Тем не менее эта позиция не являлась характерной ни для

одного из них и явно проистекала из личного соперничества и враждебности между ними. До сего времени Трэн, связанный теперь с Петровским той общей неприязнью, которую они оба испытывали к Эмбер-Дро, считался «левым»⁷³.

Никаких отчетов о работе комиссии опубликовано не было, не было также известно, кто, кроме Трэна, из французских делегатов участвовал в дебатах. Ясно было, однако, что французская делегация и ФКП в целом твердо придерживались хорошо испытанной избирательной тактики общих списков, и предложение Эмбер-Дро изменить эту тактику на назначенных на следующий год всеобщих выборах в Национальное собрание столкнулось со всеобщим упорным сопротивлением. По воспоминаниям Эмбер-Дро, Сталин не принимал активного участия в работе комиссии и был совершенно не осведомлен о том, что происходит во Французской компартии. Тем не менее то, что Петровский, по мнению Эмбер-Дро, был «любимчиком» Сталина, представляется неправдоподобным для того времени. Петровский был честолюбивым человеком, которому позже удалось снискать расположение Сталина своей преданной службой. Однако на такой ранней стадии вставать на чью-либо сторону в столь запутанном вопросе противоречило бы практике Сталина.

Создается четкое впечатление, что руководство Коминтерна не было готово взять на себя ответственность за принятие решения, и поэтому был достигнут компромисс. Покровительства Бухарина было достаточно, чтобы сохранить в неприкосновенности положение самого Эмбер-Дро; вместе с тем было невозможно навязать решение, которое вызывало сопротивление со стороны всех руководителей партии, пользовавшихся поддержкой Петровского. В результате гибкий и не связавший себя обязательствами Петровский фактически, по-видимому, оказался в роли посредника между ФКП и Эмбер-Дро, представив на рассмотрение один за другим ряд компромиссных проектов. В середине работы комиссии из Парижа приехал Торез, который поднял новые вопросы, вызвавшие дальнейшие проволочки. Однако сам он, по-видимому, был менее враждебно настроен к Эмбер-Дро, чем Трэн, и был вынужден отказаться от бескомпромиссной поддержки общих избирательных списков.

В окончательный французский проект было внесено «несколько приемлемых поправок», но в нем по-прежнему говорилось о возможности достижения в исключительных случаях предвыборного соглашения с социалистами, составления общих списков кандидатов с социалистами в первом туре голосования и о необходимости проведения кампании в защиту профсоюзного единства. Французский вариант текста предусматривал широкое толкование, которое позволяло не придерживаться каких бы то ни было общих запретов на совместные действия с социалистами. Понадобилось два заседания Президиума ИККИ, чтобы довести дело до конца. По словам Эмбер-Дро, Бухарин выступил с «очень

сильной речью», в то время как Петровский вяло защищал принятую в ФКП тактику и подвергся нападкам со стороны Шюллера, представителя Коммунистического интернационала молодежи. Последние разногласия были сглажены на встрече Тореза и Эмбер-Дро⁷⁴.

Этот компромисс был зафиксирован в согласованном письме Исполкома Коминтерна Центральному комитету Французской компартии от 2 апреля 1927 г. Эмбер-Дро считал это победой и в своем письме к Тольятти от 8 апреля 1927 г. писал, что, «хотя условия смягчены, содержание достаточно ясно»⁷⁵. Однако эта точка зрения едва ли находит подтверждение в его заявлении, сделанном год спустя, в котором он, особо ссылаясь на письмо от 2 апреля 1927 г. и на одно из более поздних, сентябрьских писем 1927 г., говорит, что «все это происходит вне связи с избирательной тактикой»⁷⁶. В письме ИККИ от 2 апреля 1927 г. утверждалось, что политика ФКП должна быть направлена на то, чтобы «вывести ее политическую парламентскую жизнь из традиционной рутины, сделав так, чтобы великие цели классовой борьбы доминировали над политической батальей — батальей предстоящих в следующем году выборов». Предвыборная тактика должна была заключаться не в том, чтобы автоматически снимать своего кандидата в пользу «левых» кандидатов, а в том, чтобы мобилизовать массы. «Оппортунистическое» отношение к «левым» партиям и составлению общих списков со СФИО подверглось осуждению, и соответствующие предписания были даны профсоюзам, входившим в УВКТ, по вопросу о «рабочем единстве».

Знаменательно, что это письмо, по-видимому, никогда не публиковалось ни в Москве, ни Французской компартией, и единственным имеющимся в наличии сведением о нем является его краткое изложение, опубликованное несколько лет спустя в «Истории Французской коммунистической партии»⁷⁷. Выступая в дебатах в Латинском секретариате во время работы VI конгресса Коминтерна, проходившего в июле 1928 г., Кашен говорил «о ряде писем, адресованных Политбюро Французской коммунистической партии, о которых члены Политбюро ничего не знают». Другой делегат на конгрессе сказал, что он в тот самый день впервые прочитал в Москве письмо от 2 апреля 1927 г., так как во Франции он не имел возможности читать все письма Коминтерна⁷⁸. Вероятно, руководители французской партии просто делали вид, что не замечают документов, содержание которых им не нравилось или озадачивало их. Тот факт, что этот документ не был опубликован в Москве, заставляет предположить, что, хотя Эмбер-Дро и сохранил свое положение главы Латинского секретариата, ответственного за положение дел во Французской компартии, лица, определявшие политику Коминтерна, не хотели на этой стадии поддерживать его в его усилиях проводить радикальную политику против воли большинства ведущих членов

ФКП. Лозунг «класс против класса», который, как утверждал Эмбер-Дро, он выдвинул в это время, видимо, не фигурировал в письме от 2 апреля 1927 г., и потом более шести месяцев о нем опять не было слышно⁷⁹.

В течение лета 1927 г. Французская компартия продолжала идти своим курсом явно без учета всего того, что произошло в Москве. 1 апреля 1927 г. Политбюро ФКП опубликовало в партийном журнале допускающий характерное двусмысленное толкование анализ проблем единого фронта:

«Если мы должны *всегда* создавать единый фронт и если мы *никогда* не должны создавать его только сверху, в таком случае, когда мы можем создавать его сверху, а когда снизу? Этот вопрос до сих пор остается неясным для нашей партии».

«Сочетание оскорблений с предложениями о создании единого фронта» подвергалось осуждению как «метод Суварина». Однако рекомендовалось по-прежнему обращаться к реформистским лидерам «тогда, когда они становятся в отношении видимой оппозиции к буржуазии». Экономические требования рабочих, военные законы и опасность войны давали «многочисленные возможности» для применения тактики единого фронта. Декларация Политбюро ФКП была направлена на то, чтобы «устранить неразбериху, которая слишком долго существовала в рядах партии благодаря некоей левой политике»⁸⁰. На своем пленуме, проходившем 6—7 апреля 1927 г., Центральный комитет партии одобрил эту декларацию и решительно призвал проводить тактику единого фронта (только Жиро голосовала против)⁸¹. Наиболее примечательным для этого пленума было полное игнорирование письма Коминтерна от 2 апреля 1927 г., на которое нигде нет никаких ссылок.

УВКТ еще менее, чем ФКП, была расположена принимать во внимание призыв Москвы проводить более бескомпромиссную политику в отношении социалистов. Традиционными для УВКТ были обращения к ВКТ о воссоединении профсоюзного движения⁸², и 4 апреля 1927 г. на заседании национального совета УВКТ был одобрен текст предложения, которое она намеревалась сделать ВКТ:

«УВКТ готова рассмотреть вопрос о том, чтобы УВКТ в качестве коллективного члена снова вошла в организацию ВКТ на условии признания равенства прав всех профсоюзов, права высказывания своего мнения и права суверенитета профсоюзных организаций. В течение 15 дней после воссоединения должны быть проведены всеобщие собрания, на которых будут назначены делегаты на конференции по секциям и федеральные конференции и на конгресс ВКТ, который должен состояться в июле месяце»⁸³.

На следующий день Монмуссо пришлось доложить национальному совету, что на это предложение был получен от ВКТ «стереотипный отказ», но две недели спустя он без колебаний заявил, что предложение остается открытым⁸⁴. В письме к Эмбер-Дро Тольятти резко критикует это предложение. Ранее предложения

делались о созыве объединенного конгресса и тем самым сохранялась независимость УВКТ; в данном случае речь шла о единстве в рамках ВКТ. Это было предложение «сверху», обращенное к лидерам, а не предложение о единстве «снизу». Оно было «неуместно» в данный момент и могло привести только к «нарушению спокойствия и к колебаниям в рядах УВКТ»⁸⁵.

На том же заседании национального совета УВКТ был одобрен для представления на следующий конгресс УВКТ проект так называемого «синдикализма со множественной основой», который, как говорили, обсуждался в течение двух лет. Слабость французского профсоюзного движения долгое время внушала беспокойство (только миллион промышленных рабочих были членами профсоюзов); большая текучесть наблюдалась, в частности, в рядах УВКТ. Открыто объявленное учреждение «национальной кассы солидарности» в качестве основы для благотворительных фондов отдельных профсоюзов — до сего времени не существовавшей во Франции — было предпринято для того, чтобы стимулировать постоянное членство в профсоюзах, входивших в УВКТ, и «создать массовое профдвижение». До 1914 г. подобные проекты всегда исходили от правого крыла рабочего движения и отвергались ВКТ. Теперь очень осторожно было разъяснено, что настоящее предложение «отнюдь не равносильно превращению УВКТ в реформистскую организацию, мирящуюся с капитализмом и буржуазным строем»⁸⁶. Среди других резолюций, принятых на заседании, была резолюция о военной опасности, угрожавшей СССР⁸⁷.

По-видимому, в это же самое время было наложено твердое вето на обременительное требование запрещения иммиграции иностранных рабочих. Несколько месяцев спустя «Юманите» напомнила УВКТ о резолюции, принятой Центральным комитетом партии в апреле 1927 г., и подчеркнула, что «все требования иностранных рабочих тесно связаны со всей суммой чаяний французского пролетариата»⁸⁸. Однако в статье, посвященной высылке правительством иностранных рабочих, которые стали активными членами партии или профсоюзов, признавалось, что трудности возникали не только из-за официальных преследований, но и по причине безразличия рядовых членов ФКП к этому вопросу⁸⁹. Сема́р утверждал, что кампания, развернутая в буржуазной прессе против иностранных рабочих, была предназначена для разжигания ненависти к иностранцам в рабочем классе и для создания предубеждения в отношении коммунистов на том основании, что «эти нежелательные элементы принимаются с распростертыми объятиями в УВКТ»⁹⁰. На то, что эта проблема продолжала существовать, указывали некоторые замечания Варги, сделанные им во французской комиссии на IX пленуме Исполкома Коминтерна в феврале 1928 г.:

«Во Франции тяжелая работа в широком масштабе все более и более часто выполняется рабочими из других стран и из колоний; одновременно проявляется тенденция к образованию из ра-

бочих-французов своего рода рабочей аристократии. Огромная часть французского пролетариата находится в привилегированном положении по сравнению с иностранными рабочими и рабочими из колоний».

Мораль заключалась в том, что ФКП должна усилить свою деятельность среди рабочих-иммигрантов (намек на их вовлечение в профсоюзы и партию)⁹¹. В июле 1928 г. Семар признал, что, в то время как в Парижском департаменте на некоторых фабриках работало от 50% до 80% иностранных рабочих, «мы в течение нескольких месяцев не обращали на них внимания»; число их было огромно, мало кто из членов Французской компартии хотел работать среди иммигрантов, а те, кто вел эту работу, подвергались полицейским репрессиям⁹².

Углубление трещины между Французской коммунистической партией и Французской социалистической партией, рост враждебности французского правительства по отношению к Советскому Союзу и постоянно ужесточавшиеся полицейские акции против французских коммунистов — всем этим, по-видимому, в большей степени, чем какими-либо инициативами Москвы, объясняется постепенное и медленное появление более воинственных настроений в компартии в 1927 г. Враждебность к ФКП во французских правительственных кругах возрастала параллельно с глубокой антипатией, проявлявшей себя в дипломатических отношениях с Советским Союзом⁹³.

10 марта 1927 г., в то время, когда проходили дискуссии в Москве, Сарро внес в палату депутатов проект нового избирательного закона в плане подготовки к парламентским выборам 1928 г. В законопроекте предусматривался отказ от так называемого голосования по спискам, то есть системы пропорционального представительства, в пользу выборов по округам, системы прямых выборов в каждом избирательном округе в два тура. Мотив этого предложения не скрывали. Пропорциональное представительство благоприятствовало коммунистам и могло увеличить число их депутатов в составе следующей палаты депутатов до 70, в то время как при выборах по округам это число могло сократиться до 10 или 12 депутатов⁹⁴. СФИО могла только выиграть от обесценивания ее главного соперника.

Съезду СФИО, который проходил в Лионе с 18 по 29 апреля 1927 г., предшествовала полемическая статья, вышедшая из-под пера Семара и опубликованная 14 апреля 1927 г. в «Юманите»; статья, возможно, была инспирирована неопубликованным письмом Коминтерна от 2 апреля 1927 г. В ней говорилось, что коммунисты выступают «за единство рабочего класса, но на основе классовой борьбы» и полны решимости защищать «классовое единство пролетариата против буржуазии и ее лакеев социал-демократов». Выступивший на съезде Блюм утверждал, что «сейчас рабочий класс эксплуатируется меньше, чем когда-либо прежде», и ясно дал понять, что СФИО не имеет намерения порвать с

«демократическими элементами» в среде буржуазии и капиталистического класса; Лонге и Фор осудили «красный империализм». Небольшое левое меньшинство во главе с Браком выступило с критикой бонкуровского военного закона, который призывал к тотальной мобилизации «французов без различия возраста или пола» в случае войны, но потерпело серьезное поражение при голосовании. На состоявшемся после съезда банкете Брейтшейд, представитель Социал-демократической партии Германии, хвалил международную политику, проводимую Штреземаном, как политику, идентичную политике социал-демократов. Журнал ФКП назвал съезд СФИО «триумфом правых социалистов»⁹⁵.

Два дня спустя после окончания съезда СФИО печально знаменитая и сильно разрекламированная речь Сарро — «коммунизм — вот враг»⁹⁶ — явилась сигналом к резкому изменению отношения французских официальных кругов. Вайян-Кутюрье охарактеризовал эту речь как «наиболее резкую со времени версальских событий 1871 г.», а в кратком заявлении, сделанном компартией, говорилось, что эта речь санкционировала создание широкого национального фронта СФИО с буржуазией⁹⁷. За несколько дней до этого с назначением Шиappa префектом полиции, полиция была отдана под власть жестокого блюстителя общественного порядка, который вскоре стал известен как бич для коммунистов. В апреле 1927 г. начались аресты коммунистов. 1 мая 1927 г. были арестованы Монмуссо и два других профсоюзных лидера и было начато дело против Семара, секретаря партии, и Барбе, секретаря Союза коммунистической молодежи⁹⁸. Продолжая наступление на коммунистов, Сарро выступил в палате депутатов с яростной речью, в которой он обвинил коммунистов в попытке вызвать недовольство в армии и на флоте; к особенно эффективным результатам это привело в воинских частях, находившихся в Марокко, и на некоторых кораблях военно-морского флота⁹⁹.

В мае и июне 1927 г. страницы «Юманите» были заполнены сообщениями о полицейских акциях против членов партии. Семар был арестован, но вместе с Монмуссо через несколько дней отпущен. Барбе, Дюкло, Сюзанна Жиро и несколько других человек были приговорены к различным срокам заключения. Кашен был на данный момент пощажен благодаря своей депутатской неприкосновенности; Дорио, также депутат, все еще находился в Китае¹⁰⁰. Торез изменил внешность и исчез, когда полиция пришла арестовать его¹⁰¹. Судя по тому, что в течение последующих двух лет он оставался на свободе и принимал активное участие в партийных делах, поиски его, должно быть, не велись достаточно настойчиво.

В такой обстановке проводилась подготовка к парижской федеральной конференции и национальной конференции партии, которые были назначены на июнь 1927 г. В мае Политбюро ФКП опубликовало тезисы к национальной конференции. Наиболее важной темой были экономические вопросы, которыми занима-

лась и январская конференция 1927 г. Пуанкаре был назван оплотом «капиталистического союза», заменившего собой Левый блок. ВКТ и социалистическая партия «все более и более сливались в единое целое с буржуазной системой правительства». Целью ФКП должно быть «создание единого фронта снизу во всех его формах». Утверждалось, что количество членов партии возросло за год, прошедший после V партийного съезда, с 55 тыс. до 64 тыс. и что численность оппозиции руководству партии сократилась до незначительной горстки людей. Полагали, что приближение майских выборов 1928 г. «чревато тем, что может вызвать появление некоей избирательной горячки в наших рядах», но от этого отмахнулись, уверяя, что «прямая коллективная борьба» более ценна, чем чисто предвыборная¹⁰².

Возможно, именно тогда Торез, переход которого на более радикальные позиции начался еще в Москве в марте 1927 г.¹⁰³, выступил с заявлением, утверждая, что единый фронт должен быть направлен против всего руководства социалистической партии и не означает «писать письма социалистическим лидерам», и он настоял на том, чтобы в Политбюро было проведено голосование по этому вопросу. Если основываться на его более поздних, несколько путанных воспоминаниях, то это «было началом наших разногласий»¹⁰⁴. Торез не получил поддержки.

11 июня 1927 г. состоялась конференция парижской департаментской федерации. Она отличалась сильным снайперским огнем, который вели представители нескольких оппозиционных групп. Однако впечатление такое, что этот огонь был скорее направлен против отношения к русской оппозиции и против политики Коминтерна в Китае и Великобритании, чем против политики Французской компартии¹⁰⁵. Трэн, который занимал пост секретаря парижской департаментской федерации ФКП, был, очевидно, все еще в Москве, где за две или три недели до этого на VIII пленуме Исполкома Коминтерна он вел дискуссию со Сталиным и Бухариным по вопросу об осуждении Троцкого и о политике в отношении Китая¹⁰⁶. Разногласия на конференции парижской департаментской федерации, вполне возможно, отражали позицию Трэна.

Национальная конференция в Сен-Дени проходила с 20 до 29 июня 1927 г. Семар и Монмуссо направили в адрес конференции письмо из тюрьмы Санте, хотя фактически накануне конференции Семар был освобожден, вовремя прибыл на конференцию и принял участие в ее работе. В их письме содержался призыв к «разумному и систематическому» применению тактики единого фронта: «Единый фронт и единство профсоюзов являются двумя наиболее мощными факторами нашей деятельности». В социалистической партии мнения разделились: одни хотели сближения с компартией, другие стремились создать блок с реакционными силами против коммунизма. Открывая конференцию, Кашен предложил ее делегатам обратиться к национальному совету СФИО,

заседание которого в это время проходило, с призывом «вести совместно с нашей партией» борьбу в защиту Советского Союза против империалистического нападения, за совместные действия, направленные против военных приготовлений, за вывод войск из Китая, в поддержку экономических требований рабочих и амнистии тем, кто выступал против репрессивных законов во Франции или в колониях. С «некоторыми трудностями» обращение было передано Форю, президенту совета СФИО, и копии его были вручены другим членам совета. Однако ответа не последовало.

В отличие от этого эпизода, который более остальных моментов привлек к себе внимание конференции, основной доклад Бернара о международном положении и тезисы VIII пленума Исполкома Коминтерна были выдержаны в другом тоне. Бернар провозгласил лейтмотив единого фронта: отделение рабочих масс от социалистических вождей. Он с ортодоксальных позиций выступил в защиту политики Коминтерна в Китае и в Англо-русском комитете. Он подверг массовой атаке Троцкого и русскую оппозицию, а также критиковал тех членов Французской компартии, которые требовали опубликования документов оппозиции. «Свобода прессы» в действительности означает лишь свободу для оппозиции возобновить ее клеветнические выступления. В чем действительно нуждается Коминтерн, так это «не в демократии, а в единстве... железном единстве».

Оппозиционеры, хотя они были и менее многочисленны и менее активны, чем на конференции парижской департаментской федерации, тем не менее приняли этот вызов. Возвратившийся из Москвы Трэн был необычно сдержан. Он выразил свое «полное согласие» с тезисами ИККИ, хотя и сделал, правда, некоторые оговорки относительно Англо-русского комитета. По вопросу о Китае он признал, что оппозиция «совершила громадные ошибки». Наиболее энергичным и настойчивым оппонентом был Кальзан. Попытка ограничить его речь 15 минутами потерпела в результате голосования провал. Кальзан возмущенно потребовал опубликования документов оппозиции и заявил, что партия, которая встала бы на путь осуждения, не опубликовав соответствующих материалов, «*продемонстрировала бы отсутствие честности*».

Торез сделал рядовой доклад по экономическим вопросам. На конференции были приняты тезисы VIII пленума Исполкома Коминтерна и одобрены тезисы Политбюро ФКП, в которые конференция парижской департаментской федерации внесла разумные поправки и которые, о чем было сказано особо, были одобрены Коминтерном¹⁰⁷. Представитель ФКП выступил на страницах печатного органа Коминтерна с комментарием о конференции, выдержанным в ортодоксальном духе. В своем комментарии он опустил какое бы то ни было упоминание об обращении к СФИО и охарактеризовал оппозицию как «практически не существующую». Он похвалил «блестящий» доклад Бернара, но выразил мнение, что дебаты были излишне теоретизированы и в них отра-

зились «левые ошибки» предыдущего руководства (намек на Трэна и Жиро). А вот доклад Тореза представлял собой исключение: он касался практических вопросов. И все же было признано существование «некоторой пассивности среди рабочих». Несмотря на распад Левого блока, многие надеялись на создание нового блока на следующих выборах и рассматривали единый фронт главным образом в свете предвыборной политики¹⁰⁸.

Примечательно как то, что на протяжении всех этих дебатов Французская компартия полностью забыла о более радикальной политике, очевидно предусмотренной письмом ИККИ от 2 апреля 1927 г., так и то, что Коминтерн оставался столь же бездейственным. В письме к Эмбер-Дро от 2 июня 1927 г. Тольятти выразил изумление по поводу того, что на конференцию ФКП в Сен-Дени не был направлен представитель Коминтерна. Если цель состояла в том, чтобы оставить партию в покое, то, по его мнению, это был серьезный просчет, который будет иметь печальные последствия¹⁰⁹.

Теперь интерес на какое-то время переместился на профсоюзы. Когда 26—29 июля 1927 г. в Париже проходил конгресс ВКТ, УВКТ, невзирая на полученные ранее отказы, направила обращение, где повторялось предложение о слиянии, сделанное тремя месяцами ранее. Однако тем немногим делегатам ВКТ, которые проявили какую бы то ни было склонность к объединению с УВКТ, был оказан негативный прием, и была принята резолюция, в которой рабочих, заинтересованных в объединении, приглашали вступать в профсоюзы, входящие во Всеобщую конфедерацию труда, и в которой выражалось сожаление по поводу вмешательства политических партий в дела профсоюзов¹¹⁰.

С 19 по 24 сентября 1927 г. в Бордо проходил конгресс Унитарной всеобщей конфедерации труда, на котором присутствовало 600 делегатов, представлявших 1486 профсоюзных организаций, насчитывавших 525 тыс. человек. Монмуссо был освобожден из тюрьмы как раз вовремя, чтобы взять на себя руководство. Профинтерн в своем письме к конгрессу советовал не слушать «замогильных голосов» и предложил конгрессу твердые директивы по большинству пунктов повестки дня, включая такие знакомые темы, как борьба против империализма и угрозы Советскому Союзу и борьба против капиталистической рационализации.

Однако больше всего внимания было уделено двум, по-видимому, наиболее спорным вопросам. Было одобрено предложение об учреждении «национальной кассы солидарности» для оказания помощи рабочим в случае болезни или потери работы. Опасность для революционного духа представлял не «мютюализм», как считали синдикалисты, а оппортунизм. Второе и наиболее щекотливое предложение — ибо оно получило сильную поддержку оппозиции — заключалось в том, чтобы опустить формулу диктатуры пролетариата из устава Красных профсоюзов. В письме Профинтерна утверждалось, что «слова для нас значат меньше, чем дело»,

и делался вывод, что «если эта формулировка может вызвать сомнения в умах рабочих, то ее лучше снять». Это было бы уступкой «не бывшим коммунистам, которые впадают в анархо-синдикалистское детство, а сделанной для того, чтобы завоевать массы». Таков был наглядный пример того, как далеко руководители Профинтерна готовы были в то время пойти в осуществлении политики единого фронта.

Благодаря такой гибкости позиций конгресс УВКТ прошел спокойно. Шамбеллан выступил от имени небольшой «синдикалистской лиги», очевидно, последователей Монатта. Однако доклад Монмуссо был одобрен большинством в 1995 голосов против 60. Были приняты резолюции с осуждением империализма, опасности войны и капиталистической рационализации. На конгрессе был также разработан «совершенно новый для французского профсоюзного движения проект создания национальной кассы взаимопомощи». Были приняты «конкретные решения» по осуществлению «ближайших повседневных требований» рабочих и признана необходимость проведения «активной работы по вовлечению в союзы 11 млн. неорганизованных в профсоюзы рабочих». Вопрос о том, чтобы настаивать на внесении в устав УВКТ тезиса о диктатуре пролетариата, был молча опущен¹¹¹.

ВКТ отреагировала на эти решения иронической похвалой в адрес УВКТ по поводу ее обращения к «реформизму», одновременно обвинив ее в том, что она взяла программу ВКТ. В статье, опубликованной в газете «Юманите», Семар попытался опровергнуть это обвинение; конгресс явился поворотным пунктом, так как разработал серьезную программу ближайших требований и заложил основу для создания массовых профсоюзов с целью отражения наступления правительства и капиталистов¹¹². Однако конгресс продемонстрировал дилемму, вставшую перед революционной партией, которая столкнулась с тем, что рабочий класс и профсоюзное движение более озабочены защитой интересов рабочих в рамках капиталистической экономики, чем ее свержением. Впоследствии Дорио хвалил конгресс Унитарной всеобщей конференции труда за то, что внимание на нем было сосредоточено на материальных требованиях рабочих и, таким образом, была скорректирована предыдущая линия УВКТ, которая «слишком напоминала политику компартии и недостаточно походила на политику профсоюзов»¹¹³. Из Москвы также не было оказано давление с целью осуществления проводившейся в то время более радикальной политики.

В течение лета 1927 г. полиция играла с ведущими членами ФКП в кошки-мышки, чередуя частые аресты с освобождениями. В конце июня Национальное собрание лишило Кашена депутатской неприкосновенности. В августе был схвачен Марти, которого полиция уже в течение некоторого времени разыскивала; Торез

избежал ареста. В начале сентября 1927 г. в тюрьме Санте находились 15 руководителей компартии, Союза коммунистической молодежи Франции и УВКТ¹¹⁴. 17 сентября 1927 г. Монмуссо был приговорен к четырем годам лишения свободы, десять дней спустя Марти и Дюкло приговорили к пяти годам (в дополнение к тем срокам, которые им были даны прежде), а шестеро других — к трем годам тюремного заключения¹¹⁵. По подсчетам «Юманите», в 1927 г. 418 коммунистов предстали перед судом и 356 были арестованы¹¹⁶.

Отношение компартии к полицейским репрессиям не избежало критики. В своем письме к Эмбер-Дро от 29 июня 1927 г. Тольятти сетовал на то, что кампания протеста против этих репрессий велась на слишком личной основе; на карту поставлена не личная судьба Семара, Монмуссо или Кашена, а судьба французского пролетариата. Партия оказалась парализована «*уважением к закону*». Фракция коммунистов в Национальном собрании отказалась голосовать против лишения Кашена депутатской неприкосновенности, а Семар и другие члены партии считали дело безнадежным и добровольно отправились в тюрьму просто по приказу министерства юстиции¹¹⁷. Находясь в тюрьме накануне партийной конференции, Семар и Монмуссо опубликовали заявление, в котором выражали протест против какого-либо особого к ним отношения и требовали только четкого соблюдения правил и положений¹¹⁸. Кост, один из руководителей парижской департаментской федерации, «позволил себя арестовать» после окончания партийной конференции, а Кашен в момент своего ареста хвалился тем, что «мы не сказали ни слова, мы не сделали ни одной попытки, чтобы избежать общей судьбы активистов партии»¹¹⁹. Якобы имевшие место нарушения существовавших норм обращения с коммунистами в тюрьме — особенно сообщение о том, что Марти был лишен своего статуса политического заключенного и принужден был носить «тюремную одежду убийц и воров», — привели к тому, что «Юманите» обратилась к рабочим с призывом к действиям с целью «заставить [правительство] уважать политический порядок»¹²⁰. Неудивительно, что стойкие приверженцы коммунистических идей в Москве и в других местах, считавшие, что цель коммунистов — свержение буржуазного политического строя, были озадачены таким выражением лояльности к этому строю.

Более всего в это время власти боялись подрывной пропаганды в войсках. Многие из выдвинутых против коммунистов обвинений основывались на их отношении к колониальным войнам в Северной Африке. Марти, который в 1918 г. возглавил знаменитый мятеж на находившихся тогда в Черном море кораблях французского военно-морского флота, был явной мишенью для подозрительности и ненависти. В июле 1927 г. прошли «волнения во французской армии»¹²¹, и «Юманите» в течение некоторого времени регулярно отводила колонку для жалоб на плохую пищу, низкую

плату и плохие условия в казармах. В июле и сентябре 1927 г. «Юманите» писала о волнениях на флоте, в которых участвовало более 100 моряков в Тулоне. В начале октября 1927 г. особое внимание привлек к себе мятеж на крейсере «Эрнест Ренан», возможно, потому, что он начался так же, как и мятеж на «Потемкине» в 1905 г., — с жалоб на гнилое мясо¹²². По случаю 10-й годовщины Октябрьской революции в прессе Коминтерна была опубликована статья находившегося в то время уже в тюрьме Марти о черноморском мятеже — мятеже, который, как говорили, «создал подлинно революционное движение на французском военно-морском флоте»¹²³, а 16 декабря 1927 г. была опубликована статья Марти в «Юманите» о «жестокой классовой борьбе» на французском флоте.

На состоявшемся в мае 1928 г. съезде советского комсомола было сказано, что Союз коммунистической молодежи Франции был инициатором 70 случаев волнений в вооруженных силах в прошедшем году¹²⁴, а два месяца спустя на VI конгрессе Коминтерна было заявлено, что в предыдущем году в войсках и на флоте произошло 70 мятежей, а также демонстраций против призывов на военную службу и волнений в военных тюрьмах¹²⁵. Остается неясным, насколько Французская компартия ответственна за подстрекательство к этим беспорядкам и насколько они ей были полезны. Ясно, однако, то, что в стране ничего даже отдаленно не напоминало революционной ситуации, хотя ее мираж, возможно, и ослепил некоторых активистов партии.

Тем временем неповиновение Трэна и горстки его сторонников превратилось в гноящуюся рану на теле партии. В июне 1927 г., только что вернувшись после длительного пребывания в Москве и схваток со Сталиным и Бухариным на VIII пленуме Исполкома Коминтерна, он выступил на партийной конференции в Сен-Дени, где во всеулышание заявил о лояльном принятии решений большинства¹²⁶. 22 июля 1927 г., охваченный справедливым гневом в связи с провалом политики Коминтерна в Китае и событиями в Вене, он распространил среди членов партии письмо с нападками на руководителей Коминтерна. На заседании Центрального комитета ФКП, состоявшемся 3—4 августа 1927 г., Трэн выдвинул для обсуждения тезисы по вопросу о Китае и о венском восстании, в которых заявил, что «оппортунизм группы Сталина — Бухарина запятнан кровью», и осудил «сталинизм». 10—11 сентября 1927 г., на следующем заседании Центрального комитета, Трэну пригрозили исключением, но дали отсрочку с тем, чтобы он исправил свое поведение. Примерно в это время, однако, он начал выпускать оппозиционный листок, озаглавленный «Юманите ленинист», и не принял участия в имевшем важное значение пленуме Центрального комитета ФКП, на котором было одобрено «Открытое письмо ко всем членам партии» от 9 ноября 1927 г., чем фактически вычеркнул себя из партийных рядов¹²⁷.

Борьба против инакомыслящих во Французской компартии стала неизбежно идентифицироваться с борьбой против оппозиции в российской партии, которая в это время достигла кульминационной точки. В ноябре 1927 г. в двух передовых статьях, опубликованных в «Юманите», Торез красочно расписал эту тему, а Политбюро ФКП одновременно объявило об открытии дискуссии по этому вопросу полной публикацией документов¹²⁸. По-видимому, только благодаря традиционной антипатии к чрезвычайным мерам вкуче с нежеланием усугублять кризис, перед лицом которого уже оказались руководители партии, исключение из партии оппозиционно настроенных все еще откладывалось.

Именно в сентябре 1927 г. — в период, когда резко ухудшились франко-советские отношения и было выдвинуто требование отозвать Раковского из Парижа¹²⁹, — Коминтерн вновь обнаружил, что ему известно о том, что в ФКП не все благополучно. В начале октября 1927 г. Политический секретариат ИККИ одновременно с отправкой телеграммы Коммунистической партии Великобритании направил аналогичную телеграмму Французской компартии с инструкцией «выступать на предстоящих выборах в качестве независимой партии, выдвигая своих собственных кандидатов», даже против социалистов. За этим последовало письмо, где объяснялось, что цель должна состоять в том, чтобы создать на выборах «основной водораздел» между коммунистической партией, с одной стороны, и буржуазными партиями вкуче с социал-демократами — с другой¹³⁰. На это, по-видимому, отклика не последовало. Однако несколько позже, в том же самом месяце, в Париж приехал Эмбер-Дро, и в первых числах ноября 1927 г. он имел дискуссии с руководителями ФКП о новой тактике. Кашен и Дорио были в тюрьме. Торез энергично поддерживал новую политику. Но Семар и Монмуссо возражали против нее, и Семар обвинил Тореза в том, что его «угворил» Эмбер-Дро. Эмбер-Дро был убежден, что Торез представляет «здоровую основу» более молодых членов компартии и что более старые руководители оказались перед угрозой вновь совершить ошибки Трэна и Жиро¹³¹. Эмбер-Дро, опознанный полицией, был арестован и помещен в тюрьму, но уже после того, как Центральный комитет партии пришел к соглашению по вопросу об «Открытом письме» от 9 ноября 1927 г. о новой политике, адресованном членам партии.

«Открытое письмо» начиналось приглашением принять участие в реалистической дискуссии в ФКП, основанной на «самокритике». В нем признавался «относительный успех эксперимента Пуанкаре... с точки зрения интересов крупной буржуазии» и укрепления «национального» союза; радикалы внесли вклад в эту политику, а социалисты, двигаясь вправо, потворствовали ей. Цель дискуссии должна была заключаться в том, чтобы разоблачить как национальное правительство, так и «антирабочую политику

социалистических лидеров». Единый фронт рабочих и крестьян должен быть направлен против социалистических организаций и реформистских профсоюзов, поддерживавших буржуазию. Это было сутью пролетарской формулы «класс против класса», которая нашла свое выражение в предвыборной тактике, хотя это был только первый этап в более крупной борьбе. Полувековая парламентская демократия стерла в сознании французского рабочего элементарное принципиальное представление о существовании непроходимой пропасти между классами. Уважение французскими коммунистами буржуазной законности было подвергнуто суровой критике. Мнение об ФКП как о «крайне левом крыле» в Левом блоке было ложным. Задачей предвыборной тактики должно было стать «объединение масс под руководством пролетариата и его коммунистической партии в целях беспощадной борьбы против всех буржуазных фракций». Против лозунга Даладье и Поль-Бонкура (то есть радикалов и социалистов) следовало поднять «пролетарский лозунг „класс против класса“». Письмо заканчивалось следующими «предложениями» Центрального комитета ФКП:

«Коммунистическая партия будет выставлять своих кандидатов во втором туре, как и в первом, против кандидатов от буржуазных партий, как радикальных, так и реакционных.

Коммунистическая партия сразу же предложит социалистической партии создать во втором туре объединенный блок рабочих с тем, чтобы поддержать кандидата от социалистической или коммунистической партий против *всех* кандидатов от буржуазных партий. Взаимное снятие кандидатов этими названными выше двумя партиями, которые утверждают, что они представляют интересы рабочего класса, будет зависеть от принятия программы-минимум.

Коммунистическая партия заявляет, что если социалистическая партия отвергнет ее предложение о создании рабоче-крестьянского блока, то коммунистическая партия оставляет за собой право сохранить пролетарского кандидата в противовес любым социалистическим лидерам, которые выполняют контрреволюционную функцию и объявляют себя защитниками буржуазной демократии от коммунизма»¹³².

Письмо было написано в сильных, граничащих с грубостью выражениях. Однако подробности того, что должно было быть сделано, остались неясными и противоречивыми, а заключительные инструкции по проведению выборов были облачены в некатегоричную форму «предложений».

Эта двойственность в подходе проявилась месяц спустя после написания «Открытого письма» в выступлении Бухарина на XV съезде российской партии. Высокопарно заметив, что Французская компартия, возможно, скоро получит боевое крещение и что выборы должны проводиться так, чтобы показать, что «буржуазия и ее социалистические подголоски» находятся по одну сторо-

ну баррикад, а «единственная революционная партия рабочего класса» — по другую, Бухарин добавил, что «это, само собой разумеется, не исключает предложений единого фронта и голосования в отдельных случаях за социалистических кандидатов, когда могут пройти реакционные кандидаты»¹³³. Царившим в Москве сомнениям соответствовали безразличие и глубокие разногласия среди руководителей ФКП. Как позже признал Семар, в это время «в Политбюро не было согласия по вопросу о том, какой тактики придерживаться по отношению к социалистам»¹³⁴.

Те руководители ФКП, которые хотели (по крайней мере на словах) подчиняться директивам Коминтерна, оказывались перед лицом укоренившегося нежелания рядовых членов партии отказываться от традиционных методов парламентской демократии и предвыборных соглашений между левыми партиями. Были выражены хорошо обоснованные сомнения, «все» ли региональные партийные организации «применяют данные им директивы»¹³⁵. Преобладало убеждение, особенно в районе промышленного Севера, где социалисты имели самые сильные позиции, что проектируемый компартией полный разрыв между коммунистами и социалистами будет не понят и с негодованием встречен рабочими массами и приведет к тому, что они отвернутся от партии. Это опасение было высказано одним из делегатов на конференции ФКП, проходившей 31 января 1928 г., и оно было парировано бесцеремонным заявлением неназванного представителя Коминтерна. Последний заявил, что «наша линия правильная и должна быть принята со всеми вытекающими из нее последствиями, цель которых — развеять, пусть даже беспощадно, иллюзии рабочего класса»¹³⁶. Однако эта точка зрения была принята, очевидно, не без борьбы, только двадцатью тремя голосами против тринадцати. Предполагавшаяся переориентация партии, как отмечает наблюдатель, не была достигнута с помощью «Открытого письма» от 9 ноября 1927 г.; она началась только теперь¹³⁷.

Руководители компартии не проявили также и большого желания рекламировать эту новую политику. 10 ноября 1927 г., сразу же после принятия ее Центральным комитетом ФКП, «Юманите» поместила на первой странице краткую статью Кашена под заголовком «Класс против класса». И только 19 ноября 1927 г. эта же газета опубликовала на последней странице текст «Открытого письма», а 24 ноября 1927 г. — список «минимальных требований», которые должны были рассматриваться как условие для сотрудничества коммунистов с социалистами. В дополнение к обычным требованиям, относящимся к заработной плате и условиям труда, сюда входили требования о национализации банков, о защите СССР от любого империалистического нападения, об освобождении политических заключенных и о едином фронте (при проведении забастовок) на фабриках. С этого времени лозунг «класс против класса» регулярно появлялся в партийной прессе, однако без дальнейшего уточнения его значения. В опу-

ликованной в партийном журнале ФКП статье по вопросу об избирательной тактике Петровский осудил «парламентское вырождение», охватившее французских коммунистов, и их «приверженность парламентским традициям». Это распространялось на «благородное подчинение судебным приговорам», что равносильно *«подчинению капиталистической законности»*. Требовалось же «смелое игнорирование капиталистической законности демократической Франции»¹³⁸. В другой статье выражалось сожаление, что партия не «мобилизовала широкие массы на выступление против опасности войны» и «оказалась в ловушке атмосферы демократии и пацифизма»¹³⁹.

«Открытое письмо» от 9 ноября 1927 г. поставило перед Французской компартией спорный вопрос, но не предложило четкого решения, и согласие по нему не было достигнуто. 26—27 декабря 1927 г. на совещании Центрального комитета СФИО была еще раз отвергнута инициатива коммунистов. Руководители ФКП ответили манифестом, адресованным «рабочим-социалистам и всем трудящимся», в основу которого был положен лозунг:

«Против национального единения и его опоры — социалистических вождей.

*За союз рабочих и крестьян»*¹⁴⁰.

11 января 1928 г. состоялось заседание Центрального комитета ФКП, в повестке дня которого стояло два пункта: вопрос об оппозиции и вопрос об «Открытом письме». Первый из них практически не обсуждался. Трэн, поддержанный тремя своими товарищами-оппозиционерами — Жиро, Фоскавом и Барре, — подтвердил критическое отношение оппозиции. Тогда другие члены ЦК официально спросили этих четырех, готовы ли они подчиниться решениям Центрального комитета, отказаться от фракционной деятельности и прекратить свои публикации. Отказ ответить на этот вопрос автоматически приводил к исключению их из партии, хотя такое решение, очевидно, требовало официального утверждения в вышестоящей инстанции¹⁴¹.

«Открытое письмо» представляло более трудную проблему, так как оказалось невозможным прийти к соглашению по вопросу «о выборе тактики в отношении социалистов». Наконец, Политбюро предложило компромиссное решение. Вопрос следовало передать на решение партийной конференции, которая должна была состояться несколько позже в том же месяце и на которой будет присутствовать представитель Коминтерна. На конференции должна была быть предложена формула предвыборной тактики, предусматривавшая оказание поддержки кандидатам от коммунистической партии «против всех буржуазных кандидатов и социалистических кандидатов, которые отвергли создание блока рабочих и крестьян, за исключением случаев, оговоренных Центральным Комитетом и одобренных Коминтерном». Из тех, кто до сего времени выступал против новой линии, Дорио и Бернар согласились на это компромиссное решение, а Рено Жан и Жакоб отвергли его.

Оно было принято двадцатью одним голосом против тринадцати ¹⁴².

На партийной конференции, проходившей с 31 января по 2 февраля 1928 г., подробно обсуждались те же самые вопросы, но только перед большей аудиторией. Те же самые решающие вопросы были поставлены перед четырьмя оппозиционерами. Последние на этот раз сделали продуманные заявления и поставили несколько неожиданных условий, на которых они были готовы подчиниться. Эти условия включали в себя: восстановление всех исключенных из коммунистических партий членом оппозиций (были названы российская и германская партии), публикация всех оппозиционных документов и свобода дискуссии. После такого акта демонстративного неповиновения эти четверо были исключены из Французской компартии 174 голосами против 1 при 4 воздержавшихся ¹⁴³. Семар сделал обычный доклад о задачах партии, Барбе ¹⁴⁴ было поручено предъявление основного обвинения оппозиции, а неназванный представитель Коминтерна (возможно, Эмбер-Дро, который был как раз перед этим освобожден из тюрьмы) выразил удовлетворение по поводу исключения из партии членом оппозиции и принятия «Открытого письма» ¹⁴⁵.

Принятая на конференции основная резолюция соответствовала линии «Открытого письма». В разделе, посвященном избирательной тактике (который был озаглавлен «Класс против класса», хотя в тексте раздела эта фраза и не употреблялась), повторялось требование соблюдения принципа поддержки кандидата от коммунистической партии против всех других кандидатов, но Центральному комитету ФКП разрешалось обращаться к Коминтерну с предложениями санкционировать возможность исключения из этого общего правила в каждом конкретном случае ¹⁴⁶. В своей статье о конференции Семар высказал мнение, что таких исключений будет «очень мало» ¹⁴⁷. Так, несомненно, считал и Коминтерн. Однако это мнение, возможно, не разделялось теми, кто понимал трудность объяснения новой тактики рядовым членам ФКП.

После исключения из партии оппозиционеров в руководстве парижской департаментской федерации, очевидно, произошла перетряска, с тем чтобы сделать ее более податливой к директивам Центрального комитета ФКП ¹⁴⁸.

Опасная ситуация, сложившаяся во Французской компартии, обратила на нее внимание IX пленума ИККИ, собравшегося в Москве 9 февраля 1928 г., и была образована комиссия для ее рассмотрения. Семар открыл заседание традиционной речью. Он отзывался об оппозиции как об «уже ликвидированной», а по вопросу об избирательной тактике он говорил в другом ключе: «Если партия не должна отрываться от масс и уходить от них слишком далеко вперед, то она не должна и плестись у них в хвосте». Он имел в виду «товарищей из провинции, которые подчинились в порядке партийной дисциплины» и которых еще предстоит убедить. Он выразил надежду, что «все большее число наших товарищей, высказав-

ших оговорки, в конечном счете присоединится к политике и тактике партии»¹⁴⁹.

Руководитель КИМа Шюллер подробно изложил линию Коминтерна. После окончания войны во Франции произошли экономические, политические и социальные изменения. Уменьшилась роль мелкой буржуазии. Обострились классовые противоречия. Правительство «национального единения» Пуанкаре объединило радикальные левые элементы, СФИО и ВКТ, поставив их в одну шеренгу с капиталистами, для наступления на рабочий класс. Ошибка ФКП состояла в том, что, несмотря на подсказки Коминтерна, которые неоднократно делались после принятия «Открытого письма» от 2 апреля 1927 г., она слишком медленно меняла свой курс. Среди тех, кто все еще оказывал сопротивление изменению курса, Шюллер критиковал Рено Жана (одновременно выразив личное о нем мнение как о ценном члене партии) за то, что тот позволил себе поддаться влиянию наиболее отсталой части ФКП — крестьянства. Он критиковал «товарищей с Севера» (назван был только Жакоб) за их противодействие новой избирательной тактике. Он выразил уверенность, что Дорио и Бернар были согласны теперь с «основной линией», хотя и продолжали еще вести споры по вопросу о формуле избирательной тактики. И, как он понял, напряженность, существовавшая между руководством партии и парижской департаментской федерацией была теперь снята¹⁵⁰.

Никто не проявил желания поставить под сомнение ни критику того, что было в прошлом, ни оптимистический взгляд на будущее. Речь Денгеля как представителя братской германской компартии заслуживает внимания только потому, что он мимоходом заметил, что Торез был первым, кто принял линию Коминтерна; Семар принял ее немного позднее, а за ним последовали Бернар и Дорио. Денгель был послушным слугой Коминтерна, который не отваживался высказывать собственные суждения, и его замечание достаточно ясно указывало на то, что Торез рассматривался в высоких инстанциях как наиболее подходящая кандидатура на пост руководителя ФКП¹⁵¹. Варга считал, что история Левого блока убедительно доказала неспособность мелкой буржуазии противостоять крупной буржуазии, и предположил, что это дает Французской компартии возможность маневрировать между различными слоями одного и того же класса, — это была ближайшая к оппозиционной точка зрения, выявившаяся в ходе дебатов. Представитель Крестинтерна обратился с несколько неожиданным призывом к ФКП уделять больше внимания крестьянам и создать массовую крестьянскую организацию, которая объединила бы работающих крестьян «всех категорий»¹⁵².

Дорио протестовал против «революционной фразы» в профсоюзном движении. Он заявил, что сомнения тех, кто разделяет его взгляды, были подсказаны «тем, что наша избирательная тактика может сразу же отделить нас от масс социалистов и сочувствующих нам, которые, бесспорно, эволюционируют в нашем направ-

лении». Однако, оговаривая возможность оказания поддержки социалистам, которые открыто не связали себя с буржуазией, даже если они не присоединились к коммунистической программе, он умудрился объявить о своей приверженности к новой линии. Коларов отнес недостатки в работе ФКП за счет того, что «традиции Жореса не были окончательно ликвидированы»¹⁵³.

Бухарин выразил удовлетворение тем, что «последний кризис», возникший между Коминтерном и Французской компартией, разрешился, и особенно похвалил ту роль, которую сыграли Эмбер-Дро и Торез во введении новой линии. Вначале Торез был против Эмбер-Дро, но затем последний его убедил, и с тех пор Торез прилагал все свои силы, чтобы убедить остальных членов партии. Бухарину удалось не допустить возобновления дискуссии о новой линии партии за несколько недель до выборов; это неизбежно привело бы к поражению на выборах и дискредитации директивы Коминтерна¹⁵⁴. На пленарном заседании Семар представил текст резолюции, предварительно одобренный комиссией, который был принят без дальнейшего обсуждения. В ней еще раз прозвучал знакомый диагноз:

«Экономическая роль мелкой буржуазии продолжает уменьшаться, и классовые силы обнаруживают тенденцию ко все большей поляризации на два лагеря: лагерь пролетариата и лагерь крупной буржуазии».

Процесс «полевения масс» вызвал «предпринимательский нажим и репрессии государственного аппарата по отношению к пролетариату и пролетарским классовым организациям». «Открытое письмо» от 9 ноября 1927 г. и резолюция январской партийной конференции 1928 г. представляли собой «глубокое» изменение тактики. Однако было выражено неудовольствие в связи с тем, что партия во многих отношениях потерпела неудачу в применении новой линии. Наконец, ИККИ одобрил исключение из партии «вождей троцкистской фракции, Трэна, Сюанны Жиро и т. д.» и потребовал, чтобы партия содействовала «мобилизации масс для борьбы против наступления капитала и правительства»¹⁵⁵.

IX пленум Исполкома Коминтерна был отмечен также раздававшейся на нем постоянной критикой в адрес газеты партии — «Юманите». «Юманите» в течение долгого времени была объектом sporadических нападков «леваков» в партии в основном на том основании, что она больше стремилась быть профессионально компетентной «информативной газетой» для рабочих, чем партийным органом для насаждения коммунистической доктрины и политики. Она привлекала широкий круг читателей. Торез утверждал, что ее тираж равнялся 230 тыс. экземпляров; это значило, что три четверти тех, кто ее покупал, не были членами компартии, и она стала четвертой из крупнейших газет Франции¹⁵⁶. По вопросам политики партии она проявляла тенденцию вставать на сторону правых, особенно по любому вопросу, касавшемуся единого фронта. Тот факт, что под ее названием стояло имя ее основателя Жо-

реса и начало ее издания восходило к 1904 г., говорил о традициях французских радикалов, которые были старше традиций революции 1917 г. Неудовлетворенность газетой была выражена в форме жалобы на то, что «Юманите» недостаточно подчиняется партии.

На заседании Политбюро ФКП, проходившем 3 февраля 1927 г., «Юманите» выступила с защитой своей позиции. Политбюро приняло возражение, что «Юманите» — это «не газета для активистов, а массовая газета». Говорили, что были предприняты новые меры, которые устранили причины трений между газетой и партией. Директором «Юманите» был теперь член Политбюро ФКП, главный редактор стал присутствовать на заседаниях Политбюро, другими редакторами стали члены Центрального комитета партии. Конечно, ошибки в прошлом были. Но критика «Юманите» большей частью исходила от членов партийной оппозиции и «использовалась в настоящее время для нападков на партийное руководство»¹⁵⁷.

Однако критиков не так легко было заставить замолчать. Выступая во Французской комиссии IX пленума Исполкома Коминтерна, Тольятти заявил, что линия, которой до недавнего времени следовала «Юманите», не соответствовала «Открытому письму» от 9 ноября 1927 г. и была «оппортунистической линией, замаскированной левыми фразами». В качестве газеты легальной партии «Юманите» представляет собой нечто большее, чем орган ФКП. Это орган всего Коминтерна, который читают сотни рабочих и все лидеры во многих странах, поэтому так важно, чтобы ее линия была правильной. Эта атака была поддержана Шюллером и Торрезом, которые сказали, что «Юманите» помещает на своих страницах «абсолютно противоречивые статьи о тактике партии»¹⁵⁸.

В резолюции, принятой ИККИ, с придирчивой обстоятельностью перечислялись ошибки, совершенные «Юманите», и содержался призыв к партии принять меры, гарантирующие проведение новой линии, «особенно в отношении „Юманите“»¹⁵⁹. Газета обнаружила, что она столкнулась с серьезной дилеммой — необходимостью выбора между популярной и приносящей успех моделью, при которой революционная риторика сочеталась с желанием большинства ее читателей из числа рабочих участвовать вместе с другими левыми партиями в парламентских маневрах Третьей республики, и бескомпромиссной, продиктованной из Москвы сектантской линией, проведение которой оттолкнет от нее многих преданных ей сторонников.

Если Французская компартия оказывалась иногда непокорной и неохотно проводила линию Коминтерна, то Унитарная всеобщая конфедерация труда еще менее следовала подсказкам из Москвы. Выступая в феврале 1928 г. на IX пленуме ИККИ, Шюллер едко заметил, что «ошибки партии еще более заметны в деятельности УВКТ» и что «процесс исправления ошибок идет в УВКТ значительно медленнее»¹⁶⁰. В статье, опубликованной после окончания пленума в журнале Коминтерна, отмечалось, что «слабейшим»

местом в деятельности ФКП является работа в профсоюзах. Во всех профсоюзах, и реформистских и коммунистических, наблюдается уменьшение численности — и без того недостаточной. На проходившем в январе 1928 г. пленуме ЦК Французской компартии уже говорилось о необходимости бороться против «духа пассивности, неверия в силы рабочего класса, склонности к компромиссам и проч.»¹⁶¹.

Примерно в то же самое время Бернар, член Центрального комитета партии, написал статью, где он выразил не менее мрачный взгляд на текущее положение дел в УВКТ, но предложил меры, которые вряд ли были бы приемлемы для Москвы, утверждая, что УВКТ слишком много внимания уделяла политическим вопросам, таким, как профсоюзное единство, присоединение профсоюзов к Профинтерну и диспуты с анархо-синдикалистами, и слишком мало практическим вопросам — заработной плате и условиям труда¹⁶².

Открывшийся 15 марта 1928 г. в Москве IV конгресс Профинтерна мало сделал для того, чтобы рассеять эти сомнения. Лозовский только мимоходом упомянул УВКТ, чтобы посмеяться над ее привычкой писать «любовные и нелюбовные письма к реформистам» и настаивать на приложении больших усилий для вовлечения в профсоюзы тех 90% французских рабочих, которые все еще оставались неорганизованными¹⁶³. Монмуссо не сказал ничего существенного, но в заключение риторически призвал к «организации непобедимого боевого фронта для защиты СССР и для освобождения всего международного пролетариата от власти буржуазии и ее союзников — реформистов». Другой французский делегат неуместно восхвалял единый фронт, достигнутый в Федерации портовых рабочих, входящей в ВКТ и УВКТ¹⁶⁴.

В резолюции, озаглавленной «Ближайшие задачи Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда», повторялись знакомые лозунги, но была сделана одна или две уступки существовавшей практике. «Сдвиг масс влево, намечающийся уже теперь», должен быть использован для укрепления «левого крыла внутри реформистских профсоюзов»; была также высказана осторожная похвала в связи с созданием «программы единого фронта между конфедеральными и унитарными низовыми организациями». В отдельной резолюции санкционировалось заключение коллективных соглашений между Красными профсоюзами и капиталистическими работодателями. Такие соглашения, однако, следовало рассматривать как «кратковременную передышку, которая должна быть использована пролетариатом для энергичной подготовки к новым классовым боям»¹⁶⁵.

Два тура выборов в Национальное собрание были назначены на 22 и 29 апреля 1928 г. В опубликованной в «Правде» статье без подписи, посвященной предстоящей предвыборной борьбе, автор поздравил Французскую компартию с принятием краткой и четкой формулы: «класс против класса»¹⁶⁶. ФКП могла похвастаться тем, что число поданных за нее голосов в первом туре увеличилось до

1069 тыс. (против 875 тыс. в 1924 г.). Но при существовавшей процедуре выборов по округам ни один кандидат от коммунистической партии не получил абсолютного большинства голосов, и, хотя это вряд ли могло удивить кого-либо из тех, кто понимал новую систему выборов, это, очевидно, привело в бешенство Сталина, который был вне себя от политики «класс против класса» и предложил послать телеграмму в Париж, предлагая ФКП вернуться к тактике сотрудничества с другими левыми партиями. Эмбер-Дро с трудом сумел отговорить его от этой странной попытки менять лошадей на переправе¹⁶⁷. Новые инструкции из Москвы получены не были. В статье, написанной между двумя турами выборов, Семар заявил, что партия, верная лозунгу «класс против класса», снимет во втором туре своих кандидатов только в двух исключительных случаях: в департаменте Нор, чтобы гарантировать поражение Лушера, кандидата крупных промышленников, и в департаменте Верхняя Гаронна, где кандидат от социалистической партии проголосовал в Национальном собрании против войны в Марокко и бонкуровского закона о воинской повинности¹⁶⁸.

То, что произошло во втором туре голосования, не имело отношения к этим точным инструкциям. Партийная дисциплина не смогла навязать непопулярное решение. И в отдаленных районах, и в крупных промышленных центрах местные организации и рядовые члены компартии были повинны в «халатности и мошенничестве (cochonneries)». В некоторых местах «преднамеренный саботаж» принял форму сделок с вождями социалистов и даже радикалов. В других местах формально кандидаты от ФКП не были сняты, но члены партии голосовали за социалистов, чтобы нанести поражение «национальному единению»¹⁶⁹. По окончательным результатам выборов блок «национального единения» получил 380 мест в Национальном собрании из 612. Из оппозиционных партий ФКП получила 12 мандатов (против 27 в 1924 г.), СФИО — 101 (против 104), радикал-социалисты — 123 (против 138) и республиканцы-социалисты — 47 мандатов (против 42).

Было подсчитано, что благодаря голосам коммунистов СФИО получила 58 мандатов, республиканцы-социалисты — 10 и радикалы-социалисты — 37 мандатов¹⁷⁰. Менее ясно, насколько кандидаты от коммунистической партии получили со своей стороны выгоду. Однако, учитывая, что во втором туре в 180 округах кандидатуры от коммунистической партии были сняты, результаты голосования в нем были признаны удовлетворительными — ФКП получила 798 194 голоса. Победу Дюкло над Блюмом в одном из парижских округов можно было приветствовать как триумф. Тем не менее было досадно, что Жакоб, известный оппозиционер в компартии, одержал блестящую победу в Валансьенне и что Торез оказался среди тех кандидатов от коммунистической партии, которые потерпели поражение¹⁷¹.

Взаимные упреки по поводу результатов голосования были немногочисленны — возможно, потому, что критикам неизбежно

пришлось бы указывать перстом на тактику, которая была продиктована Коминтерном. Избирательная сила партии возросла. Хотя число кандидатов-коммунистов и сократилось, завоевание мест в Национальном собрании было менее важным, нежели завоевание поддержки масс.

К концу мая 1928 г. Центральный комитет партии подготовил тезисы для национальной партийной конференции, которая должна была состояться в следующем месяце. Они содержали ряд на редкость противоречивых положений. Произошел отход от «демократических традиций, связывающих пролетариат с мелкой буржуазией, которая, как считалось, была левого толка». Вместе с тем, «„Открытое письмо“, особенно в той его части, которая относится к проведению выборов, прошло мимо массы рядовых членов партии». Местные организации «нарушили дисциплину», либо снимая кандидатуры претендентов от коммунистической партии, либо отказывая им в поддержке во втором туре. В партии все еще существовали разногласия, особенно по вопросу о профсоюзах. На недавнем заседании парижского окружного комитета 14 членов комитета воздержались при голосовании по вопросу о вотуме доверия руководителям партии, и он был принят 18 голосами. Был сделан вывод о необходимости сплотить партийную организацию и продолжать проведение кампании под лозунгом «класс против класса».

Наряду с этим единый фронт, даже если от него отказались в период избирательной кампании, оставался важным оружием в борьбе за отрыв рабочих от их социалистических вождей¹⁷². Партийный комментатор, принимая желаемое за действительное, сделал вывод, что «лучшая часть рабочего класса» поняла новую политику и что только *«мелкая буржуазия, менее передовые рабочие и отсталая часть крестьянства»* были введены в заблуждение криком: «Коммунисты играют на руку реакции»¹⁷³. Не облегчило положения вещей для сторонников официальной линии и то, что, когда депутаты от СФИО в Законодательном собрании 14 июня 1928 г. выдвинули предложение подтвердить депутатскую неприкосновенность Кашена, Дорио и Дюкло (а также двух депутатов от Эльзаса и Лотарингии), оно было отклонено 342 голосами против 167¹⁷⁴. Нечеткие формулировки лозунга «класс против класса», в дополнение к неясностям в понимании единого фронта, продолжали ставить в тупик рядовых членов партии. Похоже, что в течение последующей недели была сделана попытка отвлечь внимание от сомнительных результатов избирательной тактики и переключить его на другие аспекты кампании.

На 18 июня 1928 г. была назначена партийная конференция, и ее тезисы были заблаговременно составлены и опубликованы Центральным комитетом партии. В тезисах говорилось об «оппортунистических ошибках», допущенных во время выборов, а также о разногласиях с «некоторыми товарищами из парижской департаментской федерации», которые «отделили себя от большинства», воз-

державшись при голосовании вотума доверия руководителям партии на основании «Открытого письма» от ноября 1927 г. и резолюции партийной конференции от 31 января 1928 г.¹⁷⁵

17 июня 1928 г., накануне национальной конференции, состоялась партийная конференция парижской департаментской федерации, которая оказалась кульминационным моментом в длительной борьбе; в результате хронически непокорная парижская организация была наконец полностью поставлена под контроль национального руководства. Подробный отчет о федеральной конференции опубликован не был. Но основными темами дебатов были вопросы о «применении единого фронта» и «ведущей роли партии в рабочих организациях». Для достижения согласия необходимо было провести кадровые изменения. В конце концов «огромное большинство» приняло предложение партийного руководства «об укреплении федерального комитета рабочими и воссоздании бюро для обеспечения улучшения сотрудничества с Политбюро»¹⁷⁶.

После того как этот барьер был преодолен, была проведена с 18 по 21 июня 1928 г. национальная конференция, на которой присутствовало 178 делегатов, а также 54 члена Центрального комитета и 19 представителей Союза коммунистической молодежи. Как обычно, с основным докладом выступил Семар, а Рено Жан еще раз повторил протест против избирательной политики, призвав к «более гибкой тактике». Произошло также столкновение по изложенным в тезисах положениям по вопросу о профсоюзах, представленным Монмуссо конференции от имени Политбюро (эти положения были опубликованы в «Юманите» 27 мая 1928 г.). Еще до начала конференции «некоторые товарищи из руководства парижской департаментской федерации», представлявшие «ультра-левые тенденции», настаивали на важности осуществления партийного руководства профсоюзами и обвинили Центральный комитет в том, что он идет на «уступку анархо-синдикалистским теориям» политически «нейтральных» профсоюзов. Однако возражавшие теперь составляли меньшинство даже в парижской организации, и над ними взяли верх явно после внесения некоторых поправок в тезисы¹⁷⁷. Основная резолюция конференции по докладу Семара была единодушно одобрена при восьми воздержавшихся (все из парижской департаментской федерации). Это дало возможность говорить, что конференция явилась «краеугольным камнем на пути объединения всех здоровых элементов вокруг руководства партии»¹⁷⁸.

Когда 17 июля 1928 г. в Москве открылся VI конгресс Коминтерна, Бухарин в своем основном докладе упрекнул Французскую компартию в ее преданности «парламентским традициям — в плохом смысле этого слова». Однако обвинение было неопределенным и обезличенным, и на него не было сделано большого упора. Некоторые члены партии допустили ошибки; эти ошибки со временем были исправлены. Необходимо было изменить тактику¹⁷⁹. Высту-

пая в дебатах, Семар придерживался безопасных тем: пакта Келлога, международных отношений и французского империализма¹⁸⁰.

Торез, возможно проинструктированный в кулуарах, держал себя смелее. ФКП, сказал он, стоит перед лицом, «с одной стороны, полевения рабочего класса, а с другой стороны, возрождения в его среде реформистских иллюзий». Со времени «Открытого письма» от 9 ноября 1927 г. некоторые товарищи начали искать общий язык с социалистами. Реформистские тенденции все еще проникают в Красные профсоюзы, принимая форму «автономизма» и «федерализма», и создают «известную неловкость» в их отношениях с партией. Торез защищал избирательную тактику партии, которая «выступала одна против всех»; в этом заключался «смысл нашей тактики», и «рабочие пошли за нами». Он резко критиковал тезисы Бухарина за то, что в них на одну доску ставились правый и левый уклоны во французской партии. Для правого уклона характерны различные формы оппортунизма — подчинение буржуазной законности, неправильная избирательная тактика, анархо-синдикалистские традиции в профсоюзах, враждебное отношение к фабричным ячейкам. Левый уклон был иногда реакцией на оппортунизм и не был опасен¹⁸¹.

В своем длинном заключительном слове Бухарин явно постарался заглушить противоречия. Не упоминая Тореза, он соглашался с тем, что правый уклон имел преобладающее значение. Выдвинув лозунг «класс против класса» и приняв новую избирательную тактику, ФКП совершила «большой поворот... наиболее принципиальный поворот в истории французской партии» и нанесла «удар по правой опасности»¹⁸².

Однако основные дебаты по вопросу о Французской компартии на VI конгрессе Коминтерна состоялись на заседаниях Латинского секретариата. Председательствовавший на заседаниях Секретариата Эмбер-Дро объявил две основные темы дискуссии: «новая линия», включая все вопросы внутренней политики ФКП, и вопрос о профсоюзах¹⁸³.

Семар поздравил партию с успехом, несмотря на некоторые ошибки, совершенные во время выборов на пути преодоления прошлых оппортунистических тенденций, а также при «исправлении определенных левых ошибок, которые возникли в нашей основной федерации, парижской департаментской федерации». Он предсказал (позже это повторили Лозовский и Торез), что скоро партия перейдет на нелегальное положение и должна научиться бороться в таких условиях. По вопросу партийного руководства и партийной организации в его выступлении прозвучала оборонительная нотка. Он отменил нападки «ряды товарищей, которые критиковали руководство в целом и заявляли, что оно неспособно наладить работу в партии». Однако он признал, что «очень большой» Центральный комитет, состоявший из 81 или 83 человек, нуждается в реконструкции и что «слишком большое» Политбюро из 18

человек не сумело до конца 1927 г. сделать серьезный и глубокий анализ изменений, которые произошли в политической и экономической структуре Франции именно потому, что между членами этого Политбюро существовали разногласия. Отсутствие однородности, парализовавшее Политбюро, повлияло также и на Секретариат¹⁸⁴.

Рено Жан был единственным из выступавших, кто безусловно осудил новую избирательную тактику, хотя и добавил, что теперь она уже причинила весь тот вред, какой только могла, и что этот вопрос закрыт. Тем не менее он критиковал «внутренний режим» в партии, который не допускает открытой дискуссии и подвергает подобных ему инакомыслящих мелким нападкам¹⁸⁵. Барбе в качестве руководителя Союза коммунистической молодежи выступил с резкой, подробной, всеохватывающей критикой прошлой деятельности партии. Политбюро представляло собой «политбюро постоянного компромисса», а не тот тип политбюро, который необходим для руководства коммунистической партией. Было объявлено об исправлении допущенных партией ошибок, тем не менее оно вряд ли началось. Барбе высказал несколько традиционных комплиментов в отношении речи Семара, но поименно критиковал Кашена, Дорио и Бернара. Однако не столько важен «персональный состав руководства партии», сколько консолидация ее организации и придание ей «железного политического руководства»¹⁸⁶. В своем энергичном выступлении Торез объяснил наличие разногласий в партии существованием трещины между поколениями: у молодого рабочего «иная концепция борьбы, другие пути борьбы». Что из себя представляют эти пути, он откровенно объяснил:

«Тем, кто знает условия, в которых проходит борьба на Севере между рабочими-коммунистами и рабочими-социалистами, известно, что они теперь разговаривают друг с другом только для того, чтобы обменяться колкостями».

Он согласился, что до IX пленума ИККИ серьезные дебаты в партии были невозможны, но не по причине каких-либо репрессий, а потому, что «люди отказывались дискутировать» — удар по Дорио, который молчал, чтобы скрывать свое несогласие. Теперь требуется, для подготовки к следующему съезду партии, не возобновление дискуссии, а «создание в Политбюро большинства из тех товарищей, которые на практике продемонстрировали свое согласие с правильной линией партии и Коминтерна»¹⁸⁷.

Бернар в смущении пошел на попятный. Он и его сторонники опасались, что новая тактика «может вызвать резкий разрыв в самых низах между рабочими-социалистами и рабочими-коммунистами, что создало бы трудности с точки зрения нашей связи с массами». Теперь он считал, что эти аргументы и возражения были ошибочны, и он также закончил свою речь призывом к созданию «твердого руководства и большинства в Политбюро». Бернар был единственным выступавшим, кто открыто критиковал Семара, об-

винив его в «изменении позиции» и в том, что Семар не был «тем руководителем, которым он должен был быть»¹⁸⁸. Однако один из делегатов заметил, что работа Секретариата продемонстрировала сдвиг влево, и выразил ироническое опасение, что Барбе и Торез, возможно, унаследовали прошлые ошибки парижской организации¹⁸⁹.

Заслуживает внимания то, что во время дебатов только два — в остальном незаметных — делегата выразили какое бы то ни было беспокойство по поводу безоговорочного послушания, которое теперь требовалось от партии. Первый мягко заметил, что «не следует походить на тех товарищей, кто, попав в Москву, разом открывает для себя всю правду, не увиденную ими во Франции». Второй говорил об отрицательном влиянии бесцеремонных вмешательств Коминтерна на рядовых членов партии, для кого «Интернационал... это высшее всемогущее существо, которое, находясь далеко от Франции, время от времени выносит свой приговор»¹⁹⁰. В дальнейшем больше никто не ставил под сомнение принцип полного подчинения решениям Москвы.

Семар, закружляя дебаты, слукавил, поместив Дорио и Бернара в один ряд с Рено Жаном, но оставляя возможность сделать вывод представителю Коминтерна. Эмбер-Дро гневно отверг утверждение Рено Жана, что новая тактика нанесла вред партии. Если бы ФКП следовала прежней линии, то она, возможно, получила бы 80 депутатских мест в парламенте, но и в результате произошла бы «дезинтеграция и ликвидация партии». Однако подобно своему патрону Бухарину Эмбер-Дро иногда смягчал свои бескомпромиссные заявления уступками умеренным взглядам. Лозунг «класс против класса» был «абсолютно правильным и необходимым для... четкого определения того, что политическая и социальная борьба все более и более концентрируется между двумя основными классами: буржуазией, с одной стороны, и пролетариатом — с другой». Тем не менее это не означает, что партия должна игнорировать роль мелкой буржуазии или что крестьянство должно сбрасываться со счетов как союзник буржуазии. Долг партии — «бороться за завоевание крестьянских масс и определенного слоя мелкой буржуазии на свою сторону с тем, чтобы сделать их союзниками пролетариата». Были традиционно подчеркнуты военная опасность и опасность правого уклона в партии. Бернар и Дорио были подвергнуты критике за то, что скрывали свое несогласие с партийной линией. Эмбер-Дро закончил свою речь в спокойном ключе, заявив, что он выступает «против формирования партийного руководства в Москве»; цель должна состоять в том, чтобы «укрепить большинство Политбюро, не выводя из него, однако, таких товарищей, как Кашен, которые имеют опыт работы и представляют в Политбюро мнение части партии»¹⁹¹.

Никакого доклада конгрессу в результате дискуссий в Латинском секретариате сделано не было. Но, очевидно, эти дискуссии

легли в основу резолюции, принятой Президиумом ИККИ после окончания конгресса ¹⁹².

Состоявшиеся на конгрессе дебаты по Программе Коминтерна неожиданно воскресили вопрос о крестьянстве. Французская компартия никогда не проявляла большого интереса к крестьянству, хотя в качестве одного из органов ее Секретариата существовал крестьянский совет. Те жалкие результаты, которых партия добилась на апрельских выборах 1928 г. в сельских районах, возможно, помогли побороть это безразличие ¹⁹³. Впервые за много лет на партийной конференции, проходившей с 18 по 21 июня 1928 г., состоялась «широкая дискуссия» по крестьянскому вопросу. Тем не менее в своем заключительном выступлении Семар предупредил конференцию против «переоценки роли крестьянства», и никаких изменений в отношении партии к этому вопросу, по-видимому, не произошло ¹⁹⁴.

Месяц спустя, на VI конгрессе Коминтерна, Домбаль приветствовал решение ФКП преобразовать крестьянский совет в массовую организацию крестьян ¹⁹⁵. Рено Жан еще раз поднял этот вопрос в Программной комиссии конгресса, и Семар ответил ему на пленарном заседании. Рено Жан потребовал исключения из Программы пункта о полной национализации земли, так как крестьянам должно быть разрешено сохранить за собой право собственности на обрабатываемую ими землю. Семар выступил против этого, допустив, что для обеспечения «нейтралитета» крестьян и их участия в революционной борьбе им, возможно, следует гарантировать право на пользование землей, которую они обрабатывают. Рено Жан хотел также исключить из Программы тезис о руководящей роли пролетариата; буржуазия дала крестьянину равные политические права, и пролетарская революция не должна лишать его их. Это требование было полностью отвергнуто Семаром с помощью цитат из «Манифеста Коммунистической партии». Скрипник же объяснил, что цель руководящей роли пролетариата в соответствии с Программой российской партии, принятой в 1919 г., состояла не в том, чтобы дать ему какие-нибудь политические привилегии, а в том, чтобы установить более близкие связи с «наиболее отсталыми и распыленными массами деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства» ¹⁹⁶. В выступлении Семара были точно предсказаны те выводы, которые потом нашли свое отражение в окончательном варианте текста Программы ¹⁹⁷.

В основной резолюции конгресса по докладу Бухарина один раздел был посвящен ФКП. В нем отмечалось, что «опыт избирательной борьбы оправдал линию, указанную французской партией IX пленумом» Исполкома Коминтерна, однако был отмечен «целый ряд ошибок и недочетов», допущенных во время избирательной кампании. Партии было дано указание «вести энергичную борьбу против правых течений», но в то же время «преодолеть „левые“ тенденции», в том числе проявление «командования» в

отношении профсоюзов и «отрицание тактики единого фронта»¹⁹⁸. Была принята и отдельная резолюция, в которой отвергалась апелляция к Коминтерну Сюзанны Жиро и некоторых ее сторонников с возражением против их исключения из ФКП, а также подобные же заявления от имени «группы Трэна» и группы, именовавшей себя «Классовая борьба», «остающихся на платформе троцкизма»¹⁹⁹. Барбе остался в Москве в качестве представителя Французской компартии в Исполкоме Коминтерна — положение, из которого следовало, что он является проводником официальной линии Коминтерна в ФКП и сторожевым псом в борьбе против правых.

3 сентября 1928 г., несколько дней спустя после окончания работы конгресса, на заседании Президиума ИККИ была одобрена резолюция, в которой подробно разъяснялись инструкции, уже данные ФКП, по хорошо знакомым темам: военная опасность, тактика «класс против класса», об отношении к социалистам и другим левым партиям, об опасности «справа» как «главной опасности» в партии, об угрозе для ФКП оказаться на нелегальном положении и об отношении к профсоюзам. Резолюция заканчивалась обращением к следующему съезду коммунистической партии с предложением избрать такой Центральный комитет, который «улучшит его связь с Политбюро и с рядовым членами партии для более успешного выполнения им своей роли — роли политического руководства»²⁰⁰. Выступая в московской партийной организации с отчетом о работе VI конгресса Коминтерна, Бухарин просто назвал Французскую компартию среди других партий; особенно подверженных правым уклонам²⁰¹.

Во время работы VI конгресса Коминтерна в Москве парижская полиция арестовала несколько сот человек, принявших участие в антивоенных демонстрациях, организованных компартией и Союзом коммунистической молодежи Франции в связи с годовщиной начала войны 1914 г., и многие из них провели в полиции до двух суток. Празднование 9 сентября 1928 г. Международного дня молодежи было также сорвано. На конгрессе эти события приветствовали как доказательство «полевения масс»²⁰². Однако, когда делегаты возвратились из Москвы домой, они нашли мало доказательств того, что уроки VI конгресса поняты рядовыми членами ФКП, где по-прежнему были распространены старые еретические тенденции: пренебрежение военной опасностью и классовой борьбой, склонность к выдвиганию «частичных требований» и к сотрудничеству с левым крылом СФИО и ВКТ²⁰³. Только 3 ноября 1928 г. Центральный комитет партии открыл четырехдневный пленум с целью обсуждения итогов конгресса. Семар выступил с докладом по международному положению, Торез — о положении дел в партии. Дорио призвал к созданию постоянного «комитета действий» для связи с «сочувствующими организациями» при решении особых задач. Центральный комитет единогласно принял

резолюцию, одобрявшую общие выводы VI конгресса Коминтерна. Он принял с пятью «оговорками», внесенными Рено Жаном, Бенаром, Дорио, Алисой Бриссо и Вийаттом, резолюцию, в которой одобрялось осуждение конгрессом правых ошибок, совершенных ФКП в прошлом, и с тремя «оговорками», внесенными Рено Жаном, Бриссо и Вийаттом, резолюцию, одобрявшую резолюцию Президиума ИККИ от 5 сентября 1928 г.²⁰⁴

Однако преодолеть сопротивление в руководстве партии было легче, чем изменить мнение членов партии во всей стране. Образование 11 ноября 1928 г. переформированного правительства Пуанкаре, в котором пресловутое пугало левых Тардые получил портфель министра внутренних дел, вызвало к жизни новое обращение Политбюро ФКП к рабочим с призывом объединиться и организоваться по принципу «класс против класса»²⁰⁵. Но существовавшее в партии настроение не давало твердой почвы для таких риторических заявлений. Для улучшения работы партии с 18 ноября по 2 декабря 1928 г. во всех частях страны прошли так называемые «информационные конференции». Лучшие всего конференции прошли в Парижском департаменте (где приняли участие 450 делегатов) и в департаменте Нор (участвовало 110 делегатов); причем на последней, как говорили, были преодолены «оговорки», высказанные во время выборов. Тем не менее среди значительной части членов партии царило замешательство, которому способствовали Рено Жан и Дорио; большинство членов партии не испытывали желания принимать участие в дискуссии. Секретарь партийной организации департамента Нор пессимистически резюмировал:

«При такой большой пассивности правая идеология помимо нашей воли просачивается через все поры нашего движения».

Столь глубоко укоренившуюся болезнь едва ли помогло излечить очередное письмо-призыв Политбюро от 15 декабря 1928 г.²⁰⁶ На следующий день Центральный комитет Союза коммунистической молодежи принял резолюцию, в которой подтверждалась безоговорочная верность Союза «Открытому письму» от 9 ноября 1927 г. и решениям VI конгресса Коминтерна. И с целью продемонстрировать возраставший престиж Союза молодежи в официальных кругах эта резолюция была опубликована в «Юманите» 1 января 1929 г. вместе с предисловием, где содержалось требование широкого участия Союза в работе предстоящего съезда партии и в предварительных дебатах, а также требование принятия большего числа ее членов в партию и обещание вести решительную борьбу против оппортунизма в партии. Тем временем в появившейся в начале нового года статье Тореза последний сконцентрировал основное внимание на трудностях, претерпеваемых французской экономикой, но упрекнул «правых внутри компартии» в нежелании понять «характер и роль социалистической партии и ВКТ»²⁰⁷.

Полным ходом шла подготовка к VI съезду ФКП — первому после 1926 г., — который был намечен на апрель 1929 г. 8 января 1929 г. в «Юманите» было опубликовано первое из серии «Приложений», посвященных предсъездовской дискуссии. Оно открывалось статьей Тореза, где говорилось, что Французская компартия поднимается в поддержку чрезвычайно важного «Открытого письма» Исполкома Коминтерна германской компартии от 19 декабря 1928 г. и усилий большинства членов КПГ, направленных на выполнение решений VI конгресса Коминтерна ²⁰⁸.

21 февраля 1929 г. открылся пленум Центрального комитета ФКП. Его первым шагом было опубликование злобной декларации с осуждением «контрреволюционера Троцкого и его организации» и с полным одобрением «защитных мер», осуществленных против него ВКП(б) ²⁰⁹. На пленуме была принята длинная резолюция, в которой вновь повторялись известные темы военной опасности, лозунга «класс против класса» и единого фронта снизу, а также был подвергнут критике Дорио за его отношение к «Открытому письму», за его предложение создания совместного «комитета действий» и (не называя фамилии) за его «систематическое молчание». Был принят также ряд проектов резолюций для обсуждения на съезде ²¹⁰. Барбе, все еще находившийся в Москве, прислал язвительное письмо, в котором «политика молчания» Дорио была названа «трусливым оппортунизмом» ²¹¹.

При анализе региональных партийных конференций, проведенных в порядке подготовки к съезду, обнаруживались одни и те же тревожные симптомы: «Скептическое и пассивное настроение в широких слоях членов партии, выражающееся в феномене беспорочного поправления масс», «двойственная и очень умная тактика правых и скрытых соглашателей» и «низкий уровень политического образования у всех членов партии, и особенно у функционеров». Эти недостатки вряд ли уравнивались обычными заверениями о полевении масс и восхвалением Союза коммунистической молодежи ²¹². На проходившей с 15 по 17 марта 1929 г. конференции парижской департаментской федерации, которая 23 марта, после недельного перерыва, возобновила свою работу, по-прежнему активным было небольшое левое меньшинство; один из ораторов в течение часа защищал то, что названо «позициями Троцкого», и ему было отказано в разрешении продолжить свое выступление. Вместе с тем Дорио теперь заявил, что он согласен с решениями VI конгресса Коминтерна, и под аплодисменты закончил, что он никогда не был прав, выступая против партии. Конференция закончила свою работу преждевременно. 24 марта 1929 г. полиция очистила зал и арестовала 120 делегатов, из которых 20 были заключены в тюрьму ²¹³. На следующий день помещение газеты «Юманите» были подвергнуто обыску ²¹⁴.

В такой напряженной атмосфере (здание было оцеплено полицией) 31 марта 1929 г. на Сен-Дени начал свою работу VI съезд Французской компартии. Фрашон, который выступил с основным

докладом о международном положении, подробно остановился на угрожавшей Советскому Союзу военной опасности и на полевении масс и осудил правый уклон в Коминтерне, КПП и ФКП. Он потребовал, чтобы Дорио, который уже признал свои ошибки, открыто выступил против соглашателей. Среди хора одобрительных возгласов были слышны голоса немногих инакомыслящих. Крозе был единственным, кто выступил от бывших правых, отрицая, что капитализм стоит перед лицом надвигающегося кризиса или что неизбежна близкая война. Пийо, принадлежавший к тем, кто теперь представлял «ультралевое» меньшинство парижской департаментской федерации, выразил сомнение в способности существовавшего партийного руководства завоевать массы. Жакоб, из федерации департамента Нор, признал свои прошлые ошибки и присоединился к линии партии. Берлиоз задал запрещенный вопрос о теперешнем положении Бухарина, но, очевидно, не добился никакого ответа. Семар выступил с докладом об экономическом положении Франции и тоже призвал Дорио к откровенному разговору. Кашен подробно говорил о Программе Коминтерна. Бийу хвалил деятельность Союза коммунистической молодежи и резко осудил предложение партии взять на себя руководство этой организацией, подчеркнув ценность проводимой ею антимилиитаристской работы. Затем, вечером 3 апреля 1929 г., Дорио выступил со своей долгожданной речью. Он вновь признал свои ошибки, в частности ту, что он поддержал идею об образовании объединенных «комитетов действий» и единого фронта с социалистами, поблагодарил своих коллег из Политбюро за то, что они открыли ему глаза, и заявил, что он никогда не мог бы возглавить оппозицию против политики Коминтерна: «Правые и за границей и во Франции должны потерять всякую надежду». Монмуссе завершил общую дискуссию, выступив с критикой тех, кто преуменьшал полевение масс. Он объяснил слабость профсоюзов их несовершенным составом — они «опираются только на верхние слои рабочего класса»²¹⁵.

Полностью приученные к этому времени Москвой к дисциплине, руководители Французской компартии были полны решимости навязать бывшим правонарушителям наистрожайшее подчинение и максимум самоуничижения. 5 апреля 1929 г. в «Юманите» была опубликована большая статья Семара. (Так как Михайлов, действовавший под псевдонимом Уильямс, тайно приехал из Москвы для наблюдения за работой съезда, естественно предположить его участие в написании этой статьи.) Основная цель опубликования статьи состояла в разъяснении того, что Дорио недостаточно сделал, чтобы загладить свою вину. Дорио дал такой анализ правого уклона, как будто бы этот уклон был особенностью российской партии. В действительности же это было свойственно всем тем элементам в Коммунистическом Интернационале (были названы Эмбер-Дро и Таска), которые подвергли сомнению заявления VI конгресса о загнивающем капитализме и временном характере

стабилизации его в третьем периоде его развития. Даже то, как Дорио признавал свои ошибки, говорило о «некоем пренебрежении к партии и Коминтерну». В статье был также подвергнут критике Жакоб, не сумевший понять решения VI конгресса Коминтерна и политику, которая осуществлялась под лозунгом «класс против класса».

В тот же самый вечер председательствовавший на съезде мелодраматически объявил, что Уильямс, делегат от ИККИ, проскользнул через полицейские кордоны и будет выступать на съезде. Затем Михайлов выступил с речью, в которой были равномерно распределены традиционная похвала и упреки в адрес ФКП. Он осудил Крозе и поддержал высказанную Семаром суровую критику Дорио, от которого следовало потребовать четкого заявления о его отношении к партии. Речь Михайлова была встречена восторженными рукоплесканиями.

Теперь с серьезными вопросами было покончено. Дорио попытался еще раз ответить. Однако Семар был непреклонен: Дорио сделал некоторые шаги навстречу партии, но с ним по-прежнему необходимо было бороться. Один из выступавших безрезультатно пожаловался на враждебное отношение Коминтерна к позиции, занимаемой парижской департаментской федерацией, а Жакоб вручил заявление о выходе из Секретариата федерации департамента Нор. Другие делегаты выступили с докладами по второстепенным вопросам ²¹⁶.

Съезду была представлена резолюция о международном положении и правой опасности. В ней повторялись выводы VI конгресса Коминтерна о военной опасности и кризисе капитализма в качестве признаков третьего периода — периода, в котором «подтвердилась роль социал-демократии как последовательного агента империализма». Неспособность понять проделанный анализ привела к недооценке «огромной важности борьбы рабочих» и явилась основанием для появления правого уклона. Был подвергнут резкой критике Брандлер и одобрено «Открытое письмо» ИККИ в адрес Компартии Германии от 19 декабря 1928 г. Однако сходные «оппортунистические отклонения» были обнаружены и во Французской компартии. Бывшие руководители парижской департаментской федерации были виновны в «подлинно ультралевой оценке» кризиса капитализма как «катастрофического» и «безысходного». Другие товарищи так или иначе выразили свое несогласие с «Открытым письмом» от 9 ноября 1928 г., а иные, подобно Крозе, заняли позицию «отъявленных правых и даже общепризнанных ликвидаторов». Некоторые, такие, как Дорио, признавший свои ошибки, были обязаны доказать на деле, что они одобряют директивы партии. Резолюция заканчивалась заявлением о «полной солидарности с большевистской партией» ²¹⁷.

Когда резолюция была поставлена на голосование, то один делегат проголосовал против нее и один воздержался; 11 делегатов высказали особое мнение по разделу, относящемуся к феде-

рации департамента Нор (вероятно, в этом разделе содержалось обвинение по поводу несогласия с «Открытым письмом», так как федерация не была названа в резолюции), и 6 человек — по разделу, относящемуся к парижской департаментской федерации ²¹⁸.

В чрезвычайно растянутых и непоследовательных «Тезисах о положении в стране и о задачах партии», которые были первоначально представлены Семаром и в которые были внесены многочисленные исправления в политической комиссии съезда, за опорную точку были приняты решения VI конгресса Коминтерна, и в «Тезисах» нашли отражение (за примечательным исключением вопроса об избирательной тактике) почти все спорные вопросы, возникавшие в ФКП за последний год, включая и те, о которых говорилось также в отдельных резолюциях съезда. Значение «Тезисов» заключалось только в том, как были расставлены акценты. Третий период развития капитализма характеризовался тем, что «два основных класса — крупная буржуазия и пролетариат» — все более решительно противостоят друг другу; при этом мелкая буржуазия все больше и больше дезориентируется и склоняется то вправо, то влево. Тем временем реформистское движение, которое во время войны превратилось в социал-шовинизм, в третьем периоде превращается в социал-империализм и социал-фашизм. Доказательством «полевения рабочего класса» служило увеличение числа забастовок; буржуазное государство переживает процесс «фашизации». Говоря словами VI конгресса Коминтерна, «ось единого фронта должна быть смещена в сторону низовых организаций»; он должен действовать прежде всего на фабриках. И наконец, больше внимания должно уделяться выборам Центрального комитета (на V съезде, состоявшемся в 1926 г., число его членов было увеличено до 83 «без серьезного отбора» кандидатур), и должно избираться «максимально однородное по своему составу Политбюро» для обеспечения правильного осуществления утвержденной съездом линии ²¹⁹.

«Тезисы» были единодушно приняты при одном воздержавшемся. Так как «правая опасность» была рассмотрена в них несколько поверхностно, была принята отдельная резолюция «О правой опасности в Коминтерне», в которой говорилось о правых уклонах в германской, чехословацкой и других коммунистических партиях, а также в ФКП ²²⁰. Затем был одобрен список кандидатов, подготовленный Политической комиссией; 171 человек проголосовал «за», 2 — «против», 24 — воздержались, одновременно 16 человек выразили свое особое мнение, отвергнув кандидатуру Рено Жана, и 28 высказались за кандидатуру Жакоба ²²¹.

VI съезд ФКП опубликовал четыре декларации. Первая представляла собой манифест в стиле популярной риторики, в основном состоящий из большого количества громких слов. Целью партии провозглашалось «*установление коммунизма во всем мире с помощью диктатуры пролетариата*». Мир живет «*под угрозой надвигающейся новой империалистической войны*». Социалистичес-

кая партия стала не только «инструментом защиты буржуазии», но и «орудием для капиталистического наступления на рабочий класс». Манифест заканчивался призывом к «рабочим, крестьянам, солдатам и рабам колоний»:

«Партия призывает вас объединиться в вашей общей борьбе против империализма и его социалистических лакеев. Перед лицом единого фронта, образованного буржуазией и социал-демократией для ведения империалистической войны и удушения пролетарской революции, коммунистическая партия призывает вас создать единый фронт всех эксплуатируемых и угнетенных: КЛАСС ПРОТИВ КЛАССА!» ²²²

Три другие декларации представляли собой: обращение к ИККИ, в котором ФКП торжественно обещала оказывать поддержку в борьбе против империализма, в проведении Международного Красного дня протеста против войны (1 августа) и в борьбе против правых и соглашателей; аналогичное обращение в адрес ВКП(б) и обращение в адрес КПГ, где говорилось об общей борьбе, которую ведут обе партии против правой опасности, против империализма и в защиту Советского Союза ²²³.

Очень большое значение придавалось плану, который заключался в создании «фабричных комитетов», хотя он, очевидно, мало фигурировал в дебатах на съезде. В принятых на съезде тезисах он рассматривался как существенная часть «организации единого фронта снизу». В комитеты должны были вовлекаться все группы рабочих. Делегаты, избранные в комитеты, ничего не должны были делать без одобрения своих избирателей, которые могли в любой момент аннулировать их мандаты. Представители партии должны были следить за тем, чтобы комитеты сохраняли свой характер в качестве органа «борьбы пролетариата»; одновременно комитеты должны были служить резервом для привлечения новых членов в партию и УВКТ ²²⁴. В отдельной резолюции по вопросу о фабричных комитетах более настойчиво и детально ставился вопрос о боевых функциях этих комитетов. «Фабричные комитеты — это органы борьбы, и они не могут существовать просто для выдвижения требований»; они предназначены для ведения «политической борьбы против режима». Связь между комитетами должна была осуществляться посредством «съездов партийных комитетов, созываемых либо по отраслевому, либо по региональному принципу». Фабричный комитет в качестве «первичной организации рабочих», создавая «массовый единый фронт для борьбы рабочего класса», дополняет, а не заменяет профсоюзы ²²⁵.

Упор на политическую роль комитетов, а также на положение, в котором предусматривались возможность отзыва делегатов рабочими и созыв съездов рабочих комитетов, — все это явно было проявлением влияния Советов 1917 г. Однако самым знаменательным было отсутствие в опубликованных отчетах о состоявшихся на съезде дебатах и даже в речи представителя ИККИ

какого-либо намека на эти революционные фабричные комитеты. В высокопарном манифесте — единственном документе съезда, опубликованном еще в ходе его работы, — содержалась одна фраза, которая, может быть, и была косвенной ссылкой на них: «Дисциплинированно, плотными рядами рабочие колонны должны двигаться от фабрик». Тем не менее тщательно продуманная организационная структура комитетов и упор на отведенную им революционную роль стали видны только в «Тезисах» и резолюциях съезда, опубликованных некоторое время спустя. Трудно не сделать вывода, что эти комитеты, созданные по советскому образцу, подобно тому, как фабричные ячейки были звеньями партийной организации, представляли собой изобретения, инспирированные из Москвы и принятые на бумаге послушными руководителями ФКП, но так никогда и не понятые и не прижившиеся в партийных рядах. Нет никакого доказательства создания или деятельности таких комитетов или проявления к ним какого-либо интереса.

Во время работы съезда проходила конференция о положении иностранных рабочих во Франции, о которой, из опасения вмешательства полиции, не было широко объявлено. Цель конференции состояла в том, чтобы «ежедневно предпринимать дальнейшие шаги для эффективной интеграции в нашу партию всех рабочих, без различия языка, расы или цвета кожи». Подчеркивалось, что три миллиона иностранных рабочих «являются значительной производительной силой в шахтах и в больших промышленных районах», а следовательно, и в «подготовке империалистической войны». Основными предписаниями резолюции, принятой конференцией, были предписания назначать на каждом уровне партийных работников, ответственных за работу среди иностранных рабочих, и избирать таких рабочих на ответственные партийные посты, начиная от бюро партийных ячеек до Центрального комитета. Подобные же шаги должны быть предприняты и в профсоюзах. Следовало провести активную кампанию за ликвидацию всякой официальной дискриминации, направленной против иностранных рабочих. Сколько иностранных рабочих приняло участие в конференции, не ясно, но было довольно странно заявлено, что она облегчила «участие лучших иностранных активистов в политической дискуссии по повестке дня съезда»²²⁶.

Несмотря на огромное число принятых документов и очевидное единодушие, съезд оставил ФКП без руководящих установок и без руководства. Барбе все еще находился в Москве, его за кулисами обхаживал Мануильский, готовил к руководству²²⁷. Он и Торез были видными деятелями, которые отсутствовали на съезде. Торез, возможно, выполнял какую-то миссию Коминтерна — он был в Берлине в конце апреля 1929 г., — а возможно, он просто хотел избежать встречи с полицией, которая одно время шла по его следу. Выбор Фрашона, ничем не отличившегося ничтожества, для выступления с основным докладом на съезде был оскорблением для Семаара. Тем не менее то направление, в котором пошла работа

съезда в последние дни, было делом рук «стариков» — Семара и Монмуссо ²²⁸. Согласно более поздним рассказам, Семар в 1929 г. был «отодвинут в сторону, заменен „коллективным” Секретариатом из четырех „молодых” коммунистов» — Барбе, Селор, Торез и Фрашон ²²⁹. Однако никакого официального решения зарегистрировано не было, и эти четверо никогда не работали коллективно; Торез был уже в тюрьме, когда Барбе в июле 1929 г. вернулся в Париж. Семар постепенно терял реальную власть. Семар и Монмуссо писали в то время Троцкому: «...пробуй все, обещай все, чтобы ничего не делать» ²³⁰. Однако Семар сохранял номинальный пост секретаря партии до тех пор, пока его не сменил Торез в июле 1930 г.

VI съезд ФКП проходил в тот момент, когда все больше усиливалась борьба правительства против компартии. 5 февраля 1929 г. Кашен, выступая в палате депутатов, выдвинул предложение восстановить депутатскую неприкосновенность Марти и освободить его из тюрьмы. Это предложение было вновь поддержано социалистами, но отвергнуто два дня спустя большинством голосов: 320 депутатов были «против», 161 — «за» ²³¹. Суд над Марти, который был обвинен в клевете на основании его открытого письма к Фошу, написанного в августе 1927 г. ²³², все тянулся. Его яркая речь в суде 24 апреля 1929 г. была полностью напечатана в «Юманите» на следующий день. Большие первомайские демонстрации, которые сопровождалась провозглашением компартией деклараций против империализма и военной опасности, закончились арестом более чем трех тысяч человек (среди арестованных оказался Дорио), а несколько дней спустя эта цифра достигла четырех с половиной тысяч ²³³. Муниципальные выборы в Париже принесли в первом туре ФКП на девять тысяч голосов больше, чем в 1925 г., и пять кандидатов от компартии были выбраны сразу же. Во втором туре выборы проводились под лозунгом «класс против класса», который, как говорили, был в первую очередь направлен против империалистической войны и в защиту Советского Союза. В результате сообщалось, что ФКП сохранила свое положение в центральной части Парижа и улучшила его на окраинах ²³⁴. В конце мая 1929 г. Марти был приговорен к пяти годам и десяти месяцам тюремного заключения ²³⁵. Торез был арестован несколькими днями позже.

В начале июля 1929 г. Семар и Монмуссо поехали в Москву на X пленум ИККИ. Барбе, который уже довольно высоко стоял на иерархической лестнице в Коминтерне, частично обрел популярность, выступив в качестве докладчика по вопросу о «международном дне» протеста против войны; в этом качестве он сделал два доклада на второй день работы пленума ²³⁶. Позднее, во время общей дискуссии, с бесцветным докладом выступил Семар ²³⁷. Обзор, сделанный Пятницким, о положении дел в коммунистических партиях был не слишком ободряющим для ФКП, в которой наблюдалось постоянное уменьшение численности и теперь насчи-

тывалось лишь 46 тыс. человек²³⁸. Молотов назвал Францию вместе с Германней и Польшей странами, где наблюдается «революционный подъем», призвал к «завоеванию большинства рабочего класса» и говорил о «массовой политической стачке» как об оружии будущего. Однако единственный раз, когда он отдельно упомянул ФКП, — это было сделано, чтобы выразить сомнение в том, что «борьба с правыми и примиренцами была поднята на деле на должную принципиальную высоту»²³⁹.

Большим местом всегда оставались профсоюзы. Лозовский указал на наличие в УВКТ «организационно оформленного правого крыла, политически в высшей степени опасного», которое представляло собой «особую помесь традиционного анархизма с современным реформизмом». Да и деятельность ФКП не была безупречной: это происходило задолго до того, как партийную печать удалось убедить выступать с критикой ошибок, проявившихся в отношении профсоюзов к забастовкам. В ответе Монмуссо содержалось признание прошлых неудач и необидительные обещания на будущее²⁴⁰. Дебаты прошли вяло. В принятой на пленуме резолюции по вопросу о профсоюзах отмечалось, что «основной недостаток» в работе УВКТ заключается в «недооценке известной частью революционного профсоюзного актива *радикализации масс и в недооценке нового характера профсоюзного реформизма*»²⁴¹. За громкими революционными фразами крылось то, что вера в коммунистическую партию и Унитарную всеобщую конфедерацию труда была невысока.

Основное внимание компартии занимала теперь подготовка к празднованию 1 августа 1929 г., «международного дня» протеста против войны и репрессивных действий полиции. В мае 1929 г. располагавшееся в Берлине Западноевропейское бюро Коминтерна обратилось с призывом к европейским коммунистическим партиям организовать массовые демонстрации²⁴². В следующем месяце с таким же обращением выступил Исполнительный комитет УВКТ²⁴³. Постепенный переход компартии на нелегальное положение проявился в том, что в «Юманите» часто стали появляться статьи под псевдонимами. 7 июля 1929 г. «Юманите» опубликовала первые несколько статей о подготовке к празднованию 1 августа, написанные Торезом в тюрьме и подписанные «Жерминаль». Автор признал, что «внутри нашего движения» возникли возражения против запланированных демонстраций. Он отнес это к «оппортунизму», характерными чертами которого являлись «отсутствие веры в способности пролетарских масс, скептицизм и боязнь открытой борьбы»²⁴⁴.

Полиция не бездействовала. Сообщалось о налетах на штаб-квартиру компартии и редакцию «Юманите», во время которых производились многочисленные аресты²⁴⁵. В ходе подготовки к предстоящей демонстрации рабоче-крестьянская конференция парижской департаментской федерации выпустила тревожный мани-

фест; в качестве доказательства того, что «война не за горами», приводилось китайское нападение на советские учреждения в Маньчжурии²⁴⁶. Последние дни июля 1929 г. были отмечены серией полицейских налетов и арестов руководителей коммунистической партии. Утверждали, что накануне 1 августа 150 заключенных объявили голодовку²⁴⁷. Трудно сказать, сколько рабочих не вышло на работу 1 августа и сколько приняло участие в демонстрациях. «Юманите» сообщала о множестве изолированных выступлений и утверждала, что они были «успешными, несмотря на провокации со стороны полиции»²⁴⁸.

С 15 по 21 сентября 1929 г. в Париже проходил V конгресс Унитарной всеобщей конфедерации труда, который отличался значительно более горячими дискуссиями, чем состоявшийся за пять месяцев до него VI съезд Французской компартии. Так как Монмуссо был арестован в день открытия съезда, с основным докладом выступил Життон. В своем докладе он особо остановился на опасности империалистической войны, полевении масс, едином фронте снизу, организации неорганизованных рабочих и необходимости блока с ФКП. Он утверждал, что меньшинство, отвергавшее «руководящую роль партии», тем не менее понимает необходимость такого блока. Представитель меньшинства доказывал, что подчинение «руководящей роли партии» мешает привлечению новых членов в профсоюзы. Дебаты по докладу проходили бурно, так как в рядах оппозиции были представлены и синдикалистские и «реформистские» тенденции. Шоссэн отрицал, что идет процесс полевения масс, и был посрамлен, когда повторил высказывание лидера ВКТ Жуо, которое тот сделал двумя годами ранее, о том, что массы «бесхребетны»²⁴⁹.

Не названный по имени представитель Профинтерна в длинном выступлении, которое имело мало общего с настроением, царившим на конгрессе, определил цель конгресса как *«преодоление имеющейся в УВКТ тенденции, направленной на отказ от революционной линии, что приведет к скатыванию в болото реформизма»*. Очередная задача заключалась в том, чтобы «связать экономическую борьбу с политической борьбой и с борьбой против империалистической войны». Он настаивал на существовании процесса «полевения масс и обострения классовой борьбы», что явствовало из «нарастающей волны забастовочного движения». Чисто экономической борьбы более не существует. Необходимо руководство УВКТ со стороны партии. Наряду с этим УВКТ не следует превращаться в коммунистическую организацию; подобно Профинтерну, ей следует оставаться независимой.

Меньшинство, отрицавшее полевение масс и требовавшее создания единого фронта с реформистскими лидерами, саботировало антивоенную кампанию. После того как Жермен Гужон, исключенный из компартии, но являющийся делегатом конгресса, подверг критике официальную политику в отношении проведения забастовок и голословно заявил, что «массы не понимают ваших лозун-

гов», Шамбеллан от имени меньшинства нанес главный удар. Он утверждал, что капитализм стабилизировался в Европе на 20 лет, и отрицал существование какой-либо надвигающейся военной опасности или массового революционного подъема. Он считал, что в ближайшее 40 лет революции быть не может. Он приветствовал состоявшуюся на конгрессе свободную дискуссию: «где есть дискуссия, там есть жизнь». Возмущенные представители большинства упрекнули оппозиционеров в том, что они не «видят», что в Маньчжурии идет война: «Ваше отношение к китайско-советскому конфликту является ясным показателем вашей контрреволюционной позиции»²⁵⁰.

Состоявшееся после окончания дебатов голосование продемонстрировало, что огромное большинство делегатов одобряло официальную линию: доклад Життона был одобрен 1512 голосами (представителей 934 профсоюзов) против 214 голосов. Остальные заседания проходило более спокойно. Кашен приветствовал конгресс УВКТ от имени компартии. Один официальный представитель призвал к укреплению единого фронта снизу путем создания комитетов. Однако он употребил двусмысленный термин «комитеты предприятий», а настойчивость, с которой на VI съезде ФКП говорилось о фабричных комитетах как источниках революционных действий, полностью отсутствовала. Когда конгрессу был представлен список предполагаемых членов Генерального совета УВКТ, в нем были имена трех членов оппозиции: Шамбеллана, Шоссэна и учителя по имени Шумахер. Эти трое выразили протест, заявив, что меньшинство имеет право на пять или шесть мест в Генеральном совете, а когда их протест был отклонен, отказались работать в Совете, чем навлекли на себя парадоксальное обвинение в уклонении от ответственности²⁵¹.

Некоторые профсоюзы провели свои конгрессы сразу же после окончания конгресса УВКТ и продемонстрировали, что мятежный дух по-прежнему жив. Профсоюз работников пищевой промышленности 28 голосами против 26 отказался слушать Життона, когда он хотел передать приветствие УВКТ их конгрессу. «Здесь мы у себя дома», — воскликнул один из делегатов. Большинство в 38 голосов против 32 конгресс одобрил «реформистскую» позицию Шоссэна. Профсоюз работников коммунального обслуживания оказался более послушным, одобрив линию УВКТ 95 голосами (семь человек проголосовали с оговорками) против трех²⁵².

Конгресс Унитарной всеобщей конфедерации труда показал, что, по мере того как коммунистическая партия Франции все более послушно следует за Коминтерном, УВКТ все энергичнее сопротивляется надзору со стороны партии. Однако ни конформизм компартии, ни хронические разногласия в УВКТ не могли скрыть все уменьшающееся влияние обеих организаций на французских рабочих.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

III съезд Итальянской коммунистической партии проходил в январе 1926 г. в Лионе¹. Это указывало на то, что в своей собственной стране партия была поставлена вне закона и находилась на нелегальном положении. Ее подпольная деятельность в Италии была предметом частых, хотя все еще не регулярных вмешательств со стороны полиции. Несмотря на эти условия, в партийных кругах летом 1926 г. превалировало настроение приподнятости. В докладе, который ИКП представила Коминтерну в апреле 1926 г., подчеркивались углубление классового антагонизма в фашистском лагере и недовольство, проявлявшееся в фашистской иерархии в связи с проводимой режимом политикой «плутократии»². В докладе говорилось, что режим борется с непреодолимыми экономическими трудностями. Газета партии «Унита», которая продолжала выходить, несмотря на официальный запрет, писала 9 июня 1926 г., что «фашизм разрушил буржуазно-демократические иллюзии» и что «рабочие поэтому выберут советскую демократию».

Пленум Центрального комитета ИКП, который состоялся 2—3 августа 1926 г., ничего не сделал, чтобы рассеять этот господствующий оптимизм. Выступивший с докладом Грамши объяснил, что, в то время как диктатура пролетариата является в конечном счете единственной альтернативой фашизму, переход к первой от второго может проходить через промежуточную фазу, представляющую собой коалицию демократов и республиканцев. И эта возможность открывает перед Итальянской компартией некоторую свободу маневра в отношении других антифашистских партий³. В резолюции Центрального комитета по вопросу о положении в Италии отмечалось, что убеждения в Италии стали «более радикальными»; ИКП уже не представляет собой изолированной группы, а находится «в центре большой коалиции пролетарских сил, для участия в которой стекаются люди из всех партий и из народных масс», — все это является воплощением «принципа гегемонии пролетариата»⁴.

В том же самом месяце в прессе Коминтерна сообщалось о наличии трещин в фашистской партии и Муссолини характеризовался как «пленник — безусловно, добровольный — капиталистов». Несколько дней спустя в том же издании загадочно объяснялось,

что «экономический аппарат Италии переживает кризис роста, тогда как объективная ситуация требует сокращения расходов». Говорили, что бомба, брошенная в машину Муссолини в Риме 11 сентября 1926 г., «взорвалась в момент больших внешних и внутренних трудностей, которые испытывало фашистское правительство»⁵. В резолюции, принятой 9 октября 1926 г., Центральный комитет ИКП вновь говорил о готовности сотрудничать с другими антифашистскими партиями на основе платформы, провозглашающей установление республиканского образа правления, рабочего контроля над производством и передачи земли крестьянам⁶.

Жестокая борьба, которую осенью 1926 г. вел Сталин против объединенной оппозиции в Москве, оказала влияние и на немало испытывавшую Итальянскую компартию. В январе 1926 г., когда вопрос все еще висел в воздухе, российская партия предупредила зарубежные коммунистические партии, чтобы они не втягивались в дискуссию по «русскому вопросу»⁷. Теперь, когда оппозиция постепенно сокращалась до фракции диссидентов, Тольятти, представитель ИКП в Коминтерне, написал письмо в Секретариат своей партии, убеждая ее выступать в поддержку официальной линии по проблемам, которые были жизненно важными не только для российской компартии, но и для всех коммунистических партий⁸. Грамши ответил серией статей, которые публиковались в газете «Унита» начиная с сентября 1926 г. Он отстаивал ту точку зрения, что СССР остается социалистическим и рабочим государством, но настаивал на том, что в стране, в экономике которой все еще доминирует примитивное крестьянское сельское хозяйство, крестьянству прежде всего необходимы стимулы для создания резервных фондов. Бордига, верный своему прошлому, осторожно похвалил Зиновьева и Троцкого в письме к Коршу как «людей, обладающих чувством реальности». Однако даже он выразил неодобрение по поводу методов, используемых оппозицией, и его решительно отталкивала перспектива раскола в партии и в Коминтерне⁹. В тот момент, когда в первой половине октября 1926 г. объединенная оппозиция в Москве потерпела крупное поражение¹⁰, полемика как между газетой «Унита» и фашистской прессой, так и в рядах Итальянской компартии по вопросу о трещине, образовавшейся в российской партии, была в полном разгаре.

Именно в этот момент, 14 октября 1926 г., Грамши направил Центральному Комитету российской партии письмо, которое было опубликовано лишь многие годы спустя. В нем он слегка коснулся текущих вопросов, заметив, что Италия, подобно Советскому Союзу, является страной, где рабочие противостоят многочисленному крестьянскому населению, и обратив внимание на противоречия НЭПа. Он упомянул о просьбе российской партии, обращенной к зарубежным компартиям в январе 1926 г., не вмешиваться в «русский вопрос». Однако основная цель написанного в эмоциональной форме письма Грамши состояла в том, чтобы выразить «непреодолимое чувство тревоги», вызванное в ИКП жестокой

полемикой, которая идет между представителями большинства и оппозиции в Москве. Если не удастся положить конец расколу, то последствия могут быть трагическими: буржуазная пресса уже предсказывает, что конфликт приведет к «медленной смертельной агонии диктатуры пролетариата» и «краху революции». Массы не понимают ожесточенности спора и «хотят видеть в Советской Республике и в партии... единое борющееся целое». В письме выражалось согласие с линией большинства как «в основном правильной», но отмечалось, что «единство и дисциплина не могут быть механическими и принудительными», а должны «основываться на верности и убежденности». Письмо заканчивалось словами:

«Товарищи Зиновьев, Троцкий и Каменев внесли огромный вклад в наше революционное образование; они иногда поправляли нас решительно и твердо; они были нашими учителями. И именно к ним мы обращаемся сейчас как к тем, кто более всего ответственен за настоящую ситуацию, потому что мы хотим быть уверены в том, что большинство Центрального Комитета в СССР, если оно победит, не намерено слишком далеко заходить в своей победе и не захочет применить излишне строгие меры».

Грамши, выражая согласие с официальной линией и возлагая ответственность за дискуссии на оппозицию, вынес суровый, хотя и не облеченный в слова, обвинительный акт тактике большинства ¹¹.

Тольятти вручил письмо Бухарину, полагая как будто бы, что Бухарин, передаст его в Политбюро. Вряд ли это было сделано, так как письмо осталось в архивах Коминтерна. Создалось явно затруднительное положение. 18 октября 1926 г. Тольятти поспешно отправил сухой ответ, в котором он корил Грамши за то, что тот не отметил всех достоинств и недостатков дискуссий и недостаточно ясно высказал свое осуждение оппозиции, а также за то, что Грамши, по-видимому, усомнился в наличии чувства справедливости у Центрального Комитета российской партии. Разве то, что Грамши подчеркнул необходимость избегать «излишне строгих мер», не говорит о «недоверии к партии» ¹²? Эмбер-Дро послали в Италию для «объяснения» положения дел руководителям ИКП, с которыми он в конце концов встретился неподалеку от Генуи в первые дни ноября 1926 г. За Грамши уже так пристально следила полиция, что он не мог присутствовать. Таска, Бордига и Леонетти также не приехали, возможно из-за сочувствия к оппозиции. Говорят, что на встрече была осуждена линия Зиновьева — Троцкого, но присутствующие воздержались от одобрения тактики большинства в российской партии ¹³.

Внешние события грубо нарушили развитие идеологического кризиса в Итальянской компартии. Реальное или мнимое покушение на жизнь Муссолини, совершенное 31 октября 1926 г. в Болонье 15-летним юношей, с которым расправились на месте, спровоцировало волну репрессий против левых сил, а вслед за ней 7 ноября 1926 г. был обнародован «Закон о защите режима», со-

гласно которому ИКП была категорически поставлена вне закона и была отменена депутатская неприкосновенность членов парламента. Компартия не приняла достаточных мер предосторожности и была захвачена врасплох. Грамши был арестован следующей ночью¹⁴, и в течение последующих нескольких недель были также арестованы Бордига и большинство других партийных руководителей¹⁵; при этом Бордига и Грамши были среди тех, кого отправили на остров Устика, наиболее удаленный из пользовавшихся дурной славой островов. Казалось, с партийным руководством было покончено.

За арестом Грамши последовало событие, которое в дальнейшем освещалось по-разному. По наиболее правдоподобным сведениям, пять или шесть руководителей партии, которые еще оставались на свободе, нелегально собрались в окрестностях Милана. Таска предложил принять резолюцию — которая была поддержана Гриеко и, очевидно, одобрена остальными — о ликвидации партийной организации до лучших времен. Однако, когда другие члены Центрального комитета ИКП узнали об этом предложении, они решительно выступили против него, и на следующем заседании, на котором присутствовал Эмбер-Дро, резолюция была отменена. На этом заседании было также решено укрепить местные партийные организации (партячейки, первичные парторганизации и т. д.) на случай непредвиденных обстоятельств¹⁶. Вскоре после этого Гриеко выехал в Москву для участия в работе VII пленума ИККИ. Коминтерн никогда не делал официальных заявлений по поводу предложения о временном прекращении деятельности Итальянской компартии. Однако едва ли он оставил руководителям партии какие-либо сомнения в своем отрицательном отношении к этому предложению¹⁷.

На состоявшемся в ноябре 1926 г. в Москве VII пленуме Исполкома Коминтерна итальянским делам было уделено мало внимания. Тольятти кратко рассказал о фашизме и выступил в качестве официального докладчика по общим организационным вопросам работы Коминтерна и профсоюзов¹⁸. Другой итальянский делегат выступил с безудержным осуждением «русской оппозиции», аргументы которой использовались фашистской прессой для доказательства того, что Советский Союз находится на пути к превращению в «чисто капиталистическое государство»¹⁹.

Однако после окончания пленума Гриеко остался вместе с Тольятти в Москве, и 28 января 1927 г. — эта отсрочка была, по-видимому, вызвана длительными дискуссиями — ИККИ официально одобрил две резолюции, принятые, как говорили, итальянской делегацией. В первой, озаглавленной «Экономическая и политическая ситуация в Италии и задачи ИКП», признавалась пассивность рабочего класса перед лицом наносимых ему фашизмом ударов, но осуждалась политика бездействия, особенно со стороны профсоюзов, и инертность некоммунистической оппозиции. В ней твердо заявлялось, что «долг партии — оставаться в стране и проявлять

максимум активности среди народных масс»; в ней также выдвигался ряд лозунгов по вопросу о сопротивлении фашизму и по таким вопросам, как восьмичасовой рабочий день и права национальных меньшинств.

Относительно второй резолюции, которая касалась организационных вопросов, было особо отмечено, что она была принята после консультаций с Коминтерном и руководителями российской партии. В этой резолюции предлагалось создать Зарубежное бюро (Ufficio Estero), которое будет работать за границей и выполнять функцию «директивного ядра» Политбюро, и на него будет возложена окончательная ответственность за политические, тактические и организационные вопросы. В Италии партия оставит Секретариат и отделы, занимающиеся организационными вопросами, агитацией и пропагандой, профсоюзами и спортом. 28 февраля 1927 г. резолюция была одобрена Политбюро ИКП, а 2—3 марта 1927 г. — пленумом Центрального комитета партии²⁰. Из прежнего состава Политбюро остались только Тольятти, Грнеко и Камилла Равера. Находившиеся в заключении Грамши, Скоччичмарро и Террачини были заменены Леонетти, Таской и Трессо, а Силоне был избран кандидатом в члены Политбюро²¹.

В течение многих последующих лет не проводилось новых изменений в официальных органах партии ни в Италии, ни за рубежом, но неизвестно, какая часть этой организации существовала или действовала на территории Италии. По данным, приведенным в докладе Тольятти Коминтерну 10 марта 1927 г., к концу 1926 г. одна тысяча членов партии находились в тюрьме или были депортированы на острова, а 100 партийных деятелей эмигрировали. Партия потеряла одну треть своих членов. Однако партийное руководство по-прежнему возглавляло подпольную работу на территории Италии. Бывшая ежедневная газета «Унита» некоторое время выходила нелегально один раз в две недели, но в феврале 1927 г. удалось распространить 23 тыс. экземпляров газеты на всей территории Италии²². С марта 1927 г. в Париже стал регулярно выходить теоретический журнал партии «Стато операйо»²³.

Преследования усилили уже существовавшие в скрытой форме разногласия по принципам работы партии и ее тактике. Первое разногласие было связано с определением природы фашизма. Еще в 1922 г. Бордига последовательно определял фашизм как специфическую стадию развития капиталистического общества и результат однородности правящего класса. Из такой точки зрения естественно следовал вывод об отказе от обращения к мелкой буржуазии и от тактики единого фронта²⁴. В 1924 г. Сталин более неопределенно охарактеризовал фашизм как «боевую организацию буржуазии», опирающуюся на «активную поддержку социал-демократии», а социал-демократов как «объективно умеренное крыло фашизма»²⁵.

В тезисах, которые были зачитаны Грамши на III съезде ИКП, проходившем в январе 1926 г., и которые были поддержаны Толь-

ятти и одобрены преобладающим большинством делегатов съезда, предлагался более сложный анализ, — анализ, указывающий на присущую капитализму слабость в преимущественно сельскохозяйственной стране. Характерной чертой Италии было разделение страны на промышленный Север и «колониальный» Юг; в отличие от левых, отрицавших значение любого крестьянского движения, Грамши считал крестьян южной части Италии «наиболее революционным социальным элементом в итальянском обществе». Промышленники Севера не были сами по себе достаточно сильны, чтобы образовать правящий класс. Следовательно, они вынуждены искать союза с землевладельцами Юга и поддержки мелкой буржуазии. Фашизм был политической и идеологической амальгамой этих потенциально диссонирующих элементов. Он не достиг «органического объединения» и был не в состоянии преодолеть экономические противоречия внутри него²⁶.

В то время как Грамши предвидел, что неразрешимые экономические проблемы Италии приведут фашистский режим к империализму, именно Таска уже в мае 1926 г. сделал самое поразительное предсказание, утверждая, что правящие классы, пытаясь преодолеть кризис перепроизводства, «прибегнут к войне так же, как они уже прибегли к американским займам», и что это, вероятнее всего, случится в Африке, «где в Эфиопии произойдет вооруженный конфликт»²⁷.

Основной слабостью анализа Грамши была оптимистическая вера — которая никак не оправдывалась происходящими в стране событиями — в то, что внутренние противоречия, существующие в фашистском движении, ослабят и разрушат его. Достоинством этого анализа была заложенная в нем определенная степень гибкости, которая оставляла возможность для маневра, в отличие от предложенной Бордигой бескомпромиссной программы прямой конфронтации между партией и режимом, и не исключала временной связи с недовольной мелкой буржуазией или с республиканско-демократическими элементами на периферии фашизма²⁸. В анализе, данном Грамши, подчеркивалось отсутствие однородности в рядах буржуазии так же, как и в рядах самих фашистов, что открывало возможность обращения к недовольным мелкобуржуазным элементам с призывом бороться против режима.

После ареста Грамши Тольятти полностью использовал гибкость, присущую этому анализу, на VII пленуме Исполкома Коминтерна в Москве в ноябре 1926 г. Определив место итальянского фашизма в общей картине «стабилизации капитализма», он сделал вывод, что фашизм является не только методом стабилизации, но и «особенности фашизма как одного из методов стабилизации... явились источником всех тех противоречий в стабилизации, которые были испытаны фашизмом». Экономические противоречия порождали социальные противоречия. Меры, которые вынужден был принять правящий класс Италии для преодоления кризиса, приводят к «еще большему обострению экономической борьбы со

средними слоями крестьянства и мелкой городской буржуазии, которые являются социальной базой фашизма»²⁹. В резолюции, принятой в конце пленума, говорится о «неизбежном явном переходе фашизма в лагерь крупного капитала» и о «новых перегруппировках в массах мелкой буржуазии, мелкого крестьянства и обманутого пролетариата»; при этом на Итальянскую компартию возлагалась задача «мобилизации всех сил для использования хозяйственного и политического кризиса в стране»³⁰.

Волна преследований, обрушившаяся на находящуюся теперь в подполье коммунистическую партию, сделала эти исходящие из Москвы шаги в направлении достижения компромисса неприемлемыми для преданных партии активистов, которые остались в Италии. Одним из центров волнений стала Коммунистическая федерация молодежи Италии. Секкья, один из ее руководителей, привел мудрое изречение: «Сумасшедшие остаются в Италии, чтобы работать, а умные уезжают за границу». Лонго потребовал отказаться от лозунгов «народной революции» и «республиканской ассамблеи»³¹. Коммунистическая федерация молодежи хотела, чтобы партия подтолкнула крестьян южной части Италии к совершению революции и захвату земли. Тольятти отчитал Лонго и упрекнул федерацию молодежи в том, что она противопоставляет себя партии. В последовавших за этим дебатах федерация молодежи была обвинена в том, что она не избавилась от ересей Бордиги и от «жесткого экстремизма», а федерация молодежи в свою очередь ответила обвинениями в оппортунизме и непризнании взглядов тех, кто подвергает себя полицейским преследованиям. Каковы бы ни были сомнения в наличии у федерации молодежи здравого смысла, она, тем не менее, обеспечила себе право направить своих представителей на дискуссию по политическим вопросам, которая проходила в Центральном комитете партии.

Вскоре появилось новое основание для споров³². Когда в мае 1927 г. итальянская делегация, принимавшая участие в работе VIII пленума Исполкома Коминтерна, отчитывалась перед Политбюро ИКП, внимание было сконцентрировано не на драматическом столкновении Силоне со Сталиным по поводу осуждения Троцкого, а на принятом на пленуме обращении к коммунистическим партиям, в котором призывалось, идя по пути противодействия угрозе империалистической войны, спланировать массы в защиту Советского Союза и китайской революции³³. Лонго от имени Коммунистической федерации молодежи доказывал, что опасность войны может быть предотвращена только борьбой против капитализма за социализм и, таким образом, за Советский Союз, а Равера, секретарь партии, считала, что с ней надо бороться призывом к восстанию. Силоне, Гриеко и Леонетти присоединились к мнению Тольятти и отвергли эти предложения, расценив их как безумие³⁴. Однако трещина в партии не исчезла. Жесткие полицейские репрессии не оставляли возможности вооруженного спрово-

тивления. Но они также создавали впечатление, что любой альтернативный курс действий будет бесполезным и безнадежным.

Так же как и для других коммунистических партий, отношения с профсоюзами были для итальянской партии источником постоянных затруднений. После введения в 1926 г. фашистским правительством профсоюзного законодательства, предназначенного для установления полицейского контроля над профсоюзным движением, в июле месяце того же года состоялся конгресс антифашистской Всеобщей конфедерации труда Италии, которая разделилась на три группы: реформистские профсоюзы, вошедшие в Международную федерацию профсоюзов, небольшая группа левых, известная как «максималисты», и коммунисты. Однако объединенному всего лишь общей неприязнью к фашизму и страхом перед контролем с его стороны конгрессу не удалось предпринять какие-либо эффективные действия³⁵. В начале декабря 1926 г. вслед за репрессивными мерами, осуществленными в предыдущем месяце³⁶, Муссолини объявил о сделке, по которой Всеобщая конфедерация труда продолжала сохранять видимость независимой организации, но должна была исключить из своих рядов коммунистов, деятельность которых была теперь запрещена «Законом о защите режима»³⁷. Этот компромисс просуществовал недолго. Между реформистскими лидерами итальянской ВКТ произошел раскол. На состоявшемся 4 января 1927 г. в Милане заседании исполнительного комитета, большинство, возглавляемое Д'Арагоной и Манлионе, проголосовало за роспуск организации и изыскание путей установления соглашения с фашистскими корпорациями. Меньшинство, возглавляемое генеральным секретарем Буоцци, решило перевести то, что осталось от Всеобщей конфедерации труда Италии, в Париж и работать там по-прежнему под руководством Международной федерации профсоюзов³⁸. Опубликование Муссолини Трудовой хартии, основанной на принципе «солидарности между различными факторами производства», было попыткой создать идеологическую основу для фашистских профсоюзов³⁹.

Несмотря на то что усилия, предпринимаемые самой ИКП с целью сохранить коммунистические или независимые профсоюзы на итальянской земле, имели мало шансов на успех, компартия продолжала осуждать любой отказ от активной работы на территории Италии как акт предательства. После раскола во Всеобщей конфедерации труда, который произошел в январе 1927 г., у компартии появилось две альтернативы. Можно было рассматривать возглавляемую Буоцци отколовшуюся часть организации, которая обосновалась в Париже под эгидой Международной федерации профсоюзов, как соучастника капитуляции, равно ответственного с большинством за роспуск конфедерации, а можно было искать сотрудничества с этой частью организации — невзирая на ее членство в Международной федерации профсоюзов — в борьбе против фашизма. В период, когда политика единого фронта по-

прежнему пользовалась популярностью как в Итальянской компартии, так и в Москве, второй вариант оказался предпочтительнее.

Возглавляемый Раваццоли отдел ИКП, ответственный за работу с профсоюзами, поставил перед Профинтерном вопрос о возможности обратиться к Международной федерации профсоюзов с предложением о проведении совместных действий в поддержку всех антифашистских профсоюзов. Правда, вероятность того, что федерация согласится на это предложение, была еще меньше, чем в 1926 г., когда было выдвинуто аналогичное предложение в связи с забастовкой британских горняков, но сам факт обращения был признан правильной тактикой. Однако когда в конце января 1927 г. Профинтерн получил предложение ИКП, то Лозовский, проявлявший теперь все большую нетерпимость по отношению к профсоюзам — членам Амстердамского интернационала, выступил категорически против него, и комиссия Профинтерна разработала проект резолюции, отвергающий это предложение. На этом этапе Эмбер-Дро, который с опозданием узнал обо всем случившемся, выступил с решительной поддержкой предложения об обращении к Международной федерации профсоюзов и заявил о своем намерении передать вопрос на рассмотрение в Президиум Исполкома Коминтерна ⁴⁰.

На заседании Президиума ИККИ Лозовского поддержал только Трэн, и он вынужден был снять свой проект резолюции. Бухарин решил проводить тактику маневрирования и предложил подождать прибытия дополнительных документов из Италии ⁴¹. Тем временем, очевидно не ожидая получения решения из Москвы, руководимые коммунистами три итальянские федерации профсоюзов вместе с небольшой группой реформистов и «максималистов» отправили в Международную федерацию профсоюзов предлагаемое обращение ⁴². Пытаясь сохранить или воссоздать на территории Италии базу для Всеобщей конфедерации труда, профсоюзные деятели провели в Милане 20 февраля 1927 г. секретную встречу, в которой участвовали и коммунисты и отколовшиеся реформисты. Участники встречи осудили действия обеих групп прежней конфедерации, предпринятые на заседании исполнительного комитета 4 января 1927 г., и потребовали сохранения центра профсоюзного движения на территории Италии и организации, базирующейся на предприятиях.

Однако по более практическому вопросу — о взаимоотношениях с возглавляемой Буоцци организацией, находящейся в Париже, — определенности, по-видимому, не было. Большинство высказалось за приверженность «принципам Профинтерна», но одновременно и в поддержку «международного профсоюзного единства, которое олицетворял Англо-русский комитет» ⁴³. В Москве этот вопрос утратил свою срочность. Лозовский уехал в Китай. Трэн, который продолжал придерживаться своих взглядов, выступил в Латинском секретариате с критикой переговоров с Буоцци и говорил о

«ликвидаторских тенденциях» в Итальянской компартии; в этом вопросе он получил некоторую поддержку со стороны Куусинена. Эмбер-Дро, который еще несколько недель тому назад решительно критиковал заявление Буоцци о намерении отказаться от какой-либо деятельности на территории Италии, теперь выступил против открытого и полного осуждения переговоров с Буоцци и был поддержан Бухариным⁴⁴. По-видимому, никакого твердого решения принято не было. В письме от 29 марта 1927 г. к ИКП Коминтерн осудил незаконно созданный Буоцци Заграничный центр Всеобщей конфедерации труда в Париже⁴⁵. В течение целого года коммунисты продолжали протестовать против его деятельности и признания им Международной федерации профсоюзов⁴⁶. Тем не менее Раваццоли, ответственный за работу с профсоюзами в компартии, очевидно, продолжал, несмотря на давление со стороны Профинтерна, поддерживать отношения с Буоцци⁴⁷ — признак того, что в ИКП сложилась запутанная ситуация и существовали разногласия.

В следующем году после принятия ноябрьского (1926 г.) «Закона о защите режима» арестам подвергалось все больше и больше коммунистов, и созданные Муссолини чрезвычайные трибуналы выносили все более жестокие приговоры. В марте 1927 г. порядка тридцати «тосканских» коммунистов было приговорено к тюремному заключению на сроки до 14 лет⁴⁸. Чрезвычайные трибуналы продолжали работать весь год⁴⁹. В сентябре 1927 г. предстоял процесс над 86 руководителями компартии, и можно было ожидать, что на нем будут вынесены смертные приговоры⁵⁰. Среди обвиняемых был Грамши. Ранее в том же году он был переведен с острова Устика в Милан, где в течение многих месяцев его жестоко допрашивали, что еще больше подорвало его уже и так слабое здоровье⁵¹.

Прошлогодние оптимистические настроения исчезли без следа. В статье, помещенной в журнале Коминтерна в ноябре 1927 г., итальянский автор насмеялся над вождями социал-демократии, которые делали вид, что фашизм якобы потерял свою власть над буржуазией. Фашизм в это время старательно искал расположения крупной буржуазии (стабилизация лиры) и землевладельцев (аграрные тарифы); установление контроля над ценами сказалось только на мелкой буржуазии и мелких торговцах. Задача компартии Италии заключалась в «развенчании последних остатков мелкобуржуазных, пацифистских социал-демократических идеологий и иллюзий в массах»⁵². В конце 1927 г. коммунисты могли похвастаться тем, что ИКП была «единственной оппозиционной партией, не бежавшей с поля битвы», и что «все политические оппозиционные партии, за исключением коммунистической, в Италии исчезли со сцены»⁵³.

Однако компартия недолго составляла исключение. 29—31 ян-

варя 1928 г. в Базеле состоялась конференция ИКП, вошедшая в историю под названием «второй конференции» (первая была в 1924 г. в Комо). На ней присутствовали все партийные руководители, которые смогли приехать, включая Тольятти, Гриеко, Раваццоли, Таску и Силоне, а также представители «итальянских фракций в западноевропейских партиях». Гриеко выступил с докладом о положении в Италии, Раваццоли — о профсоюзах и Тольятти — о международной обстановке. В дебатах отразилось различное понимание природы фашизма и прошлогодней тактики партии. Представитель правого крыла партии Таска настаивал на отсутствии однородности в рядах буржуазии и на возможности привлечения к борьбе против фашизма союзников из числа мелкой буржуазии (мелких торговцев и ремесленников) и «рабочей аристократии». Представитель крайне левых Пасторе считал, что надо создавать боевые группы для ведения вооруженной борьбы против фашизма, и утверждал, что даже неудачное восстание оказало бы большее воздействие, чем забастовка. Тольятти не выдержал и дал ему отпор, сказав, что партии нужно «успешно проведенное восстание... движение, которое победит»⁵⁴. Лонго, представителя Коммунистической федерации молодежи Италии, известного своими радикальными взглядами, очевидно, уговорили не выступать⁵⁵.

Основная резолюция, принятая на конференции по докладу Гриеко, представляла собой двусмысленный компромисс, явно предназначенный для того, чтобы создать видимость единодушия. В соответствии с господствовавшим в Коминтерне направлением в ней отразилось стремление осторожно отстраниться от правых, одновременно не оставляя ничего в залог у авантюристической политики крайне левых. В резолюции была сделана попытка определить фашизм в терминах происходившей «стабилизации капитализма»: *«Особая форма стабилизации итальянского капитализма есть фашизм»*. В ней пренебрежительно говорилось о группе партий, находившихся в Париже и Италии (реформистах, максималистах, республиканцах), именующих себя *«Антифашистское сосредоточение сил»*, у которой не было ни программы, ни перспективы. Тем не менее было бы несерьезно отрицать важность этого движения для Италии: *«Антифашистское сосредоточение сил в Италии существует, так как в Италии для него имеется социальная база»*. Возглавить массы может только пролетариат. Однако пролетариату нужны союзники, и ему не следует колебаться при использовании таких «демократических» лозунгов, как установление республиканской формы правления, рабочего контроля над производством и передача земли крестьянам. Лишение фашизма поддержки мелкой буржуазии означало его слияние с финансовым капиталом, из чего следовало, что *«фашизм — это война»*. Резолюция заканчивалась обращенным к партии предупреждением против правого уклона, сторонники которого считали невозможным проведение каких бы то ни было революционных действий,

и против крайне левых взглядов, чьи выразители «поощряют перевороты и проведение акций небольшими группами»⁵⁶.

На конференции было также одобрено два доклада: о международной обстановке и о положении в Советском Союзе. В последнем отмечалось «обострение в настоящий момент взглядов оппозиционного блока и опасность, которую представляют действия оппозиции для укрепления первого рабочего государства и развития мировой революции», и признавалось, что имеется «основание для принятия мер против тех русских коммунистов, которые нарушили партийную и государственную дисциплину»⁵⁷. На работу конференции наложило отпечаток пронизательное руководство ею со стороны Тольятти, а также — в не меньшей степени, чем то, что происходило в Италии, — влияние господствовавших в Москве настроений.

1928 год в Италии был годом вереницы арестов и судов над коммунистами, которые фактически привели к уничтожению партии. 12 апреля 1928 г. было совершено покушение на короля в Милане, при этом король остался невредим, но было убито 20 человек. Это повлекло за собой новые массовые аресты, за которыми последовало то, что позднее получило название «чудовищного Римского процесса [processone di Roma]», который продолжался с 28 мая по 4 июня 1928 г. Первоначально обвинение было выдвинуто против 54 коммунистов, но многие из них, включая Тольятти, Джерманетто и Гриеко, благополучно находились за границей. В числе 24 коммунистов, в конце концов представших перед судом, были Грамши, Террачини, Скоччимарро и Роведа. Они были приговорены к 20 и более годам каторжных работ, остальных осудили на сравнительно более короткие сроки. Обвиняемые вели себя подчеркнуто с достоинством, а Террачини произнес политическую речь, из-за которой он получил самый длительный срок заключения⁵⁸.

Эти жестокие приговоры были вынесены в тот момент, когда проходил пленум Центрального комитета ИКП в Базеле, в повестке дня которого стояли организационные вопросы, выработка программы действий и подготовка к VI конгрессу Коминтерна. Значительная часть дебатов была посвящена тяжелому положению партии, и тон высказываний был критическим в отношении руководства, осуществляемого Тольятти и Гриеко. Было признано, что тактика ИКП была ошибочной, что партия не «умела отступить» и что организация погибла из-за проникновения в ее ряды агентов-provokаторов. Леонетти выступил с безжалостным приговором:

«Мы не можем доверять никому из старых кадров... Мы должны уйти, но вместо этого Секретариат выдвигает грандиозные планы, которые могут поставить под угрозу наиболее ценные кадры. Мы должны сказать Интернационалу правду. В Италии нас осталась маленькая группа, горстка уцелевших».

Представитель Коммунистической федерации молодежи Лонго выступил с еще более пространной критикой, обвинив партию в

«экономизме» и в том, что она плетется в хвосте у «Антифашистского сосредоточения сил». Однако эти атаки слева были отбиты Тольятти, Таской и другими и, видимо, не оказали значительного влияния на единодушно принятые на пленуме резолюции.

В резолюции по организационным вопросам подчеркивалась необходимость «удаления из партии так называемых оппозиционных элементов... и всех тех, кто не признает партийной дисциплины». В ней осуждалась подрывная деятельность «так называемых левых, которые живут в эмиграции во Франции и имеют контакты с отдельными элементами в Италии». В другой резолюции была подвергнута критике организация «Антифашистское сосредоточение сил» как препятствие, мешающее созданию подлинного рабоче-крестьянского союза, и отброшен как незаслуживающий внимания лозунг «*демократической республики рабочих*». Центральный комитет ИКП отложил выработку программы до более благоприятного времени и дал инструкцию итальянским делегатам, отправлявшимся на VI конгресс Коминтерна, настаивать на «необходимости борьбы против социал-демократии» и повышении боеспособности коммунистических партий путем «внутренней консолидации их центрального руководства»⁵⁹.

В течение 1928 г. Тольятти, как чувствительный барометр, отражал изменение отношений с Коминтерном и ту степень приспособляемости, которая требовалась от ИКП, как и от других партий. В феврале 1928 г. на Профсоюзной комиссии IX пленума ИККИ он возражал против попытки Лозовского провести радикализацию политики профсоюзов и уничтожить остатки единого фронта. Несмотря на то что было ясно, что Лозовский еще не получил официального одобрения своих взглядов, активное вмешательство Тольятти в то, что, по существу, было предметом спора между советскими руководителями, видимо, вызвало сомнения в его безусловной ортодоксальности⁶⁰. В условиях поляризации мнений и позиций в Коминтерне — лежавшей в основе трещины в отношениях между Сталиным и Бухариным, о которой еще не было заявлено вслух, — Тольятти не проявил восторга по поводу новой линии и в лучшем случае старался занять нейтральную позицию, никак не связывая себя. Вероятно, также ощущалось, что он постепенно создает себе слишком сильную личную позицию в Итальянской компартии, которая, возможно, под его руководством попытается освободиться от полного контроля Коминтерна. В отличие от Тельмана и Тореза, Тольятти не был обязан своим положением инициативе и поддержке Коминтерна. По-видимому, такие сомнения существовали и стояли за предложением, очевидно исходившим от Мануильского и одобренным другими членами Президиума ИККИ, назначить Тольятти главой вновь созданного Западноевропейского бюро Коминтерна в Берлине.

В большом и обеспокоенном письме, которое 17 марта 1928 г. Тольятти написал Эмбер-Дро, он подробно изложил свои возражения по поводу этого предложения. Пятницкий пытался убедить

Тольятти, что его новое назначение не будет мешать ему руководить итальянской партией, но другие товарищи откровенно сказали, что ему придется находиться в Берлине и что его работа там будет иметь приоритет. Неправильно было бы принимать такое решение, предварительно не проконсультировавшись с партией. Это бы ослабило руководство ИКП в критический момент. Невозможно руководить партией издалека, уход со сцены сделал бы его «просто наблюдателем и критиком работы партии, а не активным сотрудником». Формирование кадров коммунистического движения не следует рассматривать только с точки зрения создания «аппарата»⁶¹.

В написанном от руки письме в Политбюро компартии от 19 марта 1928 г. Тольятти резко возражал против этого предложения, которое он объяснял «недооценкой роли ИКП». А Гриеко считал план «поглощения» Тольятти противоречащим насущным нуждам Итальянской компартии и выразил опасения, что это может привести к «открытому кризису в руководстве»⁶².

В Москве этот вопрос, по-видимому, был решен с известной долей горечи. В Политическом секретариате предложение поддержали Реммеле, Шмераль и Пятницкий, а Эмбер-Дро и итальянский делегат Маджи выступили против. Пятницкий колебался, и в отсутствие Бухарина твердого решения принято не было. В адресованном Тольятти письме хотя и не говорилось об отмене его назначения в Западноевропейское бюро, но, очевидно, признавалась важность, если не приоритет, его работы в ИКП. Получив письмо, Тольятти 11 мая 1928 г. написал ответ, в котором сообщал, что в настоящее время он полностью занят партийными конференциями и подготовкой партии к VI конгрессу Коминтерна и что он отложит свою поездку в Берлин, пока не закончатся эти мероприятия, даже если «друзья в Берлине», возможно, будут протестовать против «саботирования этого решения»⁶³. Впоследствии Западноевропейское бюро никогда не стало политически активным органом, и Тольятти, видимо, никогда там не работал. Характерно, что он выиграл свое дело не открытым противодействием, а искусным маневрированием. Соответственно его положение в ИКП укрепилось, хотя официально он работал не в качестве генерального секретаря, а просто «ответственного за работу Секретариата»⁶⁴.

VI конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле 1928 г., на котором Тольятти играл корректную, но двусмысленную роль⁶⁵, не уделил большого внимания делам Итальянской компартии. В одобренных конгрессом тезисах Бухарина содержалось предупреждение ИКП против «правых уклонов (отказ от борьбы за руководящую роль пролетариата)»; партии не удалось так адаптироваться к новым условиям, «дабы в новой ситуации, в условиях фашистской реакции и фашистских исключительных законов, сохранить полную революционную боеспособность». Тем не менее ИКП

должна «решительно выступить против всякой тенденции к отрицанию или сужению возможностей широкой работы по завоеванию масс»⁶⁶. Двусмысленности и компромиссы, связанные с единым фронтом, не были устранены.

После окончания работы конгресса Тольятти был заменен на посту представителя итальянской партии в Коминтерне Таской, человеком менее пронизательным и менее гибким, для которого мнение Бухарина значило больше, чем его собственное⁶⁷. Однако и Тольятти и Таска занимали одинаковую позицию по вопросу о тактике, которой следует придерживаться. В письме от 6 октября 1928 г. Тольятти убеждает Таску «ни в коем случае не дать увлечь себя на опасную дорогу межфракционной борьбы». При обсуждении общих вопросов благоразумнее оставаться «провинциальным и осторожным»; тогда можно «без риска оказывать по крайней мере минимальное влияние во благо на события сегодняшнего и завтрашнего дня»⁶⁸.

Послушание Таски не было безоговорочным. 21 октября 1928 г. он сказал партии, что будет «действовать с максимальной осторожностью и одновременно не брать на себя ответственность за методы, которые я считаю опасными для развития нашего движения». Эта оговорка заключала в себе некоторую двусмысленность. Выступая 2 ноября 1928 г. на заседании Политического секретариата Исполкома Коминтерна, Таска заявил, что резолюция Центрального комитета КПГ от 26 сентября 1928 г. по делу Витторфа была «преступлением против партии» и что было «абсолютно необходимо подтвердить авторитет Тельмана перед трудящимися массами и перед партией». Далее он последовательно добавил, что тем не менее считает тактику Тельмана «фракционной» и противоречащей букве и духу решений VI конгресса Коминтерна⁶⁹.

С этого времени Таска стал испытывать быстро растущее чувство разочарования. Постоянные сообщения о разногласиях в Политбюро между Сталиным, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым и Томским — с другой, и отстранение Бухарина от работы в Коминтерне⁷⁰ убедили его в том, что сдержанность и компромисс были проигрышным делом. Во время рассмотрения в ИККИ дела Гаузена, Таска решительно сжег корабль, написав 22 ноября 1928 г. письмо в Секретариат. Призвав отложить дискуссию до следующего пленума Исполкома Коминтерна, он выразил озабоченность перспективой создания «третьей партии» в Германии, что может произойти в результате исключения правых из КПГ. Таска предложил направить в Германию делегацию для разрешения создавшейся кризисной ситуации и аннулирования решения Центрального комитета КПГ от 19—20 октября 1928 г. по вопросу о составе Политбюро и его реорганизации «на основе решений VI конгресса (участие группы Эверта в руководстве партией)». Он также потребовал устранения Ноймана от всякой деятельности в германской компартии⁷¹. Когда, несмотря на эту тактику проволок, ИККИ создал комиссию для изучения кризиса в КПГ, Таска един-

ственный проголосовал против принятия ею решения исключить не только Гаузена и его сторонников, но также Брандлера и Тальгеймера. О своем неповиновении Таска сообщил Итальянской компартии все еще слегка извиняющимся тоном. Тольятти просил его «помнить о трудностях, которые возникают, когда человек имеет свою точку зрения». В отношении российских дел он еще раньше «советовал проявлять осмотрительность». По германскому вопросу «у нас теперь имеются все данные, которые позволяют нам судить о создавшемся положении»⁷². Терпение Таски кончилось. 14 декабря 1928 г. он пишет в большом письме, направленном в адрес ИКП:

«Разногласия, например, по вопросу о КПГ не могут быть устранены, и они будут повторяться при появлении в будущем каждой новой проблемы. В этих условиях мое постоянное пребывание в Москве не имеет смысла... Перед вами стоит задача найти мне замену, товарища, который будет согласен или менее несогласен с существующей политической линией»⁷³.

Эволюция Тольятти, когда он оказался перед этой дилеммой, еще более показательна. В необычно откровенном личном письме к Таске от 17 декабря 1928 г. он писал, что Центральный комитет ИКП строит свои отношения с Коминтерном на двух уровнях. Было решено написать два доклада: один открытый, в котором выражена поддержка политики Коминтерна, и другой закрытый, содержащий оговорки. В заключение Тольятти писал:

«Из этих „германских дел“ возникает проблема вообще внутреннего режима Коминтерна. Режим этот плохой и проявляет тенденцию к ухудшению. Борьба групп и фракций обостряется и распространяется на все партии. Когда начинается фракционная борьба, внутрипартийной демократии более не существует. Эти явления вредят развитию наших партий, а также мешают ясному пониманию политических вопросов».

С некоторым опозданием он заинтересовался вопросом «снятия голов»:

«Если Троцкий уйдет и затем мы увидим сплоченность в российской партии, тогда все хорошо. Но если мы увидим, что уходит Клара Цеткин, а ее место занимает Хейнц Нойман, тогда все меняется, и мы имеем право быть озабоченными»⁷⁴.

В то время как это послание было еще в пути, Президиум Исполкома Коминтерна обсуждал условия «Открытого письма», в котором должны были содержаться инструкции германской компартии. И Таска и Эмбер-Дро выступили против письма (только эти двое и Цеткин проголосовали против), и 19 декабря 1928 г. они оказались мишенью для оскорбительных нападок со стороны самого Сталина⁷⁵, а на следующий день, 20 декабря 1928 г., Таска написал новое письмо ИКП, настоятельно требуя своей замены и описывая ситуацию как «действительно чрезвычайно острую»⁷⁶.

Центральный комитет Итальянской компартии оказался перед дилеммой. В создавшейся ситуации он должен был либо отсту-

пить со своих поставленных под удар позиций и отказаться от Таски, либо порвать с Коминтерном. Тольятти столкнулся с той же дилеммой, что и Таска, но выбрал противоположную альтернативу. Разрыв с Коминтерном был немислим. Говорят, что Тольятти предупреждал Таску, что, если они не подчинятся, то «Москва без колебания поставит во главе левое руководство с каким-нибудь мальчишкой из ленинской школы»⁷⁷. Теперь он совершил полный, абсолютно лишенный какого бы то ни было достоинства поворот на 180 градусов. 27 декабря 1928 г. он ответил на последние письма Таски холодно, в критических выражениях, осуждая его за отход от тезисов VI конгресса Коминтерна, под которыми тот в свое время подписался, иронически размышляя о «совести» Таски и одновременно официально приглашая его своевременно прибыть на пленум Центрального комитета ИКП, который будет проходить в конце января 1929 г. в Швейцарии⁷⁸. Таска выехал из Москвы 17 января 1929 г. 20 января из Берлина он направил партии еще одно письмо, где отомстил за себя, обрушившись с яростными обличительными нападениями лично на Сталина: Коминтерн не существует, ВКП (б) не существует, а теперь Сталин «ликвидирует революцию»⁷⁹.

Из-за вмешательства швейцарской полиции пленум Центрального комитета ИКП пришлось перенести в Париж, где он в конце концов состоялся с 28 февраля по 3 марта 1929 г. Таска представил меморандум на 300 страницах, который охватывал историю ИКП, вопрос о германской компартии, социалистическое строительство в Советском Союзе и роль Коминтерна⁸⁰. Председательствовал Гриеко, а в числе присутствующих были Тольятти, Раваццоли, Силоне, Леонетти, Лонго, Камилла Равера и Секкья. Присутствовал также Реммеле, который представлял КПГ и выполнял функции сторожевого пса Коминтерна. Гвоздем пленума стало безжалостное обвинение в адрес Таски, выдвинутое Тольятти. Таска пытался сплетнями, разносимыми в кулуарах, не понимая, что в действительности происходит, и защищал «примиренцев» в германской и других партиях. Центральному комитету ИКП следует безоговорочно принять решения Коминтерна по вопросу о КПГ и осуждение им «открытого оппортунизма» Таски. Тольятти закончил призывом «полностью и безоговорочно осудить товарища Таску»⁸¹. Учитывая недавние близкие отношения между этими двумя людьми, это была отвратительная и жестокая сцена. Таска выступил с ответным словом. Реммеле и Силоне (выступавший под именем Пасквини) добавили от себя несколько камней к сыпавшемуся на него граду упреков⁸². Никто не вымолвил ни слова в защиту Таски.

В принятой на пленуме ЦК ИКП резолюции содержался подробно составленный обвинительный акт против Таски. В ней было одобрено «Открытое письмо» Коминтерна к КПГ и подверглись осуждению позиция и заявления Таски, которые были квалифицированы как «радикальная ревизия линии VI конгресса». Таска

был обвинен в преувеличении стабилизации капитализма, в отказе от проведения наступательной тактики в профсоюзах и в оказании противодействия борьбе против социал-демократии. Он также не оказал поддержки российской партии в ее борьбе против «усиления капиталистических элементов в деревне». Пленум закончился, однако, не исключив Таску ни из Центрального комитета, ни из партии. Таска отказался от членства в Политбюро, но Центральный комитет ИКП, как ни странно, отказался принять его отставку. Было решено, что Гриеко заменит Таску в качестве представителя итальянской партии в Москве⁸³. Центральный комитет также отдал дань ортодоксальности Коминтерна, избрав в качестве кандидатов в члены Центрального комитета ИКП трех рабочих⁸⁴.

В то время как внимание Коминтерна было поглощено доктринерскими шатаниями находящихся вне Италии руководителей ИКП, о которых судили главным образом в свете того, что происходило в других партиях, факты о работе компартии, находившейся в подполье в Италии, свидетельствовали о ее пассивности и беспомощности в условиях ужесточения преследований коммунистов. Определенной вехой и предупреждением стал «чудовищный процесс», состоявшийся в мае 1928 г. Партийная организация была наспигована агентами-провокаторами и разрушена полицией. Нелегальная пресса уничтожена. В мае—июне 1928 г. были арестованы трое из четырех членов «внутреннего центра», руководившего подпольными операциями⁸⁵. По признанию Гриеко, сделанному им несколько месяцев спустя Центральному комитету ИКП, «с конца мая мы потеряли контакт с партией»⁸⁶.

Надежные данные о количестве членов партии в период фашистской диктатуры отсутствуют. В 1928 г. Пятницкий вспоминал, что из 50 тыс. человек, состоявших в партии до совершенного Муссолини переворота, три четверти были потеряны в тот период, когда «фашистский террор был слабее, чем сейчас»⁸⁷. С тех пор потери, должно быть, еще увеличились. О размере потерь может дать некоторое представление основанное на точных данных сообщение о том, что в 1926 г. в Турине в Коммунистической федерации молодежи состояло 260 человек, а к декабрю 1927 г. там осталось только 25 членов федерации (это еще до того, как террор достиг своего апогея)⁸⁸. Говорят, что к осени 1928 г. два миллиона рабочих вступило в фашистские профсоюзы⁸⁹. Первый коммунист, которому был вынесен смертный приговор 17 октября 1928 г., был рабочий, который, оказав сопротивление при аресте, убил двух полицейских. Ввиду значительного расхождения не вызывают доверия данные подсчета числа арестованных и находившихся в тюрьме коммунистов, но, несомненно, их были многие сотни.

После того как в 1927 г. Грамши перевели с острова Устика, Бордига открыл полемическую кампанию, направленную против партийных руководителей, находившихся среди 200 коммунистов,

которые содержались в заключении на этом острове, а его сторонники за границей начали издавать в Брюсселе троцкистского толка журнал, озаглавленный «Иль Прометео». Понимая, что Бордига скорее может нанести вред, чем оказать помощь делу Итальянской компартии, власти в 1929 г. освободили его.

Трудно было установить тесную связь между событиями в Италии и дебатами, которые происходили в Коминтерне в Москве. В начале 1929 г. Гриeko сменил Таску на посту представителя ИКП в Коминтерне⁹⁰. Последующий период был отмечен осуждением Бухарина и постепенным преданием все большей гласности его падения. На X пленуме ИККИ, проходившем в июле 1929 г., основной темой дебатов было осуждение «примиренцев» и правых. Открытая критика Бухарина еще оставалась сдержанной, хотя ее объем в ходе заседаний постепенно увеличился⁹¹.

Одной из главных мишеней для критики был Таска, с осуждением которого по очереди выступали Мануильский, Тольятти, Молотов, Тельман и Лозовский. С раздражением цитировался его громкий доклад Центральному комитету ИКП, и постоянно повторялось, что теперь он не просто примиренец, а «типично правый». Даже Тольятти не избежал критики. Когда Пятницкий наивно пожаловался, что Коминтерн не был хорошо осведомлен о том, «что происходит в ИКП внутри страны», когда Молотов говорил о том, что Итальянская компартия совершила «ошибку», избрав своим представителем в Исполкоме Коминтерна Таску, а другой выступавший упрекнул итальянскую партию в том, что она без энтузиазма проводит антивоенную кампанию⁹², то все это были выпады, направленные против руководителя партии. Затем последовали менее завуалированные нападки. Обыгрывая псевдоним Тольятти Эрколи, Нойман заявил, что Таска «миновал Геркулесовы столбы оппортунизма». Тельман процитировал двусмысленные заявления, сделанные Тольятти на VI конгрессе Коминтерна, когда тот не оказал полной поддержки германской компартии в ее борьбе против примиренцев и «ликвидаторов». Куусинен еще более откровенно обвинил его в проявлении излишней тактичности по отношению к Таске, так же как он это сделал в отношении Троцкого на VIII пленуме ИККИ. «Возможно, здесь было нечто большее, чем такт», — вставил Ульбрихт⁹³. Во время дискуссии по вопросу о профсоюзах были слышны отголоски стычки Тольятти с Лозовским, которая произошла в ходе работы комиссии XI пленума ИККИ в начале 1928 г.⁹⁴

В конце пленума Гриeko от имени итальянской делегации обвинился за ошибку, совершенную Центральным комитетом компартии, который, решительно осудив взгляды Таски, тем не менее оставил его членом Политбюро. Он предложил короткую резолюцию — которая была принята, — где ИКП рекомендовалось исправить свою ошибку⁹⁵. Тольятти все же вознаградили, предоставив ему возможность выступить с официальной прощальной речью в конце пленума⁹⁶. Это было доказательством того, что он хотя и

с трудом, но выдержал этот шквал нападков и по-прежнему остался на хорошем счету. Несмотря на то что ему и не полностью доверяли, но он стал основным связующим звеном между Итальянской компартией и Коминтерном, незаменимым для обеих сторон.

С 28 по 29 августа 1929 г. проходило заседание Политбюро ИКП, на котором присутствовал Степанов, заместитель Эмбер-Дро в Латинском секретариате Коминтерна⁹⁷. Политбюро заслушало доклад Гриеко о результатах работы X пленума ИККИ. Гриеко еще раз подчеркнул наличие тесного сотрудничества между социал-демократией и фашизмом, особенно в Германии. Он сказал что-то неопределенное о прошедших 1 августа 1929 г. антивоенных демонстрациях, но добавил, что еще слишком рано делать «самокритичные» выводы по этому вопросу. Он утверждал, что итальянский народ рвется к действиям, но его сдерживает «хвостизм», присущий позиции партии. Наконец, он поднял важный вопрос о неодобрительном отношении Коминтерна к тому, что партия не применила «организационных мер» к мятежному Таске. Выступивший вслед за ним Тольятти рассказал об истории партии и произнес резкую обличительную речь против «оппортунизма».

В ходе дебатов обнаружилась растущая враждебность по отношению к Тольятти со стороны левых, при этом наступление на него повели Леонетти и Лонго. Оба поставили под сомнение самодовольный взгляд Тольятти на путь, пройденный партией. Партия проводила ошибочную политику, которая выразилась в недооценке радикализации масс, в отказе принять лозунг о создании рабоче-крестьянского правительства и в слишком серьезном отношении к организации «Антифашистское сосредоточение сил». Раваццоли, старавшийся организовать деятельность профсоюзов, тоже выступил с критикой отношения Тольятти к прошлому, подверг сомнению правомерность отождествления социал-демократии с фашизмом и повторил, что их социальные базы различны. Степанов выразил согласие с планами Тольятти на будущее, но также обвинил его в том, что в его докладе отсутствовала самокритика.

Когда Тольятти между прочим заметил, что товарищи могут задать вопрос: «Почему мы против Таски, но не против Бухарина?» — Степанов, который старался продемонстрировать огромное уважение к итальянским руководителям, заверил его, что «критика, направленная *против* Бухарина», уже началась повсюду в российской партии. Тольятти и Гриеко, по-видимому, парировали нападки на себя тем, что пригрозили подать в отставку, если будет принята резолюция, осуждающая политику партии. И угроза раскола заставила критиков подчиниться⁹⁸.

Даже теперь итальянские руководители явно уклонились от радикального решения вопроса — исключения Таски из партии. Ему была предоставлена последняя возможность спасти себя — убрать из своего мартовского доклада Центральному комитету ИКП критические замечания с враждебными выпадами. 30 августа 1929 г. Таска в письме Центральному комитету неохотно писал,

что был бы, возможно, готов изменить некоторые места в своем докладе, касающиеся построения социализма в Советском Союзе, если бы эти вопросы были предметом обсуждения, но что его взгляды на германскую компартию и режим Коминтерна остались неизменными⁹⁹. Последовавший сразу же за заседанием Политбюро пленум Центрального комитета ИКП официально одобрил, «безоговорочно и единодушно», исключение Таски из партии и текст циркулярного письма членам партии, в котором объяснялись его причины¹⁰⁰. Даже это решение, вероятно, не было окончательным без утверждения его Коминтерном, поэтому последовало обращение в ИККИ с просьбой о его официальном подтверждении¹⁰¹. Таска, однако, вскоре узнал от берлинского корреспондента, что об этом решении уже было объявлено на страницах «Роте Фане». 22 сентября 1929 г. он написал язвительное письмо Тольятти, отмечая, что вопрос об его исключении, по-видимому, решен, так как партия больше не посылает ему журналов и других партийных материалов¹⁰². Наконец, после, надо полагать, бюрократических проволочек Коминтерн ратифицировал приговор об исключении, и 18 ноября 1928 г. Таска направил письмо во все антифашистские эмигрантские журналы, утверждая, что он узнал о своем исключении из французского оппозиционного журнала «Револьюсьон пролетарьен»¹⁰³.

К 1929 г. руководители ИКП, находившиеся вне Италии, были в основном озабочены вопросами сохранения доктринерской чистоты и преданности предписаниям Коминтерна. Основную часть своего выступления на X пленуме ИККИ, состоявшемся в июле 1929 г., Тольятти посвятил вопросам партийной ортодоксальности. Тем не менее в заключительном разделе он обратился к «вопросам повседневной жизни партии и повседневной партийной деятельности». Он утверждал, что за год, прошедший после VI конгресса Коминтерна, партия была «построена заново». Организации партии были перестроены «во всех крупных промышленных центрах, в районах, где проживают национальные меньшинства, в сельскохозяйственных районах бассейна реки По», и та же работа начата и в сельскохозяйственных районах центральной и южной Италии. Однако эти утверждения и оптимистические разглагольствования прозвучали менее убедительно, чем его признание, что «переход на нелегальное положение означал разрыв с кадрами, потерю членов партии и глубокий кризис», и предупреждение другим партиям, что они могут оказаться в таком же положении, особенно если — что вполне вероятно — внезапно разразится война¹⁰⁴. В Италии заключенный Муссолини 11 февраля 1929 г. конкордат с Ватиканом, по общему мнению, укрепил режим. Во время проведенного 2 марта 1929 г. плебисцита по списку из 400 депутатов, предложенных фашистским Большим советом, 89,6% избирателей из 9 миллионов приняли участие в голосовании, и только 135 670 откликнулись на призыв ИКП сказать «нет»¹⁰⁵. Известные деятели коммунистической партии в жесточайших условиях

отбывали длительные сроки тюремного заключения, и в подпольной деятельности партии наступило затишье.

Действия обосновавшейся в Париже группы партийного руководства во главе с Тольятти приобретали все более сектантский характер. Таска был всего лишь первым в длинном ряду исключенных. В 1930 г. Бордига, который после освобождения из тюрьмы больше не участвовал в политической борьбе, был исключен из партии за то, что симпатизировал троцкизму, а Раваццоли, Лёнетти и позже Силоне — за то, что были якобы примиренцами и правыми. Коммунист, написавший историю ИКП, в следующих словах охарактеризовал «черный период» в истории партии, начавшийся после X пленума Исполкома Коминтерна и исключения из партии Таски:

«Что остается от автономии партии, находящейся на нелегальном положении, партии, в которой демократия неизбежно ограничена, партии, которая и в финансовом отношении в значительной мере, если не полностью, зависит от помощи Коминтерна... партии, чьи руководители, прежде Грамши, а теперь Тольятти, подзреваются в недостаточной ортодоксальности или в слишком критическом подходе?»¹⁰⁶.

В конце 20-х гг. Итальянская коммунистическая партия представляла собой поразительный пример нелегальной партии, находящейся в полной зависимости от Москвы, — зависимости, которая была частично следствием, частично причиной увеличивающегося разрыва между партийными руководителями и массами рабочих, от имени которых они выступали.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПОЛЬШИ

Когда в мае 1926 г. Пилсудский захватил власть в Варшаве, это вызвало в Коммунистической партии Польши состояние замешательства и крушение всех надежд. «Три „В”», возглавляемые Варским, которые до сих пор руководили партией, были дискредитированы на V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г., частично по причине их симпатий к Троцкому, но частично также потому, что, подобно Брандлеру в Германии, они настойчиво проводили политику единого фронта с другими левыми партиями, включая Польскую социалистическую партию Пилсудского (ППС). Но только в марте 1925 г. III съезд Компартии Польши ратифицировал переход руководства партией к Домскому, откровенному поборнику более независимой и решительной линии. Однако к этому времени в Москве сформировалось отрицательное отношение к авантюристической политике. Домский стал приобретать известность как приверженец Зиновьева и в течение лета и осени 1925 г. часто подвергался осуждению со стороны Коминтерна. Одна из приписываемых ему главных ошибок заключалась в отрицании тактики единого фронта. В декабре 1925 г. состоялась IV партийная конференция, и на ней с одобрения Москвы были полностью восстановлены в руководстве «три „В”». Ленский, прежде связанный с Домским, сумел благодаря ловкости и везению отмежеваться от ошибок Домского и занял центристское положение, которое он впоследствии использовал с большим успехом¹.

Эти разногласия вряд ли повлияли на практический вопрос о том, какую позицию занять в отношении Пилсудского. Когда в апреле 1926 г. в Варшаве пришло к власти коалиционное правительство под руководством правого крестьянского лидера Витоса, казалось немислимым для компартии лишать поддержки того, кто обладал достаточной силой и смелостью, чтобы повести наступление на это правительство. Центральный комитет партии должным образом решил «поддержать борьбу всех демократических элементов, не исключая сторонников Пилсудского, так как они борются против фашизма в защиту республиканско-демократических институтов и требований рабочих и крестьян»².

Поэтому, когда 12 мая 1926 г. Пилсудский неожиданно поднял вооруженный мятеж против режима, ни у кого в компартии

не вызвал серьезных сомнений тот курс, который следовало проводить в отношении происходящих событий. В день переворота Центральный комитет партии охарактеризовал его как борьбу «демократических солдат и офицеров, а также демократических слоев рабочих и крестьян» против режима «капиталистов, кулаков и фашистов» и потребовал создания «рабоче-крестьянского правительства». На следующий день ЦК КПП опубликовал воззвание, в котором призывалось к созданию единого фронта рабочих и крестьян в поддержку восставших, организации всеобщей забастовки и образованию рабочих комитетов, а партийная газета призывала к «мобилизации рабоче-крестьянских масс» «против фашистов» — ярлык, который на этом этапе относился к правительству Витоса³. За два дня Пилсудский полностью овладел Варшавой, и о его победе с триумфом сообщалось в новом воззвании компартии и в статье, опубликованной 16 мая 1926 г. в партийной газете⁴.

Однако предложенная компартией поддержка оказалась и ненужной и нежелательной⁵. Пилсудский, далекий от того, чтобы приветствовать подобных союзников, разогнал коммунистические демонстрации, которые могли бросить тень на созданный им себе на Западе образ оплота против большевизма⁶. Вскоре стало ясно, что в задачу Пилсудского не входит проведение какой-либо революции и что осуждение им продажной политики партии и его личные антипатии к правым политическим деятелям не были связаны с какими-либо симпатиями в отношении левых. Никто в компартии еще не был готов принять этот обескураживающий вывод. Как в статье Варского, опубликованной в партийном журнале 19 мая 1926 г., так и в статье Фидлера, члена левого крыла партии, помещенной в «Роте Фане» 23 мая 1926 г., оправдывается поддержка Пилсудского коммунистической партией на том основании, что тот ставил перед собой революционные и демократические цели⁷.

Реакция, которую вызвали эти события в Москве, была более быстрой и острой. 4 апреля 1926 г. опасное положение, сложившееся в Польше, было обсуждено Польской комиссией Коминтерна в составе Дзержинского, Зиновьева, Чичерина и Ворошилова (присутствие двух последних отразило тот факт, что Коминтерн уделял все больше внимания вопросам внешней и оборонной политики Советского государства). Дзержинский полагал, что основная опасность, включая угрозу войны против Советского Союза, исходит от польских национал-демократов и их правых союзников; он не ждал опасности от Пилсудского, который по существу не был фашистом. У Чичерина были более реалистические воспоминания о прошлой русофобии Пилсудского и о предпринятых им в 1920 г. агрессивных действиях, поэтому он выразил опасения по поводу последствий переворота, совершенного Пилсудским. Зиновьев выжидал. К заключению не пришли, и польской компартии не было дано никаких директив⁸. О дальнейшей деятельно-

сти Польской комиссии ничего не было слышно вплоть до того момента, когда она была срочно возрождена в связи с событиями в Варшаве.

Поспешно собравшись на заседание 15 мая 1926 г., в момент, когда Пилсудский одержал победу, эта комиссия приняла решение, что равно недопустимыми для компартии были бы как оказание поддержки Пилсудскому, так и нейтралитет; партия должна встать во главе левых сил и демократического блока для «углубления» революции. На следующий день, когда новый режим прочно утвердился в Варшаве, комиссия направила КПП телеграмму, прямо называя поддержку партий армий Пилсудского «ошибкой»⁹. Однако эти заявления не были опубликованы, и московская пресса, хотя она все более недружелюбно писала о Пилсудском, воздерживалась от критики польской компартии. На проходивших с 23 по 26 мая 1926 г. в относительной безопасности, в Данциге, заседаниях Центрального комитета КПП была вновь упорно подтверждена его прежняя линия и были даны инструкции депутатам от коммунистической партии в сейме голосовать за Пилсудского на предстоящих президентских выборах¹⁰. Это упорное повторение совершенной ошибки вызвало непримиримую реакцию Москвы. В телеграмме, направленной Польской комиссией Коминтерна в адрес КПП, осуждались действия Центрального комитета партии и содержалось требование незамедлительного принятия мер противодействия¹¹.

Первое публичное осуждение Компартии Польши произошло в Москве не в виде официального заявления, а в виде статьи в «Правде», написанной руководителем германской партии Тельманом и опубликованной 30 мая 1926 г. якобы в ответ на статью Фидлера в «Роте Фане». Прежде всего необходимо, разъяснял Тельман, «уничтожить иллюзии масс по отношению „борьбы Пилсудского против реакции“ и «организовать самостоятельную беспощадную борьбу против Пилсудского и против открытой реакции». Тельман также призвал «польских товарищей и наш братский ЦК польской компартии исправить самым быстрым и самым энергичным образом эти ошибки». Прием, заключающийся в поощрении того, чтобы одна партия критиковала другую, был привычным для Коминтерна¹², и никто не сомневался в источнике этого резкого выговора.

На этот раз послание было получено. В день президентских выборов, 31 мая 1926 г., шесть депутатов-коммунистов опубликовали заявление, в котором утверждалось, что Пилсудский — кандидат «не только мелкобуржуазных партий, так называемых левых сил, но и капиталистов, банкиров, земельных магнатов и фашистов», и демонстративно отдали свои голоса Ланцуцкому, находившемуся в тюрьме руководителю партии¹³. Радек в «Правде» приветствовал этот акт раскаяния как «шаг к исправлению» ошибки КПП¹⁴. Однако он был омрачен некоторым проявлением инакомыслия. В то время как в последние два года происходила сме-

на партийного руководства, варшавский окружной комитет партии, ядро которого состояло из промышленных рабочих, оставался верен Варскому и принципам единого фронта¹⁵. По случаю президентских выборов рабочие-коммунисты приняли участие в демонстрации, организованной в Варшаве социалистической партией в честь Пилсудского, и варшавский комитет КПП подвергся осуждению со стороны Центрального комитета партии за это «отклонение от правильной большевистской линии под давлением мелкой буржуазии»¹⁶. Этот выговор был первым симптомом появления трещины в рядах партии.

Наконец, дали о себе знать советские руководители. 8 июня 1926 г. и Сталин и Бухарин, первый, выступая в Тифлисе, второй — в Москве, заклеили Пилсудского как врага революции и отметили «грубейшие ошибки» КПП. Бухарин прямо сравнил Пилсудского с Муссолини, Сталин охарактеризовал переворот, совершенный Пилсудским, как «борьбу между двумя фракциями буржуазии», добавив, что польская компартия была «слаба, до последней степени слаба», и что критика ее Тельманом была абсолютно правильной¹⁷.

Эти выговоры усилили замешательство, возникшее в умах руководителей КПП после майских событий 1926 г. Постоянное вмешательство Коминтерна в течение последних двух лет в борьбу между фракциями внутри польской компартии и назначение или снятие отдельных руководителей по его указке деморализовали партию. В данном случае недовольство Москвы было вызвано в равной мере всеми фракциями и всеми лидерами, и сам Центральный комитет КПП единодушно осудил майскую ошибку и осудил варшавских рабочих, которые по-прежнему мечтали о совместных действиях с социалистической партией. Тем не менее вероятность дальнейшего вмешательства Коминтерна в выбор руководства создавала атмосферу интриг и поощряла амбиции новых претендентов на власть. Семена раздора были посеяны заранее.

В этих условиях Центральный комитет КПП на своем пленуме, проходившем 10—12 июня 1926 г., сделал первую из многих попыток уладить разногласия в партии, которая закончилась лишь тем, что разногласия выкристаллизовались. И Варский и Ленский представили проекты тезисов. Оба считали, что революция в Польше все еще находится в своей буржуазно-демократической фазе. Однако, в то время как Варский полагал, что на этой стадии мелкая буржуазия может играть важную роль, Ленский выступил с критикой этого убеждения как основной причины майской ошибки. Он отказался признать, что мелкая буржуазия может играть сколько-нибудь значительную роль, настаивал на руководящей роли пролетариата и обвинил Варского в меньшевистской ереси, состоявшей в схематичном разделении двух стадий революции¹⁸. На пленуме была принята компромиссная резолюция, неохотно одобренная в Москве в качестве «первого серьезного шага на пути к исправлению майской ошибки»¹⁹.

Когда в конце июня 1926 г. Польская социалистическая партия организовала митинг протеста против попыток Пилсудского урезать полномочия сейма и призвала к проведению новых выборов, компартия использовала этот случай, чтобы начать кампанию против «фальшивого демократизма» ППС, которая не защищает прав рабочих. Эти ее действия получили одобрение в качестве примера правильной тактики²⁰. Группа коммунистической депутатской фракции в сейме также перешла в наступление. 19 июля 1926 г. Сохацкий, выступая с речью, направленной против ратификации польско-румынского договора, заявил, что «Пилсудский — это война» и что он превращает Польшу в «марионетку в империалистических планах Англии, направленных против Советского Союза»²¹.

И все же шатания в КПП продолжали вызывать беспокойство в Москве. На заседании Польской комиссии ИККИ в Москве, проходившем 2 июля 1926 г., на котором присутствовали и Варский и Валецкий, Троцкий утверждал, что режим Пилсудского является инструментом «фашистской борьбы за стабилизацию» и «подобно фашизму вообще играет контрреволюционную роль». Воздержавшись от личных выпадов, он тем не менее недвусмысленно выразил свое несогласие с позицией руководителей КПП²². В начале августа 1926 г. в «Открытом письме» польской партии Исполком Коминтерна подтвердил свою беспристрастность утверждением, что «все видные представители различных направлений в партии и в теперешнем составе ее Центрального комитета несут ответственность» за те серьезные ошибки, что были совершены²³, — это означало отказ от вынесения приговора, который, однако, ничего не дал для того, чтобы затянуть трещину между двумя фракциями в Коммунистической партии Польши.

Примерно в это же время решающую и зловещую роль в делах польской компартии начал играть Ленский. Летом 1926 г. он был в Москве в качестве представителя КПП в Коминтерне²⁴. Свидетельства его деятельности и контактов отсутствуют. Однако он, видимо, готовил себя — или его готовили — к роли, не отличающейся от роли Тельмана в КППГ, лидера, который пользуется властью в своей партии благодаря применению надежного приема: проявлять неуклонную преданность Коминтерну и Советскому Союзу и не предпринимать ни единого шага, который бы не соответствовал взглядам московских властей.

Предположительно можно сказать, что рука Ленского чувствуется в неподписанной первой статье, опубликованной в журнале Коминтерна в августе 1926 г., в которой дается авторитетная оценка переворота Пилсудского и роли польской компартии. Переворот представляет собой реакцию на неустойчивую экономическую и политическую ситуацию в Польше и ослабление позиции Франции в результате заключения локарнских соглашений. Пилсудский, выдающий себя за защитника безработных, белорусских

крестьян и городской мелкой буржуазии, на деле является агентом англо-американского капитала, который проводит политику стабилизации за счет рабочих. Причина «чудовищного заблуждения» компартии заключалась в неспособности признать, что «стадия буржуазной революции в Польше давным-давно прошла» и что настоящие альтернативы — это диктатура крупного капитала, установления которой добивается фашизм, и диктатура пролетариата. Для мелкой буржуазии нет возможности идти между ними самостоятельным путем, поэтому она должна следовать за кем-нибудь из них. «Революционная диктатура» — это мечта, существовавшая «только в фантазии польских коммунистов и самих мелкобуржуазных масс». Никто из польских руководителей не был поименно подвергнут критике в статье, кроме Домского. Однако «ответственными за эти ошибки» были объявлены «все основные представители различных течений в нынешнем Центральном комитете партии». Автор статьи призывал КПП «направить свой курс на подъем революционного движения», противодействовать «принесению в жертву независимости Польши планам британского империализма» и провозгласить «основной лозунг» *«рабоче-крестьянского (Советского) правительства»*²⁵. Несмотря на демонстрацию беспристрастности в отношении существовавших в партии различных «тенденций», основные выпады в статье были явно направлены на руководство «трех „В”», которые продолжали пребывать в сетях традиции единого фронта.

Подавленный получением этого нового выговора, Центральный комитет польской компартии снова провел в конце августа 1926 г. в Варшаве пленум в отчаянной попытке восстановить свое единство и авторитет. Ему удалось единогласно принять резолюцию, в которых в качестве наиболее важной задачи партии выдвигалось проведение пропаганды, направленной против приготовлений Пилсудского к войне с Советским Союзом, и осуждалась «новая оппозиция» в российской партии. По более спорным вопросам, касающимся Польши, разногласия устранить не удалось. Эти разногласия, вначале едва заметные, но постоянно углубляемые меньшинством, появились между теми, кто, осуждая майскую ошибку, проявлял в то же время некоторую снисходительность к прошлой политике партии, которая привела к этой ошибке, и теми, кто, безоговорочно осуждал весь политический курс партии, проводившийся под руководством «трех „В”». Большинство, возглавляемое Варским, Валецким, Костшевой и Брандом, считая, что они подчиняются решениям Коминтерна, в то же время выдвинуло тезисы, которые, по мнению меньшинства, означали, что на «майскую ошибку» смотрели сквозь пальцы и продолжали совершать такую же ошибку тем, что подчеркивают роль мелкой буржуазии. Возглавляемая Фидлером ультралевая группа из четырех человек отрицала, что капитализм в какой бы то ни было мере стабилизировался, и потребовала проведения непримиримой борьбы против Пилсудского и против буржуазной демократии во имя рабочей де-

мократии²⁶. Руководимая более пронизательным Ленским центристская группа высказала свое несогласие с позицией большинства в менее бескомпромиссных выражениях, которые были приняты группой четырех. Это завело Центральный комитет КПП в тупик. Перед лицом растущего сопротивления большинство сняло свои тезисы и заменило их компромиссной резолюцией, которая и была одобрена²⁷.

Однако уступчивость, проявленная большинством, лишь возбудила аппетит меньшинства, которое 11 октября 1926 г. выступило с заявлением, где осуждалась принятая в предыдущем месяце резолюция и содержалось открытое требование изменения состава руководства. Это заявление в свою очередь вызвало резкий ответ со стороны большинства²⁸. Тем временем по одному пункту Центральный комитет партии проявил единодушие в такой форме, которая чрезвычайно порадовала Москву, выпустив воззвание, где говорилось о существовании опасности войны против Советского Союза, — «Пилсудский у власти — война неизбежна!» — а Великобритания была названа в качестве основного подстрекателя к военным приготовлениям. В этом воззвании также осуждалось любое сотрудничество Компартии Польши с Польской социалистической партией, с Крестьянской партией и организацией «Вызволене», поддерживавшими режим Пилсудского²⁹. Якобы некоммунистическая Независимая крестьянская партия, незадолго до этого образованная при содействии компартии или Коминтерна, в воззвании не упоминалась³⁰.

У VII пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося в ноябре 1926 г., было не много времени для обсуждения польского вопроса. В представленном пленуму докладе Бухарин мягко и без вызова упомянул ошибки КПП и призвал к «мобилизации масс в борьбе с фашистским режимом Пилсудского»³¹. В выступлении Бошковица, посвященном крестьянскому вопросу, была дана оптимистическая, но нереалистическая картина усилий, предпринимаемых коммунистами по объединению польских крестьян на основе программы бескомпенсационной передачи в их пользование земли и борьбы против буржуазии³². Тем не менее другие ораторы вскоре вернулись к разногласиям в польской компартии. Бранд подробно изложил взгляды большинства на капиталистическую стабилизацию. Ломинадзе, только что заявивший о себе в российской партии как яркий представитель левых, выступил с критикой Бранда и Костшевой, которые в слишком радужных тонах описали перспективы капиталистической стабилизации, преувеличивая важность технологического развития³³. Ленский вручил аргументированное заявление, предназначенное для доказательства того, что только взгляды меньшинства совпадают с тезисами Бухарина, и предложил передать этот вопрос на рассмотрение в комиссию. Большинство кратко отреагировало, осудив Ленского, и пообещало разоблачить в комиссии его «фальшивые притязания»³⁴. Рядовой польский делегат зачитал заявление от имени всей партии, в

котором проводилась параллель между тем, что происходило в КПП, и борьбой лидеров ВКП (б) против объединенной оппозиции³⁵.

В резолюции по докладу Бухарина «польские товарищи» в самых кратких выражениях призывались «к дружному проведению намеченной линии»³⁶. Однако эта короткая отписка не ликвидировала существовавшей трещины. Состоявшиеся в ноябре 1926 г. и феврале 1927 г. пленумы Центрального комитета КПП только усилили разногласия, которые распространились на партийные ячейки и местные организации и «вылились в ожесточенную фракционную борьбу»³⁷. 21 января 1927 г. Польская комиссия Исполкома Коминтерна приняла еще одну резолюцию с требованием прекращения фракционной борьбы и «энергичной подготовки к великим задачам», стоящим перед партией³⁸.

В течение 1927 г. положение в Компартии Польши постоянно ухудшалось: борьба между группировками парализовала деятельность партии. Добиваясь поддержки Москвы, обе фракции стремились уподоблять свои разногласия спорам в Коминтерне и представлять свои точки зрения как подлинное отражение ортодоксальности Коминтерна, и аргументы каждой из сторон, публиковавшиеся в партийной прессе, становились искусственными и схоластическими. Большинство старалось подчеркнуть стабилизацию капитализма, меньшинство — ее временный и частичный характер. В условиях Польши это означало, что меньшинство обвиняло большинство в том, что последнее допускало наличие некоторого успеха экономической политики Пилсудского. Большинство рассматривало фашизм как движение крупной буржуазии в защиту капитализма в период кризиса, меньшинство — как движение всей буржуазии, доказывая, что в настоящее время буржуазная революция — дело прошлого и что буржуазия перешла в лагерь контрреволюции. В Польше все вращалось вокруг той роли, которую отводили мелкой буржуазии, и особенно крестьянству. Большинство полагало, что Пилсудский не пользуется полной поддержкой мелкой буржуазии и что компартия по-прежнему может находить общий язык с левыми крестьянскими партиями и с некоторыми элементами в социалистической партии, так что политика единого фронта продолжала оставаться осуществимой. Оно даже обвинило меньшинство в недооценке роли крестьянства — обвинение, которое несло на себе опасное клеймо троцкизма. Меньшинство считало, что мелкая буржуазия верно служит фашистскому режиму Пилсудского и неспособна играть какую-либо независимую роль. Возможность сотрудничества между компартией и мелкобуржуазными крестьянскими партиями или левыми элементами социалистической партии исключалась; фашизм как последняя стадия загнивания буржуазного капитализма погибнет только под прямыми ударами передового отряда пролетарской партии. Большинство во всех отношениях проявляло определенную осторожность, за что и было подвергнуто обвинению в оппортунизме.

Меньшинство требовало более динамичного революционного пыла.

Эти идеологические противоречия нашли отражение в спорах о тактике. Справедливости ради следует сказать, что большинство чаще придерживалось демократических традиций первых лет жизни партии, а меньшинство легче восприняло модель большевизации по русскому образцу, большинство склонялось скорее к тому, чтобы опираться на массовые действия рабочих, меньшинство — на действия, планируемые и организуемые небольшой группой лидеров. Однако в Москве эти различия представлялись менее важными, чем в Варшаве. Получив единодушное публичное отречение от майских ошибок и утвердив, что сопротивление антисоветской политике Пилсудского есть первейшая обязанность польской компартии, советские власти к этому времени больше всего хотели иметь крепкую единую партию, достаточно сильную, чтобы сделать это сопротивление эффективным. Покончить с враждой внутри партии было более важным делом, чем присудить победу той или другой стороне, что привело бы к расколу партии. Нежелание снять с руководящих постов «три „В”» подкреплялось тем престижем, которым они, и в частности Варский, пользовались среди рядовых рабочих³⁹. До тех пор пока положение Бухарина среди советских руководителей оставалось твердым и непоколебимо держался его высший авторитет в Коминтерне, такое положение могло сохраняться.

Тем не менее навязанные Коминтерном в период с 1924 по 1926 г. резкие изменения в руководстве КПП подорвали независимость партии. Традиция вмешательства Коминтерна в ее дела и ожидание того, что такое вмешательство произойдет, подавляли партию и способствовали тому, что ее руководители ждали от Москвы разрешения своих конфликтов и соперничества. Из-за прошлых действий Коминтерна единство, к которому так теперь стремились, было недостижимым. Стремление обеих фракций в компартии заручиться поддержкой влиятельных покровителей в Москве и оправдать получение этой поддержки идеологическими мотивами привело в конечном счете — в польской, как и в других коммунистических партиях, — к выхолащиванию какого бы то ни было независимого содержания в ее течениях и к превращению их в придаток борьбы за власть, которая велась внутри российской партии.

Наконец, в сентябре 1927 г. состоялся IV съезд КПП, который собрался, как и два предыдущих съезда, на советской земле, в окрестностях Москвы. Проведение съезда совпало с последним периодом борьбы в российской партии против объединенной оппозиции, и маловероятно, чтобы советские руководители уделили ему много внимания. Однако перед представителями Коминтерна, которые стремились добиться соглашения между враждующими фракциями, съезд поставил нелегкую задачу. Несколько месяцев спустя Бухарин дал безнадежную ретроспективу съезда, каким он виделся Коминтерну. Все польские руководители были в ответе

за «весьма грубую и вредную оппортунистическую ошибку», совершенную в мае 1926 г.; все теперь отреклось от нее; «политические разногласия... фактически почти свелись к нулю». Тем не менее личная вражда оказалась такой сильной, что «лишь крайним давлением со стороны Исполкома, со стороны всего Коминтерна можно объяснить, что съезд не закончился расколом» польской партии надвое⁴⁰. Все остальные разногласия утонули в межфракционной борьбе за руководство партией. Основная резолюция по докладу Центрального комитета КПП, принятая съездом под давлением Коминтерна, начиналась отклонением обвинения, выдвинутого меньшинством, в котором заявлялось, что большинство ничего не сделало для исправления майской ошибки и оставалось на той же самой «оппортунистической платформе». Однако текст резолюции был насыщен рутинными фразами и схоластическими утверждениями. Положение о стабилизации капитализма вновь оказалось яблоком раздора:

«Представители большинства... в общем правильно оценили фактическую сущность и достижения капитализма в Польше при фашистском режиме. Представители меньшинства склонны были отрицать эти факты, особенно в отношении промышленного производства».

Была вновь подвергнута глубокому анализу роль мелкой буржуазии:

«Меньшинство подчеркивало основной (то есть капиталистический) классовый характер фашистской диктатуры, которая в настоящее время является прежде всего диктатурой крупной буржуазии, но оно недооценивало степень консолидации различных слоев общества и не смогло проанализировать внутреннюю механику переворота (использование мелкой буржуазии и части пролетариата). Вместе с тем большинство, признавая капиталистический характер фашистской диктатуры и занимаясь разъяснением особых форм и методов ее реализации, тем не менее с помощью отдельных ошибочных утверждений, в которых преувеличивалась роль мелкой буржуазии, ослабило тезис о „крупномасштабном капиталистическом характере фашизма”».

Костшева, единственный партийный руководитель, названный в резолюции, подверглась в ней осуждению за то, что сказала, что мелкая буржуазия «„в третий раз” вступила „на историческую арену в качестве самостоятельной политической силы”», два первых случая — это Французская и Русская революции. Резолюция заканчивалась, как обычно, беспристрастным осуждением обеих фракций за совершенные в прошлом ошибки и призывом к «дружной совместной работе» в будущем⁴¹. Следующая резолюция, о задачах партии, была составлена в более решительных выражениях. В ней говорилось, что «основной задачей Коминтерна и всех его секций в настоящее время является защита китайской революции и СССР», «разрушение планов английского империализма»; при этом польский фашизм определялся как «явление, неот-

делимое от мирового империализма». Резолюция заканчивалась решительным заявлением о том, что *«партия должна добиваться не автоматического падения фашистской диктатуры и возвращения к буржуазной демократии, а свержения диктатуры путем пролетарской революции, путем вооруженного восстания»*⁴².

Состоявшиеся в конце съезда выборы были также результатом давления, оказанного Коминтерном, который отчаянно пытался добиться соглашения. Число представителей меньшинства в Центральном комитете партии было увеличено с пяти до семи, и, хотя Варский ушел в отставку — или был смещен с занимаемого им поста в Центральном комитете, — большинство сохранило за собой восемь мест, таким образом формально оставаясь большинством. Однако в ЦК КПП были введены два представителя Исполкома Коминтерна — Мануильский и Куусинен, так что меньшинству надо было только завоевывать их поддержку, чтобы иметь перевес голосов по сравнению с большинством⁴³. Подобное решение, скорее всего, только увековечивало атмосферу интриг и взаимной вражды. В январе 1928 г. состоялся пленум Центрального комитета, который вновь обратился с призывом *«немедленной ликвидации фракций в КПП»* и выразил уверенность в том, что в результате работы, проделанной IV партийным съездом, *«идеологические разногласия»* в партии *«стали несколько меньше»*⁴⁴. Последующие события показали неосновательность этого мнения. Возможно, создавалось впечатление, что единственным путем сохранения видимости сплоченности явилось бы присуждение Коминтерном победы одной стороне и устранение другой с влиятельных постов в партии. Но это был тот самый шаг, который советские руководители по-прежнему не хотели предпринимать.

Образовавшаяся в партии трещина не помешала ей привлекать новых членов. На прошедшем в сентябре 1927 г. IV партийном съезде был отмечен рост числа крестьян в партии, особенно в Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), а также рабочих. КПП заявила, что теперь она контролирует *«абсолютное большинство рабочих»* в варшавском и домбровском районах⁴⁵. На проходивших в 1922 г. выборах в сейм компартия получила 132 тыс. голосов. На еще относительно свободных выборах, состоявшихся в марте 1928 г., КПП и другие революционные группы получили 900 тыс. голосов. В Варшаве КПП получила 67 тыс. голосов против 42 тыс., отданных за ППС; в Домброве — 66 тыс. голосов против 27 тыс.⁴⁶ Компартия получила семь мест в сейме⁴⁷; на первом заседании сейма депутаты-коммунисты, включая Зарского, были изгнаны из зала заседаний за оскорбительные выкрики в адрес Пилсудского.

Однако возросшая численность партии внесла изменения в ее природу. Крепкое ядро партии, состоявшее из промышленных рабочих, было воспитано на традициях единого фронта, сотрудничества с рабочими социалистической партии — политика, которая пер-

воначально ассоциировалась с руководством «трех „В”». А банкротство этой политики, последовавшее после майской катастрофы 1926 г., привело в замешательство и дискредитировало ее сторонников. Разногласия между социалистической и коммунистической партиями стали непреодолимыми, и пролетарское ядро партии было разбавлено, особенно в Варшаве, большим притоком служащих и интеллигенции, которые более, чем другие слои населения, испытывали на себе жестокий гнет безработицы и социальной и экономической дискриминации. Среди новых членов КПП был большой процент евреев, и антисемитизм стал обычным элементом пропаганды против партии⁴⁸.

Новые члены партии нарушили равновесие в пользу так называемого «меньшинства», в частности в варшавской партийной организации, которая до этого была оплотом большинства. Большинство и меньшинство, теперь резко разделенные и представлявшие собой хорошо организованные группы, столкнулись на мартовских выборах 1928 г. по избитому вопросу о применении тактики единого фронта, хотя даже «некоторые товарищи из меньшинства», по более позднему признанию Ленского, «не исключали возможности применения тактики единого фронта сверху во время избирательной кампании»⁴⁹.

1 мая 1928 г. на главной площади в Варшаве произошли столкновения между демонстрантами — членами компартии и членами социалистической партии. Был открыт огонь: 5 демонстрантов было убито и 50 серьезно ранено⁵⁰. ИККИ выступил с протестом, заклеив «лидеров всего Второго Интернационала» как виновников учиненной в Варшаве бойни⁵¹. Возникшее в связи с этими событиями чувство озлобления в рядах компартии сыграло на руку меньшинству. Большинству, запятнанному своим терпимым в прошлом отношением к ППС, пришлось перейти к обороне. Между сторонниками двух фракций произошли уличные столкновения⁵². Варшавский комитет партии, захваченный теперь меньшинством, игнорировал приказы Центрального комитета КПП, который большинством всего лишь в один голос решил распустить его. Распущен был также Центральный комитет Коммунистического союза молодежи, который был «превращен меньшинством в орудие фракционной борьбы» и выступал против большинства, «пользуясь теми же полицейскими средствами, которыми ведется борьба против коммунистического движения»⁵³.

Такова была та отчаянная ситуация, с которой столкнулся VI конгресс Коминтерна, когда он собрался в июле 1928 г. В своем основном докладе Бухарин нарисовал мрачную и пессимистическую картину работы IV съезда Коммунистической партии Польши и закончил едким замечанием, что он предпочел бы видеть партию, возглавляемую рабочими, которые бы «сражались как солдаты революции», чем «организацию постоянно дерущихся между собой вождей, которые в момент напряженной опасности погубят нашу партию»⁵⁴.

Однако его призыв к единству не получил должного отклика во время последовавших за докладом дебатов. Главный представитель большинства, Костшева, осторожно поставила в один ряд политику, проводимую большинством, и ортодоксальность Коминтерна и представила грехи меньшинства как правые ошибки. Но в ее выступлении прозвучала обеспокоенная нота, когда она возразила на попытку Бухарина противопоставить «рабочих от станка, способных к борьбе», партийным руководителям: она расценила это как косвенно высказанное предложение о «разгоне вождей». Ленский приписал кризис в партии «оппортунистическим ошибкам и отступлениям от линии IV съезда» КПП со стороны большинства и открыто выступил за вмешательство Исполкома Коминтерна для наведения порядка в делах польской компартии. Бранд в свою очередь защищал себя и одновременно осуждал тактику меньшинства⁵⁵. Скрыпник напомнил конгрессу, что в 1923 г. Ленский разделял троцкистскую точку зрения Варского, а в 1920 г., подобно Домскому, выступил с осуждением «красного империализма» большевиков — обвинение, которое было решительно отвергнуто одним из сторонников Ленского⁵⁶.

Мицкевич-Капсукас, литовский представитель в Секретариате, выступил с тем, что было, очевидно, задумано как официальное подведение итогов. Он начал с повторения решения о майской ошибке 1926 г.: были равно виноваты и «группа т. Костржевой»*, и «группа т. Ленского». Неправомерно делить эти группы на «правую» и «левую». Ошибки, совершенные обеими группами после IV съезда партии, хотя они и менее серьезны, чем предыдущие, представляли собой ошибки правого уклона. Мицкевич-Капсукас привел данные, показывавшие, что массы членов партии и рабочих с отвращением воспринимали «ту преступную фракционную борьбу, которая треплет КПП в течение почти двух лет». Однако его предложение свелось лишь к образованию еще одной комиссии, чтобы положить этому конец⁵⁷.

Бухарин в своем заключительном слове коснулся польского вопроса без каких бы то ни было комментариев⁵⁸. В длинной резолюции конгресса по основному вопросу также проявилось нежелание останавливаться подробно на этой беспокойной проблеме. В ней были поставлены в один ряд фашистские диктатуры в Польше и Италии, обнаруживающие «все более и более агрессивные тенденции» и «равносильные постоянной угрозе миру». Признавая, что польская компартия теперь «совершенно выправила грубейшие оппортунистические ошибки», совершенные ею в мае 1926 г., резолюция снова содержала призыв к «решительному прекращению фракционной борьбы». Исполком Коминтерна по-

* Так в материалах VI конгресса Коминтерна, опубликованных в 1928 г., пишется фамилия члена ЦК и Политбюро ЦК КПП Веры Костшевой. Написание «Костшева» дается в «Советском Энциклопедическом словаре» (М., 1979 г.). — *Прим. ред.*

лучил «специальное поручение» от имени конгресса принимать все соответствующие меры»⁵⁹.

Основной шаг, предпринятый в осуществление этого мандата, заключался в назначении в Центральный комитет КПП трех представителей Коминтерна — Кнорина, Попова и Поддубного. Эти назначения не только не помогли положить конец распре, но и сами члены комиссии были втянуты в спор; говорят, что Кнорин занял сторону меньшинства, а двое других — большинства⁶⁰. Это посредничество было поддержано путем принятия Исполкомом Коминтерна еще одного «Открытого письма», адресованного всем членам польской партии, в котором заявлялось, что консолидация рядов КПП является необходимым условием «подготовки партии к назревающей революционной ситуации в момент надвигающейся войны». В письме еще раз подчеркивалась необходимость «безоговорочного уничтожения фракций и прекращения фракционной борьбы», ликвидации «монополии», независимо от того, осуществляется она большинством или меньшинством в региональных партийных организациях, и «безоговорочного подчинения всего руководства Центрального комитета КПП» решениям Коминтерна⁶¹. Принятие этих требований нашло официальное отражение в ноябрьской, 1928 г., резолюции ЦК Компартии Польши⁶². 15 декабря 1928 г. ИККИ направил КПП поздравление с 10-й годовщиной со дня основания компартии и воспользовался случаем, чтобы повторить требование о прекращении фракционной борьбы⁶³. На пленуме Центрального комитета партии в январе 1929 г. удалось единодушно принять резолюцию, в которой говорилось, что долг партии состоит в том, чтобы сплотить свои силы для защиты Советского Союза и вести упорную борьбу против фашистского режима Пилсудского⁶⁴.

Между тем осенью 1928 г. произошел раскол в Польской социалистической партии, когда выделилась группа, возглавляемая Яворским, которая, продолжая провозглашать свое враждебное отношение к коммунизму, выступила с критикой режима Пилсудского, обвинив его в полном пренебрежении к парламентской демократии, — это событие явилось поводом для новых разногласий в партии⁶⁵. Создавшееся положение вдохновило Стефаньского на опубликование в партийном журнале статьи, где он, ссылаясь на авторитет Варского, пытался утвердить более терпимое отношение к представителям в парламенте от левого крыла ППС и отказывался навешивать на них ярлыки «социал-фашистов»⁶⁶. В то время как Костшева поспешила отмежеваться от этой еретической точки зрения, статья вызвала новый взрыв гнева со стороны меньшинства.

Постоянным яблоком раздора был вопрос о профсоюзах. На проходившем в марте 1928 г. IV конгрессе Профинтерна главный представитель польских профсоюзов Витковский выступил с резкой критикой трусливого отношения компартии к забастовкам.

В марте 1927 г. во время забастовки в текстильной промышленности Лодзи, в которой приняли участие 100 тыс. человек, партия не сумела взять руководство забастовкой в свои руки даже тогда, когда «реформистская профсоюзная бюрократия предала забастовку». Говорили, что во время этой забастовки и во время забастовки рабочих-металлистов в Варшаве в следующем году большинство, находясь «под влиянием ошибочного отношения к „примиренческим“ партиям», применило «тактику единого фронта сверху». В своем выступлении Витковский продолжал уходить от решающего вопроса о расколе профсоюзов. Он утверждал, что «рабочий класс, профсоюзы могут быть завоеваны только в ходе продолжения борьбы», и призывал к «единству снизу». Но он решительно отстаивал необходимость оставаться в реформистских профсоюзах и бороться против исключений из них и избегал любых предложений об образовании отдельных Красных профсоюзов⁶⁷.

В следующие два месяца забастовочная волна в текстильной промышленности распространилась на Белосток и Лодзь. В последнем городе, после того как рабочие проголосовали за проведение забастовки, она была отменена руководителями реформистских профсоюзов, и компартия, под давлением большинства в Центральном комитете, отвергла предложение провести независимую от них забастовку⁶⁸. На VI конгрессе Коминтерна отдельного заявления по вопросу о польских профсоюзах сделано не было. Однако в его резолюции по основному вопросу, в соответствии с поворотом влево, настаивалось на важности проведения забастовок — при необходимости «даже против воли реформистской профсоюзной бюрократии»⁶⁹. Ситуация была похожа на ту, что господствовала в КППГ и германских профсоюзах. Доминировавшая теперь в польской компартии группа Ленского, которая твердо придерживалась политики Коминтерна, призвала членов КППГ, являющихся членами профсоюзов, потребовать выступления промышленных рабочих вопреки решению руководителей реформистских профсоюзов и организовать эти выступления, и довод бывшего большинства, состоявший в том, что такая политика лишь приводит к отчуждению партии от рабочих масс, чья верность вождям существующих профсоюзов не должна быть подорвана, был осужден как еретический. Тем не менее партийное руководство по-прежнему отказывалось сделать логический шаг — потребовать создания самостоятельных Красных профсоюзов.

Состоявшаяся осенью 1928 г. другая забастовка на взрывоопасных текстильных фабриках Лодзи вызвала дальнейшие распри и взаимные упреки в компартии. На этот раз вмешались Польская и Прибалтийская комиссии Исполкома Коминтерна: они составили проект резолюции, который был принят 10 декабря 1928 г. Политическим секретариатом ИККИ. Наряду с общей похвалой в адрес партийной организации Лодзи в резолюции содержалось обвинение стачечного комитета в «крючкотворстве по отношению к пэпэсовским профсоюзам» и в неправильном толковании по-

литики единого фронта. Под этим, очевидно, подразумевалось принятие в стачечный комитет большого числа представителей членов профсоюзов, состоящих в ППС. Партийную организацию Лодзи обвинили также в том, что она не использовала возможности создать независимый профсоюз в противовес существующим профсоюзам⁷⁰. Когда эта резолюция обсуждалась в Политическом секретариате ИККИ, Эмбер-Дро предложил опустить раздел о создании независимого профсоюза на том основании, что Исполком Коминтерна тем самым возьмет на себя обязательство придерживаться принципа создания новых революционных профсоюзов. Предложение Эмбер-Дро было отвергнуто⁷¹. Однако спустя два месяца Политический секретариат пересмотрел свою принципиальную точку зрения на этот вопрос и объявил, что создание новых профсоюзов в странах, где еще не произошел раскол в профсоюзном движении, нежелательно. Приветствуя это решение, Эмбер-Дро отметил, что резолюция от 10 декабря 1928 г. по вопросу о забастовке в Лодзи противоречит ему, но, по-видимому, ничего не было сделано для устранения этого несоответствия⁷².

Эти смены установок в Москве не смогли помочь уменьшить напряженность внутри польской компартии. Тем временем за совершенным Яворским расколом в ППС последовал раскол в профсоюзах, члены которых состояли в социалистической партии⁷³, поэтому стало все более трудно оправдывать политику отказа от сотрудничества с любыми профсоюзами ППС. Состоявшийся в январе 1929 г. пленум Центрального комитета КПП, на котором была сделана попытка преодолеть эти проблемы, кажется, представлял собой последний случай, когда совместные действия большинства и меньшинства в компартии были даже облачены в общую форму. Резолюция, очевидно, единогласно была принята, но она никогда не публиковалась и три месяца спустя была пересмотрена Центральным комитетом⁷⁴. Взаимное раздражение и вражда зашли так глубоко, что ничто не могло сохранить или восстановить видимость единства в ЦК партии, кроме победы, которая отдала бы руководство партией в руки либо одной, либо другой группы.

Окончательный исход дела, однако, зависел скорее от событий в Москве, чем в Варшаве. Постепенный сдвиг Коминтерна влево в течение 1928 г. изменил равновесие в пользу меньшинства в КПП и позволил ему под более благовидными предложениями обвинять своих оппонентов в правых ошибках. Разгром группы Бухарина — Рыкова — Томского в Политбюро и на заседании Президиума Центральной контрольной комиссии российской партии 9 февраля 1929 г. возвестил, что впредь Коминтерн будет проводить более жесткую и непреклонную политику. Бухарин был обвинен в том, что является защитником правого уклона и покровителем правых в КПП, и почти автоматически это было распространено и на КПП, при рассмотрении дел которой Бухарин всегда играл роль миротворца. Мануильский хитро дал понять, что Коминтерн готов

отказаться от своей демонстрации нейтралитета по отношению к польским лидерам. Занимаясь в Берлине делами КППГ, он написал статью, в которой выступил с критикой Брандлера и правого крыла германской партии и, между прочим, осудил правые взгляды Костшевой и ее сторонников по вопросу о стабилизации ⁷⁵.

Ленский, бросившись в лобовую атаку на большинство, теперь подверг критике резолюцию Центрального комитета польской компартии, принятую в январе 1929 г., на том основании, что она несет на себе отпечаток правого уклона и в недостаточной степени признает ППС, как и вообще социал-демократов, за главного врага. 8 апреля 1929 г. в тот момент, когда Москва готовилась открыто заявить об опале Бухарина ⁷⁶, Политбюро партии в Варшаве опубликовало исправленный вариант январской резолюции Центрального комитета КПП. Хотя резолюция и правильно подчеркивала *«опасность вооруженного нападения на Советский Союз»*, требовалось расширение и уточнение отдельных ее пунктов. Ее авторы слишком серьезно воспринимали претензии левого крыла социалистической партии и не разглядели в этом «самый грозный симптом правой опасности». Январская резолюция была принята в тот момент, когда Секретариат ИККИ в Москве подчеркивал необходимость создания новых революционных профсоюзов. Теперь, когда в Москве превалировали более благоразумные мнения ⁷⁷, эта позиция была объявлена еретической, и резолюция была соответствующим образом пересмотрена. Исправленная резолюция, однако, оказалась несвободной от обычных двусмысленностей. В ней повторялось ставшее теперь шаблонным утверждение, что фашистская диктатура может быть свергнута только с помощью пролетарской революции. Но твердо осуждая отдельные попытки применить тактику «единого фронта сверху», резолюция по-прежнему содержала требование создания «единого фронта народных масс», особенно при проведении антивоенных кампаний, кампаний против высоких цен и налогов, а также при создании «фабричных комитетов, определении состава направляемых в СССР делегаций и т. д.» ⁷⁸.

Решающий удар был нанесен на пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Польши («шестой пленум»), проходившем с 18 по 25 июня 1929 г. На пленуме присутствовали представители Исполкома Коминтерна Кнорин и Попов. Авторитет прежних партийных руководителей был теперь безнадежно подорван. Варский больше не был членом Центрального комитета, Валецкий находился в Москве в качестве польского представителя в штаб-квартире Коминтерна, Бранд был также откомандирован на работу в Советский Союз. Костшева и Стефаньский, основные представители старого большинства, вели безнадежную борьбу против группы Ленского, которая, используя самый незначительный перевес при голосовании, руководила всей работой пленума ⁷⁹. Костшева тщетно убеждала пленум в том, что следует использовать столкновения между различными группами буржуа-

зи, тем самым возвращаясь к еретической мысли о революционной роли мелкой буржуазии⁸⁰. Говорили, что Стефаньский вначале признал свои ошибки, а затем «де-факто» отказался от своего признания⁸¹.

В принятой на пленуме резолюции по основному вопросу вновь перечислялись все спорные положения, которые привели к расколу партии, и поименно подвергались критике Костшева, Стефаньский и Бранд. В ней критиковалась также январская резолюция Центрального комитета КПП, особенно содержащееся в ней предложение создавать новые революционные профсоюзы вместо того, чтобы продолжать работать в эпээсовских профсоюзах. В принятой на пленуме краткой резолюции была одобрена «большевистская тактика и стратегия», применяемые ВКП(б) в ее борьбе против правой опасности. В другой резолюции содержалось требование к партийному журналу взять на себя функцию по «критическому оцениванию идеологического наследия», заимствованного компартией у ее двух предшественников — социал-демократической партии Розы Люксембург и левого крыла ППС; в этом требовании, видимо, проявилась странная решимость увековечить раскол, который перестал иметь какое-либо реальное значение⁸². Костшева и Стефаньский не были избраны в Политбюро ЦК КПП, куда вошел Кнорин и где господствовало бывшее меньшинство⁸³.

Проходившему в Москве с 3 по 19 июля 1929 г. X пленуму Исполкома Коминтерна осталось только выразить удовлетворение в связи с этими преобразованиями в польской партии. В работе пленума не принимал участия ни один представитель бывшего большинства. Пурман выступил с осуждением фашистского режима Пилсудского и приговоров к войне против Советского Союза. Ленский повторил свой приговор в отношении Костшевой и Стефаньского⁸⁴. Только Скрыпник, выступая как делегат от автономной белорусской партии, деликатно намекнул на то, что новое руководство, возможно, не полностью освободилось от ошибок прошлого, и предложил уделять больше внимания чаяниям национальных меньшинств⁸⁵. Мицкевич-Капсукас в качестве беспристрастного представителя Исполкома Коминтерна приветствовал случившееся как «определенный сдвиг» и выразил надежду на то, что «значительная часть бывших политических друзей тт. Костржевой и Стефаньского» поддержит решения нового Центрального комитета КПП. Подводя итог дебатам, Куусинен сказал, что он с нетерпением ждет того времени, когда наступит «сплочение лучших большевиков обеих фракций», но при этом явно отдал предпочтение взглядам Ленского⁸⁶. В резолюции пленума по основному вопросу польская компартия была просто названа среди партий, в которых прошел процесс большевизации и «очищение от оппортунистических элементов»⁸⁷.

В заключение, в резолюции от 16 октября 1929 г., Политический секретариат Коминтерна поздравил Компартию Польши с достижением «консолидации» на основе решений X пленума ИККИ

и VI пленума Центрального комитета КПП. В резолюции с одобрением отмечалось, что «подавляющее большинство партии, независимо от прежней фракционной принадлежности, осудило правые отклонения Костшевой, Стефаньского и Бранда»⁸⁸. Более двух лет Коминтерн демонстративно отказывался принять сторону одной из враждующих фракций. Было бы нечестно говорить, что руководители Коминтерна навязали польской компартии Ленского, даже в том смысле, в каком германской партии был навязан Тельман. Скорее Ленский обхаживал их, чем они хотели поставить именно Ленского у власти. И все же как раз постоянное, в течение долгих лет вмешательство Коминтерна потворствовало деятельности разрушительных сил внутри партии и в конце концов свело на нет усилия добиться единства с помощью соглашения. Более того, внутри Коминтерна политика нейтралитета главным образом ассоциировалась с именем Бухарина, и когда произошло его падение, стало легко отождествлять прежних лидеров с ним, а Ленского со Сталиным. Коммунистическая партия Польши вступила на путь полного и инертного подчинения, что и привело к ее упразднению в результате проведенных Сталиным чисток.

Две зависимые от КПП партии — Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ) и Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ) — продолжали оставаться источником скорее затруднений, чем силы.

Коммунистическая партия Западной Белоруссии, кажется, была почти уничтожена в результате массового выхода из нее летом 1925 г.⁸⁹, хотя было заявлено, что к началу 1926 г. ее численность начала увеличиваться. Однако та эффективность, которой достигло коммунистическое движение среди крестьян этого региона, являлась заслугой «Громады», якобы, беспартийной крестьянской организации, основанной в 1925 г. под руководством коммунистов, которая выдвигала такие лозунги, как конфискация крупных поместий, национальное самоопределение и рабоче-крестьянское правительство⁹⁰. Находясь в оппозиции к поддерживавшей Пилсудского крестьянской партии «Вызволене» и ее дочерней белорусской партии «Стронництво хлопске», она была объектом периодических преследований, которые усилились после захвата власти Пилсудским. Зимой 1926/27 г. стали частыми разгоны собраний и аресты руководителей, что рассматривалось как симптомы проведения кампании против коммунистов и национальных меньшинств⁹¹. В январе 1927 г. в Западной Белоруссии состоялось собрание работников культуры и научных работников, на котором был выражен протест против преследований национального движения и закрытия школ, обучение в которых шло на белорусском языке⁹². В марте 1927 г. «Громада» была официально запрещена и загнана в подполье.

В тех регионах, где преобладали национальные меньшинства, всегда было трудно определить, направлялся ли изначально при-

зыв таких революционных организаций на недовольство, связанное с национальным или с социально-экономическими вопросами. Эти два элемента находились в сложном переплетении⁹³. Для проведения коммунистической работы среди крестьян, которые принадлежали к национальным меньшинствам, удобно было их слияние. Однако это же обстоятельство создавало осложнения для коммунистов — представителей той нации, к которой принадлежало правительство страны; они часто считали возмутительным поддерживать отделение от государства территорий, населенных национальными меньшинствами. В Польше настойчивое требование Коминтерна о безоговорочном осуществлении права Западной Белоруссии и Западной Украины на отделение вполне могло выглядеть как наследие прежнего враждебного отношения России к требованиям Польши, и поэтому вопрос о национальных меньшинствах не вызвал воодушевления в рядах КПП.

В сентябре 1927 г. состоялся IV съезд компартии Польши, который, возможно под давлением Коминтерна, призвал к созданию «блока пролетариата, крестьян и угнетенных народов под руководством КПП» и на котором было выражено неудовлетворение в связи с тем, что партия «еще не достаточно научилась претворять в жизнь блок... с рабочими Западной Белоруссии и Западной Украины»; подавление белорусской «Громады» «не нашло должного отклика в польских народных массах»⁹⁴. Устроенный весной 1928 г. массовый суд над членами «Громады» в Вильно был с возмущением встречен в Москве⁹⁵. Суд тянулся более двух месяцев и закончился вынесением приговора 37 лицам — в общей сложности их приговорили к 209 годам каторжных работ⁹⁶.

Почти полная беспомощность Компартии Западной Белоруссии сделала ее отношения с польской компартией и Коминтерном спокойными и относительно простыми. На состоявшемся на советской земле, в Минске, съезде КПЗБ 26 ноября 1926 г. от имени КПП выступил Сохацкий, который подверг резкой критике планы «империалистов Запада и польского фашистского правительства», нацеленные на вторжение в Литву и нападение на Советский Союз⁹⁷. Однако разногласия в КПП между большинством и меньшинством репродуцировались на подчиненную ей партию, и Коминтерн навязал то же самое «нейтральное» решение, которое было, хотя и неохотно, принято меньшинством⁹⁸.

В докладе ИККИ VI конгрессу Коминтерна, проходившему в июле 1928 г., шаблонно воздавалось должное гибкости, проявленной КПЗБ, и отмечались ее тесные связи с польской компартией⁹⁹. Представитель западнобелорусской партии на конгрессе говорил о незащищенном положении польской части Белоруссии, которая окажется в «тылу» в случае нападения Польши на Советский Союз; это придавало значительность «скромной роли» КПЗБ. Он признал «заметные успехи» фашистской диктатуры в привлечении на свою сторону кулаков и середняков, но романтически полагал, что партия по-прежнему стоит во главе «стотысячной организации

трудящихся масс белорусского крестьянства, рабоче-крестьянской „Громады”, несмотря на то что как легальная организация она была распущена. Он старательно отрицал, что КПЗБ ставит социальный вопрос на второе место по сравнению с национальным вопросом или что она когда-либо искала союза с кулаками. Он выступил с критикой Бранда и Костшевой и встал на защиту Ленского¹⁰⁰. Его речь была образцом такта и ортодоксальности. Это, однако, не помешало Пурману, представителю левого крыла КПП, выразить год спустя недовольство слабостью Компартии Западной Белоруссии; ее деятельность заключалась главным образом в издании «директив и инструкций, исполнение которых мы пока не можем проверить»¹⁰¹.

Роль Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) была намного более сложной и вызывала большие затруднения. Украинский национализм как в Украинской ССР, так и на Западной Украине (польская область Восточной Галиции) был более активной силой, чем национализм белорусский по обе стороны границы. Украинская коммунистическая партия (КП(б)У) в Советском Союзе была более сильной организацией, чем ее белорусский собрат и имела более тесные связи со своими соотечественниками на территории Польши. Соответственно ее отношения с КПП были более трудными¹⁰². Происшедшие в 1925 г. трения по вопросу о самоопределении и оказанная Коминтерном поддержка в признании права на отделение¹⁰³, видимо, вызвали сильное националистическое движение в КПЗУ, которое, проникнув в поддерживаемую коммунистами, но беспартийную крестьянскую организацию «Сельроб» (аналог белорусской «Громады»), преуменьшало значение социальных и аграрных вопросов и пыталось объединить все крестьянское население на платформе национальной независимости.

Ситуация осложнялась ввиду существования на Западной Украине влиятельной организации «Украинский национал-демократический союз» (УНДО), носившей буржуазную окраску, настроенной чрезвычайно враждебно по отношению к Советскому Союзу, сохранявшей тесные связи с подпольными организациями на Советской Украине и склонной покупать терпимое к себе отношение режима Пилсудского за счет поддержки его антисоветской политики. Утверждали, что националистическое крыло КПЗУ, доминировавшее в Центральном комитете партии, поддерживало тесную связь с руководимым Шумским национальным движением на территории Украинской ССР, которое в эти годы проводило энергичную кампанию под знаменами украинского национализма, направленную против политики, диктуемой из Москвы, и боролось за то, чтобы вдохнуть жизнь в конституционную фикцию украинского суверенитета. На конференции КПЗУ, проходившей весной 1927 г., «националистические уклоны в рядах КП(б)У встретили вначале скрытую, а затем довольно открытую поддержку большинства Центрального комитета КПЗУ»¹⁰⁴.

Эти события привели к тому, что позиция КПЗУ и ее лидера Василькова стали проклятием для Москвы. Реакция польской компартии, которую возглавляли Варский и Костшева, была медленной. Состоявшийся в сентябре 1927 г. IV съезд Компартии Польши упрекнул Центральный комитет за то, что тот не обратил внимания на «рост чрезвычайно опасного оппортунизма в руководстве КПЗУ, которое игнорирует крестьянина-бедняка и крестьянина-средняка и играет на руку режиму Пилсудского, поощряя его усилия, направленные на завоевание на свою сторону украинской буржуазии для проведения политики войны против СССР и Украинской ССР¹⁰⁵. Даже теперь ни польская партия, ни Коминтерн не были готовы к решительным действиям, и Васильков, несмотря на все его ошибки, еще несколько месяцев оставался во главе западноукраинской компартии¹⁰⁶.

Критический момент наступил в январе 1928 г. — очевидно, как результат такой же чистки, проведенной в КП(б)У. Центральный комитет Компартии Польши на январском пленуме 1928 г. уделил «много времени» украинскому вопросу: он принял решение отменить ряд резолюций Компартии Западной Украины и предложить руководителям партии привести резолюции КПЗУ в соответствие с резолюциями КПП¹⁰⁷. Васильков и его главный помощник Турянский были удалены из руководства Компартии Западной Украины, а с ними и большинство партийных деятелей, так что партия была вынуждена «создавать заново весь партийный аппарат и партийную организацию, которая при прежнем руководстве большей частью была воплощена в аппарате»¹⁰⁸.

В резолюции IX пленума Исполкома Коминтерна, проходившего в феврале 1928 г., было заявлено, что группа Василькова — Турянского «выражает политические настроения верхушки мелкой буржуазии, кулачества и мелкобуржуазной националистической интеллигенции», что ее отказ выдвинуть лозунг о конфискации земли без компенсации был равносителен поддержке аграрной политики Пилсудского и что она помогает «злейшему врагу» пролетариата — польскому империализму. Оппозиционная группа, которая уже основала независимую крестьянскую организацию и расколола «Сельроб», была исключена из рядов Коммунистического Интернационала¹⁰⁹.

На проходившем 12—16 марта 1928 г. объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии Коммунистической партии Западной Украины, смывшей теперь позор «шумскизма», была принята пространная резолюция, в которой Васильков и его сторонники подверглись осуждению как «изменники и ренегаты коммунизма». В ней повторялись выводы, сделанные на IX пленуме Исполкома Коминтерна, и значительная часть фразеологии пленума. Наряду с осуждением «украинского националистического уклона» в резолюции также содержалось предостережение против «беспринципного, наплевательского отношения к национальному вопросу» и делался вывод, что Компартия

Западной Украины может добиться победы «только вместе с пролетариатом Польши, под руководством единого штаба революции — в Польше — ЦК КПП»¹¹⁰. Это было единственное упоминание о польской компартии в этой резолюции или резолюции IX пленума ИККИ. Инициатива прочно находилась в руках Коминтерна.

События эти стали предметом споров и взаимных обвинений на VI конгрессе Коминтерна, проходившем в июле 1928 г. Ленский обвинил большинство в КПП в поддержке «национал-оппортунистических уклонов бывшей руководящей группы Василькова» — обвинение, в резкой форме опровергнутое Скрыпником, который в свою очередь выдвинул обвинение в адрес меньшинства¹¹¹. Вопрос этот не нашел отражения в резолюциях конгресса. Однако КПЗУ, вероятно побуждаемая происшедшим, умудрилась провести свой III съезд в конце августа 1928 г. Съезд снова заклеил Василькова и Турянского как де-факто агентов фашизма и потребовал продолжать «борьбу против всех влияний буржуазного украинского национализма», а также против «великопольского шовинизма и еврейского национализма». Вместе с тем съезд КПЗУ настаивал на «единстве революционного движения в Польше» и отверг «в этом смысле любое разделение»¹¹².

После окончания съезда Исполком Коминтерна направил польской компартии «Открытое письмо», где содержалось обвинение в адрес «бывшего руководства КПЗУ (группы Василькова — Турянского)», которое «проглядело кулака»¹¹³. 26 сентября 1928 г. Президиум ИККИ отклонил обращение Василькова и Турянского с просьбой о восстановлении их в партии¹¹⁴. В апреле 1929 г. Интернациональная контрольная комиссия Коминтерна создала комитет для расследования якобы имевшей место связи Шумского и его товарища Максимовича с группой Василькова — Турянского. Двое обвиняемых представили два заявления с осуждением раскольнической тактики группы Василькова и с протестом против использования их имен для оправдания действий группы. Заявления были отклонены как недостаточно категоричные. Шумский получил строгий выговор с предупреждением, Максимович был исключен из Коминтерна¹¹⁵. Примерно в то же самое время Центральный комитет КПЗУ заявил, однако не очень убедительно, что надежды III съезда партии на обострение классово-борьбы в деревне начали осуществляться¹¹⁶.

Вопрос о самоопределении по-прежнему маячил где-то на заднем плане при обсуждении политики компартий Западной Украины и Западной Белоруссии. Третий съезд Коммунистической партии Польши, состоявшийся в марте 1925 г., уже ясно высказался за право на национальное самоопределение вплоть до отделения от Польши, что в этих двух районах на практике могло означать только присоединение к СССР. Сделанная несколько позже в том же году попытка КПЗБ отступить от этого принципа была решительно пресечена¹¹⁷. Однако этот вывод был принят в КПП с каким-то внутренним нежеланием, которое, вероятно, можно час-

точно отнести за счет скрытого польского национализма, но частично также и за счет традиции, возникшей при Розе Люксембург, — традиции, которая, хотя и никогда не упоминалась, кроме как с осуждением, была по-прежнему жива во многих секциях польской компартии. Язвительное замечание Розы Люксембург по поводу польского национализма теперь уже было неуместно, и его можно было забыть, однако ее презрительное отношение к украинскому национализму не было забыто¹¹⁸. Резолюции IV съезда КПП (сентябрь 1927 г.), на котором выявились значительные разногласия, имели несколько двойственный характер. Оценка националистической политики руководителей КПЗУ как «чрезвычайно опасного оппортунизма»¹¹⁹ была уравновешена признанием — при этом была сделана особая ссылка на Западную Украину и Западную Белоруссию — «права на самоопределение находящихся в зависимости народов, вплоть до отделения», хотя явно отсутствовало какое-либо упоминание об этом праве в разделе резолюции, касающемся Верхней Силезии, где его применение могло означать аннексию этих земель Германией¹²⁰. Возможно, никогда не было полностью чистосердечным даже само признание польской компартией права на отделение для Западной Белоруссии и Западной Украины. КПП, писал один из ее руководителей, «не должна, неустанно проповедуя принципы самоопределения вплоть до отделения, никогда забывать о существовании тесного братского союза пролетариев всех народов Польши»¹²¹.

Снайперский выстрел был вновь произведен на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г., когда представитель Компартии Западной Украины напомнил Ленскому, что левое крыло польской компартии когда-то поддерживало «лозунг автономии»¹²². Представитель западнобелорусской компартии признал, что его партия совершила «крупную ошибку», выдвинув весной 1926 г. лозунг автономии, но утверждал, что в том же году КПЗБ исправила свою ошибку, и он освободил Ленского и меньшинство в КПП от какой-либо ответственности за нее, заняв их сторону против большинства. Вместе с тем Скрыпник приписал эту ошибку «нынешним представителям меньшинства»¹²³. «Антиукраинские погромы», прокатившиеся по Западной Украине «по поводу десятилетия польской республики», которое отмечалось в ноябре 1928 г., «почти не встретили», по словам Скрыпника, «отклика со стороны КПП»¹²⁴. На X пленуме Исполкома Коминтерна в июле 1929 г. было заявлено, что якобы «социал-фашисты», молчаливо поддерживавшие режим Пилсудского, «используются обманчивым лозунгом о национальной автономии»¹²⁵. Однако вопрос об автономии в компартиях Западной Белоруссии и Западной Украины уже утратил свою новизну и потерял актуальность, и было разрешено не обращаться более к этому вопросу. Как сказано в августовской, 1929 г., резолюции Центрального комитета Компартии Польши, «задача КПЗБ и КПЗУ состоит в усилении борьбы против оккупационных властей ... в частности, борьбы против войны»¹²⁶.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

На IV съезде партии, проходившем в Чикаго в августе 1925 г., Коминтерн решительно передал руководство Рабочей партией Америки в руки группы Рутенберга¹. Незначительное удовлетворение, которое испытала на VI пленуме ИККИ в феврале 1926 г. группа меньшинства, возглавляемая Фостером, было свидетельством не столько разногласий, обнаружившихся на совещаниях в Москве, сколько нежелания быть втянутым во фракционную борьбу, которая продолжала наносить урон беспокойной американской партии².

В повестке дня VII пленума Исполкома Коминтерна, проходившего в ноябре 1926 г., не было вопросов, касающихся американской партии, и в своем докладе Бухарин признал: «Наши задачи в этой стране пока еще очень скромны»³. Партия была представлена на пленуме только Ловстоном, главным помощником Рутенберга, работавшим под псевдонимом Берч, и вторым лицом после Фостера — Биттельманом. Оба кратко и без вызова выступили в прениях по сделанному Бухариным докладу по основному вопросу. Ловстон утверждал, что «американский капитализм еще не достиг кульминационной точки своего развития» и что Америка борется против Англии «по всем фронтам», но ухитрился выступить с критикой как замечания Троцкого о том, что Соединенные Штаты «посадили Европу на паяк», так и убеждения Трэна, что капиталистическая Европа объединится против капиталистической Америки. Биттельман заявил, что «американский капитализм продолжает расти», и мягко посетовал от имени группы меньшинства на то, что «до настоящего времени ни Коммунистический Интернационал, ни наша партия не наметили тех перспектив, перед которыми мы стоим»⁴. В конце дебатов по вопросу об оппозиции Ловстон объяснил, что из-за отсталости американского рабочего класса «пример, значение и опыт Советского Союза» являлись «глубоко революционизирующими факторами» для американской партии, и от имени партии зачитал декларацию, в которой приветствовался «блестящий пример ВКП(б)» и осуждалась оппозиция⁵.

Последовавшая 2 марта 1927 г. внезапная смерть Рутенберга, генерального секретаря партии, который знал свое дело, хотя и

не был отмечен божьей искрой⁶, сразу же вызвала кризис в руководстве. Политический комитет назначил исполняющим обязанности секретаря молодого, активного и честолюбивого Ловстона, но у него было слишком много врагов в партии, чтобы он мог занять без борьбы место Рутенберга. Фостер и Кеннон решили поддержать Уайнстона, ставшего при Рутенберге во главе нью-йоркской партийной организации, который был согласен сотрудничать с группой меньшинства. В начавшейся вскоре после этого фракционной борьбе обе стороны апеллировали к Коминтерну, и, в конце концов, партии было предложено послать на VIII пленум ИККИ, который должен был открыться в Москве 18 мая 1927 г., делегацию, состоящую из представителей обеих фракций⁷.

Пленум был полностью омрачен угрозой войны, британским и китайским кризисами и возникшей в связи с ними ожесточенной полемикой с оппозицией. Никто не хотел обсуждать фракционные ссоры в американской партии, и единственной отмеченной в протоколе деятельностью американской делегации была поддержка ею резолюции, в которой Троцкому и Вуйовичу угрожали исключением из Исполкома Коминтерна⁸. В конце пленума была создана комиссия по делам американской партии под председательством Эверта, уже подозревавшегося в «примиренчестве» руководителя германской партии, который в это время работал под псевдонимом Браун. Справедливо будет предположить, что он обязан был этим назначением стремлению найти ему работу вне рядов Коммунистической партии Германии⁹.

1 июля 1927 г., без сомнения, после проведения очень трудных обсуждений, комиссия приняла согласованную резолюцию. Ее первый раздел был посвящен опасности американского империализма. Во втором разделе провозглашалось, что «американский империализм по-прежнему находится на подъеме в своем развитии», хотя «приближается время, когда кризис мирового капитализма распространится также и на Соединенные Штаты Америки»; что касается американского коммунистического движения, то «в ближайшее время не следует ожидать его большого подъема». В третьем разделе нашла отражение существовавшая в то время в Москве неопределенность в вопросе о профсоюзной политике. Лиге профсоюзной пропаганды не следовало ограничивать свою деятельность работой в Американской федерации труда (АФТ). Она должна была, где это возможно, вовлекать неорганизованных рабочих в существующие профсоюзы, а там, где это невозможно, образовывать новые профсоюзы. Такая политика легко могла подвести Лигу профсоюзной пропаганды под обвинение в «дуал-юнионизме», то есть в создании Красных профсоюзов в той же самой промышленности, бок о бок с профсоюзами АФТ. В четвертом разделе резолюции был осторожно, демонстрируя полное беспристрастие, затронут вопрос о руководстве партии. Комиссия по подготовке предстоящего съезда должна иметь «нейтрального» председателя, при этом Ловстон и Фостер будут его заместителями. Пока же в

партии должно быть два секретаря — Ловстон и Фостер, а в отделе по делам профсоюзов два директора — Фостер и Гитлоу. Изменения в высшем партийном руководстве могут решаться только на съезде партии. В дополнительном соглашении было названо имя Пеппера, который будет представителем Коминтерна в партии до тех пор, пока не пройдет съезд¹⁰.

Факты говорят о том, что Ловстон завоевал доверие Бухарина и Сталина как наиболее деятельный и надежный руководитель американской партии. Дела партии, по-видимому, находились в полном порядке, и Ловстон мог утверждать, что ее численность, хотя она и была незначительной, увеличилась с 7200 в октябре 1925 г. до 9400 к марту 1927 г.¹¹ Кроме того, его положение укрепилось вследствие оплошности его соперников, которые, желая усилить свое противодействие честолюбивым замыслам Ловстона, обратились в этот критический момент с воззванием к членам партии от имени «национального комитета оппозиционного блока». В глазах Москвы в 1927 г. ничто не могло быть более компрометирующим, чем такое наименование. 7 июля 1927 г. Президиум ИККИ, несомненно по наущению Ловстона, направил в адрес партии телеграмму с напоминанием о том, что Коминтерн оказывает широкую поддержку «группе Рутенберга», и осуждением в «самой категорической форме любой попытки, направленной на обострение разногласий в партии, особенно в объективно существующей в настоящее время ситуации, примером которой может служить образование национального комитета оппозиционного блока». Такие действия были осуждены как «фракционизм без политических разногласий».

Возможно, именно под прикрытием этого дела Ловстон получил от Бухарина и Куусинена то, что было равносильно изменению соглашения о необходимости иметь двух секретарей. Теперь Коминтерн считал, что Ловстон является полномочным первым секретарем партии, а Фостер просто «вторым секретарем». Эти жесткие меры привели к еще большему обострению фракционной борьбы в партии. Однако Ловстон находился теперь на вершине успеха. При избрании делегатов на предстоящий V съезд партии его сторонники получили больше голосов, чем сторонники Фостера, в отношении три к двум¹².

Съезд проходил с 31 августа по 7 сентября 1927 г. Стараниями большинства, которым располагал Ловстон, съезд прошел гладко. Для того чтобы не допустить каких-либо эксцессов на съезде, сюда теперь под именем Грея прибыл представитель Коминтерна Эверт. По существу, Ловстон получил свободу действий, при том что Фостер оставался главой Лиги профсоюзной пропаганды и отдела по делам профсоюзов в партии. Сторонники Ловстона имели значительное большинство во вновь избранном Исполнительном комитете партии и в Политическом комитете. Сам Ловстон стал «исполнительным секретарем», а Фостер и Гитлоу — теперь явно просто секретарями. Штаб-квартира партии бы-

ла переведена из Чикаго в Нью-Йорк; за несколько месяцев до этого был осуществлен перевод газеты «Дейли уоркер». В Нью-Йорке Ловстон чувствовал себя дома — Чикаго был оплотом Фостера¹³.

Приход Ловстона к руководству американской партией, как и Тельмана к руководству германской партией, был осуществлен под нажимом Москвы; платой за это стало неуклонное подчинение диктату Коминтерна. Разница между ними заключалась в том, что Коминтерн и знал и беспокоился об американской партии гораздо меньше, чем о КПГ, что связь между Москвой и Нью-Йорком была слабой и непостоянной и что соперник Ловстона Фостер имел покровителя в Москве в лице Лозовского, у которого была личная заинтересованность в проведении определенной политики в отношении профсоюзов в Америке.

Когда 9 февраля 1928 г. был созван IX пленум Исполкома Коминтерна, то это событие, казалось, не имело значения для американской партии. На пленум были делегированы Энгдал, постоянный представитель партии в Москве, и Пеппер, оба верные сторонники Ловстона, вместе с Броудером, который был в это время в Китае, и малоизвестным представителем меньшинства по имени Джордж¹⁴. До начала работы пленума состоялось заседание комиссии по делам профсоюзов, на которой выступил Лозовский, вновь обративший внимание на необходимость организовывать в профсоюзы неорганизованных рабочих. При этом он откровенно признал, что в Соединенных Штатах — и возможно в других странах — это означает создание новых профсоюзов. Это предложение потрясло американских представителей обеих фракций, которые были привержены принципу образования левых крыльев внутри существующих профсоюзов и считали самым большим злом «дуал-юнионизм». В ответ Лозовский дал им жестокий отпор, осудил занятую американцами выжидательную позицию и потребовал выхода коммунистов из Объединенного профсоюза горняков (ОПГ — организация Джона Л. Льюиса) и создания нового революционного профсоюза горняков. Лозовский представил свой вариант проекта резолюции, а Энгдал и Пеппер — свой¹⁵.

Очевидно, эти дебаты не дошли до пленарного заседания IX пленума Исполкома Коминтерна, на котором Эмбер-Дро выступил с большим докладом о профсоюзах, ни слова не сказав об американской проблеме. Тем не менее принятая в итоге резолюция заканчивалась специальным разделом, посвященным Соединенным Штатам Америки. В ней заявлялось, что «создавать сильное левое крыло» во входящих в АФТ профсоюзах «абсолютно необходимо». Однако долг коммунистов также заключается в том, чтобы создавать новые профсоюзы «в тех отраслях производства, в которых рабочие совсем или почти совсем не организованы». «Левые элементы» особенно призывались к созданию новых профсоюзов в шахтерских районах, где рабочие не были объединены в профсоюзы или где эти организации находились в состоянии упадка¹⁶.

Эти события поставили всю американскую партию в сложное положение. Ловстон не испытывал любви к Лозовскому, который всегда поддерживал его соперника Фостера. Фостер не мог так легко отказаться от традиции работать в организациях АФТ, которой долгие годы придерживалась Лига профсоюзной пропаганды. Лозовский явно не пользовался полной поддержкой Коминтерна. Казалось, безопаснее было подождать и посмотреть, что будет дальше.

Ни один из американских партийных руководителей не поехал в Москву на IV конгресс Профинтерна, который открылся в марте 1928 г. Американскую делегацию возглавлял Джонстон, сторонник Фостера; в нее также входили Гитлоу и Дэнн, давно работавший в Лиге профсоюзной пропаганды.

В своем докладе конгрессу Лозовский отметил, что из 26 миллионов американских рабочих, служащих и мелких чиновников только 3 миллиона являются членами профсоюзов. Однако вместо того, чтобы начать работу по вовлечению остальных трудящихся в профсоюзы, американские товарищи предаются «своей особой болезни — боязни „дуал-юнионизма” — параллельных союзов». Лига профсоюзной пропаганды фактически выдвинула лозунг «спасайте профсоюзы», как будто американские профсоюзы стоит спасти¹⁷. Дэнн возразил, что позиция Лозовского «односторонняя». Он делает слишком большой упор на создание новых профсоюзов, слишком мало внимания уделяет работе в старых профсоюзах и слишком широко применяет тактику, направленную на обострение революционной борьбы. Гитлоу резко осудил создание новых профсоюзов как «ошибку», которая «разобщила бы нас с профсоюзными массами»¹⁸. Джонстон попытался смягчить противоречия. Он также выступил против «попешных действий в отношении „дуализма”». Но не в этом настоящая опасность. Настоящая опасность заключается в слабости партии и Лиги профсоюзной пропаганды и в «переоценке низкого политического уровня американских рабочих и недооценке их готовности к борьбе»¹⁹. Отвечая на высказанные в дебатах замечания, Лозовский осудил слабость позиции американской партии в вопросе о забастовках и резко критиковал Гитлоу²⁰.

В резолюции «О задачах сторонников Профинтерна в С.-А. С. Ш.» была повторена предпринятая за месяц до этого на IX пленуме Исполкома Коминтерна попытка преодолеть предубеждение против «дуал-юнионизма». Вовлечение в профсоюзы неорганизованных рабочих было объявлено «в настоящий момент важнейшей задачей, стоящей перед Лигой профсоюзной пропаганды». Скорее подразумевалось, чем было заявлено, что это повлечет за собой создание новых профсоюзов «в тех областях промышленности, в которых рабочие или совсем не организованы, или организованы совершенно недостаточно». Лига профсоюзной пропаганды может попытаться объединить такие профсоюзы с профсоюзами АФТ «в случае необходимости ... но только при условии гарантии клас-

сового руководства и боевой программы» — явно невыполнимое условие. Две функции Лиги были кратко сформулированы в выражениях, которые не учитывали существовавшего между ними скрытого противоречия:

«ЛПП (Лига профессиональной пропаганды. — *Ред.*) должна теперь сделаться подлинным организационным центром неорганизованных рабочих, являясь в то же время центром левого крыла в реформистских союзах»²¹.

Дилемма невольно обнаруживалась в параграфе, относящемся к ключевому положению об Объединенном профсоюзе горняков, благоразумно изъятom при публикации:

«Организация левого крыла в Объединенном профсоюзе горняков и среди неорганизованных горняков должна быть готова стать базой для создания нового профсоюза»²².

Как только стало известно об этом намерении — а его, безусловно, трудно было на практике скрыть, — работа в реформистском профсоюзе, таком, как Объединенный профсоюз горняков, была сразу же осуждена и дискредитирована как попытка расколоть профсоюз.

На отношение американской партии к этим сложным событиям повлияло возвращение на американскую арену Пеппера, который неожиданно прибыл в Нью-Йорк в середине марта 1928 г. Можно предположить, что его выступление на IX пленуме Исполкома Коминтерна сделало сложным его дальнейшее пребывание в Москве. Его миссия в американской партии заключалась не в том, чтобы встать на сторону той или иной фракции, а в том, чтобы уладить существующие между ними разногласия²³.

На пленуме Центрального комитета американской партии в мае 1928 г. озабоченность предстоящими президентскими выборами легко дала возможность отодвинуть спорные вопросы на задний план. Было вновь подтверждено, что американский капитализм «по сравнению с Европой, особенно с британским капитализмом, по-прежнему находится на подъеме», но что «экономическая депрессия уже вызвала массовую безработицу в крупных масштабах». «Историческая задача» партии — хотя еще и не массовой партии — заключалась в том, чтобы «решительно взять в свои руки инициативу по организации многих миллионов неорганизованных рабочих и руководство ими». Это, однако, не означало, что нужно прекратить борьбу за «сильное левое крыло» среди трех миллионов рабочих, входящих в организации АФТ. Из инструкций, данных Коминтерном европейским партиям, было позаимствовано несколько бессмысленных предписаний по вопросу об избирательной тактике, как-то: «не создавать единого фронта с лидерами Социалистической партии» и «не голосовать, как правило, за кандидатов от Социалистической партии»²⁴.

По-видимому, посредническая миссия Пеппера имела полный успех. Однако у него несколько притупилось чутье. Летом 1926 г. он быстро превратился из верного сторонника Зиновьева в верно-

го сторонника Бухарина²⁵. Весной 1928 г. он проявил меньше проворства и остался горячим сторонником Бухарина. Он, кажется, убедил себя и своих американских друзей, что Бухарин прочно занимает командное положение в Москве и что не следует слишком серьезно относиться к наступлению Лозовского. Ни одной секции американской партии не нравилась новая политика Лозовского, и они считали ее нереалистической. Новость была встречена с радостью. В партийной прессе появились критические статьи о Лозовском. Гармония была частично нарушена, когда сторонник Фостера Кеннон чистосердечно выступил в защиту Лозовского и осудил любой компромисс с Американской федерацией труда. Компромисс, достигнутый с помощью Пеппера, между руководителями партии продолжался достаточно долго, и в конце мая 1928 г. Фостер и Гитлоу были выдвинуты партией в качестве кандидатов соответственно на пост президента и вице-президента Соединенных Штатов Америки на ноябрьских президентских выборах²⁶.

Последующие события еще раз продемонстрировали полную зависимость американской партии от Коминтерна. В то время как партию разделяли давнишние споры по тактическим вопросам и ожесточенное личное соперничество между лидерами и группами, именно то, что происходило в Москве, решало, когда это пламя должно затухать, а когда оно должно разгораться в большой пожар. В июле 1928 г., накануне VI конгресса Коминтерна, в опубликованной в «Правде» статье, озаглавленной «Проблемы американской компартии», вновь был поднят жгучий вопрос о профсоюзах. В статье была подвергнута осуждению Американская федерация труда как «организация квалифицированных рабочих» и составная часть американского империализма и было указано, что «организация неорганизованных миллионов рабочих и образование новых революционных профсоюзов» является центральной проблемой партии²⁷.

Тем не менее в конечном счете решающим фактором была борьба за власть внутри российской партии. Трещина в американской партии открылась вслед за все еще не ставшей достоянием гласности трещиной в отношениях между Сталиным и Бухариным. Почти все американские руководители собрались в Москве в начале июля 1928 г. для участия в VI конгрессе Коминтерна. Развязанная под модным лозунгом борьбы с «правым уклоном» закулисная кампания против Бухарина была в полном разгаре²⁸, и Фостера, очевидно, после того как его несколько запугали его бывшие коллеги, склонили присоединиться к согласованным действиям против Ловстона как представителя правого крыла в американской партии.

Когда открылся конгресс, в Англо-американский секретариат поступил документ, озаглавленный «Правая опасность в американской партии», под которым поставили подписи семь членов делегации, включая Фостера, Кеннона и Биттельмана²⁹. Фостер был

вознагражден тем, что был лично принят Сталиным накануне отъезда последнего в отпуск. В той же мере из самого факта интервью, в какой и из всего того, что именно было сказано, Фостер сделал вывод, что *«Сталин был решительно против группы Ловстона и на нашей стороне»*. Сталин со своей обычной осторожностью высказался против «нашего предложения одним махом удалить группу Ловстона от власти» и объяснил, что «это нельзя делать сверху, имея в виду — отсюда». Позже, когда был обнародован отчет Фостера об этом интервью, Сталин счел удобным решительно заявить, что Фостер принял желаемое за действительное и что на самом деле он отказался принять сторону какой-либо из фракций³⁰. Однако уверенность Фостера, должно быть, была подкреплена тем интервью, которое было дано Молотовым Биттельману и Филипсу. Несмотря на то что Молотов не отреагировал на упоминание о Бухарине, у его гостей создалось впечатление, что они могут быть уверены «в полной поддержке»³¹.

Межфракционная борьба теперь характеризовалась все более усиливающимся саркастическим тоном выступлений на конгрессе. Как много лет спустя вспоминал Филипс, американская делегация была расколота на сторонников Ловстона, «рассчитывавших на триумф Бухарина», и сторонников «нашей группы, рассчитывавшей на триумф Сталина»³². Не менее десяти американских делегатов, включая Пеппера, выступили в прениях по основному докладу Бухарина, причем Фостер и Ловстон предпочли выступить в самом конце. Пеппер раскритиковал фостеровский документ о «Правой опасности в американской партии», который он охарактеризовал как несовместимый с тезисами Бухарина. Бухарин сказал, что «САСШ идут вперед», и в документе говорилось, что это ведет к «опасному оппортунистическому воззрению на нынешнее положение американского капитализма». Более действенным оказался упрек Пеппера в адрес оппозиции в совершенных ею оппортунистических ошибках в то время, когда она, в 1924 г., руководила партией³³. Фостер на это возразил: «Коренной ошибкой большинства Центрального комитета [американской партии] является систематическая недооценка внутренних противоречий и переоценка резервных сил американского империализма». Он осудил большинство за приверженность «правому уклону» и сказал, что Пеппер посвятил 50 минут своего выступления борьбе против левых и только две минуты борьбе против правых³⁴.

Вероятно ощущая свою уязвимость, Ловстон высказался резко и зло. Он еще раз процитировал документ, составленный оппозицией во главе с Фостером, чтобы показать, что он противоречит точке зрения Бухарина; оппозиция приняла тезисы Бухарина только со множеством оговорок. Теперешние руководители партии боролись против правой опасности, в то время как Фостер и его сторонники создавали ее. Затем Ловстон яростно обрушился лично на Лозовского. Лозовский заявил, что якобы американская партия, подобно германской коммунистической партии, игнорировала ре-

шение IV конгресса Профинтерна об организации неорганизованных рабочих. Он резко критиковал Пеппера, не упомянул Ловстона, но обвинил даже Фостера, Биттельмана, Кеннона и Джонстона в том, что они делают вид, будто такая резолюция не принималась. Теперь Ловстон обвинил Лозовского в том, что тот «напал на нашу партию самым беззастенчивым образом», и, повторив фразу, которую Лозовский применил по отношению к Пепперу, заявил: «Трагедия Профинтерна заключается в том, что им руководит т. Лозовский, безнадежно запутывавший почти всякое дело, где бы только он к нему ни прикоснулся». Ловстон сказал, что враждебность Лозовского ощущалась еще до открытия VII пленума Исполкома Коминтерна, в ноябре 1926 г., и закончил резким предупреждением:

«...либо он сам уберет свои руки из американских фракционных дел, либо мы это сделаем за него»³⁵.

Редко можно было услышать в Москве такую речь, произнесенную иностранным делегатом в адрес русского высокопоставленного лица, которое находилось на хорошем счету, и, вероятно, это способствовало решению судьбы Ловстона. Завершая дебаты, Бухарин уклонился от обсуждения этих спор и тактично сказал, что принципиальные разногласия в американской партии недостаточно велики, чтобы оправдать образование фракций³⁶.

Что бы ни произошло в Политической комиссии, которая составляла проект окончательного варианта тезисов, взаимная вражда внутри американской делегации не утихла и проявлялась во всех дебатах на конгрессе. Бухарин пользовался еще достаточной властью, чтобы не допустить открытого вмешательства со стороны Коминтерна. Раздел тезисов, относящийся к американской партии, был успокаивающим и бесцветным. Были совершены правые ошибки, но совершение их нельзя было сваливать на большинство в Центральном комитете. Конгресс принял решение «перенести центр тяжести на работу среди профессиональных союзов, на организацию в профессиональные союзы неорганизованных и т. д., подводя таким образом базис под реальное осуществление лозунга широкой рабочей партии, организуемой снизу». Этот раздел резолюции заканчивался призывом положить конец «фракционной борьбе»³⁷. После того как тезисы были единогласно приняты, Джонстон сделал заявление о том, что, проголосовав за резолюцию в целом, меньшинство американской делегации выражает несогласие с разделом резолюции, касающимся американской партии, где не дана критическая оценка деятельности большинства Центрального комитета, которое не выполнило директив Коминтерна и IV конгресса Профинтерна, «в особенности по вопросу об организации неорганизованных в новые союзы». Ловстон в своем ответе поддержал тезисы, осудив меньшинство и призвав к единству партии³⁸.

Состоявшиеся на конгрессе выборы в Исполком Коминтерна отразили тот дух примирения, который по-прежнему стремились

насаждать руководители Коминтерна. И Ловстон и Фостер были избраны членами ИККИ, а Гитлоу — кандидатом в члены ИККИ³⁹. Возможно, имеет важное значение то, что представляющие меньшинство экстремисты — Биттельман и Джонстон — не были избраны. Чтобы не осталось каких-либо сомнений в позиции Коминтерна, 7 сентября 1928 г. Политический секретариат опубликовал заявление, в котором вновь повторил, что выдвинутое против большинства обвинение в том, что оно проводит «правую линию», необоснованно, и призвал партию воздержаться от фракционной деятельности, отложить проведение своего съезда и сосредоточить внимание на подготовке к президентским выборам в Америке, которые должны были состояться в ноябре 1928 г.⁴⁰

Передышка продолжалась три месяца. В противовес входящим в АФТ профсоюзам под руководством коммунистов было образовано три профсоюза — Национальный профсоюз горняков, Национальный профсоюз работников текстильной промышленности и Профсоюз работников швейной промышленности⁴¹. В октябре 1928 г. большинство Центрального комитета отпраздновало свою победу, опубликовав большую декларацию с выдержками из заявлений VI конгресса Коминтерна и заявление Политического секретариата от 7 сентября 1928 г., в которых выражалось одобрение руководства партии и приводились доводы в его пользу⁴². Скромное общее количество голосов — 48 тыс., — поданных за коммунистов на президентских выборах, казалось, подтвердило правильность осторожного мнения большинства о революционных перспективах в Соединенных Штатах. Однако на ходе событий вновь сказалось влияние того, что происходило в Москве.

Решающий пленум Центрального Комитета российской партии, открывшийся там 16 ноября 1928 г., ознаменовал новое поражение правой группировки и ослабление позиции самого Бухарина⁴³. 21 ноября 1928 г. Политический секретариат Коминтерна направил американской партии письмо, которое обрушилось на нее как гром среди ясного неба. В письме резко критиковался самодовольный тон октябрьской резолюции американской партии, отрицалось, что VI конгресс «ясно заявил о своем доверии большинству, а не меньшинству», и предлагалось Центральному комитету отложить съезд партии до февраля 1929 г.⁴⁴ Между тем слабое и подавленное меньшинство было не только не в состоянии воспользоваться этим неожиданным подарком судьбы, но и испытало еще один удар. Кеннон, сверхрвностный сторонник Фостера, признался, что перешел на позиции Троцкого, и с горсткой своих сторонников был исключен из партии⁴⁵.

Большинство ухватилось за посланную ему небом возможность реабилитировать себя перед Москвой. 6 декабря 1928 г. Центральный комитет партии принял резолюцию о правой опасности в Советском Союзе и Германии, для виду поздравил КПГ с «ее убедительной победой над откровенно оппортунистической группой

Брандлера» и провел параллель между этими событиями и исключением из американской партии троцкистской группы Кеннона, Лора и Истмена, охарактеризованной как «откровенный союзник капиталистов, социал-демократов и Американской федерации труда, целью которой является полное уничтожение коммунистической партии»⁴⁶. На проходившем с 15 по 19 декабря 1928 г. пленуме Центрального комитета американской партии группа Ловстона пользовалась поддержкой подавляющего большинства. Однако посланные из Москвы сигналы опасности не были еще прочитаны. Активное участие в работе пленума дискредитированного теперь Пеппера вряд ли могло снискать расположение руководителей Коминтерна. Дальше — хуже: Ловстон воспользовался случаем лично отдать должное Бухарину:

«Я не считаю, что он представляет правое крыло Коммунистического Интернационала, хотя другие думают иначе. Я считаю, что товарищ Бухарин представляет коммунистическую линию, линию Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) Советского Союза»⁴⁷.

Простодушие несвоевременной лояльности не могло проявиться ярче.

Съезд партии (по-американски «конвеншн») должен был открыться 1 марта 1929 г. Свое руководство работой съезда Коминтерн осуществил в излюбленной им форме — форме «Открытого письма». Коминтерн похвалил партию за проделанную работу за прошедший год по созданию новых профсоюзов, но одновременно заявил, что партия «недостаточно вооружена для великих классовых битв». Многочисленные критические замечания были тщательно распределены между большинством и меньшинством. В письме неоднократно подчеркивалось, что «нет существенных противоречий по принципиальным вопросам», которые оправдывали бы упорство постоянно враждующих между собой фракций. Позитивные инструкции были бессодержательны и традиционны. Письмо заканчивалось внезапно словами: «Фракционная борьба должна быть ликвидирована, и к руководству партией должны быть привлечены рабочие». Из этого ясно следовало, что Коминтерн, вовсе не являясь приверженцем существующих руководителей, благосклонно отнесся бы к их замене. Однако без ответа остался вопрос о том, какой должна быть замена и как ее нужно осуществить⁴⁸. Чувство отвращения, охватившее партийных руководителей по получении этих загадочных предписаний, было выражено Бедахтом, возглавлявшим отдел агитпропа в партии, в его письме к Вольфу в Москву от 20 февраля 1929 г.:

«В тот самый момент, когда у нас дело пошло на лад, когда фракционная борьба обещает прекратиться из-за истощения сил одной из фракций, возникает опасность реанимации умирающей оппозиции и поощрения ее к продолжению беспринципной фракционной борьбы. Конечно, мы не являемся молчаливыми соучастниками такого преступления. Напротив, наши планы заключаются

в том, чтобы воспользоваться этим истощением оппозиции и выбросить всю эту свору на свалку»⁴⁹.

Тем же самым агрессивным духом проникнут опубликованный Ловстоном памфлет:

«Съезд нанесет смертельный удар фракционизму. Это решение Коммунистического Интернационала. Мы должны положить конец фракционизму. Мы должны ликвидировать все группировки в партии. Мы должны уничтожить фракции»⁵⁰.

Чувство уверенности в себе было подкреплено выборами делегатов на съезд, которые состоялись до получения «Открытого письма»: из 104 делегатов 95 обещали поддержку Ловстону⁵¹.

Ловстон, однако, не учел то чувство недоверия, которое его успехи и его высокомерие вызвали в Москве, и решимость Коминтерна не позволить ему воспользоваться плодами своей победы. Накануне съезда в Нью-Йорк с новыми устными инструкциями прибыли два представителя Коминтерна — Денгель из германской партии и Поллит из Компартии Великобритании. Инструкции касались не вопросов политики, а вопросов организации. Фостер должен был стать генеральным секретарем партии, а Ловстон и Биттельман, лидеры соперничающих группировок, должны были быть освобождены от работы в партии и направлены на работу в Коминтерн в Москву⁵².

1 марта 1929 г. в Нью-Йорке открылся съезд партии, в работе которого приняли участие 104 делегата и 500 других членов партии, в основном рабочие⁵³. Взаимная неприязнь между группами была сильная, дело на съезде доходило до ожесточенной перепалки⁵⁴. Предложение назначить Фостера генеральным секретарем было с треском провалено. При решении политических вопросов съезд оказался более послушным. Под давлением Денгеля Ловстон и Гитлоу поддержали резолюцию с осуждением Бухарина и послали поздравительную телеграмму «большевистскому руководству во главе с товарищем Сталиным». За этот жест последовало некоторое вознаграждение. Сталин был в благосклонном расположении духа. Он ответил, что при условии направления Ловстона, Биттельмана и Пеппера в Москву и осуществления права Коминтерна пересматривать решения съезд может действовать по своему усмотрению. Это означало, с одной стороны, настойчивое требование смещения настоящего руководства, а с другой — лишение Фостера поддержки. В результате состоявшихся в конце съезда выборов и назначений Фостер был избран членом Центрального комитета и возглавил отдел по делам профсоюзов, но другие уступки меньшинству были незначительны. Гитлоу сменил Ловстона на посту генерального секретаря, а партия сменила свое название с «Рабочей (коммунистической) партии Америки» на «Коммунистическую партию США»⁵⁵.

Ловстон, очевидно с подсказки Вольфа, предложил теперь направить в Москву американскую партийную делегацию для выяснения положения дел; это было одобрено Коминтерном. Биттель-

ман уже планировал свою поездку в Москву, туда же был направлен и Фостер. В Москве собралось все руководство американской партии, и 14 апреля 1929 г. оно предстало перед Американской комиссией. Председательствовал в комиссии Куусинен, и в число ее членов наряду с другими входили Сталин, Молотов, Лозовский и Мануильский, а также Бела Кун и Ульбрихт. Заседание открылось длинными выступлениями Гитлоу и Фостера, полными злобных нападок друг на друга. Затем члены комиссии устроили перекрестный допрос американским представителям, не забывая указывать на ошибки и недостатки обеих групп⁵⁶. После этого заседание комиссии было прервано, чтобы дать возможность советским руководителям принять участие в заседаниях Центрального Комитета российской партии и XVI партийной конференции, работа которых продолжалась с 16 по 29 апреля 1929 г.⁵⁷

После возобновления работы комиссии и после выступлений американских представителей выступили и Лозовский, и Гусев, и Коларов. Наконец, 6 мая 1929 г., на заключительном заседании комиссии выступили Сталин и Молотов. Сталин утверждал, что обе группы «преувеличивают значение специфических черт американского капитализма» и, таким образом, не видят «общих черт капитализма, которые одинаковы во всех странах» и должны составлять «основу деятельности каждой коммунистической партии». Обе группы, «и особенно руководители большинства», виновны в «беспринципной фракционности» и строили свои отношения с Коминтерном «не на принципе доверия, а на принципе гнилой дипломатии, политики дипломатических интриг». Фостера и Биттельмана лицемерно упрекнули за то, что они называют себя «сталинистами»: таких животных в природе не существует. Однако большинством защищало Пеппера и сопротивлялось требованию Коминтерна о его отзыве; затем, заискивая, неожиданно исключило его из партии. Сталин объявил о намерении комиссии послать еще одно «Открытое письмо» американской партии. В письме будет высказано порицание большинству за его недавнее поведение, осуждение фракционности и будет содержаться настойчивое требование о переводе Ловстона и Биттельмана на работу в Москву⁵⁸.

Явная решимость Сталина расколоть существовавшее руководство наполнило сердца американских представителей гневом и отчаянием. Именно в таком настроении они опубликовали 9 мая 1929 г. заявление о том, что если на этом решении будут настаивать, то американская партия сделает вывод, что Исполком Коминтерна «хочет ликвидировать Центральный комитет и поэтому проводит политику узаконивания прошлой фракционности оппозиционного блока и побуждает к продолжению этой политики в будущем»⁵⁹.

Такое беспрецедентное и открытое неповиновение могло только ужесточить наказание. 12 мая 1929 г. Молотов, Куусинен и Гусев представили на рассмотрение комиссии предлагаемое «Обращение» ИККИ «ко всем членам Коммунистической партии Соеди-

ненных Штатов Америки». Ответственность за «беспринципную фракционную борьбу» возлагалась в нем и на большинство и на меньшинство. Однако львиная доля вины была приписана большинству, которое после VI конгресса Коминтерна совершило «грубые правые ошибки». В «Обращении» была разделана под орех «так называемая теория „исключительности“», ярчайшими выразителями которой были Пеппер и Ловстон. Кризис капитализма, радикализация трудящихся масс, необходимость обострения борьбы против реформизма, необходимость борьбы против правой опасности — все это существует где угодно, но, как утверждалось, не в Соединенных Штатах и не в американской партии. Было упомянуто о нежелании Пеппера следовать указаниям ИККИ и вернуться в Москву; Ловстона упрекнули в том, что на съезде американской партии он ссылался на «гноящуюся рану» в аппарате Коминтерна. Гитлоу и Бедахт вместе с Ловстоном были подвергнуты критике за невыполнение решений Коминтерна. Были еще раз сделаны оперативные выводы о переводе Ловстона и Биттельмана в Москву и о передаче дела Пеппера в Интернациональную контрольную комиссию.

Американскую делегацию попросили высказать свое мнение. Ловстон попытался уклониться от ответа, но от него потребовали ответить «да» или «нет» на вопрос, согласен ли он с текстом «Обращения». Когда Ловстон вновь ушел от ответа, Куусинен резко сказал, что это уже факт не фракционной деятельности руководителей партии, направленной против меньшинства, а фракционной деятельности, направленной против самого Исполкома Коминтерна⁶⁰. Комиссия закончила свою работу на этой зловещей ноте.

Теперь этот вопрос был передан на рассмотрение Президиума ИККИ, который всю ночь 14 мая 1929 г. заседал вместе с американской делегацией. Куусинен зачитал текст «Обращения», а Гитлоу огласил заявление от лица десяти американских представителей, в котором говорилось, что принятие этого «Обращения» приведет к «деморализации, дезинтеграции и хаосу в партии» и «сделает для нас абсолютно невозможным продолжение эффективной работы в коммунистическом движении». После того как несколько представителей других партий и американские слушатели ленинской партийной школы использовали все средства для убеждения американских представителей, Сталин подвел итог. Он осудил «сверхфракционное» заявление от 9 мая 1929 г. и «еще более фракционное и антипартийное» заявление, только что зачитанное Гитлоу на Президиуме ИККИ. Теперь он направил свою критику почти исключительно против Ловстона и его сторонников, которые отождествляли свою группу с партией. Это, по утверждению Сталина, была грубая ошибка. Партия шла за Ловстоном, потому что она считала его верным сторонником Коминтерна. Если теперь он объявит войну Коминтерну, его «формальное большинство» исчезнет⁶¹.

Затем Президиум Исполкома Коминтерна принял «Обращение» при одном голосе против, а именно Гитлоу, единственного члена Президиума — американца. После этого решение стало обязательным, и каждого американского представителя одного за другим попросили изложить свою позицию. Два из них, Бедахт и еще один делегат по имени Норал, покаяться в своих заблуждениях и объявили о своем безоговорочном повинении. Семеро, включая Ловстона и Вольфа, заявили, что они не согласны с решением, но принимают его в порядке партийной дисциплины. Только Гитлоу объявил, что он возражает против этого решения и будет продолжать против него бороться. Это вызвало у Сталина вспышку гнева, и он назвал Ловстона и Гитлоу «анархистами» и «штрейкбрехерами», которые отвергают принцип индивидуального подчинения «коллективному руководству». Впоследствии и Ловстон, и Гитлоу, и Вольф вспоминали оскорбительные и угрожающие фразы, которые не были включены в стенографическую запись выступления Сталина. Высказав все это, Сталин вышел из комнаты, и заседание закончилось⁶².

Провал бунта был неожиданный и полный. 17 мая 1929 г. Политический секретариат Исполкома Коминтерна принял резолюцию, согласно которой Ловстону, Гитлоу и Вольфу запрещалось занимать ответственные посты в американской партии, из Политического комитета партии были выведены все те, кто не подчинялся решениям Коминтерна, и Ловстон был предупрежден о том, чтобы не покидал Советский Союз⁶³. По-видимому, Сталин точно оценил настроение в американской партии. Текст «Обращения» был получен в Нью-Йорке 18 мая 1929 г., и в тот же самый день Политический комитет Коммунистической партии США, в отсутствие своих руководителей, но под председательством Майнора, до этого времени одного из сторонников Ловстона, единогласно принял решение о подчинении решению Коминтерна. Политический комитет принял резолюцию, в которой выразил свое полное и безусловное согласие с «Обращением» Исполкома Коминтерна и призвал членов делегации, находящейся в Москве, отказаться от сопротивления и выполнять содержащиеся в «Обращении» предписания. Центральный комитет партии телеграфировал текст этой резолюции Исполкому Коминтерна с просьбой сообщить его американской делегации⁶⁴.

Ловстон последним из американской делегации уехал из Москвы. 31 мая 1929 г., после того, как он дважды выступил с полукрасивыми заявлениями о своем подчинении принятому решению, причем во втором случае он согласился принять назначение Коминтерна и работать в какой-либо другой стране, кроме Соединенных Штатов и Советского Союза, Ловстон получил разрешение съездить в Нью-Йорк. Несмотря на попытку новых руководителей американской компартии запретить ему эту поездку, 11 июня 1929 г. он выехал в Нью-Йорк через Данциг. В конце июня Ловстон, Гитлоу и Вольф были исключены из партии решением ее

Политического комитета. Они сразу же послали апелляцию в адрес проходившего в Москве X пленума Исполкома Коминтерна с просьбой пересмотреть решение Президиума ИККИ от 14 мая 1929 г. и назначить новую комиссию для изучения дел в американской партии ⁶⁵.

Когда 3 июля 1929 г. открылся X пленум ИККИ, интерес в Москве к причиняющей беспокойство американской партии уже притупился. Куусинен и Мануильский в своих первых выступлениях не коснулись положения дел в американской партии ⁶⁶. Майнор, который организовал капитуляцию 18 мая, выступал в качестве основного докладчика от американской делегации. Он обвинил Пеппера и Ловстона в том, что в тезисах, проект которых они составляли для VI конгресса Коминтерна, отсутствует упоминание о «третьем периоде», и отождествил Ловстона и Гитлоу с Брандлером и Таллгеймером. Он закончил свою речь похвалой в адрес новых профсоюзов — членов Лиги профсоюзной пропаганды и сказал, что их создание является «новой главой в истории классовой борьбы в Америке» ⁶⁷. Выступая с докладом по вопросу об экономической борьбе, Лозовский не применил использовать возможность и еще раз уколоть Ловстона за его нежелание создавать новые профсоюзы. Броудер, получивший продвижение главным образом благодаря тому обстоятельству, что по заданию Коминтерна работал на Дальнем Востоке, вследствие чего он два с половиной года находился вдали от ожесточенной борьбы в партии, также выступил в прениях. Однако его бесцветная речь была примечательна только в том отношении, что он избегал личных выпадов ⁶⁸.

В основной резолюции по докладу Куусинена и Мануильского содержалось поздравление Исполкома Коминтерна с извращением американской партии от «беспринципной фракционности» и от «разлагающего влияния» Ловстона и Пеппера. В специальной резолюции, принятой в последний день работы пленума, повторялось обвинение в адрес Ловстона, а его обращение с апелляцией к Коминтерну (два его товарища не были названы) было охарактеризовано как «маневр». Тем не менее Интернациональная контрольная комиссия получила указание рассмотреть апелляцию, но только при условии, что Ловстон представит ее лично; в противном случае можно будет считать вопрос об его исключении окончательно решенным ⁶⁹.

Михайлов под фамилией Уильямс прибыл в Нью-Йорк как представитель Коминтерна для наблюдения за реорганизацией партии. Бедахт был назначен исполняющим обязанности секретаря, а Майнор, Уайнстон и Фостер — членами Секретариата ⁷⁰. Цель была ясна — оставить контроль за партией в руках бывших членов группы Ловстона, которые вовремя отrekliсь от него. Фостер сохранил свои позиции только в профсоюзном движении. С 31 августа по 2 сентября 1929 г. в Кливленде прошел большой конгресс Лиги профсоюзной пропаганды, на котором присутствовало 695 делегатов. На нем была принята новая программа и

устав организации. Теперь, когда Лига открыто проводила политику, направленную на раскол профсоюзного движения через создание революционных профсоюзов, она сменила свое название на Лигу профсоюзного единства⁷¹. В 1930 г. Броудер сменил Бедахта на посту секретаря. Бурные дни остались позади. Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки была полностью большевизирована и представляла собой теперь единое целое с Коминтерном. Так как она всегда находилась на периферии американской политической жизни, она, возможно, в ходе этих событий потеряла меньше, чем некоторые другие коммунистические партии.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЯПОНИИ

После того, как в 1924 г. Коммунистическая партия Японии потерпела крах, руководство в Москве в последующие несколько лет настойчиво, но не регулярно проводило работу в следующих трех направлениях: поддержка левого крыла в профсоюзном движении, которая привела к образованию в 1925 г. неортодоксальной профсоюзной федерации Хиогикай¹, учреждение легальной Рабоче-крестьянской партии² и разработка планов по возрождению самой коммунистической партии.

Из этих направлений первое казалось наиболее перспективным. В мае 1926 г. Хиогикай разослала приглашения на конференцию, которая должна была состояться в ее штаб-квартире в Осаке, чтобы обсудить идею о созыве конгресса для создания всеяпонской федерации профсоюзов (эта инициатива напоминала тактику, проводимую в тот период Профинтерном)³. Положительные ответы были получены от 29 профсоюзов, а главная профсоюзная федерация Содомэй, которая поддерживала отношения с Международной организацией труда в Женеве и с Международной федерацией профсоюзов в Амстердаме, хотя и выразила неодобрение по поводу предлагаемого конгресса, но согласилась послать на конференцию своего представителя. Вскоре после начала работы конференции (которая открылась 20 июня 1926 г.) она стала ареной борьбы между профсоюзными федерациями Хиогикай и Содомэй, при этом на словах победила первая, а на деле — вторая. В заключительной резолюции был одобрен принцип создания унитарной профсоюзной федерации, однако процедура для ее создания выработана не была⁴. В октябре 1926 г. на XV конгрессе федерации Содомэй ее лидеры могли похвалиться тем, что им удалось сорвать наступление Хиогикай, и они в свою очередь обратились с призывом о создании единой профсоюзной организации на базе федерации Содомэй⁵.

Эксперимент по созданию при поддержке коммунистов легальной Рабоче-крестьянской партии был с самого начала сопряжен с трудностями. На состоявшемся в Осаке 26 июля 1926 г. пленуме Исполнительного комитета партии было вновь выдвинуто требование исключения федерации Хиогикай и других левых организаций из партии, и три месяца спустя изгнание этих организаций из

партии было подтверждено на конгрессе профсоюзной федерации Содомэй. В глазах Москвы это равнялось «расколу партии»⁶. Однако это решение натолкнулось на некоторое сопротивление. На работу сессии Исполнительного комитета партии, проходившую 24—25 октября 1926 г., оказывала подавляющее влияние группа, которая представляла Японский крестьянский союз. Эта группа выразила протест в связи с запретом на пребывание левых в партии и потребовала пересмотра этого решения на следующем партийном съезде. Вслед за этим представители федерации Содомэй демонстративно покинули зал заседания, и Исполнительный комитет выпустил обращение с требованием принятия всех пролетариев в Рабоче-крестьянскую партию⁷. Однако единственным результатом этих усилий было появление трещины внутри Японского крестьянского союза и попытка федерации Содомэй создать новую Рабоче-крестьянскую партию под своей собственной эгидой⁸. Утверждение, высказанное Катаямой на VII пленуме Исполкома Коминтерна в ноябре 1926 г. о том, что «Рабоче-крестьянская партия находится сейчас под контролем левого крыла... значительно укрепляется» и имеет более двух миллионов приверженцев⁹, было далеким от истины.

В этих запутанных обстоятельствах толчок к столь страстно желаемому в Москве воскрешению Коммунистической партии Японии дала группа интеллигентов, преимущественно студентов. Лига пролетарской молодежи, созданная главным образом коммунистами в качестве замены прежней Лиги коммунистической молодежи, провела свой учредительный съезд в декабре 1925 г. в Токио, спровоцировав несколько арестов¹⁰. В этот период наиболее влиятельной фигурой был энергичный и эрудированный молодой японский марксист по имени Фукумото, который решил заложить глубокую марксистско-ленинскую базу для развития коммунизма в Японии и приобрел широкую популярность и поддержку во всем движении. Обильно заимствуя высказывания из работ Ленина, он сосредоточил свое внимание на необходимости располагать «правильной» марксистской теорией в качестве базы для политической борьбы и любил цитировать предписание Ленина о том, что «для того, чтобы объединяться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Допуская необходимость создания массовой пролетарской партии, он считал, что ближайшей целью является создание небольшой дисциплинированной коммунистической партии в качестве авангарда рабочего движения¹¹.

В кругах Коминтерна, в Москве, мнения разделились. На проходившем в феврале — марте 1926 г. VI пленуме ИККИ японский вопрос не обсуждался. Однако два японских представителя, принимавших участие в работе пленума, были вызваны в возглавляемую Брауном, британским представителем, комиссию, членами которой были также Рой, Войтинский, Геллер и Катаяма. Это был период расцвета политики единого фронта в Москве, и после окончания работы пленума комиссия приняла резолюцию по японскому

вопросу, в которой было выражено настоятельное требование к японским коммунистам «немедленно отказаться от нашей групповой формы ведения работы и сосредоточить свое внимание на создании партии, руководствующейся политикой Коминтерна». В принятых вместе с резолюцией тезисах упор делался скорее на привлечение в партию рабочих, чем на требование «100-процентного коммунизма», предлагалось создавать партийные ячейки на фабриках и осуждалась «неудачная тенденция превращать [партийные] публикации в чисто теоретические». До начала следующего пленума ИККИ японские коммунисты должны были провести «учредительный съезд для создания новой партии»¹².

Эти предписания были явно предназначены для того, чтобы противодействовать интеллектуальным и теоретическим наклонностям Фукумото. Набэяма, японский представитель на VII пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем в Москве в ноябре — декабре 1926 г., был встревожен, узнав, что советские руководители рассматривают учение Фукумото как разновидность троцкизма¹³. Однако именно на Фукумото и его последователях лежит в первую очередь ответственность за возрождение на секретном совещании — которое состоялось в декабре 1926 г. и которое называли «третьим съездом партии» для того, чтобы подчеркнуть преемственность с предыдущей партией, — Коммунистической партии Японии, за вооружение ее программой и избрание Центрального комитета партии¹⁴.

В Москве планы Фукумото вызвали противодействие потому, что Москва испытывала недоверие к перспективе создания небольшой сектантского характера партии в стране с многочисленным пролетариатом и потенциально сильным профсоюзным движением, и, возможно, все это было подкреплено недоверием к такой сильной и независимой личности, как Фукумото. В новый Центральный комитет, по-видимому, не вошел никто из прежнего руководства, и Янсон, который совмещал свой пост главы советской торговой делегации в Токио¹⁵ с ролью постоянного представителя Коминтерна, мог воспользоваться существовавшей в партии подозрительностью для подрыва позиций Фукумото. Зависящее от коминтерновских субсидий и издававшееся нелегально периодическое издание «Мусанша Симбун»¹⁶ повело наступление на Фукумото. Освобожденный из тюрьмы в январе 1927 г. старый и заслуженный руководитель партии Арахата отверг обращение председателя Центрального комитета Сано Манабу вступить в новую организацию. Теперь было решено направить представительную делегацию в Москву, чтобы разобраться в этих трудностях. Янсон предложил присоединиться к делегации не только Арахате, но и Ямакаве, осужденному в 1924 г. среди других «ликвидаторов», но оказавшемуся теперь снова в фаворе, поскольку он был противником Фукумото. Оба отказались, но сделали письменные заявления, в которых подвергли критике взгляды Фукумото¹⁷.

Делегация прибыла в Москву как раз к началу VIII пленума

Исполкома Коминтерна, открывшегося 18 мая 1927 г. Японский вопрос был передан на рассмотрение в комиссию под председательством Бухарина; другими членами комиссии были Мерфи, Бела Кун, Янсон и Катаяма, который, однако, не играл почти никакой роли в комиссии. Сначала из японских представителей только Набэяма, имевший за плечами шестимесячный опыт жизни в Москве, выступил с критикой Фукумото. Однако постепенно все остальные более или менее решительно присоединились к мнению Коминтерна. Роковым для Фукумото стало выдвинутое против него обвинение (в то время это было обычным приемом в борьбе против любых отклонений от линии партии) в троцкизме. Более правдоподобным было соотнесение его взглядов со взглядами Лукача. Сам он, по-видимому, не оказал большого сопротивления. Заседания комиссии продолжались еще длительное время даже после окончания работы пленума ИККИ 30 мая 1927 г. И только 15 июля 1927 г. тезисы, составленные, как говорили, Бухариным и единогласно принятые комиссией, были официально одобрены Президиумом Исполкома Коминтерна¹⁸.

Тезисы начинались обширной преамбулой о внешнем и внутреннем положении Японии, где утверждалось, что «японские империалисты играют особенно активную роль в подготовке будущей войны» и что «японская интервенция в Китае является свершившимся фактом». Однако в них признавалось существование «глубоких и все более обостряющихся противоречий между Японией и другими империалистическими державами», и Коммунистическая партия Японии призывалась к «борьбе против японской интервенции в Китае и подготовки войны против СССР». Подразумевалось, что этим полностью объясняется важное значение роли партии. В тезисах использовались методы, известные по партийным заявлениям и заявлениям Коминтерна, прилагались усилия к тому, чтобы, не впадая в крайность, сначала осудить тот уклон, который уже не имел серьезного значения, а затем перейти к тому, который являлся подлинной целью. Вначале разделились с «тенденцией к ликвидаторству», которую олицетворял Ямакава, а затем огонь перенесли на «другой уклон, контртенденцию», возглавляемую Фукумото.

Выдвинутый Фукумото лозунг «размежеваться, чтобы объединиться», который «самым радикальным и решительным образом отличается от ленинизма», не только означает чрезмерный акцент на чистой идеологии, но и «ведет к тактической изоляции партии от масс и к ликвидации коммунистической партии в качестве массовой партии». Партия должна быть преобразована в рабочую партию — рабочую по целям и составу. Минимальные требования, соответствующие текущей ситуации и тактике единого фронта (некоторые из них были взяты из составленной Фукумото в декабре предыдущего года программы партии), должны сочетаться с лозунгами о создании рабоче-крестьянского правительства и диктатуры пролетариата¹⁹. Хотя, говорилось в тезисах, сам Фукумото

«уже отверг» ассоциируемые с его именем уклонистские тенденции, расхождения между ним и лидерами Коминтерна были слишком велики, чтобы их можно было преодолеть.

Фукумото и два его товарища были выведены из Центрального комитета японской партии. При обсуждении новых назначений было предложено, чтобы Арахата вновь вошел в Центральный комитет. Цель перестановок заключалась как будто бы в увеличении числа пролетариев в руководстве партии за счет сокращения представителей интеллигенции; возможно, более важной целью было создание Центрального комитета, послушно следующего за Коминтерном. Возрос также, без всякого сомнения, и авторитет Янсона, который покоился на его роли распределителя фондов Коминтерна через Дальневосточное бюро Коминтерна в Шанхае. 2 декабря 1927 г., когда все делегаты возвратились в Японию, состоялось секретное заседание, на котором были ратифицированы принятые в Москве решения²⁰. Несколько дней спустя, на XV съезде российской партии в Москве, Бухарин, называя Фукумото «товарищ К.», произвел любопытный теоретический анализ его взглядов. Фукумото заимствовал у Гегеля положение о том, что пролетариат должен «развиваться в противоречиях», и это привело его к выдвиганию лозунга «раскалываться и объединяться». Он заимствовал из работы Ленина «Что делать?» понятие о том, что для «выработки социалистической идеологии» нужна партия «революционных интеллигентов». Для страны, в которой уже существовало массовое рабочее движение, это было «сектантское учение, долгое время мешавшее развитию всей партии»²¹. На том же съезде Лозовский указал на несоответствие между численно «маленькой» коммунистической партией и «огромным рабочим движением», основой которого является пятимиллионный отряд промышленных рабочих²².

20 февраля 1928 г. в Японии состоялись выборы²³, которые по причине, не имевшей прямого отношения к этим событиям, явились поворотным пунктом для несчастливой японской коммунистической партии. Инструкции Москвы относительно того, как должна будет вести себя партия во время избирательной кампании, были заключены в «Открытом письме» Катаямы, которое было опубликовано в печати. Основной задачей партии было «появление перед массами с развернутым знаменем», хотя жесткие административные ограничения не давали ей возможности выдвинуть собственных кандидатов, и члены партии должны были поэтому голосовать за кандидатов Рабоче-крестьянской партии. (О том, что некоторые из них были коммунистами, упомянуто не было.) Вместе с тем коммунистическая партия должна проводить свою кампанию как независимая партия и должна доказать массам, что социал-демократические лидеры являются «в действительности социал-империалистами и союзниками палача Чан Кай-ши»²⁴.

Японская коммунистическая партия сделала все от нее зави-

сящее, чтобы выполнить эти сложные указания. 1 февраля 1928 г. коммунистическая партия выпустила первый номер отпечатанной на мимеографе своей собственной газеты «Ред флэг», которая продолжала выходить во время избирательной кампании и использовалась как средство для проведения слабо завуалированной коммунистической пропаганды и для нападок на другие партии. Результаты выборов оказались малоутешительными для различных левых групп, которые все вместе получили лишь восемь мест; из них два места были завоеваны Рабоче-крестьянской партией²⁵.

Это обстоятельство, однако, спровоцировало японские власти на действия. До этого времени возрожденная Коммунистическая партия Японии не подвергалась прямым нападкам, хотя члены любой нелегальной организации всегда подлежали аресту, если вступали в столкновение с полицией. 15 марта 1928 г., проведя массовую облаву, полиция захватила всех руководителей компартии, заняла помещение партии и завладела документами. Это привело к полному прекращению деятельности партии: только горстка партийных руководителей избежала ареста, по большей части благодаря пребыванию за границей. Была запрещена Рабоче-крестьянская партия и распущена профсоюзная федерация Хиогикай. Коммунистическое движение, терпеливо созданное при поддержке и по инициативе Коминтерна, было полностью разрушено²⁶. 26 апреля 1928 г. Пантихоокеанский секретариат профсоюзов в Шанхае выпустил прокламацию, содержащую обращение ко всем профсоюзам с протестом против преследований и массовых арестов японских рабочих²⁷. 4 мая 1928 г. Политический секретариат ИККИ принял резолюцию о задачах Коммунистической партии Японии. Партию довольно сурово упрекали в том, что она зашла слишком далеко в проведении политики единого фронта с другими левыми партиями:

«В Японии, в не меньшей степени, чем в других странах... коммунистическая партия может развиваться только в борьбе против социал-демократии».

Врагами являются «капитализм и *реформизм*». Партию призвали создавать и укреплять свои нелегальные организации и образовывать партичейки на фабриках и шахтах. Она должна была помочь восстановить разгромленную профсоюзную федерацию Хиогикай и всеми возможными средствами обеспечивать соблюдение интересов рабочих и крестьян²⁸. Опубликование этих инструкций вряд ли облегчило положение партии.

Крах Коммунистической партии Японии лишил Коминтерн возможности действовать в этой критической ситуации. Столкновение между японскими и китайскими националистическими силами в Цзинане²⁹ заставило Коминтерн обратиться к «рабочим, крестьянам и солдатам Японии» с пламенным призывом «принудить империалистов прислушаться к вашему требованию немедленного вывода всех войск из Китая и других колоний»³⁰. Существуют доказательства того, что эта война была непопулярна среди сол-

дат, мобилизованных для прохождения службы в Китае. Тем не менее желание вызвать в Японии массовое недовольство войной выходило далеко за рамки тех возможностей, которыми располагал или мог располагать Коминтерн. Урезанная японская делегация, в уменьшенном составе прибывшая в июле 1928 г. на VI конгресс Коминтерна — причем все члены делегации, за исключением Китаямы, скрывались под псевдонимами³¹, — старалась сочетать искренность с оптимизмом. Сано Манабу, глава делегации, нарицал мрачную картину:

«В марте нынешнего года японские империалисты совершили налет на Коммунистическую партию Японии, бросили в тюрьму тысячу активных рабочих и крестьян, отправили в Китай 55 000 солдат и 55 военных судов и подчинили Маньчжурию и Шаньдунскую провинцию своему военному режиму, превратив их фактически в колонии. Японский империализм хотел таким образом задушить китайскую революцию и совершил первый шаг на пути к мировой войне. Начиная с весны 1928 г. японский и английский империализм сблизилась между собой с целью сокрушить китайскую революцию и напасть на СССР. Антагонизм между Японией и Союзными Штатами обострился. Япония сбросила свою маску „дружбы с СССР“.

Японский империализм поистине является оплотом реакции в Азии»³².

Признания в неудачах и слабости партии соответствовали повороту влево в политике Коминтерна и особенно одному из выводов, записанных в резолюции о «Революционном движении в колониальных и полуколониальных странах»:

«Особые „рабоче-крестьянские партии“, какой бы они ни имели революционный характер в отдельные периоды, слишком легко могут превратиться в обыкновенные мелкобуржуазные партии, и потому коммунистам не рекомендуется организовывать такие партии. Коммунистическая партия никогда не может строить свою организацию на основе слияния двух классов»³³.

Никто не предлагал применять эту резолюцию в отношении Японии. Но ее положения предполагали радикальный отход от проведения политики активной поддержки Рабоче-крестьянской партии, — политики, которую под руководством Коминтерна последние два года проводила Коммунистическая партия Японии.

В Японии партия проявила неожиданную жизнеспособность перед лицом обрушившихся на нее ударов. Осенью 1928 г. Ватанабэ и Набэяма присутствовали на заседании Дальневосточного бюро Коминтерна в Шанхае для получения денег от Янсона и составления планов, а также посетили Пантхоокеанский секретариат профсоюзов. Первое из последовавших за этим событий было роковым. Возвращаясь окольным путем в Японию, Ватанабэ был схвачен полицией на Формозе и застрелен или застрелился в завязавшейся борьбе³⁴. Тем временем Сано, избранный VI конгрес-

сом Коминтерна в его Исполнительный комитет под именем Като³⁵, остался в Москве, чтобы принять участие в работе Японской комиссии ИККИ, которая в октябре 1928 г. составила новый проект «Тезисов о ближайших задачах Коммунистической партии Японии». В тезисах повторялись сделанные на конгрессе наставления. Партия была подвергнута критике за то, что слишком большое значение придавала Рабоче-крестьянской партии, которая никогда не могла стать ведущей революционной партией, так как была создана на основе слияния двух классов. Долг коммунистической партии — восстановить свою собственную организацию, бороться за восстановление федерации Хиогикай, одновременно работая в реформистских профсоюзах, и создавать фракции в крестьянских профсоюзах для усиления левого крыла. Эти тезисы были опубликованы в Японии в декабре 1928 г. вместе с политическим заявлением Сано³⁶.

Еще до этого в рядах партии имели место случаи ренегатства. Возглавляемая Ямакавой группа выступила за отказ от нелегальной деятельности, что означало бы ликвидацию партии, и в опубликованной в Москве статье Катаяма осудил Ямакаву, назвав его «вождем ликвидаторов», и сравнил его с русскими меньшевиками 1905 г.³⁷ Поредевшие партийные ряды были пополнены молодыми японцами, учившимися в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока³⁸, и зимой 1928/29 г. было достигнуто некоторое оживление деятельности партии в Японии. Формально независимый журнал «Мусанша Симбун», тираж которого весной 1928 г. достигал, по словам журнала, 35 тыс. экземпляров³⁹, неуклонно отражал линию партии, и вновь стала выходить нелегальная партийная газета. Публикация резолюции Коммунистического интернационала молодежи с осуждением прежней японской молодежной лиги за то, что та не разоблачала социал-демократов и неправильно толковала политику единого фронта рабочих и крестьян, привела к возрождению лиги, которой удалось в январе 1929 г. начать выпуск нового журнала. Распущенная профсоюзная федерация Хиогикай была заменена новым советом профсоюзов («Дзэнкё»), имевшим свой собственный печатный орган⁴⁰.

Однако эти свидетельства возобновления деятельности коммунистической партии спровоцировали правительство на новые репрессии. 16 апреля 1929 г. была произведена облава и были схвачены несколько сотен партийных активистов и активистов «Дзэнкё», а затем, или несколькими днями позже, в сеть были пойманы фактически все руководители партии. Два месяца спустя Сано Манабу, который жил в Шанхае после возвращения из Москвы, был арестован китайской полицией и передан японским властям⁴¹. По сравнению с весной прошлого года этот внезапный удар был намного более стремительным и действенным. Когда на X пленуме Исполкома Коминтерна, который состоялся в июле 1929 г., говорилось о развязывании 15 марта 1928 г. «белого террора», продолжающегося «по настоящее время», это не было большим пре-

увеличением; и японские представители смогли доложить только о таких своих достижениях, как несколько небольших демонстраций, проведенных во время коронации микадо в ноябре — декабре 1928 г., и о единичных забастовках и волнениях в других местах⁴². Партия практически перестала существовать, и в течение нескольких месяцев ничего не удавалось сделать для объединения ее разрозненных рядов.

В Корее еще одна попытка создать единую коммунистическую партию была сделана весной 1926 г., когда партия получила признание и, очевидно, небольшие денежные средства от Коминтерна⁴³. Единственным ее достижением была организация совместно с корейской Лигой коммунистической молодежи и корейскими националистами 10 июня 1926 г. крупномасштабных демонстраций по случаю похорон последнего императора независимой Кореи, свергнутого Японией двадцатью годами ранее. Однако «ее многочисленные политические фракции и недостаточный контакт с массами»⁴⁴ помешали ей организовать сколько-нибудь заметные выступления. Хорошо осведомленная японская полиция разогнала демонстрации и арестовала практически всех активных коммунистов — 101 человек, — так что партия вновь перестала существовать. Выступая на проходившем в ноябре 1926 г. VII пленуме Исполкома Коминтерна, корейский представитель охарактеризовал Корею как «самое слабое место японского империализма» и утверждал, что во время демонстраций 10 июня коммунистическая партия и Лига коммунистической молодежи стояли «во главе массового революционного движения», но больше не дал никакой информации о партии⁴⁵.

На состоявшемся в Брюсселе в феврале 1927 г. конгрессе Антиимпериалистической лиги, после того, как Катаяма выступил с осуждением японского империализма, особенно отметив Корею, а также Китай, Индию и Индонезию, слово взял живший в Париже корейский делегат, который произнес пространную обвинительную речь в адрес японского правления, и в принятой конгрессом резолюции содержалось требование о предоставлении Корею «полной независимости»⁴⁶. В начале 1927 г. корейские коммунисты начали работать в незадолго до этого созданной националистической организации, называвшейся «Симканхое». Ситуация напоминала ту, в которой оказались коммунисты в Гоминьдане, и Коминтерн одобрил такое положение дел, при условии — нереалистическом, — что партия покончит со своими вечными внутренними разногласиями и завоеует себе лидирующее положение в «Симканхое»⁴⁷. Однако этот эксперимент также оказался неудачным. История корейского коммунистического движения продолжала оставаться историей постоянной фракционной борьбы и арестов коммунистов, производимых жестокой и бдительной японской полицией. В начале 1928 г. пресса сообщила о процессе над 101 коммунистом и националистом, обвинявшимся по делу 10 июня

1926 г., причем 84 из них были осуждены на различные сроки тюремного заключения⁴⁸.

На состоявшемся 27 февраля 1928 г. съезде (место проведения съезда не зафиксировано) была сделана еще одна попытка создать Коммунистическую партию Кореи («четвертую партию»). Съезд получил директиву Коминтерна ликвидировать фракционные разногласия, привлечь в партию больше рабочих и крестьян и завоевать революционные националистические партии⁴⁹. Однако эта попытка оказалась такой же неудачной, как и предыдущие. Ни один корейский делегат не был приглашен для участия в VI конгрессе Коминтерна, проходившем в июле 1928 г., и представитель Коммунистической партии Японии коротко заметил, что корейская партия находится под угрозой «ликвидаторства» и что корейские коммунисты неспособны «положить конец» «постоянной фракционной борьбе»⁵⁰. Совершенно нереалистичные предписания, изложенные в принятой на конгрессе резолюции о «Революционном движении в колониальных и полуколониальных странах», заканчивались ссылкой на «абсолютно необходимую ликвидацию вредного фракционного духа в ее рядах»⁵¹.

В декабре 1928 г. Политический секретариат Коминтерна одобрил чрезвычайно длинные тезисы по корейскому вопросу, в которых скорее были отражены типичная для Коминтерна того времени фразеология и китайский опыт, чем какой бы то ни было специфический анализ корейских условий. Было отмечено, что «революция в Корее может быть только аграрной революцией» и «в этом смысле буржуазно-демократической»; тем не менее перед пролетариатом стоит «задача стать гегемоном в этой революции». Японские империалисты, вероятно, пойдут на уступки национальной буржуазии, что будет способствовать развитию «национальных реформистских тенденций». Это делало сохранение авангардной роли партии в национальном освободительном движении еще более важным. До этого времени партия почти исключительно состояла из интеллигенции и студентов. Преобладание в ней «мелкобуржуазных интеллектуалов» и отсутствие связи с массами было «одной из важных причин постоянных кризисов», от которых страдала партия. Тезисы заканчивались призывом к рабочим и крестьянам и предложением помощи со стороны Исполкома Коминтерна: «Без перестройки и укрепления коммунистической партии невозможна последовательная и решительная борьба за освобождение страны от ига японского империализма и за проведение аграрной революции»⁵².

Когда в Москве были приняты эти тезисы, корейской партии, которая могла бы их получить, не существовало. В январе 1929 г. группа живущих в Маньчжурии корейских эмигрантов организовала встречу, чтобы попытаться восстановить партию, одобрила тезисы и направила эмиссара в Корею. Однако, хотя самому эмиссару удалось скрыться, те, с кем он установил контакт, были сразу же арестованы⁵³. Партия еще раз распалась. На X пленуме Ис-

полкома Коминтерна в Москве в июле 1929 г. руководитель Восточного отдела Секретариата объяснил, что из-за постоянной фракционной борьбы в Коммунистической партии Кореи, провоцируемой японской полицией, Президиум ИККИ был вынужден прервать все отношения с партией и ее центральным органом и проинструктировать корейских коммунистов «работать непосредственно среди народных масс, на фабриках». Была выражена благочестивая надежда на то, что эти «жесткие меры» «быстро произвели отрезвляющее воздействие» и что вскоре станет возможно вновь принять партию в Коминтерн⁵⁴. Семь корейских выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока были с этой целью направлены на работу в Корею, но быстро попали в когти полиции⁵⁵. Тем временем на Дальнем Востоке корейские коммунисты написали «Манифест ассоциации по подготовке к воссозданию Коммунистической партии Кореи», и в декабре 1929 г. была опубликована пространная программа, подчеркнута основанная на решении VI конгресса Коминтерна, и появились тезисы, одобренные в декабре 1928 г.⁵⁶ Однако все это было не более чем теоретизирование.

В печальной истории банкротства в 20-е гг. коммунистической партии в Корее умелые действия японской полиции, по общему признанию, сыграли решающую роль. Корея представляла собой очаг недовольства, в котором едва ли можно было провести грань между национальными и социальными факторами. У корейских коммунистов были и смелость и упорство. Тем не менее отсутствие даже в самой рудиментарной форме политических традиций или опыта не только легко сделало их жертвами репрессий, но и помешало им создать какую-либо организацию. Время от времени Коминтерн давал деньги то одной, то другой из соперничающих фракций в партии и принимал корейцев для обучения в Коммунистический университет трудящихся Востока и в другие московские учебные заведения. Однако у него не хватало понимания того, что происходит в Корее и что разделяет фракции, и он пытался судить о происходящем в этой стране, основываясь на китайском или еще более далеких примерах. Неоднократные призывы Коминтерна к прекращению фракционной борьбы не были услышаны. До тех пор пока Корея оставалась под твердым японским игмом, она была политической заводью, и интерес Коминтерна к корейским делам был таким же незначительным, как и понимание их.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Руководство германским флотом не разделяло энтузиазма своих коллег из военного ведомства по поводу установления контакта с советскими вооруженными силами. Не было ничего неестественного в том, что как германские, так и советские военно-морские офицеры должны были быть больше заинтересованы в западной ориентации. Германское военно-морское командование отклонило предложение участвовать в 1924 г. в создании учебного аэродрома для германской авиации в Липецке¹. Советская сторона была в основном заинтересована в получении германской помощи в деле строительства подводных лодок, и 25 апреля 1925 г. министерство военно-морского флота Германии прислало ответ на переданные ему советской стороной вопросы, касающиеся действий подводных лодок, приложив несколько военно-морских справочников и пособий².

Первые серьезные попытки установления сотрудничества между советскими и германскими военно-морскими силами, подобного тому, какое существовало между их сухопутными силами, были предприняты в 1926 г., причем инициатива снова исходила от советской стороны. 26 марта 1926 г. советский военный атташе в Берлине Лунев в сопровождении морского офицера по фамилии Орас встретился с высокопоставленными офицерами германского военно-морского флота для обсуждения вопроса о возможности предоставления Германией помощи в реорганизации советского военно-морского флота и в строительстве новых кораблей, особенно подводных лодок. Представитель германской стороны привлек внимание советского представителя к тому, что в Нидерландах имеется «Инхенёрскантоор фор Схеепсбаув» — якобы коммерческий концерн, финансируемый германским правительством, который занимался проектированием и строительством подводных лодок для Турции и других иностранных держав. Орас попросил направить германских представителей в Советский Союз для обсуждения всей проблемы в целом³.

В ответ на эту просьбу в течение 10 дней, с 5 по 16 июня 1926 г., в Советском Союзе находилась германская военная миссия, возглавляемая адмиралом Шпиндлером. В течение этого времени миссия вела переговоры с заместителем военного комиссара Уншлихтом и командующим советским военно-морским флотом

Зофом; члены миссии посетили береговые укрепления военно-морских сил в Ленинграде, а также крейсер «Марат», эскадренный миноносец «Энгельс» и подводную лодку «Батрак» в Кронштадте. Первое впечатление оказалось «неожиданно благоприятным», хотя корабли во многих отношениях устарели. 14 июня 1926 г. Шпиндлер передал Уншлихту в Москве записку, в которой выражалась надежда на то, что германский флот, возможно, сможет передать чертежи немецких подводных лодок и предоставить трех технических советников: офицера флота и двух инженеров. Позже в беседе Уншлихт выразил пожелание более официально оформить это предложение. Зоф отверг планы сотрудничества с концерном «Инхенёрскантоор фор Схеепсбаув» (тем временем советские офицеры уже посетили его), назвав их недостаточными, и высказал пожелание получить «что-либо конкретное»; он намекнул, что свою помощь предложила Италия. Визит завершился в атмосфере «осторожной доброжелательности»⁴.

На проведенном 1 июля 1926 г. в министерстве военно-морского флота совещании германских военно-морских офицеров, где был заслушан устный отчет Шпиндлера, его предложения были подвергнуты довольно жесткой критике; по-видимому, возникло опасение, что он, возможно, зашел слишком далеко в своей записке Уншлихту от 14 июня 1926 г. Было решено, что не может быть и речи о строительстве немцами подводных лодок в Советском Союзе: такое решение исключало возможность возникновения военного прецедента. Тем не менее советские подводные лодки могут строиться на германских заводах, и Германия может предоставить советников при условии, что оплата их труда будет производиться Германией, а не Россией. Некоторые из присутствующих возражали даже против этих уступок и хотели просто отослать советские власти к концерну «Инхенёрскантоор фор Схеепсбаув»⁵. Наряду с этим в германских архивах сохранился неподписанный, без даты меморандум сторонников другого мнения, в котором приводятся доказательства преимущества германо-советского военно-морского сотрудничества на Балтике в случае войны между одной из этих стран или ими обеими и Польшей⁶. Единственное, что решено было сделать немедленно, — это передать советскому правительству чертежи построенных во время войны германских подводных лодок, которые уже были переданы союзникам по условиям Версальского договора. 24 июля 1926 г. чертежи были с курьером отправлены и вручены лично Уншлихту⁷.

Окончательное решение германское военно-морское командование приняло 29 июля 1926 г. В нем было высказано мнение, что будущее Советского Союза неопределенно и ненадежно. Однако основной причиной неблагоприятного вывода была надежда на возможность достижения смягчения ограничений, наложенных Версальским договором посредством переговоров с «англосаксами». Западная ориентация в области военно-морских проблем открывала большие возможности. Отношения с советским военно-

морским флотом невозможно было бы скрыть, а посему «было бы значительно труднее — если вообще не невозможно — установить контакты с английским флотом». Поэтому благоразумие требовало ограничить все дела с советскими представителями обсуждением вопроса о подводных лодках и не посылать больше чертежей⁸. В какой форме это предложение было передано советскому руководству, неизвестно. Но 2 декабря 1926 г. Мулкевич, сменивший Зофа на посту главнокомандующего советским военно-морским флотом⁹, заявил представителю германских вооруженных сил, что переданные в начале года планы германской подводной лодки устарели и что денег на строительство подводных лодок нет. Он, однако, спросил, почему бы не построить совместную базу для кораблей на Черном море, аналогичную авиабазам на Каме и в Липецке¹⁰. Вопрос, скорее всего, был риторическим. Уже было ясно, что германское военно-морское командование не желает такого сотрудничества. Несколько дней спустя в рейхстаге и в прессе появились вызвавшие замешательство сообщения о существовании между Советским Союзом и Германией военного сотрудничества¹¹, что, возможно, заставило германское военно-морское командование порадоваться тому, что оно вовремя отказалось от проведения такого ненадежного курса.

В имеющихся в нашем распоряжении архивах германского военно-морского флота за 1927—1928 гг. нет материалов по вопросу о советско-германском военном сотрудничестве. Какие бы ни проводились обсуждения, значительных результатов достигнуто не было. В феврале 1929 г. Нидермейер по поручению Берлина вновь поднял вопрос о военно-морском сотрудничестве в беседе с Вороншиловым, который положительно отнесся к этому предложению и сказал, что, по его мнению, были бы полезны личные контакты¹². В марте 1929 г. германское военно-морское командование было готово направить в Советский Союз еще одну военно-морскую миссию, главным образом для получения информации о советском военно-морском флоте¹³, но этот план не был осуществлен. На лето 1929 г. намечался визит Мулкевича в Германию. Однако вскоре Мулкевич был заменен адмиралом высокого ранга В. Орловым — замена, которая показала, что советская сторона не проявляет большой заинтересованности. Планировался также визит советских кораблей в Свинемюнде и Пиллау. Но опыт 1918 г. заставлял германское военно-морское командование с опаской относиться к контактам с судовыми командами коммунистов¹⁴. Визит в Свинемюнде, как и должен был, состоялся в августе 1929 г., а несколько месяцев спустя депутат от социал-демократической партии с иронией рассказывал в рейхстаге, как советские и германские адмиралы обменивались на приеме притворными тостами¹⁵. Однако во время следующих переговоров обе стороны выражали лишь взаимные вежливые заверения, и вскоре стало ясно, что обе стороны отказались от планов военно-морского сотрудничества в будущем.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК

Настойчиво проповедовавшееся Коминтерном начиная с 1922 г. требование того, чтобы организационной основой коммунистических партий становились партийные ячейки на фабриках или по иному месту работы, вызывало широко распространенное сопротивление, и на проходившем в марте 1926 г. VI пленуме ИККИ было предпринято осторожное отступление, которое выразилось в признании допустимости создания наряду с партийными ячейками на предприятиях так называемых «уличных ячеек», которые более соответствовали присущей Западу традиции создавать организации по территориальному принципу¹. Однако эта уступка пришлась не по вкусу Оргбюро Исполкома Коминтерна, возглавлявшемуся ограниченным и упрямым Пятницким, который упорно продолжал настаивать на создании партийных ячеек на предприятиях. Время от времени лояльные партийные руководители делали попытки следовать этим указаниям вопреки мнению оппозиции или в условиях индифферентности своих сторонников.

В резолюции Исполкома Коминтерна по организационным задачам Коммунистической партии Великобритании выражалось сожаление в связи с неспособностью партийных ячеек на предприятиях играть более или менее значительную роль во время проведения всеобщей забастовки: они «еще не стали основными звеньями партии»². В суматохе подготовки к предстоявшему в октябре 1926 г. партийному съезду британская компартия издала проект устава и правил «для передачи на рассмотрение восьмого съезда», в которых был, как обычно, четко сформулирован следующий принцип:

«Основным звеном партии является партийная группа. Партийные группы должны создаваться на всех фабриках, шахтах, железнодорожных станциях и на всех других промышленных, торговых и сельскохозяйственных предприятиях, где работают не менее трех членов партии. Для всех членов партии является обязательным вступление в такие группы по месту работы, если они существуют. Все члены партии, живущие в данном районе, при условии, что они не являются членами партийной группы на предприятии или не прикреплены к такой группе, должны быть объединены в партийные группы по месту жительства (улицы или района)»³.

В опубликованной, по-видимому, в это же самое время брошюре о партийных группах на предприятиях рассказывалось о функциях таких групп, и в ней невольно приоткрывались некоторые из затруднений, возникавших во взаимоотношениях между такими группами и региональными или местными партийными комитетами. В официальном отчете о работе VIII съезда британской коммунистической партии нет упоминаний о дебатах по проекту устава или о его одобрении съездом. В «тезисах» о международной обстановке, представленных Центральным комитетом КПВ съезду, среди симптомов, указывающих на улучшение положения дел за время, прошедшее после последнего партийного съезда, кратко отмечалось «усиление внимания к созданию партийных групп на предприятиях» и среди прочих давалась рекомендация «продолжать уделять внимание созданию на предприятиях партийных групп, являющихся основой партии, совершенствованию работы партийного аппарата на местах (особенно отделов, отвечающих за работу в промышленности и за партгруппы на предприятиях)»⁴. Ни в каких других документах съезда этот вопрос, по-видимому, не упоминался. На состоявшейся после съезда партийной конференции по организационным вопросам было заявлено, что зарегистрировано создание 240 партийных групп на предприятиях⁵. На следующих съездах партии этот вопрос больше не поднимался и не играл никакой роли во время острых разногласий, имевших место в Компартии Великобритании в 1928 и 1929 гг.

Одновременно подобные же усилия были предприняты во Французской коммунистической партии. На состоявшемся в июне 1926 г. V съезде ФКП в докладе, посвященном организационным вопросам, Торез на словах поддержал партийные ячейки на предприятиях как организационные единицы для членов партии и во всеуслышание заявил, что «мы должны прекратить создавать партийные организации на предприятиях на бумаге, и только на бумаге». Он отнес медленное продвижение вперед в этом вопросе за счет «все еще ненормального социального состава нашей коммунистической партии», то есть за счет низкого процента в ней пролетариев.

Фабричные партийные ячейки облегчили подход к рабочим на небольших и среднего размера фабриках. Однако на более крупных промышленных предприятиях партия всегда ощущала свою слабость, и в партийных организациях, состоящих из двух или трех человек, наблюдалась тенденция к отрыву от рабочих масс, особенно там, где они действовали на нелегальном положении. Вот почему решение этого вопроса заключалось не только в создании партийных ячеек для сочувствующих по территориальному принципу, но и в привлечении большего числа рабочих в партийные ячейки на крупных предприятиях. Рено Жан указывал, что «уличные» партийные ячейки объединяют главным образом мелкобуржуазные элементы, и опасался появления расхождений между ними и рабочими. После краткого обсуждения, однако, выступавшие

переключились на мелкие вопросы, и при двух воздержавшихся была принята резолюция, в которой рекомендовалось перевести в партийные ячейки на предприятиях тех членов партии, «кто не должен входить в «уличные» партийные ячейки»⁶. Бряд ли принятие этой резолюции во многом способствовало изменению порядка, при котором «партийные ячейки на предприятиях» создавались «на бумаге, и только на бумаге».

В Германии в начале 1927 г. в журнале КПГ была опубликована статья, в которой выражалась уверенность в том, что партия осуществила преобразования в первичных партийных ячейках «без потери числа членов» и повысила эффективность работы этих ячеек⁷. В статье, помещенной весной 1927 г. в журнале Коминтерна, Пятницкий с гордостью писал, что «в большинстве промышленных районов и крупных городов [Германии]... исчезли существовавшие по месту жительства старые ячейки, и на их месте созданы партийные ячейки на предприятиях». И все же даже в этих благоприятных намерениях исходили из ошибочной посылки о существовании принципиального различия между так называемыми «уличными» партийными организациями и прежними, созданными «по месту жительства»; последующий опыт не подтвердил этого. Еще менее реалистической была вера Пятницкого в необходимость создания партийных ячеек и на предприятиях в Соединенных Штатах, а также в «Аргентине, Бразилии, Уругвае и т. д.». Утверждение, что новая организационная система пришла на смену старой в Польше и в Италии, было довольно правдоподобно, так как коммунистические партии в этих странах работали в условиях подполья и те контакты, которые им удавалось устанавливать с рабочими, должно быть, осуществлялись через небольшие группы на предприятиях. Однако деятельность обеих партий была сведена практически к нулю, и поэтому вызывает сомнение масштаб проводимой ими работы⁸.

Руководители Коммунистического интернационала молодежи, которые были первыми и самыми горячими сторонниками этого принципа⁹, добились не большего успеха, навязывая ячейечную организацию союзам молодежи, чем тот, которого добился Коминтерн в отношении коммунистических партий. В 1926 г. «рядом со старыми организациями, основанными по территориальному принципу», сохранились только «отдельные ячейки»¹⁰. После периода относительного спокойствия в январе 1928 г. на конференции по организационным вопросам вновь был составлен проект тщательно разработанных инструкций по созданию ячеек¹¹. Эти предписания, кажется, имели не больший успех, чем предыдущие. Данные, опубликованные в середине 1928 г., показывают, что только 7,1% членов германского союза молодежи, 7,6 — французского и 10,8% чехословацкого союза молодежи были организованы в ячейки¹².

Это дело так не оставили. В начале 1928 г., когда Коминтерн оказывал давление на Французскую компартию с тем, чтобы она проводила более левую политику¹³, член Секретариата Коминтерн

на Васильев выступил с критикой слабой организационной деятельности партии, и в особенности в отношении партийных ячеек на предприятиях¹⁴. Тем не менее, когда во время взаимных обвинений, последовавших за окончанием избирательной кампании во Франции в мае 1928 г., три члена парижской департаментской федерации ФКП выразили протест против попытки заменить профсоюзные организации на предприятиях партийными ячейками, в Секретариате партии их успокоили, сказав, что этот вопрос еще будет обсуждаться¹⁵. В июне 1928 г. Рено Жан безуспешно пытался обсудить его на партийной конференции¹⁶.

Однако в следующем месяце партийные ячейки на предприятиях опять оказались мишенью для критики на заседании Латинского секретариата во время работы VI конгресса Коминтерна. Рено Жан вновь заявил, что, «как правило, создание партийных ячеек на предприятиях терпит неудачу». Только Лозовский пытался защитить такие ячейки, утверждая, что все, что им нужно, — это «более активная деятельность». Секретарь парижской департаментской федерации Кост сказал, что в одном важном районе города из 155 рабочих — членов партии только 38 работают на фабриках, на которых трудится более 1000 человек, и только 14 являются членами партийных ячеек, а делегат от департамента Нор язвительно заметил, что «партия разрезана на ряд маленьких кусочков, называемых „ячейками“»¹⁷. Было заметно, что и Семар и Эмбер-Дро избегают этого вопроса.

На самом VI конгрессе Коминтерна Васильев ухватился за возможность, которую он получил в ходе прений при обсуждении вопроса военной опасности, чтобы показать неспособность ведущих коммунистических партий организовать партийные ячейки на предприятиях. Если в 1926 г. во время проведения V съезда ФКП во французской партии было 2500 таких групп, то сейчас только 1000 групп, которые едва охватывают 30% всех членов партии. Полученное из США, из промышленного города Спрингфильд сообщение гласило, что там «заводских ячеек никогда не было, и никто вопросом о них не занимался»; недавно общее число членов партии там упало с 36 до 16. Проведенная после VIII пленума Исполкома Коминтерна в 1927 г. проверка деятельности германской компартии в области работы партийных ячеек на предприятиях показала, что они «очень слабы, насчитывают единицы или максимум десятков членов»¹⁸. По-видимому, больше никто на VI конгрессе не поднимал этого вопроса. Однако в принятом на конгрессе пересмотренном Уставе Коминтерна сохранилось без изменений безоговорочное требование (вненесенное в Устав на V конгрессе в 1924 г.) о создании «партийных ячеек на предприятиях» как основы коммунистической партии¹⁹.

Ни по одному вопросу не обнаруживалось такого резкого противоречия между, с одной стороны, заявлениями Коминтерна и послушно повторяющих их партийных руководителей и, с другой стороны, упорным игнорированием осуществления этих предписа-

ний членами партии, как по вопросу об организации партийных ячеек на предприятиях. На VI съезде Французской компартии, который открылся 31 марта 1929 г., основной докладчик по организационным вопросам признал, что «преобразование нашей партии в этом направлении еще не началось» и что «превалирует опасное безразличие к организации партийных ячеек на предприятиях»²⁰. В принятых на съезде тезисах выражался протест против «отказа от создания партийных ячеек на предприятиях» и объяснялось, что требуется лишь исправить их недостатки и улучшить их работу²¹.

Когда на X пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем в июле 1929 г., упрямо стоявший на своем Пятницкий представил равнодушной аудитории обзор положения дел, он нарисовал картину почти полного провала. На учете в партийных ячейках состояло постоянно изменяющееся и не слишком внушительное в количественном отношении число членов партии, и партийные ячейки на предприятиях сдавали позиции «уличным ячейкам», которые, как теперь осознал Пятницкий, «не отличаются по своей работе от прежних местных организаций, создававшихся по месту жительства».

Германская компартия в 1926 — самом удачном — году располагала 2243 партийными ячейками на предприятиях и 1928 «уличными» ячейками; в 1928 г. соответственно — 1556 и 2461. Все возрастающее число районных партийных организаций совсем не имело партийных ячеек на предприятиях. У американской партии в 1927 г. было 166 партийных ячеек на предприятиях, объединявших 1638 членов партии, и 452 «уличные» ячейки, насчитывавшие 8115 человек; в 1928 г. — 111 партийных ячеек на предприятиях с 1224 членами партии и 468 «уличных» ячеек с 9461 членом партии. (Общее число членов партии в это время равнялось 13 тыс. человек.) В Чехословакии в 1927 г. 15%, а в 1928 г. 12% от общего числа членов коммунистической партии состояли в партийных ячейках на предприятиях, а 47% в 1927 г. и 42% в 1928 г. были членами «уличных» ячеек. Во Французской компартии в феврале 1928 г. только 31% от 56 тыс. ее членов принадлежал к партийным ячейкам на предприятиях; в апреле 1929 г. они составили только 24% от 45 тыс. Более того, 21% членов партийных ячеек предприятий на этих предприятиях не работали и были только формально к ним прикреплены²².

Никто не попытался возразить против выдвинутого Пятницким обвинения, и, если не считать формальных упоминаний об этом вопросе в заключительном слове Куусинена по окончании дебатов и в конце резолюции по вопросу об экономической борьбе²³, вопрос этот был молчаливо проигнорирован. Упорство, с которым западные партии цеплялись за построение партийных организаций по территориальному принципу, близкому буржуазной демократической традиции, было, возможно, менее примечательным, чем упрямство, с которым Пятницкий и его коллеги стремились, несмотря на упорное сопротивление, навязать этим партиям систе-

му, основанную на исключительно пролетарской концепции партии и освященную традицией революции 1917 г.²⁴

Тем не менее это был не просто организационный вопрос. Партии, которые настаивали на организационном строении своих рядов по территориальному принципу, участвовали в парламентских выборах и рассматривали себя как партии, которые на конституционном основании участвуют в избирательной борьбе наряду с другими парламентскими партиями. Партийные ячейки на предприятиях, в отличие от территориальных звеньев, были нелегальными и революционными. Предубеждения, существовавшие против них у западных партий, показали, что эти партии еще не были подлинно революционными. Преобразование их организации было, по мнению руководства Коминтерна, единственным способом поднять их революционный дух, которого у них по-прежнему не доставало.

«СОЦИАЛ-ФАШИЗМ»

Термин «социал-фашизм» появился случайно и незаметно в советской прессе в первые две недели после захвата власти Муссолини, причем он применялся в отношении итальянских социалистов, которые были готовы оказать поддержку новому правительству¹. На IV конгрессе Коминтерна, который открылся 5 ноября 1922 г., Зиновьев, не употребляя данного термина, говорил об этом новом и тревожном явлении. Говоря об «этом фашистском синдикализме», он продолжал:

«Это идеология мелкой буржуазии, которая в действительности не так далека от идеологии социал-демократии, как это иногда думают... Современный фашизм в Италии не так уж далеко отошел от социал-демократии Носке, адаптировавшейся к существующим в Италии условиям»².

В основной резолюции конгресса фашизм характеризовался как «последняя карта в игре буржуазии». В резолюции по итальянскому вопросу реформисты, то есть правые социалисты, именовались более сдержанно — «истинными предвестниками фашизма»³. Проведение аналогии между условиями в Италии и Германии оказалось еще более уместным, когда Радек выступил со своим страстным обращением, касавшимся германских фашистов (так называемая «линия Шлагетера») летом 1923 г.⁴ и когда несколько месяцев спустя роковая неудача, постигшая восстание германских коммунистов, была названа в резолюции КПГ, принятой 3 ноября 1923 г., «победой фашизма над Ноябрьской республикой»⁵.

Горечь поражения в Германии и нужды политики партии препятствовали тому, чтобы в Москве одобрили потенциальный альянс КПГ с социал-демократической Веймарской республикой, направленный против фашизма. Когда два месяца спустя для вынесения решения по этому вопросу состоялось заседание Президиума Исполкома Коминтерна, Зиновьев отказался от этой оценки и вернулся к тому, что он говорил в ноябре 1922 г., назвав среди других Пилсудского и Турати «фашистскими социал-демократами» и сделал при этом заключение, что «международная социал-демократия стала крылом фашизма». В принятой Президиумом ИККИ резолюции руководители Социал-демократической партии Герма-

нии были осуждены как «сектор германского фашизма, действующий под маской социализма»⁶. Этот маневр предназначался главным образом для дискредитации Брандлера, Радека и политики единого фронта с социал-демократами, и ему не придавалось большого теоретического значения. На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. Зиновьев охарактеризовал СДПГ и Социалистическую партию Франции как «левое крыло буржуазии», однако это не удержало его от того, чтобы вновь назвать социал-демократию «крылом фашизма»⁷. В резолюции конгресса по вопросу о фашизме было твердо заявлено:

«При все прогрессирующем распаде буржуазного общества все буржуазные партии, и особенно социал-демократия, принимают более или менее фашистский характер... Фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала»⁸.

Три месяца спустя Сталин в одном из своих первых крупных выступлений в международных делах, вторя Зиновьеву, сказал:

«Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма... Это не антиподы, а близнецы»⁹.

Однако с наибольшим энтузиазмом эти тезисы были встречены в германской компартии, где в это время в руководстве преобладали левые. В 1924 г. социал-демократы создали свою собственную полувоенную организацию «Рейхсбаннер», и журнал КППГ, иронически комментируя это событие, писал, что если СДПГ будет и дальше следовать этим путем, то «Рейхсбаннер» вскоре будет преобразована в «фашистский отряд». А несколько месяцев спустя Розенберг, который в то время был представителем левого крыла компартии Германии, писал еще более откровенно:

«Фашизм Людендорфа пришлось заменить фашизмом Маркса — Штреземана; черно-бело-красные ударные отряды пришлось заменить черно-красно-золотыми ударными отрядами»¹⁰.

В 1925 и 1926 г., отмеченных отходом Коминтерна от крайне левой политики и возвращением к политике единого фронта, наблюдался также некоторый отход от отождествления социал-демократии с фашизмом. В марте 1925 г. на V пленуме ИККИ Зиновьев снова называет социал-демократию «крылом фашизма» и «крылом буржуазной „демократии“»¹¹. Однако это не нашло отражения в резолюциях пленума. Говорят, что в том же месяце Домский, с опозданием прокладывая ультралевую борозду в Коммунистической партии Польши, применил этот термин к Польской социалистической партии¹². Годом позже, на VI пленуме Исполкома Коминтерна, теряющий теперь свое влияние Зиновьев по-прежнему пытался поставить знак равенства между социал-демократией и фашизмом, но получил отпор от Цеткин, заявившей, что бессмысленно говорить рабочему социал-демократу: «Приди в мой объятия, товарищ пролетарий, да здравствует единый фронт в профсоюзах», в то время как ультралевые говорят ему: «Ты — фашист и предатель, я тебя хвачу по башке». Нужно проводить раз-

личие между лидерами и «введенными в заблуждение массами»¹³. Реакция польских коммунистов на произведенный Пилсудским переворот в мае 1926 г. привела к тому, что Коминтерн решительно отказался от какой бы то ни было тенденции придавать значение мелкобуржуазным элементам в фашистском движении или искать с ними союза, и выжидательная позиция Польской социалистической партии была строго осуждена¹⁴. Тем не менее, когда в ноябре 1926 г. на VII пленуме ИККИ Зиновьев, выступая от лица оппозиции, напомнил недоброжелательной аудитории, что в 1924 г. на V конгрессе Коминтерна он заклеил социал-демократию как «крыло фашизма», ответом ему была мертвая тишина¹⁵.

С того времени в течение многих месяцев, даже в период яростных и резких выступлений против социал-демократии, в Москве ничего не говорилось о ее тождественности или союзе с фашизмом. В германской компартии за удалением в августе 1925 г. Маслова и Рут Фишер из партийного руководства последовал период реакции против левых, в течение которого настойчиво проповедовалась политика единого фронта с социал-демократами, а оппозиция внутри партии составляли почти исключительно группы так называемых «ультралевых». Однако этот период длился недолго, и когда — особенно после VII пленума ИККИ, состоявшегося в ноябре 1926 г., и после того, как СДПГ использовала в своих целях осуществляющуюся между Советским Союзом и Германией секретную торговлю оружием¹⁶, — среди руководителей германской компартии вновь стали обычными яростные нападки на социал-демократию, пугало фашизма было вскоре возрождено. Весной 1927 г. в статье, помещенной в партийном журнале КПГ, «отряды Гитлера» были поставлены в один ряд с «отрядами Носке», а несколько месяцев спустя термин «социал-фашизм» вновь появился в заголовке статьи: «Социал-империализм и социал-фашизм в профсоюзах»¹⁷.

В начале 1928 г. нажим слева проявился на IX пленуме Исполкома Коминтерна и IV конгрессе Профинтерна. В мае 1928 г. выборы в германский рейхстаг, во время которых возросло число голосов, поданных за компартию, привели к образованию «великой коалиции», в которой, как отмечалось в журнале КПГ, «представители германского фашизма сидят рядом с представителями СДПГ»¹⁸. 12 мая 1928 г. в статье, опубликованной в «Роте Фане» и озаглавленной «Социал-фашизм или классовая война?», Пик красноречиво распространялся о том, что суть как фашизма, так и социал-демократии состоит в примирении классов и отказе от классовой борьбы.

Подготовка проекта программы Коминтерна для передачи ее на рассмотрение предстоявшего VI конгресса стимулировала дискуссию по этому вопросу. 25 мая 1928 г. комиссия ИККИ одобрила проект программы. Полагают, что ее раздел, посвященный вопросу о фашизме, был написан Бухариным, который поставил в один ряд социал-демократию и фашизм, не употребив, однако, тер-

мина «социал-фашизм»¹⁹. Более бескомпромиссная точка зрения была выражена Ленцем, представлявшим в комиссии по выработке программы германскую компартию. Еще до публикации проекта программы Коминтерна он писал в журнале КПГ, что проявляемые в СДПГ «тенденции в направлении к социал-фашизму» имеют «безусловно, не просто сиюминутный, а перманентный характер». А когда был опубликован проект программы, то он открыто потребовал усиления текста, вновь утверждая, что «превращение социал-демократии в социал-фашизм» — это не случайное, а закономерное явление²⁰. Выступая на пленуме Центрального Комитета российской партии 5 июля 1928 г., Сталин высказался против предложения перенести из одной главы проекта в другую раздел, касающийся «контрреволюционной роли социал-демократии»²¹. Однако — помнил он суждение, высказанное им в 1924 г., или нет — теперь Сталин не проявлял интереса к отношению между социал-демократией и фашизмом и никогда не употреблял термина «социал-фашизм». Заряд, заложенный именно в этом термине, исходил не от него.

Выступая в общей дискуссии после начала работы конгресса, Тельман, повторив формулу Ленца, говорил о «превращении реформизма в социал-фашизм»²², а Денгель, выступая в прениях по проекту программы, упомянул о «переходе социал-империализма к социал-фашистским методам». В то же время Семар резко осудил употребление термина «социал-фашизм» вместо проведения «точного анализа реальной политической ситуации»²³. Бухарин в своем заключительном слове ограничился осторожным признанием наличия «социал-фашистских тенденций» в социал-демократии²⁴. Термин «социал-фашизм» не фигурирует ни в окончательном варианте текста программы, ни в тезисах Бухарина. Из этого можно сделать вывод, что представители КПГ, возможно при некотором поощрении со стороны руководителей Коминтерна, очень хотели получить право заклеить своих оппонентов из СДПГ как социал-фашистов, что Бухарину, как и некоторым зарубежным делегатам, не нравился этот термин, что лично Сталин занял нейтральную позицию и что Бухарин все еще обладал достаточным авторитетом, чтобы одерживать верх в вопросах, в которых против него не выступал Сталин.

Несмотря на эту частичную неудачу в кампании против правых и примиренцев в партийных рядах, проводимой в этот период германской компартией при откровенной и полной поддержке Коминтерна, ставку делали на отождествление социал-демократии с фашизмом²⁵. Два события, которые произошли в Германии в первой половине 1929 г., способствовали пониманию того, что ставка эта правильная. Первым событием был состоявшийся в марте в Берлине антифашистский конгресс. Его инициатором был Мюнценберг, а французский писатель Барбюс был председателем организационного комитета и официально главной фигурой на конгрессе. Хотя конгресс был задуман в рамках политики единого

фронта и пользовался большой поддержкой со стороны некоммунистических сил, представитель КПП Геккерт не оставил сомнений в том, какую позицию следует занять в отношении социал-демократов, и в резолюции конгресса было заявлено, что «социал-фашистская политика реформистов прямо ведет к победе фашистской реакции»²⁶. Вторым событием было массовое избивание коммунистов, вышедших 1 мая на улицы Берлина вопреки запрету полиции²⁷. Так как глава полиции был социал-демократ, то, казалось, было неоспоримо продемонстрировано то, что СДПГ проводит фашистскую политику и использует фашистские методы. Все органы Коминтерна развернули гигантскую кампанию протеста, в ходе которой было провозглашено равенство между социал-демократами и фашистами.

С этого момента исчезли последние сомнения и запреты, которые до этого времени тормозили признание полной идентичности социал-демократии и фашизма и принятие термина «социал-фашизм», заключавшего в себе это положение. Комментируя работу съезда Социал-демократической партии Германии, открывшегося в мае 1929 г. в Магдебурге, журнал компартии поместил на своих страницах статью, озаглавленную «Партийный съезд социал-фашизма», а в следующем выпуске журнала Реммеле вновь назвал социал-демократов «социал-фашистами»²⁸. Эта тема и тема угрозы войны против Советского Союза то и дело звучали на XII съезде германской компартии, состоявшемся в июне 1929 г. в Берлине, вскоре после первомайской бойни²⁹. На проходившем в июле 1929 г. X пленуме Исполкома Коминтерна каждый крупный представитель, включая Молотова, применял по отношению к социал-демократам ставший теперь модным ярлык «социал-фашизма», который затем был включен и в резолюцию пленума по основному вопросу³⁰. Нойман назвал Германию «классической страной социал-фашизма» Мануильский утверждал: «Вопрос о социал-фашизме стоит сейчас наиболее остро в германской коммунистической партии». Тельман добавил: «Ярким примером фашизации профсоюзов служат германские профсоюзы»³¹.

Неуклонно выполнявшемуся в последующие четыре года решению ставить знак равенства между социал-демократами и фашистами, клеймя первых как социал-фашистов, суждено было иметь роковые и драматические последствия в Германии. Однако справедливости ради надо сказать, что начиная с 1923 г. защита этой позиции и применение этого ярлыка осуществлялись главным образом в германском контексте и в основном членами КППГ, в то время как другие ведущие коммунистические партии относились к этому скептически и с неприязнью до тех пор, пока его употребление не было взято Коминтерном за эталон и навязано партиям. И по своему происхождению, и по своим последствиям социал-фашизм остался преимущественно германским понятием.

«МАНИФЕСТ» КУКА — МАКСТОНА

Приводимый ниже документ был опубликован в журнале Независимой рабочей партии «Нью лидер» 22 июня 1928 г.:

Рабочим Британии:

В течение некоторого времени кое-кто из нас серьезно обеспокоен тем, куда ведут британское рабочее движение. Мы полагаем, что основными принципами движения являются: 1. Непрерывающаяся борьба против нищеты и порабощения рабочего класса. Это означает непрерывающуюся борьбу против капитализма. 2. Только своими собственными силами может рабочий класс добиться того, чтобы полностью пользоваться продуктом своего труда.

Эти основные принципы обусловили стимул и организационную основу для построения партии. Это те же принципы, которых придерживались Харди и другие основоположники партии. Однако в последнее время был совершен серьезный отход от принципов и политики, которые вдохновляли основателей партии. Теперь нам говорят, что это больше не партия рабочего класса, а партия, представляющая все слои общества. Будучи социалистами, мы считаем, что не можем представлять идеи капитализма. Социализм и капитализм не могут иметь ничего общего.

В результате появления этой новой концепции, гласящей, что социализм и капитализм должны предать забвению свои разногласия, огромная доля энергии, которая должна была бы расходоваться на борьбу с капитализмом, теперь тратится на сокрушение каждого, кто осмеливается оставаться верным идеалам движения. Мы убеждены, что благодаря этой перемене уничтожен боевой дух партии, и теперь мы открыто бросаем вызов этой концепции. Мы больше не можем стоять в стороне и смотреть, как 30 лет, целиком отданные работе, уничтожены благодаря примирению с капитализмом и компромиссам с политической философией наших капиталистических оппонентов. В поддержку предпринимаемых нами усилий мы предлагаем объединиться для проведения серии конференций и собраний в различных частях страны.

На этих конференциях рядовые члены партии получают возможность заявить, приемлют ли они новую концепцию или хотят остаться верными духу и идеалам, которые вдохновляли основателей партии. Условия не изменились. Богатство и роскошь по-прежнему процветают, в то время как их истинные творцы — рабочие — живут в нищете. Мы призываем вас присоединиться к борьбе против той системы, которая делает возможным существование этих условий.

С братским приветом

А. Дж. Кук

Джеймс Макстон

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 75. Коммунистическая партия Великобритании

1. «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, главы 35 и 36.
2. Там же, глава 31.
3. «Labour Monthly», No. 4, April, 1926, p. 223—241. Брошюра Троцкого была опубликована в переводе на английский язык в феврале 1926 г. («Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31, прим. 2).
4. Цит. по: «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, с. 254.
5. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 64, 27 April, 1926, p. 929—930.
6. «Workers' Weekly», April 30, 1926; R. P. Arnot. The General Strike. 1926, p. 163—164.
7. «Красный Интернационал Профсоюзов», № 4, 1926, с. 467—474 *.
8. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 35.
9. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 67, May 4, 1926, p. 1009—1012.
10. «Правда», 5 мая 1926 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 71, May 7, 1926, p. 1111—1112.
11. G. Hardy. Those Stormy Years. 1956, p. 184—185.
12. R. P. Arnot. The General Strike. 1926, p. 180—181.
13. А. Лозовский. Класс против класса. М.—Л., 1926 г., с. 25, 30.
14. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 71, May 10, 1926, p. 1123—1124.
15. R. Boothby. I Fight to Live. 1947, p. 81—82.
16. «Красный Интернационал Профсоюзов», № 5, 1926 г., с. 611. В другой статье Лозовский назвал это «одним из важнейших событий после Октябрьской революции» (там же, № 6, с. 731).
17. «Red Money», 1926, p. 16—18. Под таким названием исследовательский отдел Лейбористской партии опубликовал перевод брошюры, изданной Центральным Советом советских профсоюзов, — «Английская стачка и рабочие СССР». Одна из секций Межрабпома была «придана Центральному Совету профсоюзов» и, по ее утверждению, совместно с профсоюзами принимала участие в сборе этих денег («Основы плановой экономики, 1926—1929», т. 3, ч. 1, глава 73, раздел «Международная рабочая помощь»). По официальному обменному курсу того времени 10 рублей, или 20 марок, равнялись примерно 1 фунту стерлингов.
18. Ibid., p. 25—26.
19. «Мировое хозяйство и мировая политика», № 5—6, июнь 1926 г., с. 4.
20. В том же номере «Правды» опубликована непоследовательная статья Зиновьева, отдельные части которой, по-видимому, были написаны еще до конца забастовки. Он тоже осуждал макдональдов и томасов как противников

* В указанном источнике об этом пишет не Лозовский, а Эрл Бродер. — Прим. ред.

классовой войны, а также, что более удивительно, напал на лидера горняков Кука и доказывал, что цель бастующих должна была заключаться в свержении буржуазного правительства и захвате власти.

21. R. P. Arnot. The General Strike, p. 214, 233—234. Позднее, в своем заявлении от 31 мая 1926 г. Исполнительный комитет Компартии Великобритании возложил вину на лидеров Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов («Workers' Weekly», June 4, 1926).

22. «Правда», 16, 18 и 19 мая 1926 г. В статье от 17 мая 1926 г. Лозовский вновь затронул тему «класс против класса» («Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 139—147): «На протяжении девяти дней мы имели в Англии два враждебных лагеря: класс стоял против класса». В последующей статье, от 18 мая 1926 г., опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» («Коммунистический Интернационал», № 5—6 (54—55), 1926, с. 216—222), не содержалось ничего нового. Эти и другие статьи были собраны в солидный том: А. Лозовский. Английский пролетариат на распутье. М., 1926.

23. С этим связан первый случай официального протеста, направленного Великобританией Советскому правительству, против поддержки последним всеобщей забастовки («Основы плановой экономики...», т. 3, ч. 1, глава 1).

24. «Red Money», p. 23—25.

25. Ibid., p. 35—85.

26. Ibid., p. 26—27. По словам Лозовского («Правда», 8 июня 1926 г.), 9 мая 1926 г. британское правительство наложило вето на первую выплату 100 тыс. фунтов стерлингов, присланных из Москвы в адрес Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов, но последующие переводы, кажется, были своевременно получены Британской федерацией горняков.

27. «Red Money», 1926, p. 27. В статье, напечатанной в журнале «Красный Интернационал Профсоюзов» («Красный Интернационал Профсоюзов», № 7, 1926, с. 19—32), подробно рассказывалось о вкладах различных профсоюзов в фонд горняков. О встрече советских и британских шахтеров 8 июля 1926 г. см. выше, с. 17.

28. «Правда», 27 мая 1926 г.; «Red Money», p. 27.

29. См. выше, с. 18.

30. W. Münzenberg. Solidarität. 1931, p. 302. О проведенной Межрабпомом кампании по сбору средств в помощь английским горнякам см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. 1, глава 73, раздел «Международная рабочая помощь». Спустя два года на IV конгрессе Профинтерна китайская делегатка, которая начала работать на шанхайской текстильной фабрике в девять лет, вспоминала, что на фабрике собирали деньги для британских шахтеров («Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschafts-internationale» (p. d.), p. 151—152).

31. И. В. Сталин. Сочинения. М., 1951, т. 8, с. 163; об этом выступлении см. выше, с. 14.

32. «Социализм в одной стране...», т. 2, глава 18.

33. На русском языке предисловие было опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал» («Коммунистический Интернационал», № 5—6 (54—55), 1926, с. 57—75); оно также было опубликовано во втором издании брошюры на английском языке. В апреле 1926 г. Троцкий направил в Политбюро меморандум (текст которого не обнаружен), где привлекал внимание к слабости британской компартии и опасности того, что в момент кризиса и массовой активности она может занять слишком пассивную позицию. Это послужило основанием для того, чтобы в партийных кругах его обвинили в нападках на Компартию Великобритании как реакционную. После возвращения в Москву в записке, датированной 3 июня 1926 г., Троцкий попытался снять с себя это обвинение (см. ниже, глава 75, прим. 39).

34. О создании Англо-русского комитета см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 36. Хотя первоначально его называли объединенным советом, позже он обычно фигурировал как «Англо-русский комитет».

35. Trotsky archives, T. 2985.

36. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 1.

37. В статье, озаглавленной «“Четвертое августа“ Генсовета» и опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» («Коммунистический Интернационал», № 5—7 (54—55), 1926, с. 27—38) (невозможно определить точную дату написания статьи, хотя она, по-видимому, появилась где-то в июне 1926 г.), Зиновьев проводит параллель между двумя «предательствами», совершенными 4 августа 1914 г. и 12 мая 1926 г., из чего логично вытекала параллель между разрывом Ленина с социал-демократией в 1914 г. и необходимостью настоящего разрыва с Англо-русским комитетом. Тем не менее статья заканчивалась призывом сохранить этот комитет. Позже Троцкий намекнул, что именно он убедил сопротивлявшегося Зиновьева выступить против Англо-русского комитета («Бюллетень оппозиции», № 1—2, июль—сентябрь 1929 г. Париж, с. 21).

38. «Правда», 25—26 мая 1926 г.

39. Заявление Троцкого находится в его архиве: Trotsky archives, T 2987. По-видимому, другие отчеты об этом заседании недоступны.

40. Обращение ВЦСПС было опубликовано на первой странице «Правды» 8 июня 1926 г.

41. «Правда», 9 июня 1926 г. 9 июня 1926 г. о «Тезисах об уроках английской стачки» сообщалось и в газете «Таймс». Согласно неопубликованному заявлению Троцкого от 25 сентября 1927 г. (Trotsky archives, T 3093), британская компартия «долго не решалась» опубликовать эти «Тезисы». Они появились без даты в № 3 журнала «Комьюнист ревью» («Communist Review», No. 3, July 1926, p. 113—136) и в «Уоркерс ункли» («Workers' Weekly», July 16, 1926). В них содержалось указание Коммунистической партии Великобритании учредить ежедневную газету, что было сделано только 1 января 1930 г.

42. Речь Сталина была опубликована в тифлисской партийной газете «Заря Востока» 10 июня 1926 г. и в журнале «Интернационале прессе-корреспонденц» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 86, June 22, 1926, p. 1377—1381). Однако в «Правде» она не появилась. При опубликовании ее в собрании сочинений Сталина (*И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 155—172) опущены некоторые воспоминания о его революционной деятельности на Кавказе. Речь Бухарина была опубликована в «Правде» 26 июня 1926 г. О тех разделах их речей, которые посвящены событиям в Польше, см. главу 79.

43. О письме Троцкого от 5 марта 1926 г. и о его заявлении от 3 июня 1926 г., в котором он опровергал «легенду» о своем враждебном отношении к Компартии Великобритании, см. выше, с. 12—13.

44. Заключительные слова были, возможно, предназначены либо для подкрепления своего авторитета авторитетом партии и Коминтерна, либо для того, чтобы самому отмежеваться от принятого решения. Последнее представляется более естественным объяснением этих слов. Защита Бухариным Англо-русского комитета от нападок Каменева на XV съезде партии 18 месяцев спустя не убедительна («Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1961, ч. I, с. 656).

45. «Красный Интернационал Профсоюзов», № 6, 1926 г., с. 729—744.

46. «Коммунистический Интернационал», № 5—6 (54—55), 1926 г., с. 140—160. Весь этот номер журнала «Коммунистический Интернационал» был посвящен анализу всеобщей забастовки. Статья Датта вышла также на английском языке в виде брошюры, озаглавленной «Значение всеобщей забастовки». О мнении, высказанном Даттом в апреле 1926 г., см. выше, с. 7.

47. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 36.

48. «Большевик», № 12, 30 июня 1926 г., с. 3—19. О Корше см. главу 76; о письме Троцкого см. выше, с. 12—13.

49. Об обширной повестке дня Объединенного пленума ЦК и ЦКК см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39. Внимание пленума было поглощено конфликтом со вновь образовавшейся «новой оппозицией».

50. Trotsky archives, T 881.

51. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 176—191. Это сокращенный вариант речи, впервые опубликованной в 1928 г. В отчете о ходе работы пленума, сделанном Московским комитетом партии, подробно освещена вторая часть выступления Сталина: «Англо-русский комитет может и безусловно будет играть гигантскую

роль в борьбе со всякой попыткой интервенции, направленной против СССР... Он станет организационным центром пролетариата в его борьбе со всеми попытками со стороны международной буржуазии спровоцировать новую войну». Вуйович и Каменев с возмущением процитировали это место на VII пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в ноябре 1926 г. («Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М., 1927, т. II, с. 182, 196). Последний заявил, что «с трудом можно найти документ, который так противоречил бы основам ленинизма».

52. Цитируется по материалам архивов, приводимых в работе: «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, с. 256. Там же (с. 255) упоминаются, но не цитируются, выступления Зиновьева, Троцкого и Каменева. Нин отметил, что Англо-русский комитет пользуется столь большой популярностью среди масс, что «представители Генерального Совета не могут, как бы этого им ни хотелось, разорвать этот союз» («Красный Интернационал Профсоюзов», № 8, 1926 г., с. 136).

53. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», с. 255.

54. «Правда», 10 июля 1926 г. По всей вероятности, инициатива созыва такого совещания исходила от советского профсоюза горнорабочих и была частью неудавшегося плана организации Англо-русского комитета горняков. Сталин одобрил эту идею в своем выступлении 15 июля 1926 г. на том основании, что «этих колеблющихся реформистских лидеров... мы оторвали от Генсовета и сцепили их с нашими союзами» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 189). Краткое содержание выводов, сделанных в результате этой встречи, см.: *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 383, прим. 69.

55. Эмоциональная переписка с Ситрином, секретарем Британского конгресса тред-юнионов, была опубликована в «Интернационале прессе-корреспонденту» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 90, July 2, 1926, p. 1466; No. 91, July 6, 1926, p. 1484; No. 95, July 20, 1926, p. 1553).

56. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 36.

57. Полный отчет о встрече был сделан Андреевым Центральному Совету профсоюзов 12 августа 1926 г. (*А. Андреев*. Англо-русский комитет. М., 1927, с. 7—26; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 107, August 20, 1926, p. 1785—1792). Резолюцию Центрального Совета с одобрением работы делегации см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 106, August 17, 1926, p. 1762—1763; *А. Андреев*. Англо-русский комитет, с. 55—57. О дебатах в Центральном Совете советских профсоюзов см.: «Труд», 13 и 14 августа 1926 г. Напечатанные стенографические отчеты об этом и о последующем совещании Англо-русского комитета в Берлине находятся в архивах Британского конгресса тред-юнионов, но опубликованы они не были.

58. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 111, September 3, 1926, p. 1874; No. 113, September 10, 1926, p. 1912—1915; No. 114, September 14, 1926, p. 1933—1937; No. 116, September 17, 1926, p. 1977—1980; *А. Андреев*. Англо-русский комитет, с. 27—53, 58 (в этом издании нет речи Томского). О направлении Томского и Мельничанского на конгресс британских тред-юнионов в Борнмут в качестве делегатов братских профсоюзов было сообщено в газете «Труд» 25 августа 1926 г.

59. Обращение Центрального Совета советских профсоюзов было с опозданием опубликовано в «Уоркерс уикли» 16 июля 1926 г.; протест Компартии Великобритании опубликован не был, и его точная дата не известна. Об Обращении ВЦСПС см. выше, с. 13.

60. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 194—203. Отчет о совещании не приводится, и речь Сталина является единственным источником информации о нем. Сталин, говоря о Петровском, называл его по его псевдониму — Гумбольд.

61. «Workers' Weekly», August 13, 1926.

62. «National Minority Movement: Third Annual Conference» (n. d. [1927]), p. 14, 48—49, 60—61. В отчетном докладе конференции была приведена следующая таблица, показывающая количество делегатов и представляемых ими рабочих на конференциях Национального движения меньшинства:

		Число делегатов	Число представляемых ими рабочих
I конференция	август 1924 г.	271	200 000
II конференция	август 1925 г.	683	750 000
Чрезвычайная конференция	март 1926 г.	383	957 000
III конференция	август 1926 г.	802	950 000

Ibid., p. 3—4.

Отчет о конференции был опубликован в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 111, September 3, 1926, p. 1867—1868). После окончания конференции Исполнительный комитет Национального движения меньшинства, видимо, испугался собственной смелости и выпустил инструкцию для своих членов, в которой призывал воздерживаться от критики профсоюзного руководства там, где это могло «помешать успешному завершению забастовки горняков или будет противодействовать англо-русскому единству в будущем». Однако этот жест примирения был осужден Москвой, и 14 ноября 1926 г. инструкция была аннулирована Исполнительным комитетом («The Worker», November 19, 1926).

63. «The Fifty-Eighth Annual Trades Union Congress». 1926, p. 464.

64. Ibid., p. 509—511. Президент конгресса отклонил любые дебаты по поводу этой переписки (ibid., p. 447). Британская компартия обвинила Генеральный совет БКТ в подстрекательстве к «новому нападению на Россию» («Workers' Weekly», September 17, 1926).

65. «The Fifty-Eighth Annual Trades Union Congress». 1926, p. 388—392.

66. «Правда», 18 и 19 сентября 1926 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 118, September 24, 1926, p. 2010—2013; No. 120, October 1, 1926, p. 2053—2054; No. 121, October 5, 1926, p. 2066—2067; No. 122, October 8, 1926, p. 2087—2090.

67. «Коммунистический Интернационал», № 2 (60), 1926, с. 6—13. В редакторском примечании говорилось, что как редакторы, так и Исполком Коминтерна одобряют критику в адрес Коммунистической партии Великобритании. Центральный комитет КПВ опубликовал ответ на статью, который был напечатан в английском, но не был помещен в русском издании журнала Коминтерна («Communist Internationale», No. 2, October 30, 1926, p. 13—15).

68. «Большевик», № 18, 30 сентября 1926 г., с. 3—10. Это было признаком благоволения к иностранному коммунисту — быть приглашенным писать для журнала «Большевик».

69. Позже утверждалось, что Национальное движение левого крыла Лейбористской партии («Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Великобритании»), которое провело свою первую ежегодную конференцию непосредственно перед конференцией Лейбористской партии в Маргите, было представлено на последней «сильной левой фракцией из 60 делегатов» («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 137).

70. «Report of the Twenty-Sixth Annual Conference of the Labour Party» (n. d.), p. 188. Еженедельник «Уоркерс уикли» («Workers' Weekly», October 22, 1926) с горечью отметил, что горняки голосовали на стороне большинства. Палм Датт сделал вывод, что Лейбористская партия сместилась вправо даже дальше, чем Британский конгресс тред-юнионов («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 127, October 22, 1926, p. 2180—2182). О двух предыдущих конференциях Лейбористской партии см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, главы 28 и 31, разделы «Коммунистическая партия Великобритании».

71. «Правда», 17 октября 1926 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 127, October 22, 1926, p. 2191—2193. В кратком отчете, опубликованном в

«Уоркерс уикли» («Workers' Weekly», October 22, 1926), отсутствует место, где говорится о самокритике, а полный текст был опубликован только неделю спустя («Workers' Weekly», October 29, 1926). Месяц спустя Куусинен, выступая на VII пленуме ИККИ, подверг КПВ критике за эту задержку («Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 129).

72. «The Eighth Congress of the CPGB». 1926, p. 39, 49. Увеличение числа членов британской компартии произошло в основном за счет бастующих шахтеров. Предсказание VI пленума ИККИ в феврале 1926 г. о том, что КПВ удвоит число своих членов в 1926 г. («Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля—15 марта 1926 г.). Стенографический отчет». М., 1927, с. 614), таким образом неожиданно осуществилось. Лозовский на VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. повторил предписание, данное КПВ, удвоить число ее членов («Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 498).

73. «The Eighth Congress of the CPGB», p. 1—19.

74. Ibid., p. 20—37.

75. Ibid., p. 55—71, 72—74, 78—79. Краткий отчет о съезде КПВ см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 127, October 22, 1926, p. 2192—2193. О Национальном движении левого крыла Лейбористской партии см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Великобритании». В адрес этого движения было высказано несколько похвальных слов и наставлений в резолюции VIII пленума ИККИ, состоявшегося в мае 1927 г. («Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 734), но, по-видимому, это не произвело большого впечатления.

76. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 284.

77. «Workers' Weekly», November 12, 1926.

78. «XV Конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 октября—3 ноября 1926 г. Стенографический отчет». М.—Л., 1927, с. 43, 294, 507—508.

79. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». М., 1984, т. 4, с. 113.

80. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.

81. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 105—106. О докладе Бухарина см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, часть I, глава 67.

82. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 467—487.

83. Там же, с. 489—499. Это выступление Лозовского было дано в сокращенном виде в материалах заседания на немецком языке (см. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67, прим. 26).

84. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 558—562.

85. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 655—668.

86. Там же, с. 648—649. О резолюции пленума см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.

87. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1927, с. 17—18, 26—31.

88. Там же, с. 69—74.

89. Там же, с. 254.

90. Там же, с. 275—286. Кук также выступил с заключительным словом на закрытии съезда (там же, с. 818—819).

91. Там же, с. 737. О британском предложении см. выше, с. 27.

92. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 1.

93. «Workers' Weekly», October 8, 1926.

94. Ibid., January 28, February 4, February 18, 1927.

95. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70. В статье Мерфи, опубликованной в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 21, February 22, 1927, p. 409—410), цитируются прокламации, распространявшиеся отделениями Компартии Великобритании, особенно

среди докеров; они носили подстрекательский характер, но не призывали к прямому мятежу среди войск.

96. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 30, August 9, 1927, p.1743.

97. В октябре 1927 г. IX съезд Компартии Великобритании признал, что ходе этой кампании «не удалось остановить ни одного корабля с войсками», шедшего с подкреплениями в Китай («The Ninth Congress of the CPGB». 1927, p. 42).

98. 19 ноября 1926 г. газета «Уоркер», орган Национального движения меньшинства, опубликовала решение аннулировать предыдущую резолюцию, которая, кажется, нигде не была опубликована («The Worker», November 19, 1926).

99. Об этом решении см.: «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (п. д.), p. 151. Инструкция Британского конгресса тред-юнионов, протест Национального движения меньшинства и последующие рекомендации — все это цитировалось в статье, опубликованной в журнале «Международное рабочее движение» («Международное рабочее движение», № 17—18 (110—111), 5 мая 1927 г., с. 14—16). Действия Национального движения меньшинства в этой статье называются «чрезвычайно рискованными» и выражается сомнение в том, «достигнут ли они таким путем желаемой цели». О последующем осуждении этих действий см. выше, с. 33—34.

100. Решение с одобрением письма было принято большинством голосов (12 против 6) и находится в архиве Британского конгресса тред-юнионов.

101. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. 1, с. 543.

102. Об этой резолюции и о подобной же резолюции VII съезда советских профсоюзов см. выше, с. 25—26.

103. «Daily Herald», January 7, 1927. Брошюра Лозовского вышла с предисловием Поллита осенью 1926 г. после окончания конгресса тред-юнионов в Борнмуте. В брошюре содержалось обвинение Генерального совета БКТ в пассивности и саботаже деятельности Англо-русского комитета.

104. Переписка с Мельничанским находится в архиве БКТ; следов публикации не обнаружено. О британской ноте от 23 февраля 1927 г. см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 1.

105. Текст резолюции был опубликован в «Уоркерс лайф» («Workers' Life», May 27, 1927) и в материалах LIX конгресса тред-юнионов («The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (п. д.), p. 201—202); публикации на русском языке не обнаружено.

106. «Правда», 2 и 5 апреля 1927 г.

107. «The Times», April 5, 1927.

108. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 39, April 12, 1927, p. 825.

109. В архиве Троцкого находится длинный меморандум от 15 апреля 1927 г. по вопросу об Англо-русском комитете и предварительный и окончательный тексты резолюции; представленной Центральному Комитету партии (Trotsky archives, T 3044, 3045, 3046). Позже Троцкий обвинил советскую делегацию в «открытом раболепии на позорной встрече в Берлине в апреле 1927 года» (L. Trotsky. The Third International after Lenin. N. Y., 1936, p. 131).

110. «КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 168. Троцкий привел некоторые выдержки из протокольных записей и цитаты из выступления Андреева в своих тезисах от 16 мая 1927 г. (см. выше, с. 31) и в последующем неопубликованном меморандуме от 25 сентября 1927 г. (Trotsky archives, T. 3093).

111. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 737—738; «The Ninth Congress of the CPGB». 1927, p. 47—48. Политбюро Компартии Великобритании впоследствии опубликовало заявление, в котором осуждалась конференция исполнительных комитетов тред-юнионов за неспособность объявить всеобщую забастовку («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 49, May 10, 1927, p. 1025—1026).

112. «Workers' Life», April 22, 1927.

113. «The Worker», April 29, May 27, 1927.

114. О манифесте см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 28, прим. 6.

115. «Коммунистический Интернационал», № 16 (90), 1927, с. 11—17. 13 мая 1927 г. «Правда» назвала его «штрейкбрехерской хартией».
116. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 49, May 10, 1927, p. 1021—1023; «Workers' Life», May 13, 1927. Интервью Томского перепечатано в материалах LIX конгресса тред-юнионов («The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress»). 1927 (n. d.), p. 207—209). Русского текста этого интервью не обнаружено.
117. «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (n. d.), p. 209.
118. Об этом пленуме см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.
119. Аргументы Бухарина были полностью приведены в меморандуме Троцкого от 16 мая 1927 г. (см. следующее примечание).
120. Проект и окончательный вариант меморандума находятся в архиве Троцкого (Trotsky archives, T 3057, 3058). Меморандум вышел также в переводе на немецкий язык («Der Kampf um die Internationale». 1927, S. 110—125).
121. «Der Kampf um die Internationale», S. 153. Об этой декларации см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39, прим. 4.
122. «Der Kampf um die Internationale», S. 138—142.
123. «Коммунистический Интернационал», № 24 (98), 1927 г., с. 8—17.
124. Об этом выступлении Бухарина см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.
125. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 729—741.
126. О последней резолюции см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.
127. См. выше, с. 27.
128. «Правда», 2 апреля 1927 г.
129. *I. Silone. Uscità di Sicurezza*. 1965, p. 87. Автор рассказывает об этом случае, приводя выразительные и, возможно, не совсем достоверные подробности.
130. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 732.
131. «Международное рабочее движение», № 24, 16 июня 1927 г., с. 19.
132. Эта переписка была в конце концов опубликована в «Правде» 18 июня 1927 г. Об интервью Томского см. с. 30—31.
133. «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (n. d.), p. 209—210.
134. «Правда», 18 июня 1927 г.
135. Подробный отчет об этой встрече можно получить, сведя воедино доклад Томского Центральному Совету профсоюзов от 28 июня 1927 г. (см. ниже) и архивы Британского конгресса тред-юнионов.
136. Протоколы заседания находятся в архивах БКТ.
137. Об отчете Томского и Обращении ВЦСПС см.: «Известия», 1 июля 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 68, July 5, 1927, p. 1437—1444. «Обращение» было опубликовано на английском языке в газете «Санди уоркер» 3 июля 1927 г. («Sundy Worker», July 3, 1927), в «Уоркерс лайф» 8 июля 1927 г. («Workers' Life», July 8, 1927) и в материалах LIX ежегодного конгресса тред-юнионов («The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress», 1927, p. 210—213).
138. «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (n. d.), p. 203—210.
139. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.
140. *Л. Троцкий*. Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932, с. 168.
141. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 40—41.
142. «КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 182.
143. Текст ответа ВЦСПС см. в: «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (n. d.), p. 495—501.
144. «The Fourth Annual Conference of the NMM». 1927, passim.
145. Эта группа состояла из 12 коммунистов — в два раза больше, чем в предыдущем году, — и нескольких беспартийных членов Национального движения меньшинства («The Ninth Congress of the CPGB». 1927, p. 20, 61).
146. «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (n. d.), p. 151—152, 318—331, 336. О мартовской резолюции см. выше, с. 27.

147. «The Fifty-Ninth Annual Trades Union Congress». 1927 (n. d.), p. 200—215, 403.
148. Ibid., p. 358—370.
149. Ibid., p. 373—375.
150. «Report of the Twenty-Seventh Annual Conference of the Labour Party» (n. d.), p. 235—244.
151. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, главы 67 и 68.
152. «IV конгресс Профинтерна. 17 марта—3 апреля 1928 г. Стенографический отчет. Резолюции и постановления». М., 1928, с. 43.
153. «Правда» и «Известия», 12 сентября 1927 г.
154. Об этой платформе см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
155. Об этом заседании см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.
156. Trotsky archives, T 3093, 3094.
157. «Коммунистический Интернационал», № 41 (115), 1927 г., с. 11; *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 157—158.
158. В кратком отчете, опубликованном в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 99, October 11, 1927, p. 2127—2128), резюмируется работа съезда и названы основные докладчики. В официальном отчете не названы ни председатель, ни докладчики, но приводится речь председателя и полностью два доклада («The Ninth Congress of the CPGB», 1927, p. 2—64).
159. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 99, October 11, 1927, p. 2128. Знаменательно, что единственной опубликованной здесь резолюцией была резолюция о русской оппозиции (ibid., No. 102, October 18, 1927, p. 2187). Все резолюции съезда опубликованы в материалах IX съезда Коммунистической партии Великобритании («The Ninth Congress of the CPGB», p. 69—104).
160. Цитата взята из архивов Коминтерна и приводится, хотя, очевидно, не дословно, в издании: «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», с. 284.
161. См. главу 77.
162. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 22. Согласно этому источнику, «партия получила его лишь много времени спустя».
163. Ibid., p. 22—23.
164. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)...», ч. I, с. 683. Об общих соображениях Бухарина по вопросу о предвыборной тактике см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 68.
165. «Правда», 24 ноября 1927 г. Об этом заседании, на котором в основном речь шла о русской оппозиции, см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.
166. «Communist Policy in Great Britain», 1928, p. 163.
167. Ibid., p. 132—152. Путаница часто усугублялась из-за трудности определения разницы на русском языке или на немецком между термином «лейбористское правительство», употребляемым в британской политике, и термином «рабочее правительство», используемым в официальных заявлениях Коминтерна. О цитатах из произведений Ленина см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 3, глава 25; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 238—240.
168. «Communist Policy in Great Britain», p. 153—165.
169. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 23.
170. «Communist Policy in Great Britain», p. 175—190.
171. Ibid., p. 166—174.
172. Ibid., p. 118.
173. «Коммунистический Интернационал», № 9 (135), 1928 г., с. 43*; «Communist Policy in Great Britain», p. 78. Полный текст, по-видимому, не был опубликован.
174. Ibid., p. 9—27, 41—45.

* В названном источнике указанного текста нет. — *Прим. ред.*

175. Ibid., p. 105—106. Было сказано, что тексты некоторых речей были опущены, чтобы избежать повторения (ibid., p. 5).
176. «Communist Policy in Great Britain», p. 46—57.
177. Об этих выступлениях см.: Ibid., p. 9—118. Они были «очень сильно сокращены» (ibid., p. 8).
- 178 Ibid., p. 118.
179. Ibid., p. 119—131. Здесь отчет об этом пленарном заседании ИККИ неправильно озаглавлен как «шестое заседание» комиссии по британским делам. Тот же самый отчет появился в «Интернационале прессы-корреспондентов» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 20, February 28, 1928, p. 405—409), но в этом источнике не было приведено выступление Петровского; оно было заменено статьей, в которой Петровский несвоевременно предсказывает возникновение «коалиции Болдуин — Макдональд».
180. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 755—758.
181. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 23.
182. «Internationale Presse-Korrespondenz» No. 30, March 20, 1928, p. 578—579.
183. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 23—24.
184. «Закрытое письмо» от 27 февраля 1929 г. (*L. Macfarlane. The British Communist Party. 1966, p. 312*).
185. Ibid., p. 310.
186. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 69.
187. «IV конгресс Профинтерна...», с. 4, 77. Этот лозунг появился в резолюции о профсоюзах на IX съезде Компартии Великобритании, который состоялся в октябре 1927 г., и в «Открытом письме» в январе 1928 г. (см. 40—43.)
188. Там же, с. 88—92.
189. Там же, с. 644—647. О докладе, сделанном председателем комиссии, составившей проект резолюции, см. там же, с. 480—481.
190. Обзор этих событий см. в: «The Sixtieth Annual Trades Union Congress», 1928 (n. d.), p. 219—230. Петровский в июле 1928 г. в своем выступлении на VI конгрессе Коминтерна с оптимистическим преувеличением говорил о «расколе внутри генерального совета по вопросу о мондизме» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 513).
191. «Workers' Life», October 28, 1927.
192. Ibid., April 1, 1928.
193. *W. Gallacher. The Rolling of the Thunder. 1947, p. 98*. Текст манифеста, см. ниже, Приложение Г.
194. Протоколы заседания национального комитета цитируются в работе Л. Макфарлейна «Коммунистическая партия Великобритании» (*L. Macfarlane. The British Communist Party. 1966, p. 211*).
195. «New Leader», July 6, 1928.
196. «Workers' Life», June 29, 1928. О 2½ Интернационале см.: «Большевистская революция...», т. 3, глава 30.
197. «Sunday Worker», July 1, 1928. Об этой газете см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31.
198. «Sunday Worker», July 8, 1928.
199. «Workers' Life», July 13, 1928; *W. Gallacher. The Rolling of the Thunder, p. 98—99*.
200. «Sunday Worker», July 15, 1928.
201. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, S. 130.
202. «VI конгресс Коммунистического Интернационала...», вып. I, с. 45.
203. См. выше, с. 45.
204. «VI конгресс Коммунистического Интернационала...», вып. I, с. 186—
192. Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов создал в 1923 г. Объединенный совет с Национальным комитетом безработных для рассмотрения вопроса о безработице, но вышел из него в 1928 г. и опубликовал заявление, где говорилось, что Генеральный совет БКТ не признает Национальный комитет

- безработных, так как «не убежден в *честности намерений* данной организации» («The Sixtieth Annual Trades Union Congress», 1928 (n. d.), p. 113).
205. «VI конгресс Коммунистического Интернационала...», вып. I, с. 362—366.
206. Там же, с. 512—513.
207. Там же, с. 610—611.
208. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 785—786.
209. Об этих дебатах см.: «Основа плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70. Брошюра Петровского (A. J. Bennett. The Soldiers' Programme), опубликованная КПВ в 1928 г., касалась оплаты и условий службы в армии и не имела, по всей видимости, подрывного характера.
210. Дебаты по вопросу об Индии будут рассмотрены в одном из последующих разделов этого тома.
211. «VI конгресс Коммунистического Интернационала...», вып. V, с. 134; О предыдущих высказываниях Куусинена см. там же, вып. IV, с. 509.
212. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 24.
213. «Communist Review», N 11, November 1928, p. 620.
214. Ibid., N 10, October 1929, p. 577.
215. О предыдущих цифрах см. выше, прим. 62 к этой же главе.
216. «Report of the Fifth Annual Conference of the NMM». 1928; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 97, September 4, 1928, p. 1849 (краткий отчет, подписанный W[sic]. Jackson).
217. «The Sixtieth Annual Trade Union Congress», 1928 (n. d.), p. 143, 352—353. Об этом решении см. выше, с. 37.
218. «The Sixtieth Annual Trade Union Congress», 1928 (n. d.), p. 445—450, 468—471. Отчет о конгрессе, сделанный Хорнером, единственным среди делегатов коммунистом — членом руководства, см. в журнале «Лейбор мансли» («Labour Monthly», No. 10, 1928, p. 594—601). «Революционная фракция» на конгрессе насчитывала 14 человек, более половины из них — члены партии («The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 17).
219. «Правда», 12 сентября 1928 г.
220. «Labour Monthly», No. 10, 1928, p. 600—601. Примерно в то же самое время шотландские безработные организовали поход в Эдинбург («The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 11). Вероятно, это были спонтанные демонстрации, не организованные коммунистической партией или Национальным комитетом безработных.
221. «Report of the Twenty-Eighth Annual Conference of the Labour Party». 1928 (n. d.), p. 162—167.
222. «Большевистская революция...», т. 3, главы 23 и 25.
223. «Labour Monthly», N 11, 1928, p. 643—645. За год до этого Датт уже употребил термин «новый курс» применительно к политике классового сотрудничества, которую правительство Болдуина стремилось «навязать лейбористскому движению» при соучастии руководителей Лейбористской партии и тред-юнионов (ibid., N 12, 1927, p. 707—708).
224. «Communist», N 12, 1928, p. 653.
225. Согласно заявлению Скрыпника, на X пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в июле 1929 г. («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 180), Политбюро Компартии Великобритании еще в ноябре 1928 г. приняло решение распространить среди членов партии первоначальный проект тезисов по вопросу о колониях, представленный на рассмотрение VI конгресса Коминтерна вместе с британскими поправками. Это был бы жест неповиновения, так как Коминтерн не опубликовал этих материалов и, совершенно очевидно, не хотел предавать гласности несогласие с ними почти всей британской делегации.
226. См. выше, с. 44, 50—51. Позже Петровский упрекнул партию за неспособность выполнить эти директивы («Die Internationale», xii, N 5, March 1, 1929, p. 163).
227. «Communist», N 12, 1928, p. 684—724. С января 1929 г. журнал стал выходить под своим старым названием «Комьюнист ревью». Был также опубликован

- ликован проект тезисов о тред-юнионистской политике (ibid., N 11, 1928, p. 602—618).
228. О Национальном движении левого крыла Лейбористской партии см. главу 75, прим. 75.
229. «Communist», N 11, 1928, p. 619—627.
230. Ibid., N 12, 1928, p. 664—671.
231. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929, вып. 1, с. 126. По словам Поллита, «руководящие товарищи из Коминтерна» предупредили британских коммунистов, что «нам предстоит бороться не только против трех партий, но и против традиционной боязни разбить голосование» (там же, с. 129).
232. «Communist Review», N 1, 1929, p. 21—35. Одновременно в своей работе «События месяца», опубликованной в журнале «Лейбор мансли» («Notes of the Month», — in «Labour Monthly», N 1, 1929), Датт ссылается на «новую линию революционного рабочего класса», но не вдается в подробности.
233. «Communist Review», N 1, 1929, p. 55—56.
234. «Workers' Life», January 18, 1929.
235. См. «Закрытое письмо» от 27 февраля 1929 г. в работе Л. Макфарлейна «Британская коммунистическая партия» (L. Macfarlane. The British Communist Party. 1966, p. 311). Личность делегата не установлена.
236. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 7, January 22, 1929, p. 128—129. Неполный, а иногда и путанный отчет, опубликованный в этом бюллетене, — это единственный имеющийся отчет о работе X съезда КПВ. На английском языке изданы два доклада; за исключением некоторых пропусков, они идентичны немецкому варианту («International Press-Correspondence», N 5, January 25, 1929, p. 80—81; N 6, February 1, 1929, p. 96—180); в английском варианте более полно отражены только прения по докладу Хорнера о горняках (см. выше, с. 59).
237. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 2, January 22, 1929, p. 130; N 8, January 25, 1929, p. 143.
238. См. главу 75, прим. 75.
239. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 136—137.
240. См. выше, с. 56.
241. «Communist», N 12, 1928, p. 710, 722—723. Об этих документах см. выше, с. 57—58.
242. «Workers' Life», January 11, 1929.
243. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 7, January 22, 1929, p. 130; N 8, January 25, 1929, p. 143—144.
244. Ibid., N 8, January 25, 1929, p. 144—145; N 9, January 29, 1929, p. 160—162; N 10, February 1, 1929, p. 188.
245. Ibid., N 10, February 1, 1929, p. 187—188.
246. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (п. д.), p. 87—101. О проекте тезисов, опубликованном в ноябре 1928 г., см. главу 75, прим. 227.
247. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 8, January 25, 1929, p. 145.
248. О проектах тезисов от декабря 1928 г., см. выше, с. 57—58; окончательный вариант см. в: «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB», p. 57—86. В «Закрытом письме» (см. выше, с. 61) ссылались на «обмен мнениями в ИККИ», который привел Центральный комитет КПВ к пониманию «необходимости внести поправки в целый ряд предложений, содержащихся в резолюции» (L. Macfarlane. The British Communist Party. 1966, p. 311); это, должно быть, предшествовало началу съезда. Однако Кэмпбелл особо отмечает поправки, сделанные «политической комиссией» («Communist Review», N 3, 1929, p. 153—154).
249. В докладе Центрального комитета партии X съезду КПВ констатировалось, что «неопределенность среди членов партии по вопросу о том, должны они или нет активно участвовать в развитии Движения левого крыла», «без сомнения серьезно затрудняла эту работу» («The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB», p. 25—26).

250. Что именно произошло в действительности, неясно. Согласно «Закрытому письму» от 27 февраля 1929 г. (см. с. 61), Центральный комитет Компартии Великобритании отказался «представить для голосования список кандидатов» и высказал «критические замечания в адрес товарищей Расти и Арнота». Шесть месяцев спустя, на X пленуме Исполкома Коминтерна, Расти сослался на «предлагавшееся во время партсъезда устранение Арнота и меня» («Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна», вып. I, с. 127). Белл тогда же неудачно заметил, что их исключение не было результатом их «критической позиции» (там же, с. 306).

251. Текст этого неопубликованного письма см.: *L. Macfarlane. The British Communist Party. 1966*, p. 308—319. Об «Открытых письмах» ИККИ в адрес немецкой и французской партий см. главы 76 и 77. Поллит не мог быть в Москве в то время, когда было подписано письмо, так как 1 марта 1929 г. он прибыл в Нью-Йорк на конгресс Американской коммунистической партии (см. главу 80).

252. «Communist Review», N 3, 1929, p. 154—155. В следующем номере журнала Тэмпселл выступил с резкими нападками на эту статью Кэмпбелла (*ibid.*, N 4, 1929, p. 227—231).

253. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна», вып. I, с. 93—96. «Resolutions of the 11th Congress of the CPGB» (п. d.), p. 13.

254. На X пленуме ИККИ, состоявшемся в июле 1929 г., Мануильский отметил, что многие британские товарищи «принимали [решения Коминтерна] из верности дисциплине, а не по убеждению», «отдавали дань предрассудкам масс» («X пленум Исполкома Коминтерна», вып. I, с. 52). Таска вспоминал, что в декабре 1928 г. Мануильский спросил Белла, который возвращался в Лондон, подписал ли он письма, направленные германской и французской компартиям, «по убеждению или из верности дисциплине», и Белл ответил — «из верности дисциплине» (*Annali*, 1966. Milan, 1966, p. 667).

255. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна», вып. I, с. 233.

256. *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel*, 1971, p. 381.

257. «Sunday Worker», January 27, 1929.

258. *Ibid.*, March 31, 1929.

259. *Ibid.*, May 19, 1929.

260. «Proceedings of the Miners' Federation of Great Britain, 1929—1930». 1930, p. 51.

261. «Sunday Workers», May 5, 1929.

262. Согласно «Уоркерс лайф», было продано 80 тыс. экземпляров программы, каждый стоимостью один пенни («Workers' Life», June 7, 1929).

263. О позиции, занимаемой британской компартией в 1924 г., см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Коммунистическая партия Великобритании». Враждебность, которая отличала положение, сложившееся в 1929 г., от ситуации 1924 г., была взаимной. Лейбористское правительство, пришедшее к власти в 1924 г., относилось к СССР чрезвычайно благожелательно. Лейбористское правительство, пришедшее к власти в 1929 г., получило мандат на возобновление дипломатических отношений; но многие годы взаимных обвинений породили вражду тред-юнионистского крыла Лейбористской партии по отношению к советским профсоюзам, что сказалось на позиции партии в целом.

264. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 39, May 7, 1929, p. 935—936. Английский вариант текста см. в: «International Press-Correspondence», N 22, May 10, 1929, p. 474—475. Вместе с тем, в статьях Датта и Поллита, опубликованных накануне выборов в «Лейбор мансли» («Labour Monthly», N 5, 1929, p. 259—277), хотя и осуждается Лейбористская партия как союзник капитализма, но не поднимается вопроса о том, как должны голосовать рабочие в отсутствие кандидата от коммунистической партии.

265. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 43, June 4, 1929, p. 1149—1150. Еще менее впечатляющим было более позднее утверждение Датта, что увели-

чение количества голосов, поданных за Лейбористскую партию, «представляет собой усиление массового движения, которое в конце концов уничтожит реформизм и приведет к революции» («Labour Monthly», N 7, 1929, p. 393). Тем не менее в декабре 1928 г. Лозовский уже высказал сходную точку зрения (А. Лозовский. На новом этапе. М., 1929 г., с. 7).

266. «Workers' Life», June 7, 1929.

267. «Resolutions of the 11th Congress of the CPGB» (n. d.), p. 14. О замечаниях по этому поводу, сделанных на X пленуме ИККИ, состоявшемся в июле 1929 г., см. выше, с. 65—68. Согласно статье Тэпселла в «Интернэшнл пресс-корреспонденс». («International Press-Correspondence», N 63, November 8, 1929, p. 1363—1364), это противоречило «решениям», принятым на «заграничной конференции» представителей Коминтерна и Политбюро КПВ.

268. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. 1, глава 72.

269. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна», вып. 1, с. 52—53.

270. Там же, с. 93—96.

271. Там же, с. 106—112, 125—128.

272. Там же, с. 128—132.

273. Там же, с. 230—240.

274. Там же, с. 306—309.

275. Там же, с. 253—260.

276. Там же, с. 408—432.

277. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 882.

278. Оба заявления были опубликованы с задержкой в «Комьюнист ревью» («Communist Review», N 10, 1929, p. 568—578).

279. «Workers' Life», July 26, 1929. Другой отчет, очевидно, о том же самом заседании см.: *ibid.*, August 16, 1929.

280. *Ibid.*, August 9, 16, 1929; «Young Worker», August 10, 1929.

281. «Communist Review», N 9, 1929, p. 520—538.

282. Инкпин и Ропштейн были названы поименно и выставлены на посмешище в заявлении Лондонского районного комитета партии, опубликованном в «Комьюнист ревью» («Communist Review», N 11, 1929, p. 610—618). Все трое были названы в резолюции XI съезда Компартии Великобритании, который состоялся в декабре 1929 г. (см. с. 397).

283. «Now for Action: Report of the Sixth Annual Conference of the NMM». 1929, *passim*.

284. См. выше, с. 71.

285. «Большевицкая революция...», т. 3, глава 25.

286. «Workers' Life», November 29, 1929.

287. «Resolutions of the 11th Congress of the CPGB» (n. d.), p. 37—43.

288. «Workers' Life», December 6, 1929.

289. «Resolutions of the 11th Congress of the CPGB» (n. d.), p. 5—18.

290. *Ibid.*, p. 19—28.

291. *Ibid.*, p. 29—36.

292. «Workers' Life», November 29, December 6, 1929; *T. Bell*. History of the British Communist Party. 1937, p. 137.

293. «Resolutions of the 11th Congress of the CPGB» (n. d.), p. 4.

294. «The Workers», August 30, 1929. Об этой конференции см. выше, с. 69.

295. «Workers' Life», August 30, 1929. Газета «Таймс» («The Times», August 28, 1929) также сообщила, что Поллит с этого времени будет «освобожденным» секретарем КПВ.

296. См. выше, с. 67.

297. «Communist Review», N 10, 1929, p. 560—567.

Глава 76. Коммунистическая партия Германии (КПГ)

1. Анализ кризиса, содержащийся в журнале КПГ, приводил к выводу, что «ликвидация массовой безработицы совершенно невозможна в рамках капиталистической экономики» («Die Internationale», ix, N 11—12, June 20, 1926, p. 350—354; N 13, July 5, 1926, p. 396—401).

2. Об «Открытом письме» см.: «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, глава 31. О сложностях профсоюзной политики, которые существовали при руководстве Маслова — Фишер, см. там же, т. 3, глава 28.

3. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 36. Этот визит упоминался в самом «Открытом письме» (там же, глава 31).

4. Согласно более позднему заявлению — которое было сделано после того, как движение «Айнхайт» полностью себя дискредитировало, — это движение было организовано и, вероятно, финансировалось «через Центральный Совет российских профсоюзов», и оно использовало эту связь, чтобы отвести от себя критику со стороны коммунистов («Die Internationale», xii, N 1—2, January 1929, p. 30). О сопротивлении, которое оказывали российские профсоюзы политике Профинтерна, см.: «Основы плановой экономики, 1926—1929», т. 3, ч. I, глава 69.

5. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., с. 420—421. О критическом выступлении Цеткин на том же самом пленуме см. ниже, Приложение В: «Социал-фашизм».

6. «Die Internationale», ix, N 13, July 5, 1926, p. 385—386. Много лет спустя это было признано одним из руководителей Социал-демократической партии Германии (O. Braun. Von Weimar zu Hitler. N. Y., 1940, p. 215).

7. «Die Internationale», ix, N 6, March 15, 1926, p. 181—184.

8. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», iv, 1956, N 2, p. 348. Делегация состояла из 65 рабочих, из которых 45 были членами социал-демократической партии, 8 — коммунистической и 12 состояли в других партиях или были беспартийными.

9. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, т. I, с. 127.

10. «Die Rote Fahne», August 29, 1926.

11. H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 336.

12. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 146, November 30, 1926, p. 2546—2548.

13. Ibid., N 150, December 7, 1926, p. 2647—2648. Тельман многозначительно отметил, что «большая часть членов нашей коммунистической партии — безработные» («Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 266). По данным на 1926 г., приведенным в журнале Коминтерна, один из каждых трех членов компартии был безработным и один из пятнадцати находился в тюрьме («Коммунистический Интернационал», № 6—7 (132—133), 1928 г., с. 76); процент безработных в социал-демократической партии и во Всеобщем объединении профессиональных союзов Германии был значительно ниже.

14. «Die Internationale», ix, November 15, 1926, p. 676—677.

15. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 151, December 10, 1926, p. 2663—2665.

16. «Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD». 1927, p. 36, 202. Из 163 делегатов, присутствовавших на Конгрессе трудящихся Германии, 29 делегатов представляли предприятия, на которых работало более 1000 человек, 56 — меньшие предприятия, 41 делегат — безработных и 46 были партийными функционерами (ibid., p. 172—173). Было также отмечено, что в процентном отношении партия была лучше представлена маленькими, чем большими городами (ibid., p. 94). Жалоба о преобладании «реформистов» на крупных предприятиях вновь прозвучала на следующий год («Коммунистический Интернационал», № 17 (143), 1928 г., p. 25—29). Делегаты — члены социал-демократической партии, принявшие участие в Конгрессе трудящихся Германии, впоследствии подверглись со стороны своих руководителей угрозе исключения из партии за их несанкционированное участие в работе конгресса («Internationale Presse-Korrespondenz», N 154, December 17, 1926, p. 2760).

17. «Die Internationale», ix, N 24, December 15, 1926, p. 740—746). В резолюции также отмечался низкий процент коммунистов на крупных предприятиях.

18. Общее число членов Коммунистической партии Германии на 1 января 1927 г. составило 128 тыс. 339 человек («Internationale Presse-Korrespondenz», N 104, October 25, 1927, p. 2233). К VI конгрессу Коминтерна, состоявшемуся в июле 1928 г., численность КПГ составила 124 тыс. человек (А. Тивель и М. Хеймо. Десять лет Коминтерна в цифрах. М., 1929 г., с. 350). Год спустя, на X пленуме Исполкома Коминтерна, Пятницкий повторил эту цифру и отметил большую текучесть членов партии («Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929 г., вып. I, с. 147).
19. Об этих событиях см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, главы 28, 31 и 35.
20. «Der Neue Kurs», 1925, p. 22, 26. О более ранних симптомах этой тенденции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31.
21. «Коммунистический Интернационал», № 3 (52), март 1926 г., с. 54, 102.
22. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 110—111. Об этом заседании см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 35. Молотов подхватил эту тему на XV всесоюзной партийной конференции, которая открылась в октябре 1926 г., пригласив Калнина, Смирнова, Ворошилова, Томского, Угарова и Шмидта как «рабочих, подлинный цвет нашей партии» («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 октября—3 ноября 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., с. 669. В декабре 1927 г. на XV партийном съезде Бухарин несколько презрительно заметил: «У нас вообще в компартиях было... два с половиной интеллигента» («Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет». М., 1961 г., ч. I, с. 680).
23. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926». 1926, p. 57.
24. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 28.
25. См. главу 79.
26. И. В. Сталин Соч., т. 8, с. 110.
27. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, т. I, с. 262.
28. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31.
29. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна. (17 февраля—15 марта 1926 г.). Стенографический отчет». М. — Л., 1927, с. 62—69. Впоследствии Розенберг стал склоняться вправо.
30. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 27, прим. 110. В резолюции VI пленума Исполкома Коминтерна Корш был заклеен как ренегат (там же, глава 35).
31. «Verhandlungén des Reichstags», сссхс, 7443—7445.
32. «Правда», 1 июля 1926 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 91, July 6, 1926, p. 1487. Одним из выдвинутых против Корша обвинений было обвинение в сотрудничестве с Гансенем, норвежским оппозиционером (ibid., 1926, с. 795). О Гансене см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 35. Он, по-видимому, ответствен за тайный вывоз документов оппозиции из Москвы в Берлин (R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 570).
33. «Die Rote Fahne», April 22, 1926.
34. Рассказ об этом, приведенный в книге Рут Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 565), как и многое другое в данной работе, следует воспринимать с известной долей осторожности. Цитируемая резолюция Президиума ИККИ от 4 июля 1926 г., как уже говорилось, в «Интернационале прессы-корреспондент» отсутствует, и она не обнаружена, но в «Отчете о работе Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала с февраля по ноябрь 1926 г.» («Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», 1926, p. 57) утверждается, что Рут Фишер вернулась в Германию «без разрешения ИККИ».
35. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 97. О предъявленных Маслову обвинениях см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31, прим. 3, 4. Досрочное освобождение Маслова вызвало слухи о том, что он стал агентом-provokатором или

поставлял информацию полиции; об этом было во всеуслышание заявлено в «Правде» 1 июля 1926 г.

36. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 107, August 20, 1926, p. 1798; N 110, August 31, 1926, p. 1855. Бухарин, который в это время был в Берлине (о его встрече с Майером 18 августа 1926 г. см. выше, с. 82), возможно, имел отношение к этому решению. Рут Фишер в своей книге «Сталин и германский коммунизм» (*R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 568*) дает неправильную дату его приезда — «20 августа» — то есть после того, как было принято решение о ее исключении из партии.

37. Заявление Корша было опубликовано в «Роте Фане»: «Die Rote Fahne». Beilage, August 17, 1926.

38. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 106, August 17, 1926, p. 1768—1769. Там же был опубликован возмущенный ответ, напечатанный в «Роте Фане» 14 августа 1926 г., а также большая теоретическая статья в защиту линии партии, подписанная: «Марксист».

39. «XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 октября — 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, с. 703.

40. Впервые этот меморандум был опубликован в газете «Форвертс» («Vorwärts», September 13, 1926). К этому отнеслись как к новой провокации («Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», 1926, p. 57). Опубликование меморандума привело к расколу и в группе Корша, и в «Веддингской оппозиции», так как некоторые члены этой оппозиции возражали против того, чтобы их имена ассоциировались с группой Маслова — Фишер; одно время выходили два ультралевых журнала (*ibid.*, p. 57—59).

41. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 110, August 31, 1926, p. 1855—1857.

42. «Tätigkeitsbericht der Executive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», 1926, S. 59; «Die Rote Fahne», September 17, 1926.

43. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 170, note 220.*

44. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39. Оппозицию постоянно упрекали в связи с группой Маслова — Фишер (там же). Урбанс тут же обезопасил себя, подписав декларацию (она была опубликована в «Роте Фане» 22 октября 1926 г.), в которой отмежевался от русской оппозиции («Die Rote Fahne», October 22, 1926).

45. В это время Нойман был восходящей звездой Коминтерна и снискал себе доверие в Москве, опубликовав серию статей с нападками на «ультралевых меньшевиков» в КПГ. Эта серия статей была опубликована в «Правде», 28, 29, 30, 31 июля и 4 августа 1926 г.

46. Письмо, перепечатанное из архивов полиции, приводится в книге Вебера «Перерождение немецкого коммунизма» (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 418—419*).

47. «XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 октября — 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, с. 45—48.

48. Там же, с. 101—103, 702—704; «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». М., 1984 г., т. 4, с. 117.

49. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 164.*

50. «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 35.

51. Содержание этих бесед Майер изложил в своих письмах к жене (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 448*). Возможно, что Майер увидел в дружелюбии Бухарина больше, чем имелось в виду.

52. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926», 1926, p. 60.

53. См. выше, глава 67.

54. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. 1, с. 108, 127. О замечаниях Куусинена по работе в профсоюзах см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 66.

55. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, т. I, с. 77.

56. Там же, с. 260—270. О заключительной части выступления Тельмана см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.

57. «Die Internationale», ix, N 23, December 1, 1926, p. 723—729; N 24, December 15, 1926, p. 756—760. Об ответе, озаглавленном «Радикальные слова — оппортунистический дух», см.: *ibid.*, ix, N 25, December 10, 1927, p. 789—794.

58. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. 1, с. 280—287. Позже Ризе предложил специально пригласить Зиновьева и других лидеров русской оппозиции выступить на пленуме. Предложение это было отвергнуто на том основании, что им уже дано право выступать, если они этого хотят (там же, с. 512—513); о точке зрения лидеров оппозиции см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.

59. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, т. I, с. 488.

60. Там же, с. 511.

61. Там же, т. II, с. 372—380.

62. Там же, с. 380.

63. Впервые резолюция была опубликована в «Интернационале пресскорреспондент» («Internationale Press-Korrespondenz», N 16, February 5, 1927, p. 343—344) и в сборнике «Коммунистический Интернационал в документах» («Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 690—694).

64. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. I, с. 280—283. Тогда же Куусинен назвал Союз Красных фронтовиков «классическим образцом» «беспартийных и сочувствующих нам организаций» (там же, с. 123), а впоследствии партийный журнал КПГ писал об этой организации, характеризуя ее, как «мост, перекинутый к сочувствующим слоям, с которыми партия еще не может установить контакты и которые она еще не может привести в движение» («Die Internationale», xii, N 8—9, May 1, 1929, p. 350). О создании этой организации см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 28.

65. Там же, глава 35.

66. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. II, с. 385. О решении V пленума Исполкома Коминтерна см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31.

67. *K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition»* (KPO), 1964, p. 57—58.

68. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., т. II, с. 208—213.

69. Там же, с. 253.

70. В архиве Майера находятся два недатированных варианта первоначального проекта: второй более умеренный, чем первый, — контрпроект Майера, сформулированный в более туманных выражениях и датированный 24 декабря 1926 г., и окончательный вариант согласованного текста от того же числа (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 420—422*). Майер придавал большое значение условиям соглашения. Когда год спустя, на XV съезде партии в Москве, Бухарин заметил, что Майер «подписал заявление, что отказывается от своих прошлых ошибок», Майер написал ему 6 февраля 1926 г., подчеркнув, что в заявлении ничего не говорится о прошлых ошибках («Vierteljahrschrift für Zeitgeschichte», xvi, N 2, April 1968, p. 206—207). О заявлении Бухарина см.: «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Декабрь 1927 года». М., 1961 г., ч. I, с. 835. Сокращенный вариант окончательного текста был опубликован в «Роте Фане» 20 января 1927 г. («Die Rote Fahne», January 20, 1927).

71. См. отрывки из писем Майера от января 1927 г. в работе Вебера (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 450—455*).

72. Об этом деле и о дебатах в рейхстаге 16 декабря 1926 г. и в комиссии по иностранным делам 23 февраля 1927 г. см. главу 59.

73. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 170—172*. О платформе группы Кёттера см.: «*Die Internationale*», x, N 4, February 15, 1927, p. 114—119.

74. *Ibid.*, x, N 2—3, February 1, 1927, S. 83—86; N 4, February 15, 1927, p. 119—120. О национальном большевизме и дискуссии о событиях октября 1923 г. см.: «*Междупартийное, 1923—1924*», главы 7 и 9. О «декларации 700» см. текст, с. 80.

75. «*Die Internationale*», x, N 4, February 15, 1927, p. 114—119.

76. *Ibid.*, x, N 2—3, February 1, 1927, p. 45—46; N 4, February 15, 1927, p. 97—102. О связях группы Маслова — Фишер см. текст, с. 93—94.

77. «*Красный Интернационал Профсоюзов*», № 12, 1926, с. 550—562; № 2, 1927, с. 148—155. В немецком издании («*Die Rote Gewerkschaftsinternationale*») вторая статья вышла с редакционной оговоркой.

78. Об этом случае и последующем обвинении Брандлера см.: «*Междупартийное...*», глава 9.

79. О судьбе программы Брандлера и ее публикации см. текст, с. 95—97, а также примечание 125 к данной главе.

80. «*Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. 13—15; «*Internationale Presse-Korrespondenz*», N 25, March 4, 1927, p. 511. О ноте британского правительства от 23 февраля 1927 г., см. главу 58.

81. В предисловии к официальному отчету об XI съезде КПГ в качестве «наиболее важной задачи» названа «борьба против империализма и опасности войны» («*Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. iii).

82. «*Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. 26—42, 42—43, 49.

83. *Ibid.*, p. 76—87.

84. *Ibid.*, p. 88—89.

85. *Ibid.*, p. 97—99, 102—103. Майер повторил свое отречение от Бэтчера (*Ibid.*, p. 203—205).

86. *Ibid.*, p. 112—114. О комитете единства, см. текст, с. 74.

87. «*Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. 133—135.

88. *Ibid.*, p. 160—168.

89. *Ibid.*, p. 171.

90. *Ibid.*, p. 174—190.

91. *Ibid.*, p. 194, 226. О выступлении Ризе на VI пленуме Исполкома Коминтерна см. текст, с. 83. Впоследствии рассказывали, что Брандлер заявил, будто ему было предложено членство в Центральном комитете КПГ, если он согласится признать свои ошибки, совершенные в 1923 г. (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 186, note 2*).

92. «*Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. 232—248. О цитатах из работы Ленина см. главу 75, прим. 167.

93. «*Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. 347—366.

94. *Ibid.*, p. 268—281.

95. *Ibid.*, p. 296—297, 304. Выступление делегата от Данцига не попало в отчет.

96. Окончательный вариант текста тезисов см.: «*Thesen und Resolutionen des XI Parteitags der KPD*». 1927, p. 5—35. В партийной прессе периодически появлялись статьи с критикой требования германского правительства о возвращении колоний. «Новая колониальная политика германской буржуазии есть не что иное, как часть общего наступления на рабочие массы, которое внутри страны выражается в рационализации, в нападках на право объединяться в союзы, на планы проведения всеобщей забастовки и т. д., а за границей — в

авантюристической империалистической политике» («Die Internationale», ix, N 14, July 20, 1926, p. 431).

97. «Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags KPD». 1927, p. 165. Когда на XV съезде ВКП (б), проходившем в декабре 1927 г., Лозовский назвал рабочий контроль «предреволюционным лозунгом», который следует использовать только в непосредственно революционной ситуации, Ломинадзе прервал его, сказав, что этот лозунг включен «во все решения Профинтерна». Лозовский ответил, что эту ошибку следует исправить, и подчеркнул, что неправильно употреблять такой лозунг в Германии в настоящих условиях («Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет». М., 1961, ч. I, с. 699—700).

98. «Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags KPD». 1927, p. 387—390, 418.

99. В своем выступлении в Германской комиссии Исполкома Коминтерна в ноябре 1928 г. (см. текст, с. 110) Ульбрихт отождествил предложения правых, выдвинутые на XI съезде КПГ в марте 1927 г., с программой Брандлера («Internationale Presse-Korrespondenz», N 140, December 18, 1928, p. 2782).

100. «Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD». 1927, p. 390.

101. «Thesen und Resolutionen des XI Parteitags der KPD». 1927, p. 36—41.

102. «Bericht über die Verhandlungen des XI Partentags der KPD». 1927, p. 423; *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 177; ii, p. 13.

103. «Die Internationale», x, N 6, March 15, 1927, p. 164. В предисловии к официальному отчету об XI съезде германской компартии, датированному «августом 1927 года», прозвучало торжество по поводу поражения левых групп, но не было и намека на другие разногласия в партии («Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD». 1927, p. iv).

104. Согласно сделанному позднее заявлению одного из членов правой оппозиции в КПГ, эта оппозиция, которая впоследствии порвала с компартией, «выросла после съезда в Эссене» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 140, December, 18, 1928, p. 1789).

105. «Die Rote Fahne», May 2, 3, 4, 1927. Инициатива компартии по проведению демонстрации была холодно встречена лидерами социал-демократической партии. Съезд СДПГ, проходивший в Киле 22—27 мая 1927 г., занял враждебную позицию по отношению к КПГ.

106. «Die Internationale», x, N 7, April 1, 1927, p. 208—213; N 11, June 1, 1927, p. 325—334. После каждой из статей Вальхера следовало опровержение, подписанное: «М. (или Л). Остен» — псевдоним Ломинадзе, который в 1927 г. провел несколько месяцев в Германии в качестве представителя Коминтерна.

107. Основанием для принятия такого решения послужило выступление Майера на заседании Президиума Исполкома Коминтерна в декабре 1928 г., цитируемое по протоколу заседания, сохранившемуся в архиве Майера (*H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 187). Ульбрихт присутствовал на заседании Президиума и не оспорил сделанного Майером сообщения.

108. «Der Kampf um die Kommunistische Internationale». 1927, p. 171—173.

109. *R. Fischer*. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 586—588. В книге Рут Фишер «Сталин и германский коммунизм» рассказывается также о встрече с Коллонтай и о контактах с бывшим руководителем КИМа оппозиционером Михалевичем (о котором см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 73, раздел «Коммунистический интернационал молодежи»).

110. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.

111. Об этой резолюции см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.

112. См., например, полемику между Слепковым и Вуйвичем в «Правде» от 30 июня и 17 июля 1927 г. и статью Реммеле в «Правде» от 23 июля 1927 г.

113. «Правда», 7 августа 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 80, August 9, 1927, p. 1732—1733; Подписавшиеся под заявлением, вероят-

но, находились в Москве. Об этом заседании см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39; см. также передовую статью, опубликованную в «Правде» 2 сентября 1927 г., где в утверждениях Троцкого о «термидоре» в российской партии прослеживалась связь с левым крылом германской компартии.

114. «Die Rote Fahne», August 24, 28, 1927; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 96, September 30, 1927, p. 2073—2074 (где вместо 15 ошибочно напечатано 17).

115. «Der Kampf um die Kommunistische Partei». 1927, p. 8—14.

116. «Правда», 6 мая 1928 г. Были также опубликованы сопровождаемые язвительными комментариями письма Радека и Зиновьева, в которых они отрицали наличие у них каких-либо связей с «Ленинским Союзом» («Правда», 4 и 13 мая 1928 г.).

117. О брандлеровской «программе действий» см. выше, с. 88—89. Судя по тому, что сказал Майер в своем выступлении, обращенном к Президиуму ИККИ, который заседал в ноябре — декабре 1928 г. (см. отрывок из протокола заседания Президиума, хранящегося в архиве Майера, который приводится в книге Вебера «Перерождение германского коммунизма» (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 187, note 7*), Ломинадзе, который приехал в Берлин незадолго до XI съезда КПГ, в марте 1927 г., привез с собой этот документ, но, так как его собственные симпатии были на стороне левых, держал его в «кармане» и никому не показывал. Когда же, наконец, в июне 1927 г. Ломинадзе уезжал из Германии, то он передал его Денгелю, который в свою очередь передал этот протокол Тельману, но не показал его другим своим коллегам.

118. См. книгу Вебера «Перерождение германского коммунизма» (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 188*) и работу Тьядена «Структура и функция „КПГ — Оппозиции“» (*K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, p. 67*), а также цитируемые в них источники. Фактически Тальгеймер вернулся лишь в мае 1928 г.; согласно журналу «Ди Фане дес Коммунизмус» («Die Fahne des Kommunismus», N 32, October 21, 1927, p. 170), Сталин, Бухарин и Куусинен оказали давление на Тальгеймера с тем, чтобы он признал свои прошлые ошибки в качестве условия его возвращения.

119. О конфликте, который произошел между Майером и Денгелем в ноябре 1927 г., см.: *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 425—426*.

120. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, главы 80 и 75.

121. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», iv, N 2, 1956, p. 348.

122. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 74, раздел «Друзья Советского Союза».

123. Там же, т. 2, глава 40 и т. 3, ч. II, глава 76.

124. «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет». М., 1961, ч. I, с. 728, 730.

125. Первая часть «программы действий» Брандлера и первая часть ответного заявления Политбюро КПГ были опубликованы в журнале «Коммунистический Интернационал», № 52 (126), за 1927 г., с. 34—49, 50—57; вторая часть «программы» и ответа на нее — там же, № 1 (127) 1928, с. 21—36, 37—47. Первая часть предварялась информацией о том, что «программа» была написана «несколько месяцев назад». О «программе действий» Брандлера см. текст, с. 88—89.

126. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 120*. Возмущение партийных руководителей возросло, когда было обнаружено письмо Брандлера к одному из его сторонников в Германии, в котором он ставил Тельмана и Денгеля в один ряд с Масловым и Рут Фишер и выражал желание вернуться на партийную работу в соответствии с резолюцией VII пленума ИККИ.

127. «Правда», 28 января 1928 г.

128. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 189*.

129. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 18, February 23, 1928, p. 375—377.

130. О двух выступлениях Бухарина см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 68.
131. Об этом выступлении, дебатах и резолюции по вопросу о профсоюзах см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 69.
132. «Vierteljahrsschrift für Zeitgeschichte», xvi, N 2, April 1968, p. 207—208. По-видимому, это была первая публикация полного текста секретного соглашения. На VI конгрессе Коминтерна, проходившем в июле 1928 г., Эверт признал, что его группа выступала против наложения запрета на работу в партии Брандлера и Тальгеймера, но поддалась уговорам («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 387—388).
133. Цит. по: *K. Tjaden*, Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, p. 75—76.
134. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 140, December 18, 1928, p. 2789.
135. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 31, March 23, 1928, p. 590—591. Как сообщалось в «Роте Фане» («Die Rote Fahne», March 18, 1928), Центральный комитет КПГ объявил правую опасность в партии «главной опасностью».
136. «Коммунистический Интернационал», № 12 (138), 1928, с. 38.
137. «Die Internationale», ix, N 3, February 1, 1928, p. 65—70.
138. Ibid., xi, N 4, February 15, 1928, p. 113—122. На статью Вальхера (Ibid., x, 122—126) сразу же последовал ответ Эверта, который уже писал в защиту официальной линии (ibid., x, N 24, December 20, 1927, p. 766—770).
139. «IV конгресс Профинтерна. 17 марта — 3 апреля 1928 г. Стенографический отчет. Резолюции и постановления». М., 1928, с. 53, 65—66.
140. Там же, с. 87, 112.
141. Там же, с. 156—158.
142. Там же, с. 219—225.
143. Там же, с. 270—274.
144. Там же, с. 647—654.
145. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 223, note 190.
146. «Die Internationale», xi, N 10, May 15, 1928, p. 302.
147. «Красный Интернационал Профсоюзов», № 6, 1928 г., с. 555—556.
148. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 52—53.
149. Там же, вып. III, с. 44—45.
150. Некоторые из этих призывов были опубликованы в журнале «Айнхайт», («Einheit», N 6, 1928, p. 123—124).
151. «Коммунистический Интернационал», № 20 (146), 1928 г., с. 7.
152. Предвыборное обращение КПГ перепечатано в книге Фленхтайма «КПГ в Веймарской республике» (*O. Flenchthaim*. Die KPD in der Weimarer Republik. 1948, p. 273—280). В посвященной этим выборам передовой статье, которая была опубликована в газете «Правда» 27 апреля 1928 г., осуждается «буржуазия и ее лакеи — социал-демократы».
153. Результаты выборов были восторженно описаны в статье, опубликованной в «Интернационале прессы-корреспондентов» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 49, May 22, 1928, p. 887—888). В статье, помещенной в «Правде» 22 мая 1928 г., был сделан вывод об обострении классовой борьбы.
154. «Коммунистический Интернационал», № 23—24 (149—150), 1928, с. 14—26.
155. См. источники, приводимые в книге Тядена (*K. Tjaden*. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, p. 139, note 149). В октябре 1928 г. Тальгеймер был снова вызван в Москву Секретариатом Коминтерна, но от приглашения отказался.
156. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus, i, p. 428. Это происходило в тот самый момент, когда Сталин прибирал к рукам «Правду» и «Большевик» («Основы плановой экономики...», т. 2, глава 40), и, видимо, следует подозревать существование некоторой связи между этими событиями. Нойман, которого прочли на место Зюскинда (*H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 194, note 39), возможно, был посредником.

157. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 429—434.* Этот доклад, подготовленный Секретариатом, хотя и был тщательно составлен, выдавал симпатии составителей, которые были на стороне скорее Эверта, чем Тельмана. По словам Ульбрихта, июньский пленум партии был «использован для внесения поправок в постановление Эссенского партийтага по вопросу о левых с.д.» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 458), — намек на то, что компромисс был слишком выгодным для Эверта.

158. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 15—19. На одном из последующих заседаний выступил делегат Союза Красных фронтовиков (там же, вып. I, с. 158—159). В статье, опубликованной в «Интернационале» («Die Internationale», xi, N 9, Mai 1, 1928, p. 259—261), был выражен протест против запрещения уличных демонстраций. О Союзе Красных фронтовиков см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, глава 76, прим. 64.

159. О докладе Бухарина см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70.

160. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 333—346. Позже Денгель вновь критиковал Тальгеймера за поддержку таких «переходных» лозунгов, как брандлеровская «программа действий» и «рабочий контроль» (там же, вып. III, с. 48—49).

161. Там же, вып. I, с. 379—390. О расколе в германской делегации см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, глава 76.

162. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 405—407. Об интерпретации Лозовским резолюций IV конгресса Профинтерна см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, главы 69 и 70.

163. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 454, 464.

164. Там же, вып. I, с. 509. В русский текст перед словом «возникла» в вышеприведенной цитате вставлены слова «в германской партии», для того чтобы избежать неприятной ассоциации с российской партией. О других исправлениях в тексте этого выступления см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70, прим. 42. Тельман, который все еще был неуверен в позиции Бухарина, не осмелился атаковать Тольятти за эти высказывания на самом конгрессе, однако он с удовольствием сделал это спустя год, на X пленуме Исполкома Коминтерна (см. ниже, глава 78).

165. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 454—460, 461—464, 523—529. Много лет спустя Брандлер говорил, что отказался от приглашения участвовать в работе VI конгресса Коминтерна (хотя он в это время был в Москве), так как он не хотел, чтобы его присутствие создало мишень для нападок на «брандлеризм» и послужило предлогом для исключения его из российской партии (*K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, p. 81*).

166. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 570—571, 615—616.

167. Там же, вып. I, с. 612—613. О кризисе в польской партии см. главу 79.

168. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 617.

169. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 787.

170. Это соответствует заявлению, которое было сделано Тельманом Центральному комитету германской компартии 26 сентября 1928 г. («Die Kommunistische Internationale», N 42, October 17, 1928, p. 2580—2582. В русском издании журнала «Коммунистический Интернационал» эта история не упоминается). См. также источники, приводимые Вебером в его книге «Перерождение германского коммунизма» (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus, 1969, i, p. 199—200*).

171. *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 200.*

172. *K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO),*

- 1964, р. 83—84. Гаузен и Эйслер подверглись осуждению в резолюции ИККИ от 6 октября 1928 г. (см. текст, с. 110).
173. «Die Rote Fahne», September 27, 1928.
174. В. Gross. Willi Münzenberg. 1967, р. 217—218. Инициатива приписывается Сталину, что вполне правдоподобно, однако Бухарин, должно быть, был в нее посвящен, если он еще находился в Москве. Дата его отъезда в отпуск точно не установлена, но он закончил «Заметки экономиста» между 21 и 30 сентября 1928 г. («Основы плановой экономики...», т. 2, глава 41, прим. 4) и, видимо, уехал из Москвы вскоре после этого.
175. H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, р. 204, note 85.
176. Эта точка зрения была позднее высказана Майером, который в то время находился на лечении в Сухуми (H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus, 1969, i, р. 436—473), а также Исполкомом Коминтерна в его резолюции от 6 октября 1928 г. (см. ниже).
177. H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, р. 435—436.
178. «Die Rote Fahne», October 5, 1928; «Правда», 9 октября 1928 г.
179. «Die Rote Fahne», October 7, 1928; «Правда», 9 октября 1928 г.
180. «Правда», 9 октября 1928 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 115, October 9, 1928, р. 2263—2264; «Die Rote Fahne», October 9, 1928. Заседание Президиума Исполкома Коминтерна состоялось в отсутствие нескольких руководящих его членов, которые были в отпуске. Бухарин был в Kislovodsk; Мануильский, Бела Кун и Эмбер-Дро — в Сочи; из всех из них только Эмбер-Дро выступил против этого решения (J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, р. 319—320).
181. «Die Rote Fahne», October 20, 1928. Это решение ЦК КПГ было одобрено большинством — но различным большинством — голосов в районных партийных организациях («Internationale Presse-Korrespondenz», N 122, October 30, 1928, р. 2406—2408).
182. Упомянутый протест, датированный 18 октября 1928 г., имел широкое хождение в партии и был опубликован в первом номере журнала правой оппозиции «Геген ден штром» в ноябре 1928 г. (о нем см. выше, с. 108—109). Этот документ стал объединяющим лозунгом для организации правой оппозиции в КПГ (K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, i, р. 86; ii, р. 139, note 151).
183. H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, р. 206—210. Партийный орган КПГ журнал «Интернационале», в течение месяца хранивший молчание о деле Витторфа, опубликовал статью Реммеле, который рассматривал это дело всего лишь как предлог для нападок на руководство со стороны Тальгеймера и «других ликвидаторов» («Die Internationale», xi, N 21, November 1, 1928, р. 709—711).
184. J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, р. 319. Это подтверждает в своих воспоминаниях М. Бубер-Нойман, на которой вскоре женился Нойман (M. Buber-Neumann. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. 1967, р. 243). В ее книге описывается фантастическая история (и не одна), которую можно объяснить его или ее богатым воображением.
185. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 124, November 6, 1928, р. 2466—2467; см. также источники, приводимые Вебером в: H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, р. 211—213. Критический отчет о конференции, написанный присутствовавшим на ней швейцарским коммунистом Эмбер-Дро, см. в: J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, р. 343—347. О докладах, отражавших официальную точку зрения, см.: «Die Internationale», xi, N 22, November 15, 1928, р. 757—760 (Ulbricht), р. 766—767 (Remmele).
186. См. источники, приводимые Тьяденом: (K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, ii, р. 139, note 149). По свидетельству Эмбер-Дро (J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, р. 338), Западноевропейское бюро Коминтерна в Берлине предложило послать Брандлера работать в Австрию.

187. Первый номер журнала, датированный 7 ноября 1928 г., был напечатан в количестве 3500 или 4000 экземпляров («Internationale Presse-Korrespondenz», N 140, December 18, 1928, p. 2789). Журнал вышел под тем же заглавием, что и собрание статей Ленина и Зиновьева, первоначально появившееся незадолго до революции в Швейцарии и опубликованное в 1918 г. в Петрограде.

188. K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO), 1964, p. 58—68.

189. См. текст с. 107.

190. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 513—515.

191. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929 г., вып. I, с. 214—215. В статье, опубликованной в «Интернационале прессы-корреспондент», признавалось продолжение существования в Коммунистическом союзе молодежи Германии фракции «правых и соглашателей» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 6, January 18, 1929, p. 113—114).

192. «Die Internationale», xi, N 21, November 1, 1928, p. 705—709. Строительство крейсера было осуждено как симптом возрождения германского империализма при молчаливом согласии социал-демократической партии. О кампании компартии против германского империализма см. текст, с. 91—92.

193. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72.

194. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 140, December 18, 1928, p. 2781—2803. Это была единственная часть заседаний комиссии, отчет о которой был полностью напечатан. Таска заявил, что «фракционная деятельность» Гаузена и его друзей в КПГ «достаточно для того, чтобы не один, а десять раз оправдать их исключение». Он особенно резко критиковал «программу действий» Брандлера и лозунг о рабочем контроле; он доказывал, что в вопросе о едином фронте Гаузен и его друзья «склонны предоставить политическую инициативу социал-демократам»; он обвинил их в «недоверии к неорганизованным рабочим», которое объясняется «социал-демократической точкой зрения на профсоюзы», и изобразил их отношение к «внутрипартийному режиму» как «отрицание ленинской концепции демократического централизма». В заключение Таска сказал, что руководство Коминтерна должно «твердо поддерживать Центральный комитет КПГ, даже если эта солидарность является критической: это делает ее еще более ценной и необходимой» (ibid., p. 2790—2796). Эти последние загадочные фразы были единственным слабым указанием на то, что Таска не был безоговорочным сторонником Центрального комитета КПГ. Выступая с докладом перед Итальянской коммунистической партией 5 декабря 1928 г., он представил себя как единственного члена комиссии, который «выразил несогласие». Но он объяснил, что, обнаружив, что это не было закрытое заседание, он отложил речь, с которой намеревался выступить, и ограничился критикой правых, опасаясь, что после исключения Гаузена из кандидатов в члены Центрального комитета КПГ последний мог использовать его замечания против партии («Annali, 1966». Milan, 1966, p. 576).

195. Эти выдержки из архива Майера приводятся в книге Вебера (H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 214). Об обмене письмами между Майером и Ульбрихтом см.: H. Weber. Ulbricht Fälscht Geschichte. 1964, p. 136—138.

196. J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 326—340. Текст выступления Эмбер-Дро см. в: Humbert-Droz archives, 0311.

197. Цит. по материалам архива Майера, приводимым в книге Вебера (H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 214—215).

198. На это намекает Эмбер-Дро (J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 340—341).

199. Накануне пленума Майер жаловался, что его коллеги по Политбюро партии отказали ему в его просьбе о встрече и в течение шести месяцев не поддерживали с ним связи (H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 437—438).

200. Заявление было напечатано двумя частями мелким шрифтом в партийном журнале, причем каждой части предшествовала статья, набранная более

- крупным шрифтом и опровергающая ее («Die Internationale», xi, N 24, December 15, 1928, p. 828—839; xii, N 1—2, January 15, 1929, p. 46—57).
201. «Die Rote Fahne», December 23, 1928.
202. В печати ответ снова был набран более крупным шрифтом («Die Internationale», xii, N 3, February 1, 1929, p. 103—112).
203. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 216, note 142.
204. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 142, December 21, 1928, p. 2848—2849.
205. «Die Rote Fahne», December 16, 18, 1928. Об ультиматуме правым см.: «Открытое письмо» Исполкома Коминтерна от 19 декабря 1928 г. (см. текст, с. 112).
206. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 439.
207. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 16, February 19, 1929, p. 327—331. Вряд ли можно полагаться на взятое из неопубликованных мемуаров Барбе («The Comintern: Historical Highlights». Ed. M. Drachkovitch and B. Lazitch. 1966, p. 220) заявление о том, что Гусев, поддержанный Лозовским, призвал к созданию «новой независимой революционной профсоюзной организации в Германии». Это не соответствовало политике Коминтерна того времени, и мнение Гусева в этом вопросе не совпадало с мнением Лозовского («Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72).
208. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 294—310. Отдавая должное важности этой речи, ее напечатали в журналах «Большевик» и «Коммунистический Интернационал» («Большевик», № 23—24, 31 декабря 1928 г., с. 40—47; «Коммунистический Интернационал», № 52 (178), 1928, с. 14—20) под заголовком «О правой опасности в германской компартии». Согласно тексту его речи, опубликованному на немецком языке в «Интернационале прессы-корреспонденции» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 1, January 4, 1929, p. 1—4), Сталин закончил предложением внести несколько, точно не указанных, поправок в текст письма или писем. В резолюции IV конгресса Профинтерна осторожно говорится о «завоевании реформистских профсоюзов» как «основной задаче», но не единственной («Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 69). Согласно мемуарам Барбе (The Comintern: Historical Highlights. Ed. M. Drachkovitch and B. Lazitch. 1966, p. 223), Таска с дерзостью, которая шокировала тех, кто привык к официальному раболепию перед вождем, прервал Сталина, категорически опровергнув его отчет о выводах IV конгресса Профинтерна. На X пленуме Исполкома Коминтерна в июле 1929 г. Таска отстаивал ту точку зрения, что речь Сталина от 19 декабря 1928 г. была направлена на раскол профсоюзов. Тельман более осторожно приписывал Сталину мнение, что «мы вовсе не являемся принципиальными противниками организации новых профсоюзов», но что это не обязательно для всех стран («Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 3, с. 192).
209. *J. Humbert-Droz*. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 349—353. Эмбер-Дро охарактеризовал речь Сталина как «атаку на концепцию стабилизации капитализма, выдвинутую в тезисах VI всемирного конгресса», и добавил более пронизательно, что «подлинной мишенью был, естественно, Бухарин» (ibid., p. 341).
210. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 217, note 147). Лозовский отверг предложение Цеткин одной-единственной фразой в своем выступлении («Internationale Presse-Korrespondenz», N 17, February 22, 1929, p. 359).
211. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 17, February 22, 1929, p. 357—360; N 18, February 26, 1929, p. 379—384.
212. Ibid., N 142, December 21, 1928, p. 2829—2832.
213. *J. Humbert-Droz*. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 354.
214. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus. 1969, i, p. 218.
215. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 143, December 28, 1928, p. 2863—2864.

216. *Ibid.*, N 9, January 29, 1929, p. 163. Брандлер и Тальгеймер не подчинились и были соответственно исключены.
217. *Ibid.*, N 20, March 1, 1929, p. 438—439; *K. Tjaden. Struktur und Funktion der «KPD — Opposition» (KPO)*, 1964, i, p. 112; *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus*. 1969, i, p. 219. О силе правых в МОПРЕ см.: *H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus*. 1969, i, p. 219, note 160. Осторожность Мюнценберга в отношении вспомогательных организаций («Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 73, раздел «Международная рабочая помощь») была вполне оправдана.
218. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 9, January 29, 1929, p. 157—160.
219. «Die Internationale», xii, N 1—2, January 15, 1929, p. 27—39. О журнале «Айнхайт» см. выше, с. 74.
220. По словам Лозовского, профсоюзы исключили из своих рядов не «десятики тысяч рабочих», а исключили «их доверенных лиц»; за последние несколько месяцев были исключены две тысячи коммунистов, находившихся на выборных должностях в профсоюзах («Коммунистический Интернационал», № 23—24 (201—202), 1929 г., с. 126).
221. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 9, January 29, 1929, p. 165—169.
222. Об отчете в коммунистической прессе о профсоюзном конгрессе в Гамбурге см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 101, September 11, 1928, p. 1908—1910; а также статью в «Правде» от 12 сентября 1928 г., в которой проводится сравнение между профсоюзным конгрессом в Гамбурге и конгрессом труд-юнионов в Свонси; о конгрессе в Свонси см. главу 75.
223. О выступлении Сталина и различных интерпретациях его речи см. текст, с. 111—112.
224. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 9, January 29, 1929, p. 165.
225. «Коммунистический Интернационал», № 23—24 (201—202), 1929 г., с. 113. Об этом выступлении Лозовского см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72. О более ранних жалобах на то, что германские рабочие ни на йоту не отступают от буквы закона, см.: «Коммунистический Интернационал», № 6—7 (132—133), 1928, с. 78.
226. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 42.
227. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 21, March 5, 1929, p. 450.
228. *Ibid.*, N 27, March 22, 1929, p. 606.
229. В разговоре с Таской, состоявшемся в Берлине 20 января 1929 г., Майер смог назвать только 10 членов группы соглашателей («Annali, 1966». Milan, 1966, p. 667).
230. О миссии Эверта в британской и американской компартиях см. выше, с. 96.
231. «Die Rote Fahne», March 21, 1929.
232. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (п. д.), p. 215, 355. Эти мероприятия невозможно точно датировать, но они произошли до событий 1 мая 1929 г.
233. «Die Rote Fahne», April 12, 1929.
234. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 38, May 2, 1929, p. 902—903. Прусский министр внутренних дел хотел запретить КПГ, но запрет не был разрешен рейхсминистром на том основании, что его нельзя было провести в жизнь (цитируется Вебером по архивным документам) (*H. Weber. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus*. 1969, i, p. 322, note 10).
235. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 49, June 7, 1929, p. 1183.
236. *Ibid.*, N 50, June 11, 1929, p. 1215—1216.
237. «Protokoll des 12. Parteitags der KPD» (п. д. [1929]), p. 54—55, 75, 205.
238. О социал-фашизме см. ниже, Приложение В.
239. «Die Internationale», xii, N 8—9, May 1, 1929, p. 257—271.
240. *Ibid.*, xii, N 13, July 1, 1929, p. 431—436.
241. «Protokoll des 12. Parteitags der KPD» (п. д. [1929]), p. 176—183.
242. *Ibid.*, p. 201—206, 220—223.
243. *Ibid.*, p. 255—256, 294—296.

244. «Waffen für den Klassenkampf: Beschlüsse des XII Parteitags der KPD», 1929, р. 36—45.
245. «Правда», 12 июня 1929 г.
246. «Protokoll des 12. Parteitags der KPD» (n. d. [1929]), р. 200.
247. Ibid., р. 331—332.
248. «Waffen für den Klassenkampf: Beschlüsse des XII Parteitags der KPD», 1929, р. 7—15, 46—62.
249. «Protokoll des 12. Parteitags der KPD» (n. d. [1929]), р. 459, 475.
250. «Waffen für den Klassenkampf: Beschlüsse des XII Parteitags der KPD», 1929, р. 62—81.
251. *H. Weber*. Die Wandlung des Deutschen Kommunismus, 1969, ii, р. 12—13.
252. «Правда», 20 июня 1929 г.
253. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929 г., вып. I, с. 49, 65.
254. Там же, с. 230, 235.
255. Там же, с. 281—282. Об этой речи Молотова см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 42.
256. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929, вып. I, с. 388—394. О выступлениях Ульбрихта, Молотова и Тельмана см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72.
257. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 876—888.
258. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929, вып. 3, с. 33. О журнале «Айнхайт» см. текст, с. 113. Его издание было возобновлено после июля 1929 г., и он выходил в качестве журнала оппозиции («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», iv, N 2, 1956, р. 346, note 13). О Зиверте см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 74.
259. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929, вып. 3, с. 36—91. О выступлении Лозовского см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72.
260. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 904.
261. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Германии».
262. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929, вып. 1, с. 134—156.

Глава 77. Французская коммунистическая партия (ФКП)

1. «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, глава 35. Резолюция была напечатана в журнале «Кайе дю большевизм» («Cahiers du Bolchévisme», N 70, Avril 15, 1926, р. 951—964, 970—980), причем вторая ее часть, посвященная полемике, направленной против оппозиционных групп, исключенных из ФКП (Суварин, Росмер и Монатт), была странным образом отделена от основной резолюции и просто озаглавлена «Против правых партий» («Contre la Droite Française»). В материалах V партийного съезда, проходившего в июне 1926 г., появилась только первая часть под заголовком «Доклад по вопросу о Франции» («Rapport sur la Question Française») («V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, р. 643—655).
2. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Французская коммунистическая партия».
3. «Humanité», February 20, 26, 1926.
4. СФИО (Французская секция Рабочего Интернационала — Section Française Internationale Ouvrière) было общепринятым названием Французской социалистической партии.

5. Письмо Коминтерна, видимо, не было опубликовано, но его много цитирует Эмбер-Дро в статье, которая была помещена в журнале «Коммунист интернэшнл» («The Communist International», June 19, 1928, p. 276). В русском издании журнала «Коммунистический Интернационал» статья не обнаружена.
6. Этот отчет взят из трех писем, написанных Эмбер-Дро своей жене (*J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 268—274*). Он замечает, что, «возможно, несколько смягчил эти впечатления» в официальном отчете. Эмбер-Дро писал своей жене, что «на днях» он намеревается встретиться с Росмером; неизвестно, сделал ли он это.
7. О докладах см.: «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 8—31, 297—338. О резолюциях см.: *ibid.*, p. 641—642, 656—667. Об их принятии съездом см.: *ibid.*, p. 282, 623—624.
8. Французский делегат на VI конгрессе Коминтерна сказал, что ФКП на IV партийном съезде насчитывала «100 тыс. членов партии на бумаге, а в реальности — 80 тыс.» («Classe contre Classe». 1929, p. 132). Пятницкий полагал, что в августе 1925 г. общее число членов партии равнялось 83 тыс., а в 1926 г. (месяц не указан) — 65 тыс. человек («Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 1, с. 146).
9. «V Congrès Nationale du Parti Communiste Français». 1927, p. 10—11, 103.
10. *Ibid.*, p. 72—73, 81.
11. *Ibid.*, p. 22—31. Об этих печатных органах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31. Денгель, представитель братской германской партии на съезде ФКП, классифицировал эти три группы более конкретно: группа Суварина — троцкистская (Готье был ее единственным представителем на съезде), социал-демократическая группа Росмера и анархо-синдикалистская группа Монатта («Die Internationale», ix, N 14, July 20, 1926, p. 422).
12. «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 127.
13. *Ibid.*, p. 230—250. О «письме 250» см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31.
14. «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 271. Об этом предупреждении, сделанном российской партией, см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, часть I, глава 35.
15. «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 541.
16. *Ibid.*, p. 310—313.
17. *Ibid.*, p. 386—387.
18. *Ibid.*, p. 445, 452, 492—493.
19. *Ibid.*, p. 534—535.
20. О настойчивом требовании УВКТ предоставить независимость Профинтерну от Коминтерна см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 3, ч. V, глава 31; «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 44.
21. Эти цифры, которые в лучшем случае приблизительны, взяты из двух статей, опубликованных в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 79, August 5, 1927, p. 1719—1720; N 98, October 7, 1927, p. 2110—2111).
22. В 1930 г. Троцкий привел цифровые данные о числе членов УВКТ: 1926 г. — 475 тыс. человек, 1927 г. — 452 тыс., 1928 г. — 375 тыс. человек («Бюллетень оппозиции». Париж, № 8, январь 1930 г., с. 10).
23. «Коммунистический Интернационал», № 10 (136), 1928, с. 42. На партийном съезде парижской департаментской федерации, проходившем в марте 1929 г., из 270 делегатов 185 работали на крупных промышленных предприятиях, 111 — в металлообрабатывающей промышленности («Internationale Presse-Korrespondenz», N 28, March 27, 1929, p. 634).
24. «Коммунистический Интернационал», № 10 (136), 1928 г., с. 43—45. Об этой статье см. текст, с. 154—155.
25. *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 270*.
26. «Бюллетень оппозиции». Париж, № 1—2, июль 1929 г., с. 33.
27. «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 28—30, 335.
28. *Ibid.*, p. 56.
29. *Ibid.*, p. 580—591, 675—678.

30. Ibid., p. 15—22.
31. Ibid., p. 384—385.
32. Ibid., p. 137—138.
33. Ibid., p. 304, 333.
34. Ibid., p. 393, 455, 527.
35. О докладе, дебатах и голосовании см.: *ibid.*, p. 595—616; о резолюции см.: *ibid.*, p. 668—672; во вопросу о партийных см. ниже, Приложение Б.
36. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля—15 марта 1926 г.). Стенографический отчет». М.—Л., 1927, с. 309; «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 604—605. О дискуссиях, развернувшихся в 1925 г., см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, глава 31, раздел «Французская коммунистическая партия».
37. «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 338—352. Комментарий Семара см.: *ibid.*, с. 331.
38. Ibid., p. 690—692. О докладе, по которому была представлена резолюция, см.: *ibid.*, p. 629—630.
39. Ibid., p. 552—559. Велись длительные споры о недостатках партийного журнала для женщин «Увриер», издание которого было приостановлено весной 1927 г. из-за финансовых затруднений («Cahiers du Bolchevisme», N 69, April 1, 1927, p. 421—422).
40. *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 268—272.* Выступая во Французской комиссии VI пленума ИККИ в марте 1926 г., Сталин похвалил Креме за разоблачение «правых группировок» в ФКП и назвал его, вместе с Семаром, Торезом и Монуссо, «руководящей группой» в партии (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 8, с. 102—103).
41. «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 153. Этим товарищем мог быть только представитель Коминтерна, возможно, Петровский.
42. Ibid., p. 385, 434.
43. Ibid., p. 492—501.
44. Ibid., p. 540.
45. Ibid., p. 617—620, 622—623.
46. *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 274.*
47. *L. Trotsky. Le Mouvement Communiste en France. Ed. P. Broué, 1967, p. 284.* Информация об этих заявлениях исходит от Бруе.
48. *A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français, 1931, p. 196—197.*
49. Ibid., p. 207.
50. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 10, January 21, 1927, p. 188—189. О защите этой тактики секретарем комитета партии парижской департаментской федерации Костом см.: «Cahiers du Bolchévisme», N 69, Avril 1, 1927, p. 392—395. В то время это была обычная партийная тактика; составление совместных списков кандидатов на муниципальных выборах было специально одобрено состоявшимся в 1925 г. IV съездом Французской коммунистической партии («Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Французская коммунистическая партия»).
51. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), ii, p. 631.
52. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 10, January 21, 1927, p. 196—198. О замечаниях, сделанных Семаром на V съезде партии, см.: «V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 322—323. Согласно Ферра (*A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français. 1931, p. 198*), это требование было выдвинуто в циркуляре от 9 декабря 1926 г.
53. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.
54. О выступлении Трэна и ответах на него см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.
55. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М.—Л., 1927, т. 1, с. 218—226.
56. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 630, 640.

57. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927, т. II, с. 385—389.

58. *A. Тивель и М. Хеймо. Десять лет Коминтерна в цифрах.* М., 1929, с. 327, 329.

59. После окончания заседания Трэн передал в Секретариат меморандум с ответом на критику и жалобой на то, что Пеппер и Курелла неправильно представили его взгляды. Его основным аргументом была цитата из выступления Сталина, который на XV партийной конференции в октябре 1926 г. сказал, что Соединенные Штаты Америки «забежали далеко вперед, оставив позади как Англию, так и другие европейские державы», и что «это обстоятельство чревато новыми большими конфликтами и войнами». По-видимому, меморандум не был опубликован в Москве, однако несколько месяцев спустя он появился во французском партийном журнале («Cahiers du Bolchévisme», N 69, April 1, 1927, p. 419—420). Цитаты см.: *И. В. Сталин. Соч.*, т. 8, с. 253.

60. «Cahiers du Bolchévisme», N 70, April 15, 1927, p. 478.

61. *Ibid.*, N 65, February 1, 1927, p. 79—83, 158—162.

62. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 32, March 22, 1927, p. 698—699; *A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français.* 1931, p. 198—199.

63. «Cahiers du Bolchévisme», N 65, February 1, 1927, p. 82—83, 162. Трое возражавших, помню Жиро (вероятно, высказавшей свое мнение на пленуме), вручили декларации, которые были опубликованы в партийном журнале (*ibid.*, N 66, February 15, 1927, p. 235—242); по случайному совпадению трое из четырех инакомыслящих были женщины.

64. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 32, March 22, 1927, p. 698—699.

65. «Cahiers du Bolchévisme», N 65, February 1, 1927, p. 146—152. В архивах Троцкого (Trotsky archives, T 917) есть копия этого документа вместе с некоторыми текстовыми вариантами.

66. «Cahiers du Bolchévisme», N 65, February 1, 1927, p. 153—157.

67. Протест против их исключения из ФКП находится в архивах Троцкого (Trotsky archives, T 729).

68. «Cahiers du Bolchévisme», N 70, April 15, 1927, p. 479—483.

69. *Ibid.*, N 70, April 15, 1927, p. 427—435.

70. Этот эпизод приводится в книге Эмбер-Дро «От Ленина к Сталину» (*J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline.* Neuchatel, 1971, p. 277—281). О нем свидетельствуют письма Эмбер-Дро от 26 февраля, 5 марта и 8 апреля 1927 г. к Тольятти (*J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internationale e il PCI.* 1969, p. 238—247; Humbert-Droz archives, 0077, 0078, 0081) и письмо Эмбер-Дро от 10 апреля к Креме (*J. Humbert-Droz. «L'Oeil de Moscou» à Paris.* 1964, p. 250—255; Humbert-Droz archives, 0082).

71. См. выше, прим. 6 к этой же главе. О более ранней попытке Трэн запятнать Эмбер-Дро, используя его связь с Монаттом и Росмером, см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Французская коммунистическая партия», прим. 2.

72. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 68.

73. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 35.

74. Эта информация почерпнута из книги Эмбер-Дро «От Ленина к Сталину» (*J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline.* Neuchatel, 1971, p. 277—281). Согласно выступлению Эмбер-Дро в Латинском секретариате Коминтерна в июле 1928 г., Торез настаивал на составлении общих списков в департаменте Нор, но, когда Политбюро Французской компартии выступило с требованием того же для департамента Сарта, он увидел опасность этой политики и отступил. («Classe contre Classe». 1929, p. 232). Торез тогда же вспоминал, что первоначально он поддержал «неправильную линию», направленную против Эмбер-Дро и Бухарина (*ibid.*, p. 174).

75. Об этом письме см. выше, прим. 70 к этой же главе.

76. «Classe contre Classe». 1929, p. 233—234. Это говорилось в то время, когда предвыборная тактика оказалась неудачной и поэтому желательно было сделать акцент на других аспектах политики.

77. *A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français.* 1931, p. 221.

78. «Classe contre Classe». 1929, p. 125, 166. Шюллер, выступая во Французской комиссии IX пленума ИККИ в феврале 1928 г., заявил, что, «когда французские товарищи получили это письмо, они не поняли, о чем идет речь» (ibid., p. 40).

79. Фове (*J. Fauvet. Histoire du Parti Communiste Français. 1964, i, p. 74*) утверждает, что «в апреле 1927 г. Коминтерн призвал партию мобилизовать свои силы под лозунгом „класс против класса“», однако он не приводит никаких доказательств или указаний на то, что он видел текст письма от 2 апреля 1927 г.

80. «Cahiers du Bolchévisme», N 69, April 1, 1927, p. 365—377.

81. Ibid., N 71, April 30, 1927, p. 491—493.

82. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Французская коммунистическая партия».

83. *A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français, 1931, p. 199—200.* Автор комментирует: «Для коммунистов невозможно идти дальше по этому пути, граничащему с принятием как таковой ликвидации движения УВКТ». Один обозреватель в то время назвал это «последней уступкой» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 79, August 5, 1927, p. 1719).

84. «Humanité», April 18, 1927. После заседания национального совета УВКТ была образована «группа друзей, выступающих за единство», которая с мая 1927 г. начала выпускать выходящий раз в две недели журнал «Юните», призывавший к профсоюзному единству («Internationale Presse-Korrespondenz», N 79, August 5, 1927, p. 1719). Это было издание, аналогичное немецкому журналу «Айнхайт» (см. выше, глава 76).

85. *J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI. 1969, p. 247—248; Humbert-Droz archives, 0085.*

86. Самый полный из имеющихся в распоряжении отчет об этом предложении опубликован в журнале «Коммунистический Интернационал», № 28 (102), 1927 г., с. 33—39.

87. «Humanité», April 13, 1927.

88. «Humanité», Septembre 12, 13, 14, 1927. Об этом вопросе см. с. 130—131. На конференции в Буэнос-Айресе, проходившей в июне 1929 г. (о ней будет рассказано в одном из последующих разделов данного тома), Эмбер-Дро напомнил об «ошибке, совершенной ФКП в отношении иммиграции», которая была подвергнута «резкой критике» со стороны Коминтерна («Il Movimento Revolucionario Latino Americano», Buenos Aires (n. d.), p. 312). Информация Коминтерна по этому вопросу не обнаружено.

89. «Humanité», Septembre 12, 1927.

90. Ibid., Octobre 28, 1927.

91. «Classe contre Classe». 1929, p. 52—54.

92. Ibid., p. 224—225. В статье, опубликованной в «Юманите» 23 августа 1927 г., утверждалось, что фонды УВКТ для проведения организационной и пропагандистской работы среди рабочих из колоний и иностранных рабочих почти такие же большие, как и те, что предназначены для работы среди французских рабочих, однако в оправдание в ней делалась ссылка на языковые трудности, полицейские преследования и т. д.

93. «Основы плановой экономики, 1926—1929 гг.», т. 3, ч. I, глава 60.

94. ФКП, по-видимому, не сразу отреагировала на эти предложения. Тем не менее в статье, опубликованной в «Юманите» 28 апреля 1927 г., выражалось требование сохранить систему пропорционального представительства и была предложена соответствующая поправка к законопроекту, а в «Кайе дю большевизм» («Cahiers du Bolchévisme», N 71, April 30, 1927, p. 512—516) был опубликован осторожный анализ скрытого смысла этого законопроекта.

95. О точке зрения компартии на съезд СФИО см.: «Юманите» от 10 апреля 1927 г. и последующих дней; а также: «Cahiers du Bolchévisme», N 71, April 30, 1927, p. 497—500; N 72, May 15, 1927, p. 566—570. Бонкуровский законопроект был принят палатой депутатов 7 марта 1927 г., но в него были внесены коренные изменения сенатом, и в конечном счете он не был принят.

96. «Основы плановой экономики», т. 3, ч. I, глава 60.

97. «Humanité», April 23, 25, 1927.

98. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 47, May 6, 1927, p. 991—992, Beiilage, p. 2.
99. «Le Temps», May 29, 1927.
100. О миссии Дорно в Китае будет рассказано в одном из последующих разделов данного тома.
101. *M. Torez. Fils du Peuple*. 1949, p. 58—59.
102. «Cahiers du Bolchévisme», N 72, May 15, 1927, p. 555—565. Данные о числе членов партии см. с. 123, 172 и прим. 238. Васильев, явно преувеличивая, утверждал, что общее число членов партии на 1 января 1927 г. составляло 70 тыс. человек («Internationale Presse-Korrespondenz», N 104, October 25, 1927, p. 2233).
103. См. текст, с. 135—136.
104. «Classe contre Classe». 1929, p. 173—174.
105. «Humanité», June 12, 18, 20, 1927.
106. Об осуждении Троцкого см. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67. Вопрос об отношении к Китаю будет рассмотрен в одном из последующих разделов этого тома.
107. «Юманите», 27 июня 1927 г. и за последующие дни. О тезисах Политбюро см. текст, с. 140—141.
108. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 70, July 12, 1927, p. 1500—1501.
109. Об этом письме см. выше, прим. 85 к этой же главе.
110. «Humanité», July 27, 1927; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 79, August 5, 1927, p. 1719—1720. О предыдущем предложении, сделанном в апреле 1927 г., см. текст, с. 137—138.
111. Начиная с 20 сентября 1927 г. и в последующие дни работа конгресса освещалась в «Юманите» (письмо Профинтерна было опубликовано 23 сентября) и в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 97, October 4, 1927, p. 2089—2090; N 98, October 7, 1927, p. 2110—2111).
112. «Humanité», Octobre 25, 1927. Статью в защиту конгресса опубликовал также Монмуссо, который охарактеризовал конгресс УВКТ в Бордо как «самый замечательный конгресс, который когда-либо у нас был» (*ibid.*, Novembre 5, 1927).
113. «Classe contre Classe». 1929, p. 74.
114. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 88, September 2, 1927, p. 1007.
115. «Известия», 29 сентября 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 97, October 4, 1927, p. 2082.
116. «Humanité», January 2, 1928.
117. *J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI*. 1969, p. 249; Humbert-Droz archives, '0082. Позже Кашен утверждал, что решение не противодействовать аресту было единогласно принято на Политбюро партии, но по словам Барбе, три члена Политбюро — Селор, Галопэн и Ферра, все представители Союза коммунистической молодежи Франции, — выразили протест против этого решения на собрании 4 июля 1927 г. («Classe contre Classe». 1929, p. 124, 147). Мотивом для добровольной сдачи послужила надежда на амнистию 14 июля или 11 ноября (*ibid.*, p. 157. Торез назвал это «чистейшим проявлением кретинизма»).
118. «Humanité», June 17, 1927.
119. *Ibid.*, July 3, 5, 1927.
120. *Ibid.*, Septembre 1, 1927.
121. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 75, July 26, 1927, p. 1597—1599.
122. *Ibid.*, N 97, October 4, 1927, p. 2083.
123. *Ibid.*, N 105, October 28, 1927, p. 2270—2272.
124. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ». М., 1928, с. 335.
125. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 72. Попытка Фрагона дать подробный отчет о некоторых из этих выступлений (там же, вып. II, с. 149) не произвела глубокого впечатления. В докладе о Союзе коммунистической молодежи Франции утверж-

далось, что антимилитаристская кампания «резко увеличила наше влияние среди молодых рабочих, солдат и матросов» («The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses». 1928, p. 176—177).

126. См. текст, с. 142.

127. Описание этих событий см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 8, January 24, 1928, p. 148—149. Судя по материалам «Юманите» от 6 декабря 1927 г. («Humanité», Decembre 6, 1927), Трэн и его сторонники сделали вид, что им помешала присутствовать на этом пленуме какая-то неточность в информации о его проведении. Об «Открытом письме» см. текст, с. 147—148.

128. «Humanité», Novembre 15, 26, 1927. Еще одно осуждение «фракционизма» со стороны Политбюро ФКП опубликовано в: *ibid.*, Decembre 4, 1927.

129. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 60.

130. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969 г., с. 284 (цитируется по материалам архивов). О телеграмме и письме в адрес британской компартии см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, глава 75. Вальтер (*G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français. 1948*, p. 186) упоминает «новое письмо» ИККИ, направленное ФКП в сентябре 1927 г., а Семар позднее говорил о получении директив Коминтерна «по многим поводам» в период после съезда партии, проходившего в Лилле в 1926 г. («Classe contre Classe». 1929, p. 5), однако ни одно из этих писем не было опубликовано ни в то время, ни впоследствии.

131. Это описание взято из письма Эмбер-Дро своей жене от 8 ноября 1927 г., очевидно написанного тайнописью, чтобы ввести в заблуждение цензора (*J. Humbert-Droz. De Léline à Staline. Neuchatel, 1971*, p. 294—295).

132. «Humanité», Novembre 19, 1927. Очевидно, это единственная публикация полного текста «Открытого письма ко всем членам партии». Выдержку из него, которая включает последний раздел, см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 116, November 25, 1927, p. 2597. Публикация этого документа в Москве не была установлена. Согласно последующему заявлению Тореза, Коминтерн послал телеграмму с одобрением «Открытого письма» и через шесть недель послал следующую телеграмму, в которой привлек внимание к «противоречиям», возникавшим при претворении в жизнь этой кампании («Classe contre Classe». 1929, p. 184). Судя по случайному замечанию, сделанному Бухариным на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. о том, что линия «класс против класса» была объявлена «каких-нибудь два месяца спустя» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», М., 1929, вып. I, с. 611), можно предположить, что в то время это привлекло мало внимания.

133. «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет». М., 1961, ч. I, с. 658.

134. «Classe contre Classe». 1929, p. 6; А. Ферра (*A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français. 1931*, p. 223) утверждает, что «Открытое письмо» было одобрено «большинством Центрального комитета»; не ясно, было ли в действительности проведено голосование.

135. «Cahiers du Bolchévisme», N 86, Décembre 15, 1927, p. 1289.

136. «Humanité», February 1, 2, 1928.

137. *A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français. 1931*, p. 227.

138. «Cahiers du Bolchévisme», N 86, Decembre 15, 1927, p. 1290—1294.

139. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 1, January 5, 1928, p. 10—12.

140. *Ibid.*, N 1, January 5, 1928, p. 9.

141. «Humanité», January 14, 1928. Беор был уже исключен за неправильное поведение (*ibid.*, January 19, 1928).

142. «Classe contre Classe». 1929, p. 6—8. В других местах результаты голосования даются как 23 — «за» и 13 — «против» (*ibid.*, p. 27).

143. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 11, February 3, 1928, p. 213.

144. Барбе, честолюбивый руководитель Союза коммунистической молодежи Франции, обратил на себя внимание руководителей Коминтерна на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г., когда он был назначен в Политический секретариат в Москве (*А. Тивель и М. Хеймо. Десять лет Коминтерна в цифрах. 1929 г.*, с. 329), заменив на этом посту Креме, также бывшего руководителем француз-

ской коммунистической молодежи, который, говорят, пользовался покровительством Сталина (*L. Trotsky. Le Mouvement Communiste en France. Ed. P. Broué, 1967, p. 282*), но который теперь оказался зараженным сочувствием к оппозиции. В 1928 и 1929 гг. Барбе использовали для нападков на правые элементы в руководстве ФКП (см. текст, с. 163—165).

145. Материалы конференции были полностью приведены в «Юманите» («Humanité», January 31, February 1, 2, 1928).

146. «Humanité», February 6, 1928 (о резолюции, которая характеризуется как единодушное выражение мнения в отношении исключения членов оппозиции, см.: *ibid.*, February 13, 1928); «Internationale Presse-Korrespondenz», N 13, February 10, 1928, p. 259—260.

147. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 14, February 14, 1928, p. 280—281.

148. В речи, произнесенной во Французской комиссии IX пленума ИККИ, Бухарин с одобрением говорил о «состоянии умов в парижской федерации» («Classe contre Classe», p. 85), и в принятой на пленуме резолюции содержится похвала в адрес «районных комитетов и ячеек Парижской области» за их участие в кампании по улучшению работы «Юманите» («Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 761. Об этой кампании см. текст, с. 153—154). Пять месяцев спустя, выступая на VI конгрессе Коминтерна, возмущенный делегат от парижской партийной организации жаловался, что на IX пленуме ИККИ были сделаны попытки «изолировать от низов руководство Парижского округа — «Окружной комитет» — в интересах выпрямления линии партии» и что Бухарин совершенно неправильно представил положение в парижской организации («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 321—322).

149. «Classe contre Classe». 1929, p. 17—29. В этой работе, чо-видимому, приведены все речи, произнесенные во Французской комиссии. Критики официальной линии в них не было.

150. *Ibid.*, p. 36—46.

151. *Ibid.*, p. 47.

152. «Classe contre Classe». 1929, p. 52—54, 58—60. В резолюцию пленума (см. текст, с. 153) было также включено требование о создании массовой крестьянской организации. Рено Жан, хотя он и упорно придерживался оппозиционных взглядов, очевидно, был обязан мягким к себе отношением тому, что выступал в качестве представителя крестьянства.

153. «Classe contre Classe». 1929, p. 70—77, 79.

154. *Ibid.*, p. 82—89.

155. *Ibid.*, p. 90—97; «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 759—762.

156. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 65, July 10, 1928, p. 1175—1176.

157. «Cahiers du Bolchévisme», N 66, February 15, 1927, p. 229—235.

158. «Classe contre Classe». 1929, p. 32, 35, 45, 68.

159. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 761. Одним из обвинений, постоянно выдвигавшихся против «Юманите», было опубликованное на ее страницах 23 августа 1927 г. безответственное объявление о том, что состоится массовая демонстрация рабочих с выражением протеста против прохождения американского легиона через Париж — событие, которое состоялось вслед за казнью Сакко и Ванцетти. Никто не организовывал демонстрацию, и она потерпела фиаско.

160. «Classe contre Classe». 1929, p. 45.

161. «Коммунистический Интернационал», № 10 (136), 1928 г., с. 43—45.

162. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 27, March 13, 1928, p. 505—506.

163. «IV конгресс Профинтерна. 17 марта — 3 апреля 1928 г. Стенографический отчет. Резолюции и постановления». М., 1928, с. 68.

164. Там же, с. 110, 204—205.

165. Там же, с. 669—674.

166. «Правда», 20 апреля 1928 г.

167. К этой истории, рассказанной много лет спустя Эмбер-Дро в книге «От Ленина к Сталину», следует, пожалуй, относиться несколько скептически (J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 281—282).

168. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 41, April 29, 1928, p. 727—728.

169. Самый искренний отчет об этом был дан Семаром в дискуссии, состоявшейся в Латинском секретариате Коминтерна в июле 1928 г. («Classe contre Classe». 1929, p. 112—113).

170. E. Bonnefous. Histoire Politique de la Troisième Republique. 1960, iv, p. 251—252, 256. По данным, приведенным в работе Ж. Фовэ «История Коммунистической партии Франции» (J. Fauvet. Histoire du Parti Communiste Français. 1964, ii, p. 81), 60% коммунистов голосовали за кандидатов других левых партий в тех округах, где это могло привести к поражению кандидата от правых партий.

171. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 44, May 8, 1928, p. 779—781. Общее число полученных ФКП голосов было приведено в тезисах партийной конференции, которая проходила в июне 1928 г. (см. текст, с. 158).

172. «Humanité», June 2, 1928; «Internationale Presse-Korrespondenz» N 54, June 5, 1928, p. 985—986 (в «Интернационале прессы-корреспонденции» опубликован несколько сокращенный вариант).

173. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 57, July 15, 1928, p. 1024—1025. На VI конгрессе Коминтерна Торез уверенно заявил, что «работе пошли за нами» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1929, вып. I, с. 216).

174. «Journal Officiel: Chambre des Députés», N 48, June 14, 1928, p. 1934—1940. Станным в этих дебатах было то, что сторонники предложения подтвердить депутатскую неприкосновенность упомянули только депутатов Эльзаса и Лотарингии; Берон, сам депутат от этого региона, был выбран для того, чтобы объявить, что коммунисты будут голосовать за это предложение. А то, что это также касается Кашена, Дорио и Дюкло, подчеркнул представитель правительства.

175. «Humanité», June 2, 1928.

176. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 59, June 22, 1928, p. 1069.

177. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 57, June 15, 1928, p. 1025. Позже утверждалось, что Политбюро ФКП якобы никогда не одобряло проекта тезисов, опубликованного в «Юманите», и что это была работа Бернара, которого уже в то время подозревали в «правом» уклоне. Эмбер-Дро, испытывая определенную неловкость, признал, что он «принимал значительное участие в подготовке проекта тезисов по вопросу о профсоюзах», которые были «направлены против ошибок, совершенных группой товарищей в парижской окружной организации», но что за «представление» тезисов ответственен Секретариат. Барбе сказал, что «проект был не только переработан нашей национальной конференцией, но и полностью изменен» («Classe contre Classe». 1929, p. 145, 151, 207).

178. Конференция плохо освещалась на страницах «Юманите» («Humanité», June 19—29, 1928). Наиболее полный из имеющихся отчетов опубликован в «Интернационале прессы-корреспонденции» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 59, June 22, 1928, p. 1069—1070; No. 60, June 26, 1928, p. 1086). Там же помещен отчет Семара о конференции (ibid., N 61, June 29, 1928, p. 1102—1103).

179. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 59—60.

180. Там же, вып. I, с. 107—120.

181. Там же, вып. I, с. 212—219. Требование Тореза внести поправку в тезисы Бухарина, в которой подчеркивалось бы, что более опасным является правый уклон, было предьявлено по решению Политбюро ФКП («Classe contre Classe», 1929, p. 182).

182. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 610—611.

183. «Classe contre Classe». 1929, p. 107—108.

184. Ibid., p. 108—123.

185. Ibid., p. 129—135.

186. Ibid., p. 146—164.
 187. Ibid., p. 168—186.
 188. Ibid., p. 204—211.
 189. Ibid., p. 212.
 190. Ibid., p. 193, 203.
 191. Ibid., p. 229—249.
 192. См. текст, с. 162—163.
 193. Во время дискуссии, состоявшейся на VI конгрессе Коминтерна, Семап говорил о работе среди крестьян как о «самом слабом месте в нашей партии, которое обнаружилось в ходе избирательной кампании». Эмбер-Дро, говоря об «огромной массе крестьян» как о потенциальном союзнике пролетариата, продолжил: «Если мы победили в значительной части рабочих округов, то мы проиграли в сельской местности» («Classe contre Classe». 1929, p. 114, 235).
 194. О докладах, сделанных на конференции, см. выше в этой же главе, прим. 178.
 195. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 444. Если партийная конференция ФКП и приняла такое решение, то оно осталось на бумаге.
 196. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, с. 94—96, 113—114. Протоколы заседаний Программной комиссии опубликованы не были (см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 71, прим. 11), и об аргументах, которые приводил Рено Жан, нам приходится только догадываться по ответу Семапа.
 197. О разделе Программы, в котором говорится о крестьянстве, см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 71.
 198. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 786.
 199. Там же, с. 874. Эта резолюция была принята конгрессом без обсуждения («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. V, с. 136).
 200. «Classe contre Classe». 1929, p. 253—260. Подробное резюме резолюции было напечатано в «Правде» 8 сентября 1928 г. и в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 111, October 2, 1928, p. 2117—2118) с указанием даты заседания — 5 сентября 1928 г. — и фамилий присутствовавших, среди которых были Бухарин, Молотов, Куусинен и Эмбер-Дро, Барбе (единственный французский делегат) и несколько других зарубежных делегатов, а также Мануильский, Лозовский и Хитаров в качестве кандидатов в члены Президиума.
 201. «Правда», 12 сентября 1928 г. Об этом докладе см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70.
 202. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 106, September 21, 1928, p. 2030—2031.
 203. A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français. 1931, p. 237—238.
 204. «Humanité», Novembre 6, 7, 8, 18, 1928; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 127, November 13, 1928, p. 2530—2531, 2539.
 205. «Humanité», Novembre 15, 1928.
 206. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 143, December 28, 1928, p. 2862—2863. Об этой конференции парижской департаментской федерации, на которой выступили Семап, Кост и другие, см.: «Humanité», Novembre 19, 1928.
 207. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 7, January 22, 1929, p. 127—128.
 208. Об этом «Открытом письме» см. выше, глава 76.
 209. «Humanité», February 23, 1929.
 210. Ibid., February 24, 26, 1929.
 211. Ibid., March 10, 1929.
 212. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 27, March 22, 1929, p. 606.
 213. «Humanité», March 16, 17, 18, 24, 25, 1929; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 28, March 27, 1929, p. 634—635; N 29, April 3, 1929, p. 668—669.
 214. «Humanité», March 26, 1929.

215. Ibid., April 1, 2, 3, 4, 5, 1929; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 31, April 9, 1929, p. 712—715; N 32, April 12, 1929, p. 737—739. Это краткие резюме о работе съезда; стенографический отчет никогда не публиковался.

216. «Humanité», April 6, 7, 8, 1929; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 33, April 16, 1929, p. 765—768; N 34, April 19, 1929, p. 799—800.

217. «VI Congrès National du Parti Communiste Français: Manifeste, Thèses et Résolutions» (n. d.), p. 53—60.

218. О результатах этого и других голосований на съезде см.: «Humanité», April 8, 1929; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 34, April 19, 1929, p. 799—800. Между представленными в этих источниках двумя версиями имеются небольшие расхождения.

219. «VI Congrès National du Parti Communiste Français: Manifeste, Thèses et Résolutions» (n. d.), p. 11—52.

220. Ibid., p. 53—60.

221. Об источниках см. прим. 218 к этой же главе. По-видимому, список не был опубликован, однако высказанное особое мнение говорит о том, что Рено Жан был включен в список, а Жакоб исключен из списка.

222. «VI Congrès National du Parti Communiste Français: Manifeste, Thèses et Résolutions» (n. d.), p. 5—10. Эта декларация была опубликована в «Юманите» 8 апреля 1929 г. и, по словам Кашена, «отражала в сжатой форме результаты съезда» («Humanité», April 9, 1929).

223. «Humanité», April 7, 1929; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 34, April 19, 1929, p. 800.

224. «VI Congrès National du Parti Communiste Français: Manifeste, Thèses et Résolutions» (n. d.), p. 31—32.

225. Ibid., p. 61—65.

226. Краткое коммюнике о работе конференции и текст ее резолюции см.: ibid., p. 73—75. На резолюцию есть ссылка в принятых на съезде «Тезисах» (ibid., p. 36—37), но больше нигде нет никаких ее следов.

227. См. примечание 144 к данной главе, а также текст, с. 163—165.

228. См. текст, с. 165—168.

229. *L. Trotsky. Le Mouvement Communiste en France*. Ed. P. Broué. 1967; p. 282.

230. «Бюллетень оппозиции», № 1—2, Париж, июль 1929 г., с. 33.

231. «Journal Officiel: Chambre des Députés», N 12, February 5, 1929, p. 343; N 15, February 7, 1929, p. 393.

232. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 60.

233. «Humanité», May 1, 2, 5, 1929.

234. Ibid., May 6, 12, 13, 1929.

235. Ibid., June 1, 1929.

236. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 2, с. 3—13, 73—78. О «международном дне» см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, главы 70 и 72.

237. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 2, с. 27—31.

238. По более поздним статистическим данным Французской компартии, общее число членов ФКП в 1926 г. составляло 56 тыс. человек, в 1927 г. — 64 тыс., в 1928 г. — 56 тыс. и в 1929 г. — 45 тыс. человек (*J. Fauvet. Histoire du Parti Communiste Français*. 1964, ii, p. 280). О более ранних данных см. примечание 8 к этой же главе.

239. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. I, с. 279—280, 286. Заявление, которое Троцкий приписывает Молотову («Бюллетень оппозиции», № 8, Париж, январь 1930 г., с. 13), о том, что во Франции «сейчас фактически стоит на повестке дня вопрос о всеобщей забастовке», не соответствует имеющимся в протоколах заявлениям Молотова. О выступлении Молотова см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 64.

240. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929, вып. 3, с. 50, 133—139.

241. «Коммунистический Интернационал в документах». М.—Л., 1933, с. 895.
242. «Humanité», May 7, 1929. О Международном Красном дне см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70.
243. «Humanité», June 22, 1929.
244. Последующие статьи за подписью «Жерминаль» см.: *ibid.*, July 12, 15, 1929.
245. *Ibid.*, July 18, 19, 1929.
246. *Ibid.*, July 22, 1929. О событиях в Маньчжурии см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. III, глава 85, раздел «Кризис в Маньчжурии».
247. «Humanité», July 24, 25, 26, 31, 1929.
248. *Ibid.*, August 3, 1929.
249. «Humanité», Septembre 16, 17, 1929.
250. *Ibid.*, Septembre 18, 19, 1929.
251. *Ibid.*, Septembre 20, 21, 22, 1929.
252. *Ibid.*, Septembre 24, 25, 1929.

Глава 78. Итальянская коммунистическая партия

1. «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Итальянская коммунистическая партия».
2. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano.* 1969, ii, p. 34.
3. *A. Gramsci. Lettere dal Carcere.* 1965, p. 37. В книге Сприано (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*, 1969, ii, p. 32—35) доклад Грамши датируется 11 августа 1926 г.
4. В работе Секкья (*P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia.* 1970, p. 6) приводится цитата из коммюнике, опубликованного в газете «Униита» 17 августа 1926 г. Единственной полностью опубликованной резолюцией пленума была резолюция о международном положении, в которой проявилось влияние Коминтерна («Internationale Presse-Korrespondenz», N 111, September 3, 1927, p. 1874—1876). В ней говорилось о положении дел в польской, британской и французской коммунистических партиях и косвенно об обстановке в российской партии, осуждалось образование фракций, но ничего не было сказано об Итальянской компартии.
5. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 100, August 3, 1926, p. 1630—1631; N 104, August 10, 1926, p. 1729—1730; N 116, September 17, 1926, p. 1968—1969.
6. *P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia.* 1970, p. 6—7. Автор цитирует резолюцию по материалам партийных архивов и пишет об отсутствии «какого-либо указания, которое предупредило бы рабочих о необходимости быть начеку в связи с возможностью внезапного изменения ситуации и установления тотальной диктатуры».
7. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 35.
8. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano.* 1969, ii, p. 47.
9. *Ibid.*, p. 50—51. Письмо Бордиги к Коршу, датированное 28 октября 1926 г., было впервые опубликовано в журнале «Иль прометео» 1 октября 1928 г. Об этом журнале см. текст. с. 192—193 («Il Prometeo». Brussels, October 1, 1928).
10. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 39.
11. Впервые письмо Грамши было опубликовано Таской — который сделал с него копию (в архиве Коминтерна) — в журнале «Проблеми делла революционе италяна» («Problemi della Rivoluzione Italiana». Paris, 1938). Этот журнал достать не удалось. В Италии оно было впервые опубликовано в газете «Ринашита» 30 мая 1964 г. с пояснительным предисловием, написанным Тольятти.
12. Рассказ Тольятти о его действиях и о его ответе Грамши см.: «Rinascita», May 30, June 13, 1964. Здесь он также заявляет, что ввиду капитуляции оппозиции 16 октября 1926 г., которая произошла в период между отправкой и получением письма («Основы плановой экономики...», т. 2, гла-

ва 39), это письмо потеряло свое значение. Это явно неправда. Грамши ответил Тольятти, но текст его письма не опубликован (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 51—58*).

13. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 301—302. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 50*. В работе Сприано среди присутствующих названы Гриeko, Скоччимарро и Камилла Равера. В своем письме к Тольятти в Москву от 16 ноября 1926 г. Равера утверждала, что она не присутствовала на этой встрече и может сообщить только то, что ей сказал о встрече Эмбер-Дро (*A. Gobetti. Camilla Ravera: Vita in Carcere e al Confino. 1969, p. 346*). Эмбер-Дро пишет, что встреча, которую он называет « пленумом Центрального комитета» ИКП, состоялась в горах, неподалеку от Генуи. Члены Центрального комитета, которым удалось присутствовать на встрече, рассказали о попытке покушения на Муссолини в Болонье и о последовавших за этим арестах (см. ниже). «Было обсуждено письмо Грамши, но «русский вопрос» занимал второстепенное место в наших заботах, и никто не хотел еще больше осложнять трагическую ситуацию, в которой оказалась партия, примешивая к своим собственным проблемам фракционную борьбу в российской партии» (*J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 274—275*). Эмбер-Дро больше ничего не пишет об этом своем пребывании в Италии.

14. Согласно статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС» (№ 1, 1966 г., с. 111), Грамши в это время готовился к отъезду в Москву на VII пленум ИККИ.

15. К концу ноября 1926 г. 200 тыс. (возможно, опечатка — 20 тыс.) человек были арестованы и среди них руководители ИКП Грамши, Гриeko, Скоччимарро, Ди Витториньо и Грациадеи («Internationale Presse-Korrespondenz», N 150, December 7, 1926, p. 2644—2645). Некоторые из них были, однако, вскоре отпущены.

16. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 68*. Согласно другому сообщению, которое основано на свидетельстве Камиллы Раверы, Гриeko на второй встрече отверг это предложение и только Таска стоял на своем и при голосовании потерпел поражение (*A. Gobetti. Camilla Ravera: Vita in Carcere e al Confino. 1969, p. 41—42*). Странно, однако, что Равера, если она имела к этому отношение, не упомянула об этом случае Тольятти в своем письме к нему от 16 ноября 1926 г. (см. выше в этой же главе, прим. 3), в котором она одобрительно отзывалась о моральном духе в партии. В разговоре, состоявшемся в 1964 г., Тольятти сделал вид, что он ничего не слышал об этом предложении (*P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia. 1970, p. 18, note 3*).

17. Японская компартия самораспустилась при подобных же обстоятельствах в марте 1924 г. — акция, которая позже была подвергнута резкому осуждению («Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 42).

18. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., т. I, с. 365—366; т. II, с. 345—348, 368—372. О том, что сказал Тольятти о фашизме, см. текст, с. 180—181.

19. Там же, т. II, с. 56—58. Сприано считает, что под псевдонимом Кавалли выступал Реджиано (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 83, note 1*).

20. *P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia. 1970, p. 21—23*; *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 104—105*.

21. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 69*. Леонетти в предисловии к своей книге «Воспоминания о Грамши» (*Leonetti. Notes sur Gramsci. French trs. 1974, p. 9*) называет имена Раверы, Силоне, Раваццоли и Трессо в качестве членов нелегального «центра», созданного в Италии в 1927 г.

22. Цитируется в книге Сприано (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 71*) по материалам партийных архивов. Копии газеты печатались в Турине, Милане, Болонье, Флоренции и Риме (*P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia, 1970, p. 26*). В статье, опубликованной

- в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 40 (114), 1927 г., с. 37), утверждается, что было распространено «более 50 000» экземпляров.
23. Согласно хронологии событий, приводимой в книге «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии» (перевод с итальянского на русский, 1953 г., с. 643), момент создания в Париже «зарубежного центра партии, руководимого Тольятти», датируется январем 1927 г. В других источниках говорится, что зарубежный центр был создан «вначале в Швейцарии, а затем в 1928 г. — в Париже» (там же, с. 217). В 1928 г. заседания Центрального комитета дважды проходили в Бале (см. текст, с. 184—186), но штаб-квартира, по-видимому, все это время находилась в Париже.
24. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 27, прим. 39, а также глава 35.
25. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 282.
26. Об этих тезисах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31.
27. Цитируется в книге Сприано (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*. 1969, ii, p. 31) по материалам партийных архивов.
28. См. выше, с. 175.
29. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., т. I, с. 365—366.
30. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 630—641.
31. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*. 1969, ii, p. 90, 107. На VII пленуме ИККИ в Москве представитель КИМа Лонго осыпал бранью «русскую оппозицию», но не упоминал ни итальянский, ни какой-либо другой коммунистический союз молодежи («Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1927 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., т. II, с. 257—262).
32. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*. 1969, ii, p. 108.
33. О VIII пленуме Исполкома Коминтерна и столкновении между Силоне и Тольятти см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.
34. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*. 1969, ii, p. 132.
35. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 108, August 24, 1926, p. 1809—1810.
36. См. текст, с. 177—178.
37. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 153, December 14, 1926, p. 2751—2752; N 154, December, 1926, p. 2755—2756.
38. *Ibid.*, N 17, February 8, 1927, p. 361—362; «Красный Интернационал Профсоюзов», № 8—9, 1927 г., с. 125.
39. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 45, April 26, 1927, p. 924—925. Выступая в марте 1928 г. на IV конгрессе Профинтерна, итальянский делегат сказал, что это было сделано, чтобы «подвести теоретические основания под классовое сообщество и под фашистскую форму капиталистического господства» («IV конгресс Профинтерна. 17 марта — 3 апреля 1928 г. Стенографический отчет. Резолюции и постановления». М., 1928 г., с. 425).
40. Эти сведения получены из письма Эмбер-Дро и Тольятти от 26 февраля 1927 г. (*J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra L'Internazionale e il PCI*. 1969, p. 239—240 (Humbert-Droz archives, 0077)).
41. *Ibid.*, p. 241. См. письмо, датированное 5 марта 1927 г., (Humbert-Droz archives, 0078).
42. Журнал «Красный Интернационал Профсоюзов» (№ 8—9, 1927 г., с. 125) характеризует это решение, возможно, несколько тенденциозно, как «протест». Текст обращения к Международной федерации профсоюзов найти не удалось.
43. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 30, March 15, 1927, p. 652—653; «Красный Интернационал Профсоюзов», № 8—9, 1927 г., с. 125—126.
44. *J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI*. 1969, p. 241—242, 244 (Humbert-Droz archives, 0078, 0081).
45. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*. 1969, ii, p. 100.

46. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 72, July 19, 1927, p. 1156—1157; N 89, September 6, 1927, p. 1945—1946.
47. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 99—100.
48. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 31, March 18, 1927, p. 671—672. Включение имени Грамши в число тех, кого судили и осудили, вероятно, ошибка.
49. О списке тех, кто предстал перед судом и был осужден, см.: «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии» (перевод с итальянского на русский, 1953 г., с. 644—645).
50. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 93, September 20, 1927, p. 2019; N 107, November 1, 1927, p. 2319—2320; N 117, November 29, 1927, p. 2634—2635.
51. A. Gramsci. Lettere dal Carcere. 1965, p. XXXIX—XL. 24 октября 1927 г. в «Манчестер гардиан» было опубликовано письмо «Итальянца в Англии» (Грамши считает, что это был Пьетро Сраффа, — *ibid.*, p. 913—914), в котором автор выражал протест против бесчеловечного обращения с Грамши и предстоящего суда над ним.
52. «Коммунистический Интернационал», № 46 (120), 1927 г., с. 19—28.
53. Там же, № 40 (114), 1927 г., с. 35; № 51 (125), 1927 г., с. 43.
54. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 149. Автор приводит взятый из партийных архивов официальный отчет о конференции, опубликованный в Париже в 1928 г.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 16, February 17, 1928, p. 349; N 33, March 30, 1928, p. 618—619. В последнем источнике эта конференция называется «Конференцией по информационным и организационным вопросам».
55. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 439.
56. Полный текст резолюции см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 24, March 6, 1928, p. 469—470; N 25, March 9, 1928, p. 480—481; N 28, March 13, 1928, p. 544—546.
57. *Ibid.*, N 33, March 30, 1928, p. 618—619.
58. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 158—159. «Коммунистический Интернационал», № 23—24 (149—150), 1928 г., с. 10—13; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 54, June 5, 1928, p. 977—978. О протесте МОПРа см.: *ibid.*, N 55, June 8, 1928, p. 992—993.
59. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 149—160; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 58, June 19, 1928, p. 1045—1046; N 59, June 22, 1928, p. 1070—1071. Об «экономизме» см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, глава 1.
60. Об этих дебатах см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 69.
61. J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI. 1969, p. 250—252 (Humbert-Droz archives, 0083); I. Silone. Uscità di Sicurezza. 1965, p. 103. Силоне, который хвалил Тольятти за проницательность, проявившуюся в отказе от этого предложения, приписывал инициативу выдвижения такого предложения Мануильскому.
62. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 183—184. В сообщении, основанном на материалах партийного архива и, вероятно, отражающем мнение ИКП, говорится об «организации западни сверху», Коминтерном, чтобы устранить Тольятти.
63. J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI. 1969, p. 253—255 (Humbert-Droz archives, 0084, 0086).
64. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 183.
65. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70.
66. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 786—787.
67. Об этих перемещениях см.: P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 178.
68. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 513—515.
69. *Ibid.*, p. 523, 535. О деле Витторфа см. выше, глава 76.
70. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 41; т. 3, ч. I, глава 72.
71. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 571. О деле Гаузена см. выше, глава 76.

72. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 576—577.
73. Ibid., p. 578—584.
74. Ibid., p. 588—593. В своем письме Тольятти рассказал о том, что произошло в сентябре 1928 г., когда находившийся в то время в Швейцарии Мануильский попросил разрешения присутствовать на заседании Центрального комитета ИКП: специально для него было организовано заседание, в то же время настоящее заседание проходило в другом месте, и он о нем ничего не знал.
75. См. выше, глава 76.
76. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 598.
77. Ibid., p. 982.
78. Ibid., p. 616—618.
79. Ibid., p. 668—671.
80. Ibid., p. 671—805. Особое возмущение вызвало утверждение Таски, что коммунистические партии теперь слабее, чем в 1919—1921 гг., и что «соотношение сил для нас не более благоприятно, чем в 1921 г.». Эти места были процитированы на X пленуме ИККИ, проходившем в июле 1929 г. («Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929 г., вып. I, с. 66).
81. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 805—828.
82. Ibid., p. 828—868.
83. Ibid., p. 888. Материалы последнего заседания, состоявшегося 3 марта 1929 г., хотя они и находятся в партийном архиве (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 225*), не были напечатаны в «Аннали 1966». Текст основной резолюции, датированной мартом 1929 г., был опубликован в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 23, March 8, 1929, p. 496—597). На X пленуме ИККИ, который проходил в июле 1929 г., Молотов резко упрекал Итальянскую компартию за то, что она не предвосхитила выхода Таски из Политбюро, исключив его («Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М. — Л., 1929 г., вып. I, с. 285). О неубедительных доводах, приведенных Тольятти с целью объяснить причину, по которой не были приняты дисциплинарные меры против Таски, см. там же, с. 248—249.
84. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 228.*
85. «Die Kommunistische Partei Italiens» (перевод с итальянского на немецкий, 1952 г.), p. 57; «Тридцать лет Итальянской коммунистической партии» (перевод с итальянского на русский, 1953 г.), с. 646. О «чудовищном процессе» см. текст, с. 186.
86. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 160, note 1.*
87. «Коммунистический Интернационал», № 16 (142), 1928 г., с. 20.
88. *P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia. 1970, p. 121.*
89. *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 185, note 6.*
90. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 888.
91. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72.
92. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 268, 425, 460.
93. Ibid., p. 467, 545—547, 624. О замечании, сделанном Тольятти на VI конгрессе Коминтерна см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70.
94. Там же, глава 69.
95. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 877. По-видимому, резолюция не была опубликована.
96. Ibid., p. 880—883.
97. Степанов (иногда Стефанов) был болгаринном, чья настоящая фамилия Минев (*J. Humbert-Droz. De Léline à Staline. Neuchatel, 1971, p. 280, note 1*). В отчете об этом заседании он упоминается как Марио.
98. Секкья (*P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia. 1970, p. 235—250*) приводит сокращенный текст выступлений, взятый из материалов партийных архивов. Сприано (*P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 216—219*) также на основе архивных материалов дает

резюме дебатов и цитирует некоторые пикантные места, опущенные Сексьей. Как ни странно, Степанов, вероятно, еще не знал о публикации в «Правде» 21 августа 1929 г. ранее секретной резолюции X пленума Исполкома Коминтерна, содержащей осуждение Бухарина, которая была прекрасно известна и ему и Тольятти («Основы плановой экономики...», т. 2, глава 41). О «хвостизме» см.: «Большевицкая революция...», т. 1, глава 1.

99. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 966—968.

100. P. Secchia. L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia. 1970, p. 250—251.

101. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 227.

102. «Annali, 1966». Milan, 1966, p. 968—969, 972—973.

103. Ibid., p. 981.

104. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (п. д.), p. 384—387.

105. Лидеры организации «Антифашистское сосредоточение сил» призвали своих сторонников воздержаться от голосования, но число воздержавшихся по политическим мотивам, вероятно, было невелико.

106. P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 228.

Глава 79. Коммунистическая партия Польше (КПП)

1. «Об этих событиях см.: «Социализм в одной стране, 1924—1926 гг.», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Польши».

2. Регула (*J. Regula*). *Historja Komunistycznej Partji Polski*. 1934, p. 167) говорит, что проект этой резолюции ЦК КПП был составлен Варским. О природе этого источника см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Коммунистическая партия Польши», прим. 3.

3. Эти документы цитировались в «Правде», 19 мая 1926 г.; см. также: «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 135. Три обращения, датированные 13 мая 1926 г. — Компартии Польши, Коммунистического союза молодежи и статья из партийной газеты за то же число — были переведены и опубликованы в «Интернационале» («Die Internationale», ix, N 12, June 20, 1926, p. 342—344). Одновременно были напечатаны подобные же обращения Польской социалистической партии (ППС), и впоследствии КПП и ППС обменялись взаимными горькими упреками. Социалистическая партия утверждала, что компартия саботировала создание единого фронта, опубликовав отдельное воззвание с призывом о создании рабочих комитетов («Правда», 16 мая 1926 г.). В передовой статье, опубликованной в газете «Правда», Радек обвинил ППС в отказе от предложения КПП о создании единого фронта («Правда», 18 мая 1926 г.). а в помещенной в «Интернационале прессе-корреспонденц» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 76, May 21, 1926, p. 1209—1210) статье из Варшавы, датированной 17 мая 1926 г., утверждалось, что компартия оказала Пилсудскому поддержку быстрее, чем социалистическая партия, и что «объективно» Пилсудский служит делу коммунизма.

4. «Die Internationale», ix, N 12, June 20, 1926, p. 345—348.

5. Говорят, что Сохацкий, руководитель группы коммунистов в сейме, посетил на следующий день после переворота штаб-квартиру Пилсудского, чтобы предложить поддержку коммунистов, но его предложение было отвергнуто (*W. Pobog-Malinowski*. *Najnowsza Historja Polityczna Polski*. London, 1956, ii, p. 482).

6. 20 мая 1926 г. Пилсудский заверил посла Франции, что «они [коммунисты] хотели воспользоваться восстанием, но что он повернул против них броневики с пулеметами [auto-mitrailleuses]» (*J. Laroche*. *La Pologne de Pilsudski*. 1953, p. 41).

7. Эти статьи цитируются в: «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 135.

8. Ibid., N 4 (24), 1963, p. 130—131. О предыдущей Польской комиссии ИККИ см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Польши». По-видимому, эти комиссии были специально

создаваемыми временными органами без официально утвержденного состава и власти.

9. Цитируется по материалам партийных архивов в: «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 135—136. В этих материалах Сталин не упоминается как член Польской комиссии, но, судя по его собственным, ничем не подтвержденным словам, сказанным им год спустя, он и Дзержинский в отличие от Зиновьева, выступили против оказания какой-либо поддержки Пилсудскому (*И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 4—6). Комиссия была сбита с толку прецедентом с Болгарской коммунистической партией, которая в июне 1923 г. подверглась осуждению за то, что не оказала поддержки Стамболийскому («Междуцарствие, 1923—1924», глава 8), — отсюда настойчивое требование недопустимости политики нейтралитета. Тем не менее альтернативное предложение едва ли было реалистичным.

10. *J. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski*. 1934, p. 172—173; «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 136.

11. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 137.

12. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31.

13. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 82, June 8, 1926, p. 1307.

Пилсудский снял свою кандидатуру, и был избран марионеточный президент — Моссыцкий.

14. «Правда», 2 июня 1926 г.

15. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 128—129.

16. *Ibid.*, N 4 (24), 1963, p. 137.

17. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 168—172. Речь Бухарина была напечатана в «Правде» почти три недели спустя, 26 июня 1926 г. О первой публикации речи Сталина см. выше, глава 75, прим. 42.

18. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 138—139.

19. «Die Koinintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 310.

20. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926». 1926, p. 115.

21. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1967 г., т. V, с. 22—24. В другой речи, произнесенной 23 сентября 1926 г., Сохацкий говорил о «фашистском правительстве Пилсудского» и об «истинном буржуазно-помещичьем характере правительства» (там же, т. V, с. 46—49). О польско-румынском договоре от 26 марта 1926 г. см.: «Основы плановой экономики, 1926—1929 гг.», т. 3, ч. I, глава 62, прим. 4.

22. «Бюллетень оппозиции». Париж, № 29—30, сентябрь 1932 г., с. 20—24. Две несколько отличающихся друг от друга версии этого выступления находятся в архиве Троцкого (Trotsky archives, T. 2995, 3024).

23. «Die Koinintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 310—311. Текст этого письма не найден.

24. В этом качестве он выступал на сессии Московского Совета, состоявшейся в начале августа 1926 г. по случаю смерти Дзержинского («Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1967 г., т. V, с. 31, прим. 2). В ноябре 1917 г. Ленский (о нем см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Коммунистическая партия Польши», прим. 3) был назначен польским комиссаром в Народный комиссариат по делам национальностей. Полагают, что были высказаны сомнения, впоследствии отброшенные, о соответствии его этому посту ввиду того, что он ранее был членом партии, которую возглавляла Роза Люксембург с ее еретическим взглядом на национализм («Ленинский сборник», М., 1933 г., т. XXI, с. 95, прим. 2). Его связь со Сталиным, занимавшим тогда пост народного комиссара по делам национальностей, возможно, помогла ему войти в руководство польской компартии в 20-е гг., однако не спасла его от уничтожения 10 лет спустя.

25. «Коммунистический Интернационал», № 8 (57), август 1926 г., с. 5—18. В знак того, что статья заслуживает внимания, перевод ее был одновременно опубликован в журнале КПП «Новы пшеглед» («Nowy Przegląd») и был перепечатан в сборнике: «КПП. Постановления и резолюции» («KPP: Uchwały i Rezolucje». 1955, ii, p. 360—376).

26. Взгляды этой группы были выражены Фидлером в статье, опубликованной в «Интернационале прессы-корреспонденции», несколько ранее («Internationale Presse-Korrespondenz», N 105, August 10, 1926, p. 1745).

27. Отчет об этом пленуме ЦК КПП не был опубликован. Об отзывах, которые отражают замешательство в работе Центрального комитета, см.: «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926». 1926, p. 116—119, а также «Z Pola Walki», N 4 (24), p. 141—143. Автор краткого отчета, помещенного в сборнике «Коминтерн перед VI Всемирным конгрессом» («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 311), по-видимому, путает «четверку» ультралевой группы с четырьмя лидерами большинства.

28. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926». 1926, p. 119; «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 143.

29. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1967 г., т. V, с. 63—69.

30. В своем выступлении на VII пленуме ИККИ Бошкович (см. ниже, прим. 32 к этой же главе) упомянул эту партию вместе с такими же, но более успешно действовавшими в Западной Белоруссии и Западной Украине (о них см. текст, с. 215—220). Однако она, видимо, никогда не пользовалась большой поддержкой со стороны Компартии Польши.

31. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., т. I, с. 108.

32. Там же, с. 198.

33. Там же, с. 310—314, 338—345.

34. Там же, с. 392—394.

35. Там же, т. II, с. 54—56.

36. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 641.

37. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 311.

38. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 377—378.

39. По словам Регулы (*J. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski. 1934*, p. 179), Коминтерн опасался деморализующего воздействия еще одной смены партийного руководства после кризиса 1924 и 1925 гг.

40. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 62—63.

41. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 383—397. Русский текст резолюции с незначительными разночтениями был напечатан в журнале «Коммунистический Интернационал» № 38 (112), за 1927 г., с. 8—15.

42. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 398—435.

43. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 150; *J. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski. 1934*, p. 202. На VI конгрессе Коминтерна Бранд вспоминал, что большинство в интересах сохранения единства даже голосовало за кандидатов меньшинства («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 493).

44. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 8, January 24, 1928, p. 150—151.

45. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 391.

46. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 176—177. Бранд приветствовал результаты выборов как победу коммунистов («Internationale Presse-Korrespondenz», N 28, March 13, 1928, p. 535—538). Как и в других странах, число избирателей, голосовавших за коммунистов, намного превосходило число членов компартии. Мы не располагаем надежными статистическими данными, но, по словам автора статьи в «Новых дробях», опубликованной в ноябре—декабре 1948 г. («Nowe Drogi». November—December 1948, p. 148), в 20-е гг. число членов коммунистической партии никогда не превышало 20 тыс. человек.

47. Украинский «Сельроб» получил семь мест, белорусская «Громада» — три (об этих партиях см. текст, с. 215—220). Общее число мест равнялось 444; из них 72 были отданы национальным меньшинствам.

48. Регула (*J. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski. 1934*, p. 199) называет коммунистов, вышедших на демонстрацию протеста в связи с убий-

ством Войкова в мае 1927 г., «горсткой молодых хулиганов, в основном евреев», что маловероятно для того времени. Число евреев, являвшихся в то время членами компартии, неизвестно. Число промышленных рабочих еврейской национальности было многочисленным на текстильных фабриках в Лодзи, но редким в тяжелой промышленности Варшавы и Домбровского бассейна.

49. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 426.

50. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 43, May 4, 1928, p. 763—764. В помещенной в этом журнале статье описанный инцидент рассматривается как доказательство «альянса фашизма с социал-демократией» («Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 151). Регула (*J. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski*. 1934, p. 206) возлагает вину на коммунистов, которые оскорбили своих оппонентов, назвав их «социал-фашистами».

51. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 45, May 11, 1928, p. 893—894.

52. *J. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski*. 1934, p. 206.

53. Об этих инцидентах было во всеуслышание заявлено во время обмена взаимными упреками между представителями большинства и меньшинства на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. По словам представителя меньшинства, более 700 членов варшавской организации в «бесчисленных резолюциях» выразили свое возмущение происходившим и только 30 голосами против 40 поддержали проводимую Костшевой политику «раскола» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 536). В Великобритании и Франции коммунистические союзы молодежи, поощряемые Коминтерном, были среди тех, кто выступал с нападками на руководителей соответственно КПВ и ФКП, обвиняя их в правых уклонах (см. выше, глава 75 и глава 77, прим. 144).

54. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 62—63.

55. Там же, с. 368—379, 421—428, 493—496.

56. Там же, с. 518, 538. О речи Скрыпника, который выступал под именем Миколоша, см. текст, с. 219, 220. Попытки Президиума сократить его речь были сорваны требованиями из зала дать ему дополнительное время для выступления.

57. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 555—559.

58. Там же, с. 613. Во время состоявшейся дискуссии по Программе Коминтерна Ринг, представитель меньшинства, и Бранд, представитель большинства, возобновили свой спор. Первый утверждал, что Польша в настоящее время является полностью буржуазной и созрела для социалистической революции, а последний возражал, говоря, что предстоящая революция в Польше будет иметь «в значительной степени содержание буржуазно-демократическое» (там же, вып. III, с. 35, 61). Бухарин, по-видимому, склонялся к мнению большинства, считавшего, что пролетариат включал в себя как трудовое крестьянство, так и пролетаризованную городскую мелкую буржуазию и что Пилсудский получил поддержку «мелкобуржуазных плюс довольно широких пролетарских слоев», однако в конечном счете Бухарин отказался сделать выбор в пользу одной из фракций (там же, вып. III, с. 138, 144, 150).

59. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 778, 788.

60. *J. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski*. 1934, p. 207. Кнорин, старый большевик, латыш по национальности, был в начале 20-х гг. секретарем отдела Центрального Комитета партии, ответственным за Агитпроп; затем он был переведен в Коминтерн, где работал в Секретариате Центральной Европы; в декабре 1927 г. на XV партийном съезде он был избран в Центральный Комитет партии («Малая Советская Энциклопедия». М., 1937, т. V, с. 596—597; «Вопросы истории КПСС», № 8, 1965 г., с. 107; «История СССР», № 2, 1967 г., с. 105—110). Кто такой Поддубный (вероятно, псевдоним), не установлено, и он более не фигурирует.

61. «КРР: Uchwały i Rezolucje». 1955, ii, p. 469—483. О принятии «Открытого письма» от 5 сентября 1928 г. на заседании Президиума ИККИ, на кото-

- ром не присутствовали польские делегаты, см.: «Правда», 28 сентября 1928 г., и «Internationale Presse-Korrespondenz», N 111, October 2, 1928, p. 2117.
62. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 484—489.
63. Ibid., ii, p. 490—492.
64. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 152. Эта резолюция была опубликована. Она, однако, не была перепечатана в сборнике «КПП: Постановления и резолюции» («KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 493) на том основании, что «ее основные положения были включены в расширенной форме в резолюции Политбюро партии, принятые в апреле 1929 г.» (см. текст, с. 213).
65. Информацию о расколе в партии см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 109, September 28, 1928, p. 2085. О статье, написанной представителем меньшинства в КПП, который объяснял, что невозможно обнаружить какое-либо различие между двумя крыльями ППС, и что Яворский, вероятно, более опасен, так как является «замаскированным врагом», см.: ibid., N 115, October 9, 1928, p. 2267.
66. «Nowy Przegląd», N 11—12, 1928, p. 122—141.
67. «Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale». 1928, p. 160—166.
68. Этот путаный и, без сомнения, тенденциозный отчет был сделан представителем меньшинства КПП на VI конгрессе Коминтерна («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. 1, с. 535).
69. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 782—783.
70. Резолюция ИККИ не была опубликована полностью, но было напечатано подробное резюме; см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 143, December 28, 1928, p. 2860.
71. *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline.* Neuchatel, 1971, p. 370.
72. Ibid., p. 370—374. Отражением различных мнений по этому вопросу в советском руководстве служит спор Лозовского с Пятницким и Гусевым осенью 1929 г. (см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72).
73. Лозовский сослался на этот раскол год спустя в Центральном совете Профинтерна («Protokoll der VI Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale». 1930, p. 275), но, по-видимому, он не имел каких-либо длительных последствий.
74. См. текст, с. 213.
75. *J. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski.* 1934, p. 217. Статья Мануильского была опубликована в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 15, February 15, 1929, p. 285—290).
76. См.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 42.
77. См. текст, с. 212.
78. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 493—505.
79. Этот отчет, напечатанный в журнале «С поля боя» («Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 152—154), основывается на материалах неопубликованных партийных архивов. Единственные запротоколированные результаты голосования показывают, что девять голосов было подано за новое большинство, семь — против, один — воздержался. Голоса Кнорина и Попова, вероятно, имели решающее значение.
80. *J. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski.* 1934, p. 224.
81. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 225—226.
82. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 506—555. На этих резолюциях стоит дата «август 1929 г.», что дает основание предположить, что пленум Центрального комитета КПП, возможно, продолжал свою работу и после окончания X пленума Исполкома Коминтерна. На X пленуме ИККИ «еретик» Скрыпник доказывал, что бывшие члены ППС, из нынешней бюрократии КПП, могут точно так же подвергаться критике, как критикуется «социал-демократическое люксембургское прошлое многих работников Коммунистической партии Польши» («Международное положение и задачи Коммунистического Интер-

национала. X пленум Исполкома Коминтерна). М.—Л., 1929 г., вып. I, с. 81.

83. «Z Pola Walki», N 4 (24), 1963, p. 154.

84. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929 г., вып. I, с. 114—120.

85. Там же, с. 79—84.

86. Там же, с. 340—347, 452.

87. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 885.

88. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 556—559.

89. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Польши».

90. Официально она была охарактеризована как «легальная организация, тесно связанная с КПЗБ и КПП» («Документы и материалы по истории советско-польских отношений»). М., 1967 г., т. V, с. 98, прим. 2.

91. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 1, January 4, 1927, p. 12—13; N 13, February 1, 1927, p. 254. В первой статье говорится, что «Громада» имела 1200 партячек, в которых состояло 100 тыс. человек; во второй статье приводятся такие цифры: 2000 партячек и 60 тыс. членов организации. Похоже, что все эти цифры преувеличены.

92. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1967 г., т. V, с. 96—98.

93. О настойчивом требовании Сталина не отделять национальный вопрос от крестьянского вопроса см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31.

94. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 451, 456. Протесты, вызванные запрещением деятельности «Громады», «носили самостоятельный характер только в Западной Белоруссии» («Die Komintern vor dem 6. Kongress». 1928, p. 315).

95. 29 февраля 1928 г. «Правда» на первой странице поместила репортаж об открытии этого суда. О протесте Президиума Коминтерна см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 24, March 6, 1928, p. 472.

96. Ibid., N 51, May 29, 1928, p. 926. Согласно сообщению, помещенному там же (ibid., N 29, March 16, 1928, p. 559), Гурин, который возглавил выход из партии в 1925 г., выступил в качестве свидетеля обвинения.

97. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1967 г., т. 5, с. 233—235.

98. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 566.

99. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 318.

100. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 562—566.

101. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 110.

102. О происхождении КПЗУ см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 28, раздел «Коммунистическая партия Польши».

103. Там же, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Польши», а также: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, глава 79, с. 220.

104. Цитируется по резолюции КП(б)У от 12—16 марта 1928 г. (см. текст, с. 218—219). По словам Скрыпника, который присутствовал на конференции, Центральный комитет КПЗУ «фактически стал на путь поддержки шовинистического украинско-националистического уклона» («Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет». М., 1961, ч. I, с. 718—719) и «перешел на линию явного национализма» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 516).

105. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 391—394.

106. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 537.

107. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 8, January 24, 1928, p. 151. Об этом пленуме см. выше, с. 207.

108. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 318—319.

109. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 767.

110. «Коммунистический Интернационал», № 27—28 (153—154), 1928, с. 139—143.

111. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 425, 517—518; см. также выше, с. 209. Скрыпнику ответил другой представитель меньшинства в КПП («VI конгресс Коммунистического Интернационала...», вып. I, с. 535—538), и ожесточенный спор с применением все более резких выражений был продолжен и на последующих заседаниях (там же, вып. II, с. 79—83, 106).

112. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 117, October 16, 1928, p. 2306—2307. Подразумевается, что статья с отчетом о съезде была прислана из Лемберга (Львов), но маловероятно, чтобы съезд проходил на польской земле, возможно, он состоялся в Москве.

113. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 479. Об «Открытом письме» см. выше, с. 210.

114. «Правда», 29 сентября 1928 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 113, October 5, 1928, p. 2198. Об обращении Василькова и Турянского см.: «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. V, с. 136.

115. См. «Интернационале прессе-корреспонденц» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 44, May 22, 1928, p. 1069—1070), где был опубликован доклад комитета по расследованию и второе из двух заявлений.

116. Ibid., N 31, April 9, 1928, p. 709—710.

117. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Польши».

118. «Большевистская революция...», т. I, глава 10, прим. 10.

119. См. выше, с. 218.

120. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 455—457.

121. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 69, July 20, 1928, p. 1249.

122. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 548. О прежнем отношении к этим вопросам см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Коммунистическая партия Польши».

123. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 564; вып. II, с. 80.

124. «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. X пленум Исполкома Коминтерна». М.—Л., 1929, вып. I, с. 82—83.

125. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 822.

126. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, ii, p. 539.

Глава 80. Коммунистическая партия США

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 31, раздел «Рабочая партия Америки».

2. Там же, т. 3, глава 35.

3. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М.—Л., 1927, т. I, с. 26.

4. Там же, т. I, с. 220—230, 237—239. О докладе Бухарина см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67. Об аргументации Трэнса см. там же.

5. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала...», т. 2, с. 213—218; об этих дебатах см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67.

6. Запоздалый некролог был опубликован в «Правде» 23 апреля 1927 г.

7. О подробном освещении этих событий, основанном на материалах партийных архивов, см.: T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 248—257.

8. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 57, June 3, 1927, p. 1226—1228.

9. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 258—259.*
Об Эверте см. главу 76.

10. См. книгу Т. Дрейпера «Американский коммунизм и Советская Россия» (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 259—261*), где цитируются документы из партийных архивов и из материалов последующих заседаний созданной конгрессом Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Резолюция по основному вопросу была опубликована только в газете «Дейли уоркер» («Daily Worker» (N. Y.), August 3, 1927); дополнительное соглашение опубликовано не было.

11. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 69, July 8, 1927, p. 1479. Статистические данные о численности американской компартии очень разные. Численность партии, по данным Коминтерна на 1 января 1927 г., составляла 12 тыс. человек (*ibid.*, N 104, October 25, 1927, p. 2233), на июль 1928 г. — 13 тыс. (*A. Тивель и М. Хеймо. Десять лет Коминтерна в цифрах. М., 1929, с. 347*) и на 1929 г. — «между 9 тыс. и 11 тыс. человек» («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 260).

12. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 261—265.* Исполком КИМа принял резолюцию о Коммунистическом союзе молодежи Америки, который характеризуется как «небольшая группа, отделившаяся от «Молодых американских рабочих»» (очевидно, разделявших позицию Фостера). В резолюции молодежную организацию призывали не вмешиваться во фракционную борьбу в партии и, особенно, не поддерживать «оппозиционный блок» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 84, August 19, 1927, p. 1837—1840).

13. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 265—267.* Автор дает информацию о съезде по материалам газеты «Дейли уоркер». Дебаты по вопросу о переводе штаб-квартиры партии и газеты шли с осени 1926 г. (*ibid.*, p. 236—237).

14. *Ibid.*, p. 496, note 6.

15. Единственными источниками, которые дают нам информацию об этом столкновении, являются отрывочные сведения о нем, сообщенные год спустя Лозовским в его докладе (см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72, прим. 19), и архивы американской компартии, в которых хранятся оба проекта (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 285—286, 497, note 8*). Лозовский в большой статье от 2 февраля 1928 г. (см. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 69, прим. 33) признал, что вовлечение неорганизованных рабочих в новые профсоюзы несомненно с политикой единого фронта в отношении профсоюзов, входящих в Американскую федерацию труда.

16. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 754—755. По словам Ловстона, чье враждебное отношение к Лозовскому делает его свидетельство сомнительным, в представленном Лозовским первоначальном проекте резолюции совсем не было упоминания о работе во входящих в АФТ профсоюзах; американская делегация представила контрпроект резолюции и выиграла — даже Фостер не поддержал Лозовского («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 491). О докладе Эмбер-Дро см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 69.

17. «Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), p. 76—77. Лозунг «спасайте профсоюзы» постоянно использовал Объединенный профсоюз горняков, протестуя против якобы имевших место попыток его руководителя Джона Л. Льюиса расколоть этот профсоюз.

18. *Ibid.*, p. 149—151, 200—203.

19. *Ibid.*, p. 224—227.

20. *Ibid.*, p. 274—275.

21. *Ibid.*, p. 617—623.

22. В архивах американской партии это место в тексте резолюции имеет пометку «не для публикации» (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 289*).

23. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 291.* О позиции Пеппера по китайскому вопросу на IX пленуме ИККИ будет сказано в одном из последующих разделов этого тома.

24. «Communist» (N. Y.), N 7, July 1928, p. 413—420. Об инструкциях, данных Коминтерном компартиям Великобритании и Франции, см. главы 75 и 77.
25. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 67, прим. 20.
26. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 295—298.
27. «Правда», 17 июля 1928 г.
28. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 40.
29. О последующей публикации этого документа в американской партийной прессе см.: *T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 501, note 13.
30. *Ibid.*, p. 311—312. Отчет Фостера стал известен в результате кражи этого документа группой Ловстона из офиса в Нью-Йорке (*B. Gitlow. I Confess.*, p. 501—504). Об отказе Сталина признать это см.: *И. В. Сталин. О правых фракционерах в Американской компартии.* М., 1930, с. 10—11.
31. «Survey», iv, April 1965, p. 120. Филип использовал псевдоним Гомез.
32. *Ibid.*, iv, p. 119.
33. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 169—182. О замечании, которое сделал Бухарин, противопоставляя положение в Соединенных Штатах спаду в Великобритании, см.: там же, вып. I, с. 32.
34. Там же, с. 432, 436.
35. Там же, с. 472—492. О замечаниях Лозовского см. там же, с. 405, 408—409. О предыдущих столкновениях с Лозовским см. выше, с. 224.
36. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 613.
37. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 789—790.
38. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. V, с. 125—127.
39. Там же, вып. V, с. 139—140.
40. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 377—378. Стоит отметить, однако, что в докладе Бухарина московской партийной организации о VI конгрессе Коминтерна (см. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70) сильнее, чем в резолюции конгресса, подчеркивалось наличие потенциальной правой опасности в американской партии.
41. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 380. В своей статье, опубликованной в партийном журнале «Коммунист» в январе 1929 г., Фостер пересмотрел свое негативное отношение к созданию новых профсоюзов и заявил, что это является «нашей главной задачей» (цит. по: *ibid.*, p. 394—395).
42. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 120, October 26, 1928, p. 2359—2361.
43. «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 41.
44. Это письмо было опубликовано в «Дейли уоркер» («Daily Worker» (N. Y.), December 26, 1928) вместе с ответом, в котором выражалось раскаяние и смирение Центрального комитета (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 385, 520, notes 27, 29).
45. Об этом эпизоде см.: *T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 364—371. Об исключениях из партии, состоявшихся 27 октября 1928 г., было сообщено только в середине ноября после президентских выборов. Текст сообщения имеется в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 139, December 14, 1928, p. 2769—2771). Об апологетическом заявлении меньшинства и последовавшей за ним попытке большинства извлечь максимально возможный капитал из этого дела см.: *ibid.*, N 10, February 1, 1929, p. 186—187.
46. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 138, December 11, 1928, p. 2750.
47. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia.* 1960, p. 384, 388—389.
48. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 18, February 26, 1929, p. 373—374; N 20, March 1, 1929, p. 424—426. Письмо не датировано, но заранее подготовленный его экземпляр — возможно, черновик письма — был показан Вольфу

в Москве в начале января 1929 г. (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 392, 394.*)

49. Это письмо приводится в апелляции, направленной Коминтерну (см. ниже, прим. 65 к этой главе).

50. Pamфлет приводится Поллитом в его статье, опубликованной в «Дейли уоркер» 27 марта 1934 г., где он выступает с резким обвинением в адрес Ловстона («Daily Worker», March 27, 1934).

51. По словам Поллита («Daily Worker», March 27, 1934), «ни один из этих 95 делегатов не был избран демократическим путем; каждый отбирался Ловстоном в его офисе в Нью-Йорке».

52. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 399.*

53. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 22, March 5, 1929, p. 476.

54. Гитлоу в своей книге (*B. Gitlow. I Confess. N. Y., 1940, p. 517*) и Поллит в своей статье, опубликованной в «Дейли уоркер» («Daily Worker», March 27, 1934), отмечают случаи применения физического насилия, причем Поллит приписывает их «гангстерам Ловстона».

55. О съезде и его документах см.: *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 399—403.* Ответ Сталина никогда не публиковался.

56. *Ibid.*, p. 403—408. Наиболее подробным источником информации о заседаниях комиссии является неопубликованное письмо одного из американских участников заседаний (см.: *I bid.*, p. 514, note 4).

57. Об этих заседаниях см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, глава 42.

58. *И. В. Сталин.* О правых фракционерах в Американской компартии. М., 1930, с. 3—17. Эта речь, а также две другие речи Сталина от 14 мая 1929 г. (см. текст, с. 611—612) не вошли в собрание его сочинений. По словам Поллита (см. его статью, опубликованную в газете «Дейли уоркер» 27 марта 1934 г.), «теория американской “исключительности” Ловстона заключалась в его убеждении в том, что «Америка — единственная страна, которая не будет втянута в экономический кризис».

59. Это заявление было опубликовано в «Дейли уоркер» 12 июня 1929 г.

60. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 414—415.* Текст «Обращения» был напечатан в «Правде» 18 мая 1929 г., в «Дейли уоркер» — 20 мая 1929 г. («Daily Worker» (N. Y.), May 20, 1929) и в «Интернационале прессе-корреспондент» — 24 мая 1929 г. («Internationale Presse-Korrespondenz», N 45, May 24, 1929, p. 1083—1085). Выступления Куусинена и Молотова были опубликованы в материалах Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в Соединенных Штатах («Investigation of Un-American Activities in the United States»). (Seventy-sixth Congress, H. Res. 282), xi (1940), p. 7124—7133). По-видимому, они были переданы в Комиссию Ловстоном.

61. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 417—419; И. В. Сталин.* О правых фракционерах в Американской компартии. М., 1930 г., с. 18—40.

62. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 420—423.* Опубликованный текст замечаний, сделанных Сталиным, см. в: *И. В. Сталин.* О правых фракционерах в Американской компартии. М., 1930, с. 41—47.

63. Текст резолюции был опубликован в «Дейли уоркер» («Daily Worker» (N. Y.), June 12, 1929).

64. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 45, May 24, 1929, p. 1085.

65. Апелляция в Коминтерн (1929 г.), в которой описаны эти события, была опубликована в виде листовки (из-за своего формата она получила прозвище «простыня») и перепечатана в материалах Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (Investigation of Un-American Activities in the United States (Seventy-sixth Congress, H. Res. 282), xi (1940), p. 7141—7146).

66. Об этом см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72.

67. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 561—571.

68. *Ibid.*, p. 702—703, 778—794.

69. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 885, 913. Явно верная ссылка на Интернациональную контрольную комиссию выпала из

этого текста второй резолюции, но вошла в текст резолюции на немецком языке: («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (п. д.), р. 934).

70. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 430.*

71. Фостер выступал с отчетом о нем на шестой сессии Центрального совета Профинтерна в декабре 1929 г. и получил поздравление Совета в связи с успехами в его работе («Protokoll der VI Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale». 1930, р. 285—302, 571—576).

Глава 81. Коммунистическая партия Японии (КПЯ)

1. «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, ч. II, глава 42.

2. Там же.

3. О призывах Профинтерна к единству профсоюзного движения см. там же, т. 3, ч. I, глава 36, раздел «Конгрессы 1924-го года».

4. «Международное рабочее движение», № 35 (76), 2 сентября 1926 г., с. 11—12.

5. Там же, № 46 (87), 18 ноября 1926 г., с. 16. По сведениям, представленным японскими коммунистами, число членов Содомэй в 1925 г. равнялось 23 тыс. человек, а в 1926 г. — 43 тыс.; численность «Хюгикай» в 1925 г. составляли 18 тыс. 700 человек, а в 1926 г. — 34 тыс. («Internationale Presse-Korrespondenz», N 125, October 15, 1927, p. 2151).

6. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 136, November 9, 1926, p. 2450—2451; «Международное рабочее движение», № 46 (87), 18 ноября 1926 г., с. 15.

7. «Международное рабочее движение», № 49 (90), 9 декабря 1926 г., с. 13—15.

8. *R. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan. Berkeley, 1953, p. 331—332.*

9. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., ч. I, с. 177.

10. *G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 92—94.* Это была одна из изгнанных из Рабоче-крестьянской партии организаций.

11. *Ibid.*, p. 107—111.

12. *Ibid.*, p. 105—106, 293—294.

13. *Ibid.*, p. 117.

14. *Ibid.*, p. 111—116; *R. Scalapino. The Japanese Communist Movement, 1920—1966. 1967, p. 26—28.*

15. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 42.

16. Там же.

17. «Kanson Jiden». 1965, ii, p. 156. Кансон был псевдоним Арахаты.

18. *G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945, 1969, p. 117—119.* Об отчете самого Фукумото см.: *R. Scalapino. The Japanese Communist Movement, 1920—1966. 1967, p. 29, note 42.*

19. Резюме этих тезисов было опубликовано в «Правде» 19 августа 1927 г.; полный текст — в «Интернационале прессы-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 1, January 3, 1928, p. 15—18; N 2, January 6, 1928, p. 37—40). В Японии тезисы были впервые опубликованы в феврале 1928 г. Об английском переводе этих тезисов, сделанном после сверки с японским вариантом, см.: *G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 295—308.* В тезисах Ямакава фигурирует под именем «товарища Хоши», а Фукумото — «товарища Куроки».

20. *G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945, 1969, p. 125, 138—139.* Арахата отказался вновь войти в Центральный комитет, отчасти из-за личной неприязни к членам Центрального комитета («Kanson Jiden». 1965, ii, p. 160).

21. «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет». М., 1961, ч. I, с. 685.
22. Там же, с. 695.
23. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 64.
24. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 10, January 31, 1928, p. 199—200.
25. G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 148—153, 414, note 22.
26. Отчет об этих событиях, взятый из японских источников, см.: *ibid.*, p. 148—160. Судя по данным, взятых из более поздних партийных источников, которые цитируются в книге Кутакова (*Л. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с. 85, сноски 2*), 15 марта было арестовано 1600 человек, а 11 апреля — еще 300 человек.
27. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 45, May 11, 1928, p. 805. О пантихоокеанском секретариате будет рассказано в одном из последующих разделов данного тома.
28. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 55, June 8, 1928, p. 1005—1006; N 56, June 12, 1928, p. 1022.
29. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 64.
30. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 47, May 18, 1928, p. 831—832.
31. Их имена приводятся в книге Г. Бекмана и Окуби Генджи (*G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 165—168*).
32. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. I, с. 286.
33. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 858. О резолюции см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 70.
34. R. Swearingen and P. Langer. Red Flag in Japan. 1952, p. 35—36; G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 171. О панегирике о Ватанабэ см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 139, December 14, 1928, p. 2772; N 142, December 21, 1928, p. 2850.
35. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. VI, с. 198.
36. G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 168—170. Текст тезисов на русском языке достать не удалось. Утверждение о том, что доклад Сано был опубликован в «Интернационале прессе-корреспонденц», неверно.
37. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 1, January 4, 1929, p. 21.
38. R. Scalapino. The Japanese Communist Movement, 1920—1966. 1967, p. 34.
39. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 467. Неосторожная ссылка на этот журнал в указанном источнике как на журнал партии была исправлена в «Интернационале прессе-корреспонденц» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 80, August 7, 1928, p. 1461).
40. G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 172—175. О резолюции КИМа см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 6, January 18, 1929, p. 116. Не ясно, была ли резолюция принята на конгрессе КИМа в августе 1928 г. или позже его Центральным комитетом.
41. G. Beckmann and Okubi Genji. The Japanese Communist Party, 1922—1945. 1969, p. 180—181.
42. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 442—444, 525—527, 801—802.
43. Dae-Sook Suh. The Korean Communist Movement. 1967, p. 77—81. Эта работа предлагает, ссылаясь главным образом на корейские источники, массу ставящей в тупик подробнейшей информации о конфликтовавших между собой корейских коммунистических группах внутри и вне страны. О признании в 1926 г. Коммунистической партии Кореи говорится в сборнике «Коминтерн перед VI Всемирным конгрессом» («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, p. 523). О предыдущих попытках основать Коммунистическую партию Кореи см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 42.

44. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 105, August 13, 1926, p. 1751—1752.
45. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря. Стенографический отчет». М.—Л., 1927, т. I, с. 460—461.
46. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont». 1927, p. 146—158, 261. О конгрессе см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 73.
47. Директива Коминтерна известна только из японского источника, цитируемого в: *Dae-Sook Suh. The Korean Communist Movement. 1967*, p. 96, note 16.
48. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 19, February 24, 1928, p. 102.
49. Резюме этой директивы, взятой из японского источника, см. в: *Dae-Sook Suh. Documents of Korean Communism. 1970*. p. 149. Полный текст не найден.
50. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. IV, с. 152.
51. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 864.
52. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 17, February 22, 1929, p. 346—347; N 18, February 25, 1929, p. 374—375; N 22, March 5, 1929, p. 476—477; N 23, March 8, 1929, p. 497—498. Большое резюме было напечатано там же: *ibid.*, N 143, December 28, 1928, p. 2860—2862. Согласно утверждению Сано Манабу, проект тезисов был составлен им, Чью Чиу-пьяй, Мифом и неизвестным делегатом или чиновником по имени Вилтанен (*Dae-Sook Suh. The Korean Communist Movement. 1967*, p. 108).
53. *Ibid.*, p. 117—119.
54. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 489—490.
55. *Dae-Sook Suh. The Korean Communist Movement. 1967*, p. 119—120.
56. *Ibid.*, p. 150—167.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

1. *K.-H. Völker. Die Entwicklung der Militärischen Luftfahrt in Deutschland. In: Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte. 1962*, iii, S. 135. Автор делает предположение, что отказ мог быть вызван внесением изменений в первоначальный план: Одесса на Черном море была заменена на Липецк.
2. «Reichswehrministerium: Marineleitung», 108/M 003872. Подробно об этих неполных архивах см.: *J. Erickson. The Soviet High Command. 1962*, p. 710, note 15.
3. «Reichswehrministerium: Marineleitung», 108/M 003873—6.
4. Об официальном докладе Спиндлера, датированном 27 июля 1926 г., см.: *ibid.*, M 003901—24. Он также написал от руки более краткий доклад по некоторым техническим моментам (*ibid.*, M 003880—7). О его записке Уншлихту см.: *ibid.*, M 003877—9.
5. *Ibid.*, M 003890—8.
6. *Ibid.*, M 003931.
7. *Ibid.*, M 003899, 003932.
8. *Ibid.*, M 003925—8.
9. «Известия», 4 сентября 1926 г. Бармин описывает Мулкевича, в прошлом рабочего-текстильщика и старого большевика, как «полного, крепкого, круглолицего человека» (*A. Barmine. One Who Survived. 1945*, p. 123).
10. «Reichswehrministerium: Marineleitung», 108/M 003937—8.
11. «Основы плановой экономики, 1926—1929 гг.», т. 3, ч. I, глава 59. Германское посольство в Лондоне под горячую руку сообщило, что советский военно-морской атташе Беренс так враждебно настроен к Германии, что не желает говорить по-немецки, на языке своих родителей. Оно даже заподозрило, что Беренс принимал участие в подготовке разоблачительных материалов, опубли-

ликованных на страницах «Манчестер гардиан». Беренс был отозван в Москву, видимо, в результате протеста со стороны германского правительства («Reichswehrministerium: Marineleitung», 108/M 003942—3).

12. Ibid., M 003945.

13. Ibid., M 003946—8.

14. Ibid., M 003947—51.

15. «Verhandlungen des Reichstags», cccxxviii (1930), S. 5827.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК

1. «Социализм в одной стране, 1924—1926», т. 3, ч. II, глава 43.

2. «Communist Review», N 6, October 1926, p. 252—262. В терминологии британской компартии «ячейки» назывались «группами», а иногда «ядрами»; слово «ядро» также употреблялось в американской партии.

3. «Draft Statutes and Rules». 1926, p. 5. Нереальность этого усугублялась тем, что было добавлено в виде положения о «сельских группах».

4. «The Eighth Congress of the CPGB». 1927, p. 35—36.

5. Цитируется по материалам партийных архивов в книге Дж. Клугмена «История Коммунистической партии Великобритании» (*J. Klugman. History of the Communist Party of Great Britain. 1969, ii, p. 339, note 6*).

6. О докладе, дебатах и резолюции по этому вопросу см. главу 77, прим. 33. Представитель оппозиции утверждал, что партийные ячейки на предприятиях состояли из активистов, которые не понимали повседневных требований большинства рабочих («V Congrès National du Parti Communiste Français». 1927, p. 80).

7. «Die Internationale», vii, N 5, March 1, 1927, p. 142—143.

8. «Коммунистический Интернационал», № 16 (90), 1927, с. 18—30. В этой же статье содержится признание, значение которого возрастало по мере того, как в компартиях происходили расколы из-за все возрастающего требования безоговорочно подчиняться спускаемым из Москвы решениям. Во Франции «в партийных ячейках на предприятиях» «уделяется слишком много внимания внутрипартийным спорам» и новые члены партии были «вынуждены слушать бесконечные разговоры об организации и дисциплине». В КПП «новые члены партии, присутствовавшие на этих жарких спорах в берлинской организации, отворачивались от партии».

9. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 43.

10. Там же. Германский представитель на VI пленуме Исполкома Коммунистического интернационала молодежи, проходившем в ноябре 1926 г., сообщил о значительном уменьшении числа ячеек в Коммунистическом союзе молодежи Германии («Правда», 23 ноября 1926 г.).

11. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 39, April 20, 1928, p. 707—709; «The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses». 1928, p. 134—137. Об этой конференции см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 73, раздел «Коммунистический интернационал молодежи».

12. «The Young Communist Internationale: Between the Fourth and Fifth Congresses». 1928, p. 145—146. Согласно этому источнику, число ячеек на предприятиях достигло максимума в марте 1926 г., а после этого постепенно уменьшалось.

13. См. главу 77.

14. «Коммунистический Интернационал», № 3 (129), 1928, с. 31—40.

15. «Humanité», June 4, 1928.

16. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 61, June 29, 1928, p. 1103.

Об этой конференции см. главу 77.

17. «Classe contre Classe», 1929, p. 132, 140, 144, 199.

18. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. II, с. 133—134.
19. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 43.
20. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 34, April 19, 1929, p. 799.
21. «VI Congrès National du Parti Communiste Français: Manifeste, Thèses et Resolutions» (п. д.), p. 44—45.
22. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (п. д.), p. 245—250.
23. Ibid., p. 617; «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 908.
24. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. II, глава 43.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

СОЦИАЛ-ФАШИЗМ

1. «Известия», 10 ноября и 28 декабря 1922 г.
2. «Protokoll über den Vierten Kongress der Kommunistischen Internationale». 1923, p. 920.
3. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933 г., с. 297, 357.
4. «Междущарствие, 1923—1924», глава 7.
5. Там же, глава 9.
6. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse». 1924, p. 69—70, 105—106. Об этом выступлении Зиновьева и резолюции см.: «Междущарствие...», глава 9.
7. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (п. д.), i, p. 67. Об этой речи см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 27.
8. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 448.
9. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 282.
10. «Die Internationale», vii, N 13, July 1, 1924, p. 419; N 24, December 1, 1924, p. 681.
11. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. I, глава 30.
12. Там же, глава 31.
13. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля—15 марта 1926 г.). Стенографический отчет». М.—Л., 1927, с. 228.
14. См. главу 79.
15. «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря 1926 г. Стенографический отчет». М.—Л., 1927, т. II, с. 76.
16. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 59.
17. «Die Internationale», x, N 8, April 15, 1927, p. 253; N 16, August 15, 1927, p. 492—498.
18. Ibid., xi, N 12, June 15, 1928, p. 439.
19. Об этой программе см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 71.
20. «Die Internationale», xi, N 11, June 1, 1928, p. 354—358; N 12, June 15, 1928, p. 430—435.
21. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 144. Об этом его выступлении см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 71.
22. «VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929, вып. I, с. 303.
23. Там же, вып. III, с. 45, 93.
24. Там же, с. 144.
25. См. главу 76.
26. Об этом конгрессе см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 73. В статье Кёнена, депутата рейхстага от коммунистической партии, опубликованной накануне открытия конгресса, делался вывод, что «социал-

фашизм все более и более становится открытой формой выражения СДПГ» («Internationale Presse-Korrespondenz», N 22, March 5, 1929, p. 464).

27. См. главу 76.

28. «Die Internationale», xii, N 10—11, June 1, 1929, p. 354—358; N 12, June 15, 1929, p. 387—391. В связи с празднованием сороковой годовщины Второго Интернационала в этом журнале была опубликована статья «От оппортунизма к социал-фашизму» (ibid., N 14, July 18, 1929, p. 449—457). Еще в одной статье, озаглавленной «Лицо германского социал-фашизма» (ibid., N 15, August 1, 1929, p. 481—491), приводилось предупреждение, сделанное Тельманом на XII съезде КПГ в июне 1929 г. (см. главу 76), и привлекалось внимание к возникновению в различных частях Германии национал-социалистских групп, на которые до сих пор не обращали внимания.

29. См. главу 76.

30. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. I, глава 72.

31. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 474, 582, 641.

Э. КАРР
ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

13

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Том 3
Часть I

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *Н. И. Шарганова*

Сдано в набор 14.02.89. Подписано в печать 03.05.89 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 20,19. Уч.-изд. л. 25,09. Кр.-оттиски 20,19
Изд. № 24/44515

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17

